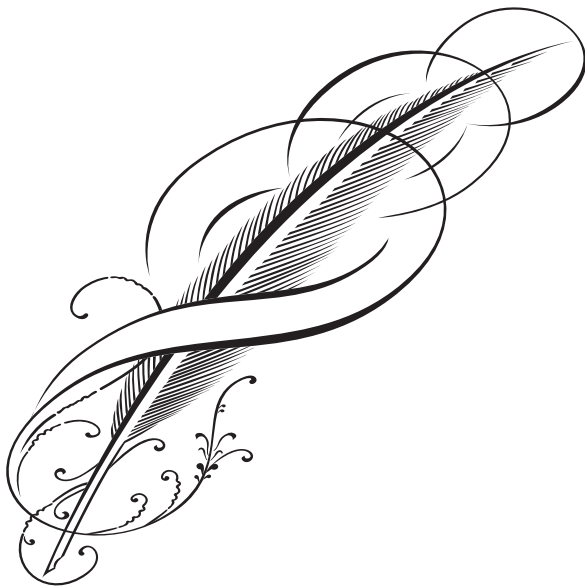

*Міністерство освіти та науки України
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна*

ХАРКІВСЬКИЙ ІСТОРИОГРАФІЧНИЙ ЗБІРНИК

Харків-2014

УДК 930 (082.1)
ББК 63.3я5
Х 21

*Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 7 від 27.06.2014)*

Редакційна колегія:

д-р іст. наук, проф. Посохов С. І. (головний редактор); д-р іст. наук, проф. Астахова К. В.; д-р іст. наук, проф. Богдашина О. М.; д-р іст. наук, проф. Журба О. І.; канд. іст. наук, доц. Івашенко В. Ю.; д-р іст. наук, проф. Каплін О. Д.; канд. іст. наук Кісельова Ю. А. (відповідальний секретар); канд. іст. наук, проф. Куделко С. М.; д-р іст. наук, проф. Орлов І. Б.; канд. іст. наук, доц. Павлова О. Г.; д-р іст. наук, проф. Петровський В. В.; д-р іст. наук, проф. Сінкевич Є. Г.

Редакційна рада:

д-р. іст. наук, проф. Астахова В. І. (Харків) – голова; д-р. іст. наук, проф. Болебрух А. Г. (Дніпропетровськ); д-р., доц. Дроснева Е. (Софія); д-р. іст. наук, проф. Зашкільняк Л. Й. (Львів); д-р. іст. наук, проф. Колесник І. І. (Київ); д-р. іст. наук, проф. Корзун В. П. (Омськ); д-р. іст. наук, проф. Кравченко В. В. (Едмонтон); д-р. іст. наук, проф. Маловічко С. І. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Меньковський В. І. (Мінськ); д-р. іст. наук, проф. Пиріг Р. Я. (Київ); канд. іст. наук, проф. Попова Т. М. (Одеса); чл.-кор. РАН, д-р. іст. наук, проф. Репіна Л. П. (Москва); канд. іст. наук, доц. Румянцева М. Ф. (Москва); д-р. іст. наук, проф. Удод О. А. (Київ).

Адреса редакційної колегії: 61022, Україна, м. Харків, майдан Свободи, 4, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, кафедра історіографії, джерелознавства та археології (5-56).

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 8073 від 29.10.2003 р.
Додаток до постанови Президії ВАК України про реєстрацію
від 06.10.2010 р. № 1-05/06

Харківський історіографічний збірник. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. – Вип. 13. – 328 с.

У черговому випуску наукового збірника зібрано статті з широкого кола проблем теорії та історії історичної науки та освіти.

Для викладачів, науковців, усіх, хто цікавиться історіографією.

На обкладинці використано літографію «Вічні птахи» члена Національної спілки художників України Н. С. Вербук.

УДК 930(082.1)
ББК 63.3.я5

ISSN 2079-9691

©Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна, оформлення, 2014
Автори, 2014

*Випуск збірника присвячено
50-річчю кафедри історіографії,
джерелознавства та археології
Харківського національного
університету імені В.Н. Каразіна*

РОЗДІЛ І

Проблеми інституалізації історіографії

УДК 378.4.096:930.2 (477.54)

С. И. Посохов

КАФЕДРА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ: ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

Статья посвящена 50-летию кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина – первой кафедры историографии в Украине. На этом примере автор анализирует процесс институализации историографии как учебной и научной дисциплины.

Ключевые слова: историография, кафедра историографии, Харьковский университет, институализация историографии.

Прежде чем начать рассуждать об институализации историографии и судьбе конкретной кафедры, обратим внимание на работы о типах и способах анализа интеллектуальных сообществ, которые относительно недавно появились на постсоветском пространстве [См.: 11; 23]. Хотя, безусловно, интеллектуальные сообщества привлекали внимание ученых достаточно давно. В частности, одну из первых типологий предложил Макс Вебер («целевой союз» и «институт»). Университетская кафедра сегодня (по крайней мере в своем восточноевропейском варианте) одновременно является и «целевым союзом» и «институтом», т.е. и неформальным и формальным сообществом. Это обусловлено тем, что, как правило, кафедра очень небольшой коллектив специалистов, где все друг друга хорошо знают. В рамках кафедры организовывается не только учебная и научная деятельность, но и досуг, празднования юбилеев и т.п. Отношения членов кафедры наполнены многими смыслами, которые непонятны со стороны. Во многом это и есть тот микроколлектив, который представляет собой первичную модель согласования личных и общих интересов. Вот почему так много зависит от правильного подбора сотрудников кафедры, которые должны уметь слушать друг друга и взаимодействовать. Но все же кафедра и, в известной степени, формальная структура («институт»). Она является своего рода «рамкой» для коллективного

портрета. Уже дисциплинарная заданность формирует подбор преподавателей, «способы мышления», традиции. В частности, на наш взгляд, историографический «взгляд на вещи» означает постоянную рефлексию: соизмерение результатов своей деятельности и провозглашенных целей, отслеживание реакции окружающих, актуализацию связи «учитель-ученик» и другое. Кафедра предполагает определенный ролевой набор и ранговое распределение. И, конечно, многое зависит от лидера. Понятно, что лучшим является тот вариант, когда формальный и неформальный лидеры соединены в одном лице. Все эти принципы и постулаты кажутся очевидными, но как непохожа судьба одной кафедры на другую. Многое в истории таких небольших коллективов определяется случаем. Включение в состав кафедры даже одного нового человека может существенно изменить «расстановку сил», внести нежелательный диссонанс или, наоборот, придать динамику развитию. На каждом новом хронологическом этапе изменяется возрастное соотношение, а, значит, меняются и роли, и иерархия. Но кто-то готов к этой новой «роли», а кто-то навсегда остается в своей прежней ипостаси. Другими словами, кафедра являет собой живой организм, который проходит свои стадии роста, время от времени «болеет», изменяется внешне и внутренне.

Об историографии как научной и учебной дисциплине написано немало. В том числе, в последние годы появились интересные работы о становлении и развитии историографии в университетах Украины [3; 9; 10; 18]. Неоднократно публиковались статьи и о кафедре историографии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина [22]. В данном случае попробуем еще раз осмыслить историю кафедры в связи с 50-летним юбилеем. Не претендуя на принципиальную новизну, будем считать этот текст «юбилейными заметками», призванными акцентировать внимание на ключевых моментах ее истории и действующих лицах. Учитывая же специфику сборника, прежде всего, сосредоточимся на развитии историографии как учебной и научной дисциплины.

50 лет назад (1 сентября 1964 г.) на историческом факультете Харьковского университета начала функционировать первая в Украине кафедра историографии, вспомогательных исторических дисциплин и методики истории. Инициатором ее создания стал профессор Виктор Иванович Астахов (1922–1972).

Сложно сегодня подробно рассказать о том, как и с кем обсуждалось это решение об основании новой кафедры. Однако есть немало данных для того, чтобы реконструировать основные моменты этого процесса. Прежде всего, следует упомянуть, что в июне 1963 г. основатель кафедры защитил докторскую диссертацию по монографии «Русская историография второй половины XIX века». Тогда он был доцентом кафедры истории СССР. Но интересоваться историографией В. И. Астахов начал еще на студенческой скамье. Известно, что его дипломная работа «Н. Г. Чернышевский в борьбе за материалистическое понимание истории» в числе лучших студенческих работ 1950 г. была отмечена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и Минвуза СССР. Со второй половины 1950-х годов уже как преподаватель Харьковского университета он продолжил свои занятия историографией и стал читать курсы лекций по историографии. Непосредственный астаховский ученик Ю. И. Журавский вспоминал: «Его лекции и семинарские занятия привлекали студентов своей глубиной, научностью и логикой, свежестью мысли, методическим совершенством, веселым и добродушным юмором, ораторским мастерством, искусством создавать в самых различных сюжетах по отечественной истории и историографии полемические ситуации, вовлекавшие в дискуссии аудиторию, возбуждавшие мысль, стимулировавшие поиски исторических истин» [5, с. 9]. В 1959 и 1962 г. В. И. Астахов издал две части курса лекций по русской историографии (в 1965 г., доработанные и дополненные, они были переизданы одной книгой). С февраля 1963 г. Виктор Иванович стал первым проректором университета и, в связи с этим, можно предположить, что и защита диссертации по монографии, и вопрос о создании новой кафедры для него были скорее «техническими» заданиями. И все же, не следует преувеличивать «проблему статуса». Ведь, в конце концов, он мог вполне защитить докторскую на другую тему, стать заведующим другой кафедры...

Нельзя не согласиться с коллегами в том, что вторая половина XX века стала началом нового этапа развития советской историографии и учебное пособие В. И. Астахова вполне соответствовало новым веяниям [15, с. 129]. Также заслуживает внимания тот факт, что оппонентами на защите выступили такие известные историки как П. А. Зайончковский и А. А. Зимин. Их отзывы были недавно опубликованы в «Харьковском историографическом сборнике» [21]. В частности, А. А. Зимин в своем отзыве отметил: «В. И. Астахов

пролагает новые пути в трудной области – историографии, которая начала развиваться только в последние годы. Назову обобщающие «Очерки истории исторической науки СССР» т. 2, работы В. Е. Иллерицкого, В. Л. Черепнина, А. Л. Шапиро и ряд других. И при всем этом В. И. Астахов сумел сохранить вполне самостоятельный творческий подход к изучению и освещению истории исторической науки» [6, с. 149]. Сегодня можно утверждать, что сам по себе интерес к историографии стимулировала атмосфера 1960-х годов, которая отличалась активизацией творческой мысли, поисками и надеждами. В. И. Астахов всеми своими личными качествами как нельзя лучше соответствовал этой эпохе. Он готов был «замахнуться» на самые грандиозные задачи, чутко реагируя на запросы времени и безошибочно определяя сердцевину проблемы. Стремление быть первым, «обойти» московских историков стало характерной особенностью его деятельности. Именно такой попыткой можно считать также книгу «В. И. Ленин – историк советского общества» (написана совместно с И. Л. Шерманом и издана в 1969 г.). Увы, уже в 1970-х годах в стране станут доминировать иные настроения, что отразится и на судьбе историографии. Хотя в 1972 г. и была создана подобная кафедра в Днепропетровском университете, но постепенно право развивать историографию будет закреплено исключительно за московскими исследователями, провинции осталось лишь «разрабатывать» предложенные ими выводы в рамках так называемой «проблемной историографии». Очевидно, что методологическая роль историографии понималась тогда исключительно как идеологическая. Не случайно, созданный в 1963 г. отдел историографии и источниковедения при Институте истории АН УССР через десять лет был реорганизован в отдел источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, в том же 1973 г. вышел последний выпуск ежегодника «Історіографічні дослідження в УРСР». Виктор Иванович уже не застал эти перемены, так как в июне 1972 г. скоропостижно скончался во время своей командировки в Москву.

Первоначально в составе кафедры было четыре преподавателя (В. И. Астахов, И. Л. Шерман, В. И. Бутенко, Б. П. Зайцев). Каждый из них занял свою учебную «нишу»: И. Л. Шерман сосредоточился на источниковедении, Б. П. Зайцев – на специальных исторических дисциплинах, В. И. Бутенко – на методике преподавания истории. В 1967 преподавателем кафедры (с почасовой оплатой) стал

Ю. И. Журавский, а с 1971 г. он стал штатным преподавателем. После смерти Астахова кафедру возглавил профессор Исай Львович Шерман (был заведующим до 1984 г.). Постепенно менялся состав кафедры: в 1975 г. В. И. Бутенко перешла на кафедру истории УССР, появились новые молодые преподаватели: С. М. Куделко и А. Ф. Репринцев. В середине 1970-х гг. в результате структурных перемен на факультете в состав кафедры на некоторое время были включены историки-медиевисты: Ю. А. Голубкин, Л. П. Калущая, А. И. Митряев и Г. В. Фризман. К слову заметим, что основной специальностью большинства из них была историография. В связи с этим, с 1975 г. по 1978 г. кафедра называлась «истории средних веков и историографии»¹. В мае 1978 г., после очередных структурных перемен, она стала называться «историографии, источниковедения и археологии», так как в её состав были включены специалисты-археологи: преподаватели Б. А. Шрамко, В. К. Михеев, А. Г. Дьяченко, сотрудники археологического музея университета А. К. Дегтярь и Л. П. Грубник-Буйнова. Этот симбиоз стал «органичным», поскольку в широком смысле объединил специалистов-источниковедов/памятниковедов. В истории кафедры можно найти немало примеров творческого взаимодействия между археологами и историографами. В частности, было опубликовано немало работ и осуществлялась подготовка диссертаций по историографии археологии (В. В. Скирда, М. В. Гречишкина).

Но вернемся к истории развития собственно историографии на кафедре. В 1970-е и до середины 1980-х годов ее горизонты во многом определял И. Л. Шерман. Собственно, уже с момента создания кафедры, по нашим наблюдениям, он существенно влиял на тематику научной работы. Вероятно, его мнение было важно и для В. И. Астахова. В частности, об этом свидетельствует тематика научных работ преподавателей и аспирантов кафедры, которые выполняли работы в рамках определенного понимания актуальных задач историографии, и даже направленность работы студенческого научного кружка (он возник в год создания кафедры и его руководителем стал И. Л. Шерман²). Первое, что бросается в

¹ Приказ об объединении кафедр датируется 24 июля 1975 г. (ГАХО. Ф.Р.2792. оп.21. д.1661. – Л.1). В новом формате кафедра начала работать с 1 сентября 1975 г.

² В отчете кафедры за 1964 г. отмечено: «Приступил к работе научный кружок по историографии, руководителем которого является И.Л. Шерман. Члены кружка работают над темами по проблеме “Вклад выдающихся советских историков в изучение истории СССР” (ГАХО. Ф.Р. 2792. Оп. 19. Д. 2391. – Л. 2).

глаза, это акцент на советской историографии. Очевидно, что это был «период Шермана»: в 1965 г. Исай Львович защитил докторскую диссертацию на тему «Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931)». Второе, это то, что в центр внимания был поставлен процесс изучения в советской историографии ключевых событий и процессов периода 1917 – 1930-х гг.: Октябрьская революция и гражданская война (Ю. И. Журавский, А. Д. Каплин), образование СССР (М. А. Малиновский), Брестский мир (М. З. Бердута), индустриализация (С. М. Куделко), коллективизация (В. И. Бутенко), государственное строительство (В. Г. Пикалов), подготовка кадров интеллигенции (А. Ф. Репринцев). В этом плане можно говорить о «магистральных» научных темах, которые определялись И. Л. Шерманом и которые в известном смысле формировали «лицо кафедры» в данное время. В 1976 г. результаты этих исследований частично были обобщены в учебном пособии «Советская историография истории СССР» (авторы И. Л. Шерман, С. Ф. Найда, В. И. Гриценко). Характеризуя И. Л. Шермана как историографа, его коллеги по кафедре отметили, что к историографии его влекли индивидуальные черты: «Прежде всего для И. Л. Шермана характерна склонность к обобщению. Он был выдающимся мастером синтеза, который сразу видел суть, коренное, отделял несущественные факты от основных. Вторая черта, которая столь же необходима историографу и которая была свойственна ему, – нешаблонность мышления. Каждую теорию, научную точку зрения он рассматривал с разных сторон, находя в них как достоинства, так и уязвимые места» [12, с. 109]. Как и для В. И. Астахова, для И. Л. Шермана было важным первым обозначить ту или иную проблему, высказаться по актуальному вопросу. Однако под конец жизни у него все больше нарастал скепсис, критическое отношение к результатам исследований других исследователей, что привело к определенной изоляции кафедры от сообщества историографов.

В 1984 г. заведующим кафедрой стал Юрий Иосифович Журавский. Он прожил сложную жизнь, но при этом не только сохранил, но и развил в себе лучшие человеческие качества. Ценитель и знаток литературы, поэзии, музыки он привнес на кафедру свою особую атмосферу. Впрочем, какое-то время он демонстрировал скорее некую «экстерриториальность», но как-то незаметно его

мнение стало определяющим, его стиль – образцом. В том числе, не столько его мнение, сколько общая направленность личности повлияли на изменения в тематическом спектре историографических исследований. Центр внимания переместился на историю науки, образования, культуры. В частности, активно и последовательно стала изучаться история Харьковского университета. Активно поддерживали такую переориентацию Б. П. Зайцев и С. М. Куделко. Но, следует заметить, что в это время и позже, уже после смерти Журавского, которая последовала в 1991 г., тематику историографических исследований в основном формировал Сергей Михайлович Куделко. В том числе это относилось и к аспирантам Юрия Иосифовича (Е. Г. Синкевич, С. И. Посохов). На сегодняшний день С. М. Куделко остается лидером на кафедре по количеству защищенных под его руководством диссертаций – 16. На первый взгляд, тематика этих диссертационных исследований, подготовленных под его руководством (или на предложенную им тему), бессистемна. Но это не так. Во-первых, подавляющее большинство из них имеет историографический характер (среди них лишь две источниковедческих). При более пристальном взгляде выделяются также несколько основных тематических блоков. В частности, это исследования жизненного и творческого пути харьковских историков: Н. Ф. Сумцов (А. А. Савченко), Е. К. Редин (Р. И. Филиппенко), А. П. Ковалевский (Н. М. Малиновская). Вообще, следует заметить, что еще «при Журавском» началась работа по сбору биографических сведений о харьковских историках [20]. В последующем выйдет полноценный, подготовленный вместе с библиографами Центральной научной библиотеки Харьковского университета, биобиблиографический справочник, в котором собраны биографии историков, работавших в Харьковском университете с 1905 по настоящее время [2; 7]. Этот справочник по сути продолжил работу, которая была осуществлена Д. И. Багалеем к 100-летию университета («Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)»). Также следует заметить, что книга, посвященная В. И. Астахову [24], вышедшая из печати в 2002 г. задала алгоритм для последующей серии изданий о преподавателях не только кафедры, но и факультета. На сегодняшний день издано более десяти книг, в том числе и о преподавателях кафедры: Ю. И. Журавском, А. И. Эпштейне и Б. П. Зайцеве [1; 4; 5].

Возвращаясь к тематике диссертаций аспирантов С. М. Куделко, можно выделить группу, где превалирует интерес к истории науки и образования в Харьковском университете (диссертации О. Г. Павловой, О. Л. Рябченко, С. В. Фролова, А. С. Коврижных). Постепенно у С. М. Куделко все больше обозначался интерес к региональной истории, краеведению, памятниковедению. Этому способствовали и его личные качества: интерес к окружающим его людям и пространству, событиям недавнего прошлого, активная жизненная позиция. Впрочем, это не означало, что историография его больше не интересовала. Справедливости ради следует заметить, что и другие преподаватели кафедры также активно включились в краеведческие исследования.

Можно предположить, что широкий спектр тематики диссертаций, выполненных под руководством С. М. Куделко, был обусловлен, как и у его учителя И. Л. Шермана, стремлением к первенству в постановке проблем, а также широтой интересов, поскольку, по словам самого Сергея Михайловича, как преподаватель он прочитал больше нежели другие разнообразных курсов и спецкурсов: от новой и новейшей истории Европы и Америки до исторической психологии. Заметим, что ряд важнейших для историка курсов стал читать на историческом факультете Харьковского университета именно С. М. Куделко: историческую географию, основы музееведения, методы исторического исследования. В каком-то смысле «тематическая всеядность» Сергея Михайловича создавала определенный простор для выбора научных тем, что вполне соответствовало новой эпохе второй половины 1980–1990-х гг., когда были разрушены многие барьеры, сдерживавшие творческий поиск.

И все же, следует признать, что историографическое направление на кафедре в начале 1990-х годов оказалась в глубоком кризисе. Уход из жизни Ю. И. Журавского совпал с распадом СССР и созданием независимой Украины, трансформациями в учебном плане и просто тяжелыми для выживания преподавателей высшей школы временами (когда правила бал галопирующая инфляция и месяцами не выплачивалась зарплата). Кафедру впервые возглавил археолог проф. В. К. Михеев, из остепененных историографов было лишь два кандидата наук (С. М. Куделко и А. Д. Каплин). Высказывались предложения о том, чтобы переименовать и, по

сути, перепрофилировать кафедру. В это время потребовались не только выдержка и находчивость, но и многие другие качества для оставшихся без очевидного лидера харьковских историографов.

Реагируя на вызовы времени, преподаватели кафедры вместо «историографии истории СССР» стали читать «основы историографии» (В. Г. Пикалов на стационаре и С. И. Посохов на заочном отделении). Это было принципиальное решение. За ним стояло понимание иных (нежели «регистрационно-библиографические») задач историографии. Заметим, что тогда «украинскую историографию» по традиции продолжал читать преподаватель кафедры истории Украины. Более того, это был авторитетный на факультете профессор И. К. Рыбалка, неоднократно высказывавший сомнения по поводу историографического профиля нашей кафедры. К счастью, в это трудное время свою руку помощи протянули коллеги-историографы из других городов Украины. Прежде всего, следует вспомнить В. Г. Сарбея – выпускника харьковского истфака, в то время ведущего научного сотрудника Института истории Украины НАН Украины. Его позиция и решимость членов кафедры убедили В. К. Михеева «оставить все на своих местах». Стремясь опереться на традицию и мнение ведущих историографов страны, преподаватели кафедры с 1992 г. стали организовывать «Астаховские чтения», с 1995 г. издавать специальный сборник статей (несколько позже получивший официальное название «Харківський історіографічний збірник»). В 1993 г. автор этой статьи защитил кандидатскую диссертацию в Днепропетровском университете. Хотя тема диссертации, казалось бы, вполне соответствовала традиционным подходам для кафедры 1970-х – первой половины 1980-х годов («Соціальна історія радянської науки (кінець 1920-х – початок 1940-х років: проблеми історіографії»), на самом деле это был путь к освоению методологии и методов науковедения. Об этом свидетельствует не только сам текст диссертации, но и последующие публикации как учебные [17], так и научные [16]. Благодаря защите этой диссертации состоялось знакомство с днепропетровскими коллегами: Н. П. Ковальским, И. И. Колесник, А. Г. Болебрухом, В. В. Подгаецким, Е. А. Черновым. Именно тогда началось то активное творческое взаимодействие историографов двух университетов, которое продолжается и сегодня. В 1995 г. состоялось также знаковое знакомство с историографом из

Одесского университета Т. Н. Поповой, приехавшей на конференцию в Харьков. В последующем круг общения только расширялся.

В 2001 г. В. К. Михеев решил перейти в другой вуз. Заведующим кафедрой стал С. И. Посохов. Стремление обеспечить кафедру докторами наук привело к интенсивной подготовке докторских диссертаций преподавателями кафедры. В частности, докторами наук стали А. Д. Каплин (дис. «Слов'янофільська ідея історичного розвитку Росії», 2005 г., Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина) и С. И. Посохов (дис. «Університети Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії», 2006 г., Днепропетровский национальный университет). Были приглашены на кафедру коллеги с докторскими степенями и «со стороны». Впрочем, это были совсем не «посторонние» кафедре люди. В частности, в начале 2000-х годов на кафедре начали читать спецкурсы проф. А. И. Эпштейн и проф. В. В. Петровский.

Постепенно возвращалось «кафедральное наследие». Так, в 2001 г. на кафедру вернулась В. И. Бутенко с курсом «методика преподавания истории», с 2002 г. на кафедру передали курс «украинской историографии» (читали доц. В. Л. Маслийчук и проф. В. В. Кравченко, с 2012 г. – проф. С. И. Посохов).

Введение специальности «архивоведение» в 1995 г. заставило несколько откорректировать тематику спецкурсов и диссертаций в сторону источниковедения. В частности, источниковедческие диссертации были защищены А. В. Меляковым, В. Ю. Иващенко, Г. Ю. Канищевым, Ю. Л. Селевич. Сотрудниками кафедры стала издаваться серия «Джерелознавчі зошити», где публиковались источники и исследования источниковедческого характера (на сегодняшний день опубликовано пять таких изданий).

Что касается тем историографических диссертаций, то они продолжали оставаться широкими, но определенная направленность все же прослеживается – это изучение периодической печати и публицистики, в том числе как историографического источника (В. В. Бездрабко, А. Ю. Парфиненко, Л. В. Филиппенко, А. О. Щерблякина, А. А. Бондаренко), проблемы институализации историографии как учебной и научной дисциплины (Ю. А. Киселева), изучение жизненного пути и творческого наследия харьковских историков (А. С. Куликова, С. А. Чухлий).

Важным событием в плане дальнейшей институализации историографии стала подготовка «Историографического словаря» [8]. Данный проект объединил многих авторов, но основу коллектива составили харьковские и днепропетровские исследователи. Словарь стал определенным историографическим явлением (хотя, возможно, и не особенно резонансным). Дело в том, что он не только еще раз засвидетельствовал дисциплинарный статус историографии, но и показал насколько эта дисциплина многопланова. По сути, словарь репрезентировал «наукovedческую», «литературоведческую» и «культурологическую» ипостаси историографии. Данное издание стало важным подспорьем в отстаивании такого взгляда на «многоликую» историографию и осуществлении преподавания в соответствии с предложенной концепцией [19].

За прошедшие годы более четкой стала учебная специализация преподавателей. В значительной степени она сегодня соответствует научным интересам членов кафедры. Так, преподавание историографии и методологии осуществляют С. И. Посохов и Ю. А. Киселева, архивоведение, источниковедение и специальные исторические дисциплины преподают А. Д. Каплин, В. Ю. Иващенко, С. М. Куделко, музееведение и краеведение – С. М. Куделко и О. Г. Павлова.

Также важно отметить, что кафедра последовательно отстаивала необходимость как можно более раннего ознакомления студентов с основами историографии и источниковедения [13; 14]. В результате, сначала С. И. Посохов, а затем и Ю. А. Киселева стали читать курс «введение в специальность» для студентов 1-го курса, где много внимания уделяется именно такого рода вопросам.

С начала 1990-х годов историографы кафедры работали в рамках научной темы «История и теория исторической науки и образования». В 2012 г. произошло ее изменение. После коллективного обсуждения было решено зарегистрировать следующую тему – «Проблемы историографии и интеллектуальной истории Восточной Европы в новое и новейшее время» (государственный регистрационный номер 0112U004748). Мотивировалось это тем, что практически все члены кафедры-историографы, помимо собственно историографических проблем (или в связи с ними) изучают и другие. Так, например, В. Ю. Иващенко занимается изучением мемуаристики и устной историей, А. Д. Каплин исследует творчество православных

религиозных мыслителей и в целом историю общественной мысли, О. Г. Павлова – историю искусствovedения, С. И. Посохов – историю университетской идеи.

Кафедра поддерживает широкие связи с ведущими научными учреждениями Украины, стран «ближнего» и «дальнего» зарубежья. В частности, в последние годы установились очень тесные продуктивные связи с ведущими московскими историографами: Л. П. Репиной, М. Ф. Румянцевой, С. И. Маловичко и др. Творческие контакты поддерживаются с историографами из других регионов и стран: Т. А. Булыгиной (Ставрополь), Элкой Дросневой (София), В. П. Корзун (Омск), С. И. Михальченко (Брянск) и др.

Результаты работы коллектива кафедры можно выразить в цифрах. За годы существования кафедры ее преподавателями и аспирантами только по проблемам историографии было защищено 30 кандидатских и 4 докторские диссертации, а общее количество опубликованных работ приближается к 2000. Увеличилось число научных публикаций студентов, а действующие на кафедре кружки превратились в настоящую школу молодых историков. Многие выпускники кафедры защитили докторские диссертации и в настоящее время работают в ведущих вузах: В. В. Бездрабко (Киевский национальный университет культуры и искусств), Н. Н. Демьяненко (Киевский национальный университет имени Т. Г. Шевченко), И. Б. Орлов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва), О. Л. Рябченко (Харьковская национальная академия городского хозяйства имени А. Н. Бекетова), Е. Г. Синкевич (Черноморский государственный университет имени Петра Могила, г. Николаев) и др.

С момента начала проведения рейтинга кафедр в Харьковском университете кафедра историографии, источниковедения и археологии занимает первые места среди 50-ти кафедр гуманитарного профиля (в 2006, 2007, 2009, 2012, 2013 – 1 место, 2011 – 2-е место, 2008, 2010 – 5-е место).

Важной задачей кафедры остается осмысление ее специфики, новых исследовательских горизонтов. В частности, как вполне осознанная цель, ставится задача формирования коммуникативной школы историографов, которую характеризуют «горизонтальные/сетевые связи», распределение труда и обмен научными достижениями, новый уровень коммуникации. Такая задача

фактически решается совместно с кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (заведующий – проф. О. И. Журба). Зримым проявлением этого стало согласование тематики «Астаховских чтений» и «Чтений памяти профессора Н. П. Ковальского». Конечно, говорить о сформированной школе пока рано: продолжается поиск актуальных научных проблем, представляющих взаимный интерес, наблюдаются попытки сформулировать масштабные научные задачи. На наш взгляд, наиболее перспективным делом для сплочения историографов может стать разработка методов историографического исследования. Кое-что в этом направлении уже сделано, например, предложена методика работы с историографическими образами. В современных условиях именно школа коммуникативного типа позволяет как нельзя лучше организовать кооперацию ученых, поскольку в этом случае общение происходит без фиксации возрастной разницы, без влияния условностей иерархии и давления неопровержимых авторитетов. Конечно, такой тип взаимодействия имеет и свои «минусы»: определенная конкуренция и непоследовательность исследовательских программ, сложности согласования подходов, подготовки и организации выполнения совместных научных проектов. И все же, по нашему убеждению, будущее именно за такой «школой».

Подводя итог, выразим надежду, что кафедра сохранит и приумножит свои лучшие традиции, что круг ее союзников и друзей будет только расширяться, что впереди будут новые позитивные результаты и новые юбилеи.

1. *Аркадий Исаакович Эпштейн. След на Земле: воспоминания* / сост. И. А. Широбокова, С. М. Куделко. – Х., 2012. – 208 с.
2. *Біобібліографічний словник учених Харківського університету* / Б. П. Зайцев, С. Б. Глибицька, С. М. Куделко, С. І. Посохов, В. Д. Прокопова. Т. 2. : Історики (1905–1920, 1933–2000). – Х., 2001. – 350 с.
3. *Болебрух А. Г.* Розширюючи дослідницькі обрії (до 30-річчя кафедри історіографії, джерелознавства та архівознавства ДНУ // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. – Дніпропетровськ, 2003. – С. 3–10.
4. *Борис Петрович Зайцев: воспоминания и библиография* / сост. С. И. Посохов, С. М. Куделко, М. В. Гречишкіна. – Х., 2012. – 140 с.
5. *Журавский Ю. И.* Виктор Иванович Астахов – профессор Харьковского университета // Страницы из жизни Учителя (В. И. Астахов в исследованиях и воспоминаниях). – Х., 2002. – С. 7–10.
6. *Зимин А. А.* Отзыв о докторской диссертации В. И. Астахова // Проблемы періодизації історії та історіографічного процесу: Харківський історіографічний збірник. – Х., 2002. – Вип. 5. – С. 149–154.
7. *Історики Харківського університету: біобібліографічний довідник (1905–2013 рр.)* / Бутенко В. І., Куделко С. М., Посохов С. І. та ін. – Х., 2013. – 284 с.
8. *Історіографічний словник : навчальний посібник для студентів історичних факультетів університетів.* – Х., 2004. – 320 с.
9. *Киселева Ю. А.* Становлення та розвиток історіографії як навчальної та наукової дисципліни в імператорському Харківському університеті. – Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2014 – 21 с.
10. *Колесник І. І.* Дніпропетровська історіографічна школа: спроба саморефлексії // Ейдос. – К., 2006. – № 2. – Ч. 1. – С. 381–404.
11. *Колесник І. І.* Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимізації культурної історії України. ХІХ століття // Український історичний журнал. – 2008. – № 1. – С. 169–193.
12. *Куделко С. М., Пикалов В. Г. И. Л. Шерман как историограф* // Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник. – Х., 2003. – Вип. 6. – С. 108–112.

13. Куделко С. М., Посохов С. И. Актуальные проблемы исторического образования в Украине // Сучасні технології навчання : наук.-метод. зб. – Х., 1993. – С. 59–65.
14. Куделко С. М., Посохов С. И. Историческое образование в Украине: тенденции и перспективы // Молодежь и реформирование общества (пути, методы, средства воспитания) : сб. науч. статей. – М. ; Х., 1993. – С. 282–288.
15. Пикалов В. Г., Куделко С. М. Судьба одной книги (к 50-летию учебника В. И. Астахова «Курс лекций по русской историографии») // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2008. – Вип. 9. – С. 129–135.
16. Пікалов В. Г., Посохов С. І. Історіографія як наукознавча дисципліна // Історична наука на порозі ХІХ ст.: підсумки та перспективи : матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15–17 листопада 1995 р.). – Х., 1995. – С. 72–76.
17. Пікалов В. Г., Посохов С. І. Основи історіографії (предмет, теорія, метод) : програма курсу та методичні рекомендації. – Х., 1994. – 18 с.
18. Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007. – 536 с.
19. Посохов С. И. Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в ХХІ век : матер. Междунар. науч. конф. – М., 2008. – С. 243–245.
20. Преподаватели исторического факультета Харьковского госуниверситета (1933–1991 гг.) : материалы к биобиблиографическому словарю / Ю. И. Журавський, Б. П. Зайцев, С. М. Куделко, С. И. Посохов. – Х., 1992. – 49 с.
21. Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу: Харківський історіографічний збірник. – Х., 2002. – Вип. 5. – С. 145–154.
22. Развитие историографии на кафедре: 1964–2004 (преподавание и исследования, итоги и перспективы) / С. М. Куделко, В. Г. Пикалов, С. И. Посохов // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2004. – Вип. 7. – С. 121–128.
23. Ретина Л. П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. – М., 2007. – С. 89–92.

24. Страницы из жизни Учителя (В. И. Астахов в исследованиях и воспоминаниях) / сост. В. И. Астахова, Е. В. Астахова, Б. П. Зайцев и др. – Х., 2002. – 176 с.
25. Юрій Йосипович Журавський. Спогади, документи, матеріали. – Х., 2008. – 160 с.

Посохов С. І. Кафедра як інституціональна спільнота: ювілейні нотатки

Стаття присвячена 50-річчю кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна – першої кафедри історіографії в Україні. На цьому прикладі автор аналізує процес інституалізації історіографії як навчальної та наукової дисципліни.

Ключові слова: історіографія, кафедра історіографії, Харківський університет, інституалізація історіографії.

Posokhov S. I. Department as an institutional community: commemorative notes

The paper is devoted to the 50th anniversary of the Department of Historiography, Source Studies and Archeology of V.N. Karazin National University – the first Historiography Department in Ukraine. On this example, the author analyzes historiography institutionalization process as an academic and scientific discipline.

Keywords: historiography, Historiography Department, V.N. Karazin National University, historiography institutionalization.

УДК 378.22:930 (470+571)

Н. Н. Алеврас

МАГИСТРАТУРА

В КОНТЕКСТЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ ИСТОРИКО-НАУЧНОГО
СООБЩЕСТВА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Исследуется история возникновения и развития научного интереса в историографии XX века к проблемам российской системы профессиональной подготовки ученых-историков. В центре внимания автора находится институт магистратуры в университетах Российской империи второй половины XIX – начала XX в., рассмотренный как предмет историографического анализа в опыте российских и зарубежных историков. Автор выражает и собственное понимание смысла, места и значения данной институции с позиций институционального, антропологического, коммуникационного, науковедческого и историографического подходов.

Ключевые слова: магистратура, диссертационная культура, историко-научное сообщество, историография, университеты России, ученый-историк, диссертация.

Институт магистратуры, как важнейший инструмент подготовки научных кадров и органичный элемент диссертационной культуры российских университетов, приобретал свой нормативный статус в течение всего XIX века, но наиболее заверченный его вид сложился в период действия последних университетских уставов 1863 и 1884 годов. К этому времени институт магистратуры не только получил правовые основы, но был обогащен университетским опытом и оригинальными практиками подготовки магистрантов: отбором претендентов на получение «профессорского звания» и организацией их научно-исследовательской деятельности, завершавшейся созданием и публичной презентацией диссертации (магистерским диспутом). Выработанные самим университетским сообществом правила и

© Н. Н. Алеврас, 2014

принципы интеллектуальных коммуникаций в виде этики научной жизни, критериев научности, а также ритуалов, сопровождавших различные события научной жизни, составляли социокультурный базис функционирования данной институции. По завершении процедурного движения успешно защищенная диссертация становилась для соискателя не только нормативной основой присуждения ученой степени магистра, но и неформальным пропуском-маркером вхождения в науку и научное сообщество, нередко определяя перспективы его научной карьеры и судьбы.

Данная университетская институция, вобрав в себя норму, опыт и традицию университетской жизни (некоторые современники не без оснований относили эту сферу к области университетского быта [см.: 40, с. 1–34]), может быть рассмотрена в разных ракурсах. Она предстает и как социальный инструмент интеграции молодого ученого в корпоративную среду, и, одновременно, как социокультурный, интеллектуальный феномен научной повседневности. Институт магистратуры составлял ядро схолярных коммуникаций, являясь источником создания неформальных статусов: научных руководителей – учителей и готовящихся к «профессорскому званию» – учеников.

Цель и результат магистерского отрезка жизни молодого ученого, а именно: созданный им научный продукт – диссертация является выражением когнитивно-интеллектуального потенциала той или иной дисциплинарной субкультуры университетской корпорации, с которой он был генетически связан. Данный ракурс выражает смысл социо-когнитивного подхода, характерного для исследований процессов институционализации в истории науки [см.: 56, с. 218–256; 48, с. 134–149].

Лаконично выраженное представление о сущности интересующего нас явления научной культуры и акцентуация некоторых подходов к его изучению основываются на идеях, которые повлекли существенные изменения в представлениях ученых относительно того, что и как изучать в истории науки [см.: 46]. В частности, к изучению социальных институтов подходят с позиций микроаналитической стратегии, подвергая их многомерному анализу как социокультурные феномены [см.: 9].

С учетом известной трансформации теоретико-методологических аспектов исторического знания последних десятилетий особый

интерес вызывает историографическая ситуация, связанная с изучением интересующего нас института университетской культуры дореволюционной России. Обращение к историографическому ракурсу истории магистратуры неизбежно выводит на блок исследований проблем функционирования диссертационной системы в целом. К числу актуальных сюжетов, составляющих их контекст, относятся: формирование научных кадров высшей квалификации в системе университетской культуры, опыт подготовки диссертаций и традиции их защит, законодательные основы присуждения ученых степеней и званий и др.

Рефлексивный взгляд на состояние в дореволюционной России организационно-экспертной культуры защит диссертаций и подготовки научных кадров в сфере исторического знания был характерен уже для современников [см.: 3, с. 221–247], представивших свои критические суждения об этом в периодике, публицистике, материалах дебатов министерских комиссий. Особенно выразительно актуализация отмеченных аспектов проявляется на рубеже XIX–XX веков, когда динамика защит диссертаций, в том числе в корпоративной среде ученых-историков, четко фиксирует тенденцию роста их количества [3, с. 227–228, 243, примеч. 67.].

Трансформация культуры и системы образования после Октябрьской революции 1917 г. спровоцировала новую рефлексивную реакцию в условиях кампании советской власти по ликвидации ученых степеней и званий. В конце 1910-х – 1920-е гг. она проявлялась, вероятно, втуне: в частных разговорах, переписке, дневниковых и мемуарных свидетельствах об университетской жизни, не всегда писавшихся для публикации. Ситуация несколько изменилась в середине 1930-х гг., когда начался процесс возвращения к дореволюционной практике формирования научно-преподавательских кадров [см.: 28; 29, с. 73–75]. Полузабытый опыт дореволюционных университетов пытались было возродить при помощи воспоминаний, теперь уже предназначенных для печати. Статья мемуарного типа, написанная физиком и химиком И. А. Каблуковым (1935) [27, с. 96–102], раскрывающая традиции подготовки к «профессорскому званию» молодого поколения ученых и организации защит диссертаций в виде научных диспутов, могла появиться именно в этой связи. Близка по целевым установкам рукопись подобного характера антиковеда

С. А. Жебелёва (1935) [20, с. 146–194], освещающая эти процессы в среде историков¹. Интересны в этом же отношении свидетельства И. Л. Беленького [см.: 8] о середине 1930-х гг., как начале составления Г. Г. Кричевским, ставшим впоследствии крупным советским библиографом, уникального справочника о диссертациях, созданных в дореволюционных российских университетах.

Перечисленные свидетельства актуализации дореволюционного опыта – это лишь минимум известных мне на данный момент прямых реакций современников на начавшееся возрождение практики присуждения ученых степеней. Не вызывает сомнения, что основой этих и подобных им обращений к памяти как источнику информации являлось стремление современников запечатлеть и передать для новых поколений ученых актуальный научно-институциональный опыт российской культуры. Практики своеобразных коммемораций и научно-библиографических разысканий могли бы стать стартом, определившим начало формирования историографии дореволюционной диссертационной культуры. Однако общая ситуация середины 1930-х гг. не содействовала этому. Очевидно, что в силу известных политико-идеологических причин и предубеждений относительно опыта дореволюционной («буржуазной») науки, публикации, которые бы продолжили линию припоминаний учеными состояния дореволюционной диссертационной культуры, не получили поддержки. Поэтому-то, рукопись Жебелёва легла в стол автора. Данная тематика в советское время еще долгое время оставалась не востребованной для историко-научных разработок. Только на уровне создания библиографических справочников и продолжавшейся аналитической работы в этом направлении Г. Г. Кричевского [см.: 31], интерес к теме поддерживался в 1940-е гг.

В специальных работах историков 1960–1970-х гг., создававшихся в условиях начавшегося подъема интереса к науковедческим исследованиям, была начата разработка новой на тот момент проблематики истории университетов, студенчества, профессуры (как слоя интеллигенции) [37, с. 59–61], но тема магистратуры, подготовки и защит диссертаций еще не приобрела актуальности. Несомненно, обращение к сообществам университетской среды,

¹ Заметим, что немало страниц С. А. Жебелёв посвятил описанию практик формирования круга претендентов «к оставлению в университете», положения и статуса магистрантов, опыта сдачи магистерских экзаменов, подготовки и защиты ими диссертаций.

как объекту изучения, явилось тогда важным научным заданием, который стал основой для развития дальнейших линий истории университетской культуры. Однако в то время применительно к университетским аспектам жизни в центре внимания оставались приоритетные темы – история «политики самодержавия», социально-политических настроений и движений в университетской среде. Вместе с тем, в эти годы в опыте изданий библиографической литературы, ориентированной на историю защит диссертаций [см., например: 47], а значит косвенно – магистратуры, можно уловить влияние ранних идей Кричевского. Следовательно, интерес к теме по истории диссертаций, так или иначе, поддерживался научным сообществом.

С позиций несколько иных задач диссертационная тематика прозвучала в фундаментальной монографии М. В. Нечкиной, посвященной творчеству В. О. Ключевского. Тщательно прослеживая контекст творческой деятельности историка, Нечкина впервые подвергла обстоятельному анализу содержание обеих диссертаций историка [44, с. 124–248] и выявила типичные источники, позволяющие репрезентировать магистерский и докторский отрезок его жизни. В ее монографии предстает и процесс подготовки диссертаций, и описание диссертационных диспутов, а в целом – намечена модель изучения диссертационной истории ученого-историка. Однако диссертация, как особый вид и научный продукт исследовательской деятельности, связанная с карьерным и профессиональным движением ученого, а ее защита как социокультурный феномен особой природы не артикулировались ею.

Дореволюционный опыт университетской магистратуры начинает привлекать специальное и явно выраженное внимание отечественных историков лишь с 1980-х гг. Можно полагать, что появление интересующих сюжетов не было случайным: оно пришлось на период активизации в СССР исследований в области науковедения и истории науки [см., например: 21; 38, с. 41–43]. Этот поворот усиливался в атмосфере ослабления идеологического диктата и начавшейся внутривластной «перестройки».

Первые специальные сюжеты по истории науки, вводящие нас в интересующую тематику, по нашим наблюдениям появляются в книге Е. В. Соболевой [54]. Отдельную главу автор посвятила

изучению подготовки научных кадров и рассмотрела, во-первых, нормативные основы присуждения ученых степеней и званий, во-вторых – «институт “профессорских кандидатов”» [см.: 54, с. 170–241], то есть то, что можно отнести к институту магистратуры. Одной из первых в последнем сюжете она обратилась к теме организации практик зарубежных научных командировок начинающих ученых, предпринимаемых, как правило, для подготовки магистерской диссертационной работы. Трудно переоценить значение этой монографии с позиций предложенной ею структуры. Она, по сути, наметила новые перспективы институциональных исследований в области истории науки и предложила основательную источниковую базу в виде законодательных актов, документации МНП, представленной архивными фондами и публикациями, очертившими пространство для дальнейшего историко-научного опыта.

Почти в это же время Г. Г. Кричевский (1984) завершает в виде рукописи свой библиографический справочник по защищенным диссертациям [см.: 32]. Именно этот уникальный библиографический труд можно считать поистине стартовым фактором в историографии темы, которую мы определяем как «диссертационная культура». Известная статья (1985) об ученых степенях подвела итоги его многолетних библиографических разысканий [33, с. 141–153]. Оригинальную источниковую информацию о защищенных диссертациях (по всем специальностям и во всех университетах страны) Г. Г. Кричевский использовал для систематизации и изучения истории создания системы ученых степеней и званий в российских университетах. Будучи не только библиографом, но и историком по своему базовому образованию, он существенное внимание уделил сюжетам из истории защит диссертаций и присуждений ученых степеней в историко-научном сообществе. Намеченные им аспекты из истории российской науки тогда оставались совершенно новыми. Но и в тот момент специальная тема подготовки магистрантов и сопутствующая ей «диссертационная» проблематика оставалась на периферии внимания ученых.

Ситуация стала меняться с начала 1990-х гг. Новый социально-политический и социокультурный поворот, пережитый в те годы обществом, существенно трансформировал аксиологические основания и проблематику гуманитарных исследований.

Продолжением библио-историографической инновации Кричевского по истории науки стали труды А. Е. Иванова – по истории высшей школы и ученых степеней в России [22; 23]. В рамках наших интересов особое значение имеет вторая монография, существенно обогатившая палитру проблематики истории университетского образования и науки как нераздельных институциональных структур. Богатый источниковый материал монографии обильно иллюстрирует нормативную основу университетских уставов фактами их реализации в области деятельности научного сообщества и соискателей ученых степеней, направленной на создание диссертационных исследований и их защит. Особое значение для рассматриваемой темы имеют третья и четвертая главы книги [23, с. 71–186], впервые обстоятельно и фундаментально открывшие научному сообществу дореволюционную систему подготовки соискателей к достижению ученых степеней (институт магистратуры) и традиции защит диссертаций.

Тема присуждения ученых степеней и сюжеты, связанные с описаниями диссертационных диспутов оказались в монографии А. Е. Иванова органично соединены, создавая ощущение знакомства с «живыми» судьбами ученых и их диссертационными историями. Предложенный подход к теме, сюжетные линии и стилистика данного исследования, несомненно, демонстрировали поворот в изучении проблем истории науки. Характерна позитивная реакция тогдашнего научного сообщества на выход книги. Среди откликов выделяется рецензия П. В. Волобуева [13, с. 268–276] – академика-историка, представителя «нового направления» в историографии. Обстоятельный анализ книги А. Е. Иванова свидетельствует, что известный ученый, и сам обращавшийся к теме истории науки [см.: 12], не только отметил ее актуальность и высокий уровень, но с глубоким эмоциональным чувством открывал для себя малоизвестные ранее страницы из истории научной жизни дореволюционных университетов. Разделы, посвященные институту магистратуры и защитам диссертаций, он читал «с захватывающим интересом». Особенно его привлекли сюжеты из истории опыта подготовки магистрантов и выработки в университетской среде системы различных требований и «испытаний», которые формировали высокие профессиональные качества «профессорских стипендиатов» [13, с. 270–271].

Интересно заметить явную потребность Волобуева сопоставить уровни магистратуры и всей дореволюционной диссертационной системы с советским, в том числе современным ему, опытом. Его симпатии склонялись в пользу дореволюционной практики [13, с. 272]. Таким образом, исследованная в монографии проблематика вызывала не только сугубо научный интерес, но и наделялась практическим значением, актуализируя задачи совершенствования современной системы подготовки аспирантов к приобретению высоких профессиональных качеств.

В 1990-х гг. появляются знаковые для понимания методологических исканий современной историографии публикации [см.: 7; 30; 55]². Они знаменовали движение истории историографии по пути поисков антропологической (социокультурной) версии истории науки. Новый научный вектор к концу XX в. содействовал консолидации определенной части российских историков и историографов вокруг идей интеллектуальной истории. История диссертационной культуры и, в том числе, дореволюционной магистратуры вписываются нами в это продолжающееся движение.

Обращение к аспектам научного и историографического быта, характерного для этого времени, позволяет конструировать научную повседневность, а деятельность историка на поприще процесса создания и защиты диссертации, в том числе на отрезке его магистерского пути, воспринимать как органичный элемент каждодневной жизни научного сообщества. Одновременно, диссертация как тип научного исследования с особым – научно-квалификационным статусом, может рассматриваться в качестве образцовой штудии на каждый данный момент истории историографии среди других научно-интеллектуальных результатов деятельности ученых. В диссертациях, выставляемых на суд научного (и не только) сообщества, концентрируется весь спектр идей в области теории, методологии, концептуальных интерпретаций истории, а потому они могут служить неким мериллом для понимания тенденций развития научно-исторического знания и культуры его репрезентации.

Воронежская историографическая традиция (научная школа В. И. Чеснокова) – являлась одной из заметных в 1990-е гг. линий,

² В данном случае ссылки на круг историографических работ данного времени намеренно ограничены задачами и основными сюжетными линиями статьи.

с которой связано изучение истории российских университетов [см.: 50] и процессов подготовки ученых высшей квалификации [см.: 57. Переиздано: 25, с. 113–137; 58, с. 75–85]. Новым историографическим фактом середины 1990-х г. следует считать и появление Харьковского историографического сборника (с 1995 г.), ставшего важной коммуникативной площадкой для презентации украинских и российских историографических проектов. Один из современных лидеров украинских коллег, редактор данного издания – С. И. Посохов, специалист по истории российской университетской дореволюционной культуры, в недавней статье также обратился к проблемам по историко-диссертационной тематике [49, с. 131–152]. История защит диссертаций актуализируется автором посредством обращения к этической стороне этого сегмента историографического быта. Процесс и результаты защит диссертаций представлены им в контексте системы ценностей, принятых в научном сообществе и в реалиях своего времени с учетом профессионально-доктринальных, общественно-политических, религиозных предпочтений и особенностей личностных моральных качеств участников диссертационных историй.

Характеризуя историю историографии относительно интересующих нас аспектов в 1990-е гг., нельзя специально не остановиться на существенном вкладе в их изучение со стороны зарубежных коллег. Еще в 1990 г. известный американский историк-русист Т. Эммонс опубликовал статью [62, с. 45–61] об учениках Ключевского и критериях определения их круга. Уже тогда она произвела заметное впечатление тем схолярным ракурсом, который историк спроецировал в ней, задав некую модель изучения творчества лидера научной школы и его учеников в процессе их внутришкольной коммуникации. Практически все труды учеников Ключевского, рассмотренные Эммонсом, представлены их магистерскими диссертациями. В 1998 г. появилась книга немецкого историка Т. Бона, также обращенная к школе Ключевского. Для широкого круга отечественных историков она стала известна после ее переиздания в России (2005) [10]. Масштабно обозначенная тема книги («Русская историческая наука...») и ее многообразные сюжетные линии, в значительной мере, сосредоточивают внимание на истории подготовки профессиональных кадров ученых-историков в российских университетах, проиллюстрированных таким феноменом

как школа Ключевского («Московская школа»). Продолжая, по сути, схолярную линию Т. Эммонса, Т. Бон детализировал и попытался определить особенности и место институций и традиций в опыте российской университетской культуры. Среди них – выдвижение претендентов в категорию «оставляемых для подготовки к профессорскому званию», магистратура, приват-доцентура, создание диссертаций, диссертационный диспут, присуждение ученых степеней, особенности взаимодействия учителя и учеников и др. На момент первого издания монографии эта тематика в российской историографической практике оставалась еще мало разработанной.

Статья американского профессора Т. Сандерса (1999), переизданная в 2012 г. [51, с. 161–192], еще более фокусирует внимание на проблемах диссертационной культуры. Получив возможность ознакомиться с ней после появления российского издания, уже тогда, когда у меня и моей коллеги и соавтора (Н. В. Гришиной) вышло несколько статей на эту тему, стало ясно, что наши интересы почти сомкнулись с проектом Т. Сандерса. Американский историк, иллюстрируя статью целой серией диссертационных историй, концентрирует внимание на процедуре защиты диссертации, рассматривая ее как институциональный фактор посредством введения понятия «институт диспута». Одновременно историк прослеживает развитие социокультурной функции этого института, которая в общественно-политических условиях России середины и второй половины XIX в. трансформирует его в инструмент иного действия, чем это задумывалось МНП при его создании: он приобретает социальную актуальность. Действительно, трибуна диссертационного диспута была легитимирована принципом университетской автономии (хотя и относительной), становясь для представителей научного сообщества и способом выражения своей, как это заметил Т. Сандерс, «социальной идентичности», и местом актуализации общественно-политической злобы дня. Хотелось бы вместе с тем заметить, что такой упомянутый историком элемент диспута как диссертационная речь соискателя [51, с. 177], может одновременно рассматриваться и как способ научной самоидентификации ученых [см., например: 4, с. 276–286]. Самые высокие образцы выступлений (речей) соискателей-магистрантов на диспутах становились источником инновационных теоретико-

методологических идей. Мне приходилось подчеркивать эти моменты в статье для научного альманаха «Эйдос» [6, с. 150–159]³.

С начала 1990-х гг. параллельно названным направлениям осуществлялась разработка проблем исторического опыта присуждения ученых степеней и званий, начатых еще библиографическим проектом Г. Г. Кричевского. Отмечу инициированный А. Н. Якушевым научно-практический проект [см.: 63; 64], нацеленный на три основных аспекта. Во-первых – на переиздание фрагментов рукописи библиографического справочника Кричевского по отдельным научным специальностям [см.: 34], во-вторых – на издание комплексов нормативных документов по истории присуждения ученых степеней [см.: 65]. Переиздание рукописи Кричевского квалифицировалось авторами как «посмертное издание». Этот факт нельзя особо не отметить в связи с коммеморативными мотивациями проекта. Однако научная и археографическая культура этих переизданий, к сожалению, далека от образцового исполнения.

Третий компонент проекта связан с осуществлением серии диссертационных исследований [см.: 14; 15; 35], целеустремленных, главным образом, к характеристике нормативных оснований существовавшей в дореволюционной России системы защит диссертаций и присуждения ученых степеней. Сознательно ограничивая в примечаниях чрезвычайно обширный список публикаций авторов, входящих в это направление [подробнее см.: 11, сноски 9–12], отмечу, что оно представлено преимущественно специалистами юридического профиля, а содержательно ориентировано на историю университетского законодательства и институциональных структур, имеющих отношение к научно-образовательной сфере. Задачи этих исследований идейно и методологически не совпадают с нашим замыслом. Соглашусь с мнением Е. Вишленковой и К. Ильиной, что «в силу довольно аморфной аналитической рамки» эти историко-правовые исследования «не сделали историко-культурных открытий, а потому оказали слабое влияние на историографию темы» [11].

Знаменательно, что начавшийся реформационный процесс современной образовательной системы высшей школы, вызвал определенный интерес к истории магистратуры [см.: 36]. Но

³ Раздел статьи «Диссертационная речь как творческое откровение».

указанная в ссылке статья Л. И. Лебедевой, отражает факт недопонимания функции магистратуры XIX в. Настораживает уже первое ее предложение, ошибочно отождествляющее смысл дореволюционной и современной магистратуры: «Магистерская подготовка в России, прекращенная в 1917 г., возобновилась в 1993 г.» [36, с. 297].

Интерес к диссертациям как объекту исследования традиционно сохраняется в среде библиографов и специалистов библиотечного дела. Н. М. Кабанова обозначила это направление как «диссертациеведение» [25; 26].

Иные задачи и методологические подходы по теме «диссертация» сформировались в системе историографических исследований первого десятилетия XXI в. В рамках данной дисциплинарной области возник повышенный интерес к изучению становления историка-профессионала в процессе университетского обучения. Разработки схолярной проблематики усилили его, создав условия для появления сюжетов, связанных с изучением проблематики, концептуальных и методологических основ, историй создания и защит диссертационных работ. Появление серии статей и монографий о научных школах В. О. Ключевского, В. И. Герье, М. И. Гревса, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского и др., характерное для этого времени, убедительно показало, что центральное ядро «диссертационной» и «профессорской» культур составляет институт магистратуры, являющийся соединительным мостом между ними. Не случайно, В. П. Корзун и Т. А. Сидорякина, подчеркнули, что профессорская культура, будучи нацеленной на «производство и трансляцию научного знания», была прочно связана с нормами и традициями защит диссертаций и присуждением ученых степеней [29, с. 67–69].

Среди комплекса монографических исследований по схолярной проблематике отмечу два из них, принадлежащих Н. В. Гришиной [см.: 17] и А. В. Свешникову [см.: 52]. В центре их внимания – плеяда учеников-магистрантов знаменитых историков – В. О. Ключевского и М. И. Гревса соответственно. Авторы интересуются способами и традиции взращивания ученых-историков молодого поколения, опыт и практики их взаимодействия с учителями, результаты этого взаимодействия в виде защищаемых ими диссертаций. Введенное А. В. Свешниковым понятие «школообразующая практика»

и аналитические описания Н. В. Гришиной диссертационных и карьерных историй представителей магистрантского корпуса заставляют фокусировать внимание на институте магистратуры как феномене научной, институциональной, коммуникативной и социокультурной природы.

Констатируя факт заметного роста современных исследований, подступающих к границам предметного пространства истории диссертационной культуры, отмечу, что зарождение собственного интереса к этой теме можно отнести к началу 2000-х годов. Первоначально он проистекал из интуитивного ощущения несправедливого забвения на страницах тогдашних учебников по историографии и многих историографических исследований внушительного количества защищенных диссертаций историков. Поэтому-то статья Т.Эммонса в свое время предстала как откровение. Но целенаправленное обследование архивных фондов историков и формирование предварительной программы исследования удалось начать только в 2010 г. при самом активном соучастии моей младшей коллеги – Н. В. Гришиной.

Опыт погружения в источники показал, что тема «Диссертация по истории...», какой она предварительно формулировалась, требует выработки контекстуального подхода и специфической терминологии. Так возникло понятие «диссертационная культура», определение которой впервые было дано в нашей совместной статье [см.: 3, с. 222]. Но собственно презентация проекта была осуществлена чуть раньше – на страницах «Мира историка» [1, с. 9–21], сразу после первых эвристических опытов. В этом же выпуске сборника мы опубликовали тексты некоторых источников, связанных с защитами магистерских диссертаций – Г. В. Вернадского и А. А. Кизеветтера [1, с. 367–384; 16, с. 388–393]. Для редакторов сборника наша идея стала поводом актуализировать тему «диссертация» в контексте рефлексий «прошлое и настоящее». Более чем дюжина статей и документальных материалов, появившихся в этом издании на заданную тему, требуют специального обзора [39, с. 9–232], но хотелось бы подчеркнуть данным фактом поддержку научным сообществом предложенной проблематики.

Тема диссертаций и их защит в последние годы актуализировалась под воздействием общих проблем реформирования высшего образования в связи с переходом на так называемую Болонскую

систему, скандальными историями, связанными с фактами плагиата в диссертациях и критикой работы ряда современных диссертационных советов. Характерно в этой связи появление специального блока статей «Университетские истории: реформа как традиция?» в «Новом литературном обозрении» [см.: 45]. Здесь проблема института диссертации и ученых степеней рассматривается в различных аспектах: и как существенный элемент университетской/вузовской системы, и как актуальная научно-исследовательская проблема. В статье Е. А. Вишленковой и К. А. Ильиной [11], примыкающей к этому блоку, дан краткий историографический обзор под характерным названием «Диссертация как объект изучения», который следует признать первой попыткой выявления историографических вех складывания интереса к этой проблеме и обозначения современной историографической ситуации. Но тема российской магистратуры XIX века, не стала в нем отдельным сюжетом.

Наша специальная попытка акцентировать внимание на данной институции сделана на одной из историографических конференций 2012 г. [5, с. 169–171]. Детализация дореволюционного опыта выявления и рекомендации кандидатур в магистратуру, изучение судьбы этого института в процессе его трансформации в аспирантуру советского времени представлены в работах Н.В. Гришиной [см.: 18, с. 172–180; 19]. Социальный статус, поведенческие и жизненные стратегии дореволюционных «аспирантов-историков» исследуются А.В. Свешниковым [53, с. 164–171].

Подводя итоги обзора, заметим, что сформулированная тема истории ученых степеней и званий применительно к пореформенному времени, будучи актуализированной в 1930-е гг. в связи с прагматическими задачами возрождения опыта дореволюционных университетов, подвергалась впоследствии существенной трансформации. В историографии 1960–1990-х гг. формировалось несколько перспектив ее дальнейшего развития в рамках истории науки, высшего образования, изучения историко-правовых оснований научной деятельности. Рубеж XX–XXI вв. став началом широкой волны социокультурных исследований в гуманитаристике, содействовал расширению предметных границ историографических исследований. Тема ученых степеней и званий подверглась диверсификации, будучи приспособленной к задачам обновления

и углубления представлений о таких областях истории исторической науки, которые позволяют понять основы функционирования историко-научного сообщества, реконструировать источники его саморазвития, коммуникативную систему, процесс формирования научного знания, опыт подготовки историка-профессионала, его профессиональный и карьерный путь. Именно в этой ситуации стали намечаться новые сюжетные линии, в том числе и тема диссертационной культуры как отдельной университетской системы. Одним из базовых ее элементов стал институт магистратуры. Процесс его изучения перспективен не только как специальный предмет исследования, но и в контексте исследований научных школ и такого историографического феномена как «профессорская культура». Новые подходы существенно обогатили видовую палитру источникового обеспечения проблемы. Несомненное ядро ее документального комплекса составляет интеллектуальный результат магистерской подготовки – магистерские диссертации. История их создания, разработка методик и критериев историографического анализа их проблематики, научных идей, методологий и концептуальных построений – почти нетронутая и актуальная проблема, еще ожидающая ученых-историографов.

1. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 9–21.
2. Алеврас Н. Н. Речь на магистерском диспуте Г. В. Вернадского в контексте его диссертационной истории (к публикации источника) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 367–384.
3. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2011. – Вып. 36. – С. 221–247.

4. Алеврас Н. Н. Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 276–286.
5. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Российский корпус магистрантов-историков: проблемы конструирования корпоративной институции и образа магистранта (вторая половина XIX – начало XX в.) // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ : материалы всероссийской научной конференции. – М., 2012. – С. 169–172.
6. Алеврас Н. «...Мир вещей в пространстве диссертационной культуры» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / гол. ред. В. Смолій ; відп. ред. І. Колесник. – К., 2011/2012. – Вип. 6. – С. 136–159.
7. Александров Д. А. Историческая антропология науки // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4. – С. 3–22.
8. Бельский И. Л. «Вникать в названия неизвестных книг...». Памяти Г. Г. Кричевского [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:upafiz:7>
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – 323 с.
10. Бон Т. Русская историческая наука /1880–1905 г./ . Павел Николаевич Милюков и Московская школа / пер. с нем. Дм. Торицина. – СПб., 2005. – 272 с.
11. Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость [Электронный ресурс]. // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
12. Волобуев П. В. Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. – № 3.
13. Волобуев П. В. [Рецензия] // Вестник Российской академии наук. – 1996. – Т. 66. № 3. – С. 3–17. – Рец. на кн. : Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М., 1994. – 196 с.
14. Воронаев И. Г. Порядок присуждения учёных степеней в России и СССР (1802–1995) : дис. ... канд. юрид. наук. – Невинномысск, 2000. – 296 с.

15. Горошко О. Н. Роль Министерства народного просвещения, Академии наук и университетов Российской империи в истории развития института диссертаций (1724–1919) : дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2002. – 192 с.
16. Гришина Н. В. «Написать такую книгу подвиг не малый...». Речь, произнесенная Екатериной Яковлевной Кизеветтер, в честь защиты А. А. Кизеветтером магистерской диссертации // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 388–390.
17. Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – Челябинск, 2010. – 288 с.
18. Гришина Н. В. «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910 – 1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков : сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 172–180.
19. Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический ежегодник. – 2013. – Вып. 9. [в печати].
20. Жебелёв С. А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / публикация текста и комментарии И. В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии / сост. А. А. Формозов. – М., 2002. – Вып. 3. – С. 146–194.
21. Идеалы и нормы научного исследования / отв. ред. В. С. Степина. – Минск, 1981. – 430 с.
22. Иванов А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – 392 с.
23. Иванов А. Е. Учёные степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М., 1994. – 198 с.
24. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : коллект. моногр. / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – 551 с.
25. Кабанова Н. М. К истории диссертационной деятельности в дореволюционной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: rumchten.rsl.ru/assets/files/2006/doc/1132909135.doc.

26. Кабанова Н. М. Структура российских диссертационных фондов [Электронный ресурс] // Библиотечное дело. – 2012. – № 5. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru/ru/s3/s17/s33/bv52012/bv520127407>
27. Каблуков И. А. Как приобретали ученые степени в прошлое время // Социалистическая реконструкция науки. – 1935. – Вып. 9. – С. 96 – 102.
28. Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nir.ru/sj/sj2-01koz.html>
29. Корзун В. П., Сидорякина Т. А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2009. – С. 65–76.
30. Корзун В. П. Научная школа в интерьере «историографического быта» // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. I. : Научные сообщества в социокультурном пространстве России. – Омск, 1998. – С. 2–5
31. Кричевский Г. Г. Библиография диссертаций (Опыт обзора и план дальнейших работ в этой области) // Из трудов Библиотеки Академии Наук СССР. – Л., 1948. – С. 103–104.
32. Кричевский Г. Г. Диссертации университетов России. 1805–1919. – М., 1984. – 693 с. [Рукопись не опубликована]
33. Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. – 1985. – № 2. – С. 141–153.
34. Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи: (1755–1918) / сост., предисл., науч. ред. и посмертное издание А. Н. Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь, 2004. – 226 с.
35. Лаута О. Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (начало XIX– XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Невинномысск, 2000. – 185 с; прил.
36. Лебедева Л. И. Магистратура в XIX – начале XX в. как институт подготовки научных и научно-педагогических кадров в России // Вопросы образования. – 2005. – № 4.
37. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971.

38. Маркова Л. А. Наука: История и историография XIX–XX в. – М., 1987.
39. Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – 472 с.
40. Мякотин В. М. Диспут и ученая степень // Русское богатство. – 1897. – № 7. – С. 1–34.
41. Научная деятельность: структура и институты: сборник переводов / сост., общая ред., вст. ст. Э. М. Мирского и Б. Г. Юдина. – М., 1980. – 431 с.
42. Наука и культура / отв. ред. В. Ж. Келле. – М., 1984. – 336 с.
43. Наука и ценности. – Новосибирск, 1987. – 242 с.
44. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М., 1974. – 636 с.
45. Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/3755>
46. Огурцов А. П. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы [Электронный ресурс] // Принципы историографии естествознания: XX в. – СПб., 2001. – С. 34–68. – Режим доступа : http://a_ogurtsov.euro.ru/papers/ogur99h.htm .
47. Ойссар Э. П. Диссертации, защищенные в Тартуском университете. 1802–1918 : библиографический указатель. – Тарту, 1973. – 180 с. [на эстонском языке].
48. Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007. – 536 с.
49. Посохов С. И. «Считаю для себя неприличным...»: этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2012. – Вып. 11. – С. 131–152.
50. Российские университеты в XVIII–XX веках. – Воронеж 1993–2002. Вып. 1–6.
51. Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : коллект. моногр. / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – С. 161–192.
52. Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества : монография. – Омск, 2010. – 408 с.

53. Свешников А. В. Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 165–171.
54. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983. – 256 с.
55. Троицкий Ю. Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция Россия в эпоху модернизаций : материалы II Всерос. науч. конф. Т. II. : Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. – Омск, 1995. – С. 164–165.
56. Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты : сборник переводов. – М., 1980. – С. 218–256.
57. Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX века. – Воронеж, 1996. – Вып. 2. – С. 3–29.
58. Чесноков В. И., Чесноков И. В. К вопросу о подготовке профессоров истории в университетах России XIX-начала XX в. // История и теория исторической науки и образования: Харьковский историографический сборник. – Харьков, 1995. – Вып. 1. – С. 73–86.
59. Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. – М., 1976. – 231 с.
60. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. – М., 1985. – 350 с.
61. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформ. Шестидесятые годы XIX в. – М., 1993. – 272 с.
62. Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. – 1990. – № 10. – С. 45–61.
63. Якушев А. Н. Комплексная программа научных исследований «История учёных степеней в России XVIII в. – 1918 г.». – М., 1996. – 61 с.

64. Якушев А. Н. Порядок присуждения учёных степеней в России (1747–1918): развитие и реализация правовых идей, проектов, законопроектов и нормативных правовых актов (на опыте научного направления) : дис... док. юрид. наук. – Невинномысск, 2001. – 517 с.
65. Якушев А. Н. Научная подготовка и аттестация кадров в России. 1802–1918: Извлечения из распоряжений министра народного просвещения. – Ставрополь, 1998. – 198 с.

Алеврас Н. М. Магістратура в контексті дисертаційної культури: дореволюційний досвід історико-наукового співтовариства в історіографічному ракурсі

Досліджується історія виникнення та розвитку наукового інтересу в історіографії ХХ століття до проблем російської системи професійної підготовки вчених-істориків. У центрі уваги автора знаходиться інститут магістратури в університетах Російської імперії другої половини ХІХ – початку ХХ ст., який розглядається як предмет історіографічного аналізу в досвіді російських і зарубіжних істориків. Автор висловлює і власне розуміння сенсу, місця і значення даної інституції з позицій інституційного, антропологічного, комунікаційного, наукознавчого та історіографічного підходів.

Ключові слова: магістратура, дисертаційна культура, історико-наукове співтовариство, історіографія, університети Росії, вчений-історик, дисертація.

Alevras N. N. Magistracy in a context of dissertation culture: pre-revolutionary experience of historical and scientific community in a historiographic foreshortening

The history of emergence and development of scientific interest in a historiography of the XX century to problems of the Russian system of vocational training of scientists-historians is investigated. In the center of attention of the author there is a magistracy institute in universities of the Russian Empire of the second half of the XIX beginning the XX century considered as a subject of the historiographic analysis in experience of the Russian and foreign historians. The author expresses also own understanding of sense, a place and value of this institution from positions of institutional, anthropological, communication, naukovedchesky and historiographic approaches.

Keywords: magistracy, dissertation culture, historical and scientific community, historiography, universities of Russia, scientist-historian, thesis.

УДК 930.1

А. Г. Болебрух

ИСТОРИОГРАФИЯ – ДИСЦИПЛИНА-ИЗГОЙ?

Статья посвящена проблеме роли и места историографии в структуре современной отечественной исторической науки. Дан анализ точек зрения исследователей, которые предмет историографии сводят к теории и методике познавательного процесса. Приведены мысли В.И. Вернадского о задачах истории науки и рассмотрена их важность для нового понимания функций историографии.

Ключевые слова: предмет и функции историографии, современная отечественная историческая наука, В.И. Вернадский.

Более полувека назад историография в структуре исторической науки занимала одно из первостепенных мест. Она тогда вошла в качестве обязательной дисциплины в учебные планы исторических факультетов, в университетах возникли соответствующие кафедры, ВАК ввел особую специальность в перечень научных степеней и т.д. В периодических изданиях в 1960–1970-х годах состоялась плодотворная дискуссия о предмете и задачах рождающейся отрасли исторической науки. За минувшие десятилетия защищено большое количество диссертаций, изданы монографии, учебники и учебные пособия. Свое положительное влияние на характер и уровень научно-исторических исследований оказали систематические историографические обзоры, появлявшиеся в академических журналах. Развертывание историографических разработок заметно стимулировало методологические изыскания в ряде научно-образовательных центров страны (Москва, Ленинград, Новосибирск, Томск, Казань, Киев, Харьков, Днепропетровск и др.).

Целевое предназначение историографии четко изложил один из инициаторов новой отрасли исторической науки А. М. Сахаров. «История исторической науки, – писал он в 1973 г., – во-первых, существенно углубляет познание истории духовной культуры и общественно-политической жизни, во-вторых, оценивает

научный багаж прошлого, его значение для определения путей изучения истории на современном этапе, в-третьих, раскрывает закономерности развития научного познания. Этим определяется важнейшее место истории исторической науки в системе этой науки в целом» [8, с. 127].

Словом, появление новой дисциплины, можно признать, заметно оздоровило положение в исторической науке, постепенно вырабатывая критерии подлинной научности. Но чем дальше, тем больше творческая мысль упиралась не только в идеологические, но и методологически-философские догмы и потому она не могла удовлетворительно, а главное – свободно ответить на познавательные вызовы времени.

Обстановка в социально-гуманитарных науках начала медленно меняться во второй половине 1980-х годов, в эпоху так называемой Перестройки. К 1990-м годам выяснилось, однако, что руководство государства рассчитывало несущественными «подчистками» разрядить социальное напряжение. Оно не учло радикализацию общественного сознания под воздействием развернувшейся политики гласности, познакомившей широкие народные массы со множеством неизвестных ранее страниц отечественной истории. «Белые пятна» заполнялись в основном острокритическим материалом по советскому периоду, что делало мало возможным эволюционно-мирное расставание с социализмом и всей его «надстройкой».

В сложившейся ситуации теряли доверие ранее незыблемые принципы и методы научно-исторического познания, в частности, навязшие буквально в зубах принципы партийности и непогрешимости «первоисточников». Немало преподавателей и учителей, научных сотрудников, журналистов и т.д. заподозрили всю прежнюю теоретико-методологическую базу советской исторической науки в примитивности и заидеологизованности.

Поиск выхода вначале привел к естественному решению: обратиться к документам, прежде всего упрятанным архивным, а также к ознакомлению с дореволюционным наследием (Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, Н. Костомаров, П. Милюков, С. Платонов, М. Грушевский и др.). Вскоре запал потух: стало ясно, что усвоение этого наследия требует долгой и глубокой профессиональной подготовки.

Попытки найти все же ответ на бессмертный вопрос «Что делать?» все чаще приводили к превознесению зарубежного исследовательского опыта. Историки начали все больше и больше увлекаться различными течениями европейской и американской науки (от фрейдизма и неокантианства до феноменологии, постмодернизма и их разновидностей). Поначалу это давало некоторые положительные результаты в обновлении приемов и способов познания прошлого. Спустя некоторое время вырисовались и негативные стороны заимствованных инструментов, поскольку они не совсем соответствовали духовной природе нашего населения и связанной с ней специфике исторического процесса. За непродуманным нагромождением усложненной и мало кому понятной терминологии на втором плане оказались такие основоположные идеи научного познания, как истина и достоверность. Их причислили к относительным (то есть субъективным) категориям.

Здесь нет необходимости называть конкретные фамилии, названия книг, а тем более вступать в полемику с изложенными там точками зрения. Отмеченные черты не редкость, каждый желающий сможет легко удовлетворить свое любопытство, взяв в руки какой-либо специализированный журнал, сборник статей или заглянув в Интернет. Да и речь у нас идет не о критике тех или иных тенденций в исторической науке.

Вернемся к институциональному призванию историографии, то есть истории исторической науки. Горячий сторонник изучения истории науки В. И. Вернадский считал, что «развитие науки и техники по своим значимым последствиям, по воздействию на человеческую жизнь не идет ни в какое сравнение с развитием политических устройств, гражданского общества, с достижениями искусства или архитектуры», однако «... работы по исторической реконструкции динамики науки и техники находится пока в зачаточном состоянии. Мы видим результаты, но не умеем проследивать процессы, которые привели к таким результатам» [4].

Работы В. И. Вернадского по истории науки содержат немало методологических положений, которые столетие спустя вполне актуально звучат применительно к истории исторической науки. Ценными являются его мысли об эпистемологической роли истории знания: «Научная работа, – писал Вернадский в 1927 г., –

есть осознание действительности, выражение ее в формах закона разума. Такое осознание неизбежно требует постановки всякого достижения и всякой изучаемой проблемы в исторические рамки; мысль, в формах академической жизни, по сути вещей, направляется на искание в прошлом корней нового достижения, новой проблемы, связывает идущую в кругу академии работу со всей прошлой деятельностью человечества в той же области. Ибо только при этом условии возможно понять новое; в старине всегда новизна слышится» [2, с. 256].

В этой емкой по содержанию цитате можно выделить три момента. Во-первых, утверждение, что цель научной работы заключается в познании («осознании») объективной действительности. Во-вторых, что окружающий нас мир познаваем, а результат такого познания должен выражаться в «формах закона». И, в-третьих, Вернадский, обогащенный собственным опытом научных изысканий (в то время ему было уже за 60 лет), подчеркнул преемственность в прогрессе научных открытий, проблем и идей. Последний аспект особенно важен для истории исторической науки: с одной стороны, он нацеливает на обнаружение исторических истоков современных концепций, поскольку это обстоятельство дает возможность без упущений учесть мировые научные тенденции; а с другой – увидеть в прошлом то, что сможет в недалеком будущем стать актуальной тематикой.

В статье «Памяти М. В. Ломоносова» (1911) Вернадский в несколько ином ключе сформулировал и развил эти мысли: «История научных идей никогда не может быть окончательно написана, т.к. она всегда будет являться отражением современного состояния научного знания в былом человечества. Каждое поколение пишет ее вновь. История биологии, написанная в эпоху Кювье [вторая половина XVIII – первая треть XIX в. – А. Б.], не может быть похожа на ту, которую даст последователь Дарвина... Человечество не только открывает новое, неизвестное, непонятное в окружающей природе – оно одновременно открывает в своей истории многочисленные забытые проблески понимания отдельными личностями этих, казалось, новых явлений. Движение вперед обуславливается долгой, незаметной и неосознанной подготовительной работой поколений. Достигнув нового неизвестного, мы всегда с удивлением находим в прошлом предшественников [выделено мною – А. Б.]» [1, с. 56].

Подытожив высказывания крупнейшего представителя научной мысли конца XIX – первой половины XX в. В. И. Вернадского, можно сделать следующий вывод: история науки – это «эффективный инструмент развития самой науки» [4]. Предпосылкой такой эффективности является тщательное изучение истории своей области деятельности.

История же исторической науки в последние 15–20 лет во многом сменила свою предметную палитру, фактически отказавшись от анализа хода развития исторических исследований как процесса познания смысла отечественного прошлого. Вместо этого историографию скрестили с исследовательской методикой, с изучением техники рождения исторического знания. Примечательно, что одна из известных работ последнего периода, призванная, кажется, заменить прежние учебные пособия по историографии, названа «История исторического знания» (М., 2004). В первом же предложении заявлена специфическая концепция издания: «В пособии представлена картина эволюции исторического знания, формирования последнего как научной дисциплины». Чуть ниже раскрывается сущность обновленных теоретических построений нового типа: «Сегодня существенно изменились представления о предмете истории историографии, модель историко-историографического анализа и сам статус дисциплины. На второй план отходит так называемая проблемная историография, акцент переносится на изучение функционирования и трансформации исторического знания в социокультурном контексте» [7, с. 3].

Бросается в глаза тот определяющий момент, что авторы не делают различия между научным и ненаучным знанием, хотя истории того и другого весьма не схожи. Тем не менее они объединили их истории довольно своеобразным способом, констатируя «специфику исторического познания и относительность критериев истинности и достоверности в историческом исследовании». И подкрепили свой тезис, на наш взгляд, сомнительным аргументом: «... историческое знание и предлагаемый им образ прошлого всегда субъективны, частичны в своей полноте и относительны в своей истинности. Признание собственной ограниченности вместе с тем не мешает историческому научному знанию [очевидно, имеется в виду полученный в результате научного исследования вывод о единстве научного и обычного знания? – А. Б.] быть рациональным,

обладающим собственным методом, языком и социальной значимостью» [7, с. 4].

Подобная трактовка задач историографии получила ныне заметное распространение, поэтому историю исторической науки стали практически отождествлять с историей знания о прошлом, что неверно по существу. Имеется много разновидностей знания о минувшем, истоком которого была школа, литература, кино, рассказы предков и т.д. Какое-то воздействие на общественное сознание оказала и историческая наука, но пока этот аспект крайне слабо изучен.

Научное знание о прошлом принципиально отличается от обычного как методом своего получения, проверки на достоверность, так и системой доказательств. Научное историческое знание характеризуется еще одним важным параметром – социальной функцией: истолкованием прошлого на основе тщательного исследования источников для раскрытия исторических корней настоящего («в старине всегда новизна слышится», по Вернадскому). Если лишить историческую науку этой ответственной функции, мы получим в меру правдивое повествование о прошлом, что-то вроде беллетристики. Она будет увлекательным чтением, но в социальном плане почти бесполезным.

Ориентация на общественные потребности начинает все настойчивее пробивать путь в современной историографии. Примером такого осознания могут служить новейшие работы Л. Зашкільняка. В монографии «Сучасна світова історіографія» (Львів, 2007) он писал: «Історичні знання завжди відігравали й відіграватимуть винятково важливу роль у житті суспільств і окремих особистостей. Без них неможливо ідентифікувати себе, спільноту і людство в сучасному світі, усвідомити сенс і характер міжлюдських взаємин, обирати соціальні та ціннісні орієнтації повсякденної життєдіяльності» [3, с. 3]. Социальные функции историографии обосновывали в своих новейших публикациях В. А. Муравьев, Л. П. Репина, Б. Г. Могильницкий и другие известные историки. Из зарубежных авторов можно назвать американца П. Стернса, француза П. Розваллона, итальянца Э. Агацци и др.

Некоторые украинские ученые прилагают немало усилий к тому, чтобы адаптировать иностранный исследовательский опыт к решению проблем отечественной историографии. Однако при

этом сбиваются на задачи познания прошлого вообще. Одним из новейших образцов таких усилий являются статьи Т. Н. Поповой. В недавней публикации «Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса» (2008) читаем: «История как рефлексивный ландшафт профессионального исторического знания, сфокусированный на познании самого познавательного процесса в области истории, переживает своеобразный период своего бытия: являясь «маркером идеологии профессионализма», стремительно расширяя в современном научном поле диапазон своего проникновения в исследовательскую практику, она, тем не менее, занимает «полумаргинальное положение» в «дисциплинарном семействе» исторических наук» [5, с. 42]. В следующей работе Т. Н. Попова по сути повторила свой взгляд на соотношение истории и историографии: «Современное научное движение характеризуется постоянно возникающими интеллектуальными «вызовами («поворотами») – социальным, антропологическим, культурологическим, лингвистическим, эстетическим, материальным и т.п. Каждый из них – своеобразный поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически-инструментальный идеал, на который с известной степенью периодичности направляется фокус исследовательского интереса ученых» [6, с. 266].

Думаю, Т. Н. Попова, искренне стремясь достойно ответить на «возникающие интеллектуальные вызовы», сосредоточила основные усилия на таких свойствах обновленной исторической науки, которые бы позволили достичь приемлемого уровня достоверности добываемого знания. Проблем же собственно историографии она почти не затрагивала. Подобных сочинений немало появлялось и в известном альманахе «Эйдос». В них много интересного, порой и ценного, но трудно отыскать такие насущные соображения, которые бы касались практического применения новых исследовательских приемов для углубления наших познаний о прошлом.

Спору нет, необходимо постоянное совершенствование приемов и методов исторического исследования, еще более ощущается недостаток разработок по теории и методологии истории, заброшенным участком много лет остается философия истории («историософия») [9, с. 65]. Все названные и неназванные «узкие места» современной исторической науки, а главное – степень нашего

осмысления отечественного и всемирного прошлого призвана вскрыть именно историография, именно *история исторической науки в истинном смысле этого термина*.

1. Вернадский В. И.. Памяти М. В. Ломоносова // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 55–58.
2. Вернадский В. И. Работы по истории знаний // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 255–261.
3. Зашкільняк Л. Сучасна світова історіографія. – Львів, 2007. – 312 с.
4. Кузнецова Н. И. В. И. Вернадский как историк науки: методологические находки и парадоксы [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2013. – № 11. – С. 99–111. – Режим доступа : http://vphil.ru/index.php?option=com_content @ task=view&id=856&Itemid=520).
5. Попова Т. Н. Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Историографічні дослідження в Україні. – 2008. – Вип. 19. – С. 42–72.
6. Попова Т. Н. Историография в человеческом измерении // Историографічні дослідження в Україні. – 2012. – Вип. 22. – С. 265–292.
7. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. – М., 2004. – 288 с.
8. Сахаров А. М. О предмете историографических исследований // Сахаров А. М. Методология истории и историографии (статьи и выступления). – М., 1981. – С. 91–127.
9. Удод О. А. Розробка проблем теорії та методології історичної науки на сторінках «Українського історичного журналу» (1957–2007) // Український історичний журнал. – 2007. – № 6. – С. 55–67.

Болебрух А. Г. Історіографія – дисципліна-вигнанниця?

Стаття присвячена проблемі ролі й місця історіографії в структурі сучасної вітчизняної історичної науки. Дано аналіз точок зору деяких дослідників, які предмет історіографії зводять до питання теорії й методики пізнавального процесу. Викладені думки В. І. Вернадського про завдання історії науки та розглянута їх важливість для нового розуміння функцій історіографії.

Ключові слова: предмет та функції історіографії, сучасна вітчизняна історична наука, В. І. Вернадський.

Bolebruh A. G. Historiography – the outlaw discipline?

The article deals the role and place of the historiography in the structure of the modern national historical science. There were analyzed points of view of some researchers who reduced the object of the historiography to the theory and methodical of cognitive process. There cited of V.I. Vernadsky about the task of the history of science and its importance for the new understanding of the functions of the historiography.

Keywords: object and function of historiography, modern national historical science, V. I. Vernadsky.

УДК 378.245:808.53]:930 (47+57) «192»

Н. В. Гришина

**ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ДИСПУТЫ КОНЦА 1920-х гг.:
СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ
НОРМАТИВОВ (НА ПРИМЕРЕ ДИСПУТОВ
Н. М. ДРУЖИНИНА И А. И. НЕУСЫХИНА)¹**

Статья посвящена изучению трансформации диссертационной системы на протяжении 1920-х гг. В ней рассматривается проблема преемственности формирования научных кадров в дореволюционной и советской науке. На примере диспута Н.М. Дружинина, в статье анализируется проблема формирования нового канона ведения научной дискуссии.

Ключевые слова: научные кадры, аспиранты, Н. М. Дружинин, А. И. Неусыхин, диспуты, марксизм.

Предварительные замечания

Первое десятилетие советской власти прочно вошло в историографию под названием времени «большого (большевистского) эксперимента», когда до неузнаваемости реформировались все стороны общественной жизни. Не исключением стала система формирования научных кадров.

После отмены ученых степеней и званий в 1918 г., реорганизации факультетских структур и других кардинальных преобразований, предпринятых советской властью в 1920-е гг., наступил период некоторого анабиоза, сопровождавшегося ожиданием формирования новых институционально-нормативных контуров научной системы. Замедление научного ритма в диссертационной политике не привело к полному свертыванию привычных норм научного быта. Официальные защиты диссертаций продолжались и в 1919 году. Именно в это время в Киевском университете защитил

¹ «Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (Проект № МК-1810.2013.6) и Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ (Проект № ФПНИ-06.6-24-14).

магистерскую работу П. П. Смирнов, а Е. Д. Сташевский стал доктором русской истории. Неофициальные диспуты проходили на протяжении всего десятилетия, особенно многочисленными они были в первой половине 1920-х гг.[1, с. 77–89]. Несмотря на то, что такие диспуты не играли решающей роли при получении должности и права преподавания, они сохраняли свою актуальность для молодых ученых, т.к. обеспечивали им научное признание, создавали определенную профессиональную репутацию.

Несмотря на то, что вопрос о восстановлении ученых степеней дискутировался на протяжении всего десятилетия (выступления В. П. Волгина, О. Ю. Шмидта), а в некоторых республиках СССР докторская степень сохранялась, диссертационная система была восстановлена лишь к середине 1930-х гг. Промежуточным звеном в этом процессе стал институт аспирантуры. В нем на повестку дня были поставлены защиты аспирантских сочинений, дававшие соискателям различные права в области науки и преподавания. По завершении обучения в аспирантуре, которое охватывало временной промежуток в 3-4 года, к концу 1920-х гг. можно было ждать серии защит аспирантов. Однако этого не произошло в силу очередной реформы высшего образования.

Изменения научного климата, начавшиеся в 1927–1928 гг., привели к свертыванию планируемых защит аспирантских сочинений. В исторической науке, пожалуй, известно только о двух диспутах, произошедших в конце 1920-х гг., – Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина. Н. М. Дружинин в воспоминаниях писал, что «после появления статьи М. Н. Покровского [Покровский М. Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. 17 марта – Н.Г.] и предстоящего закрытия РАНИОН все сотрудники, подготовившие диссертации, за исключением А. И. Неусыхина (о древнегерманской общине) и меня (о декабристе Н. Муравьеве) уклонились от представления своих работ» [8, с. 26].

Именно эти диссертационные истории находятся в центре нашего внимания. Важно подчеркнуть, что они не являются инерционным продолжением дореволюционной диссертационной системы, их можно оценивать в качестве апробации формирующейся советской системы степеней и званий, зародившейся в рамках аспирантской подготовки.

Обращение к этим диспутам позволяет выйти к проблеме «заполнения пустотного марксистского канона». Длительность времени подготовки диссертации и близость ее защиты к началу «великого перелома», приближение которого, безусловно, ощущалось учеными, способствует фокусированию внимания на наличии или отсутствии в работе ритуальных цитат, тональность ведения дискуссии во время диспута и т.п.

Наконец, защита диссертации рассматривается как важный момент научной/интеллектуальной биографии ученого. Диссертация в самом широком понимании (от выбора темы до самого акта защиты и его итогов) рассматривается в контексте «вхождения» ученого в научное сообщество, которое, выполняя возложенные на него экспертные функции, принимает или отвергает предлагаемую тему и ее авторское прочтение.

Путь в науку:

институциональные нормы научной жизни 1920-х гг.

Начало пути в науку героев данной статьи было достаточно типичным.

Николай Михайлович Дружинин, родившийся в 1886 г., поступил на истфил в 1904 г. и окончил его только в 1918 г. Его студенчество несколько раз прерывалось отвлечением на участие в политике или мобилизационных военных кампаниях государства. «Оставление» Дружинина при кафедре состоялось по рекомендации М. М. Богословского в 1918 г. Внешние обстоятельства оказывали значительное влияние на его научную подготовку. В отчете о своих научных занятиях за 1918–1920 гг. он замечает: «К сожалению, крайняя ограниченность времени мешала мне целиком отдаться предпринятой работе...» [10, л. 3]. Лишь в 1921 г. уже как сотрудник РАНИОН Дружинин смог продолжить свои научные занятия на относительно постоянной основе.

Александр Иосифович Неусыхин в 1918 г. после двух курсов медицинского факультета Московского университета перевелся на историко-филологический факультет (далее факультет общественных наук), который окончил в 1921 г. В Институте истории в 1922 г. он был единогласно избран научным сотрудником II разряда по секции средневековой истории [4, л. 55].

Оба историка в 1925 г. получили в РАНИОН статус аспирантов. Их случай не был чем-то уникальным. Необходимо отметить, что степень преемственности прежней и новой форм подготовки научных кадров была достаточно высокой. Из 32 «оставленных» на историко-филологическом факультете Московского университета 10 стали научными сотрудниками I разряда, 11 – научными сотрудниками 2 разряда. Еще 5 человек продолжили научную карьеру в музейных и архивных учреждениях [5, л. 1 об, 4–6, 66, 134, 170–172, 181–182; 11, л. 51; 12, л. 57–57 об, 60, 62].

Изначально ход научной подготовки в институте истории мало чем отличался от работы с «оставленными для подготовки к профессорскому званию» в дореволюционных университетах. В частности, в протоколе института истории за 1923 г. есть запись об отчете Н. М. Дружинина по русской истории «Лаврентьевская летопись как памятник летописания; Обзоры и истолкования смуты в русской историографии; происхождение, источники и содержание Соборного Уложения 1649 г.». Отчет был признан весьма удовлетворительным. Как видим, формула фиксации результата отчета и его ход являются калькой с проведения магистерских экзаменов в дореволюционных вузах.

К середине 1920-х гг. в ходе аспирантской подготовки наметился уклон в сторону изучения вопросов исторического материализма, а также новой и новейшей истории, хотя за историками, специализирующимися на древней и средневековой истории, оставили приоритетность их научных интересов [3, л. 11]. В целом можно сделать вывод, что «марксизация» всеобщей истории осуществлялась заметно медленнее.

В 1927–1928 гг. начались проверки всех аспирантов на соответствие марксистским установкам. В 1928 г. Н. М. Дружинин и А. И. Неусыхин были оценены «Тройкой» в составе А. Д. Удальцова, Е. А. Мороховца, Н. Г. Буркина и А. В. Ефимова. «Тройка» вынесла вердикт, что Дружинин закончил план подготовки в аспирантуре, и признала его марксистом [6, л. 14]. Неусыхин также был признан марксистом, хотя «не вполне выдержанным» [7, л. 5]. Такие решения позволяли историкам завершить аспирантский стаж и защитить диссертации. Отметим, что аспиранты, закончившие план подготовки, но признанные немарксистами, были отчислены из института (к примеру, Л. В. Черепнин, В. И. Шунков).

Защита диссертаций состоялась только год спустя: у Неусыхина – 5 апреля, а у Дружинина – 7 мая 1929 г. При этом важно подчеркнуть, что диспуты готовились и проходили в весьма нервной обстановке. В 1929 г. Дружинин пережил критику со стороны М. Н. Покровского своей работы о «Журнале землевладельцев», а Неусыхин ранее «запятнал» себя во время известного диспута по книге Д. М. Петрушевского. Безусловно, эти факты оказали влияние на тональность диспутов, а также принятое квалификационными комиссиями решения (см. таблицу*).

Таким образом, права, полученные историками после защиты, не расширяли, а сужали поле их профессиональной деятельности. К примеру, разрешение Неусыхину вести лишь специальные семинары по теме диссертационного исследования, вызвало недоумение и протест со стороны его научного руководителя Д. М. Петрушевского. Он, будучи на тот момент директором Института истории, обратился в президиум РАНИОН с особым мнением, в котором отстаивал право своего ученика на ведение полноценных лекционных курсов, упоминая при этом, что Неусыхин успешно вел такой курс еще до защиты диссертации в университете им. К. Либкнехта [7, л. 6].

*Диссертационный диспут:
формирование нового канона научной дискуссии*

В ходе научных дискуссий второй половины 1920-х гг., в частности обсуждения книги Д. М. Петрушевского, проявился «шаблонно-сравнительный метод историографической оценки» [9, с. 37]. Его формирование Неусыхин – активный участник дискуссии – определил как «власть слов», когда наличие в тексте определенных терминов и марксистских цитат маркировало работу как правильную и идейную, их же отсутствие давало повод для обвинений в эклектизме, идеализме и «навешиванию» других враждебных идеологических ярлыков. Можно согласиться с мнением, что именно в это время в марксизме происходит свертывание методологических поисков. Хотя окончательно процесс догматизации марксизма не завершился.

Наиболее полно материалами обеспечен диспут Н. М. Дружинина, именно на нем будет сфокусировано наше внимание.

* *Примечание: Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 494. Дружинин Н. М. Л. 18; ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637. Неусыхин А. И. Л. 4, 7–8.*

Диссертация Дружинина была написана в жанре биографического исследования и посвящена декабристу Никите Муравьеву. В работе Дружинин определяет свое понимание жанра биографического исследования. Биографию человека, его жизненный путь он предлагал рассматривать в контексте «определенного места и времени», учитывая влияние на героя современных ему общественных процессов. Также Дружинин размышлял, что человек на протяжении жизни меняется, а, следовательно, необходимо изучать его жизненные схемы, «габитус» (термин, единожды встречающийся в тексте диссертации) в динамике. Такое понимание биографии вызывало различные реакции участников диспута. В частности, критика М. В. Нечкиной состояла в обвинениях Дружинина в излишнем психологизме и влюбленности в своего героя, что дало ей основание назвать работу «немарксистской» [2, л. 6 об.–7]. Неофициальный участник дискуссии С. И. Мицкевич, фактически защищая Дружинина, парировал: «Вот Ленин, вполне осознавший себя идеолог пролетариата на известной ступени развития, вначале таковым не был» [2, л. 23 об.]. Диссертант отвечал М. В. Нечкиной в том же духе: «Ведь и сам К. Маркс не сразу сделался носителем пролетарской идеологии» [2, л. 21]. Как видим, и диссертант, и оппоненты в своей аргументации апеллировали к авторитетам марксизма, а не к внутренним аргументам работы. Кроме того, в ходе обсуждения был артикулирован приемлемый с точки зрения марксизма взгляд на биографическое исследование. Второй оппонент С. С. Мильман предлагал рассматривать объект биографии как «определенный социальный тип» [2, л. 17].

В обсуждении диссертации явно видно формирование определенного канона, «трафарета» (по выражению М. В. Нечкиной), предъявляемого к марксистским исследованиям. Она говорила: «В работе Дружинина мы не видим привычной в марксистских работах главы об истории хозяйства и экономической истории классовой борьбы эпохи, главы о расстановке классовых сил эпохи и т.д.» [2, л. 8]. Отсутствие этой формальной составляющей стало дополнительным поводом для признания работы немарксистской. В то же время практика «ритуального цитирования» классиков еще не сформировалась. В диссертации Дружинина имеется единственная ссылка на работы марксистов, несколько искусственно помещенная им в заключение своего исследования [6, л. 184 об.–185]. В перечень

«классиков» были включены работы М. Н. Покровского, П. И. Лященко, Н. А. Рожкова, А. Е. Преснякова.

На диспуте проверке на соответствие марксизму подвергся не только автор диссертации и его работа (чего только стоит выкрик с места во время выступления С. С. Мильмана: «А в какой части работа марксистская?» [2, л. 20 об.]), но и оппоненты. В частности, С. И. Мицкевич, говорил о выступлениях оппонентов: «Я хотел бы высказать свое мнение об оппонентах. Прежде всего, их мнение, что т. Дружинин не марксист. Вы говорите, что его работа не марксистская. Я знаю его как выдержанного марксиста и с удивлением слушал напады оппонентов. Я думал, что они подвергнут марксистскому анализу его работу, но из того, что говорила т. Нечкина, у меня возникло представление, что она с марксизмом незнакома...» [2, л. 23 об.]

Получив по итогам диспута заключение, что он может быть использован для научно-исследовательской работы, Дружинин на некоторое время свернул свою научную деятельность. Причиной тому стал и кратковременный арест в 1930 году. В 1933 г. Дружинин опубликовал свою диссертацию, внося в ее текст, «ряд уточняющих дополнений» [8, с. 26].

* * *

На протяжении 1920-х гг. диссертационная система переживала очень серьезную трансформацию: от сохранения практики неофициальных защит, до аспирантских диспутов и полного восстановления двухступенчатой системы ученых степеней. При этом формальные процедуры организации и проведения диспута практически не изменились. Пожалуй, одним из немногих нововведений стало назначение специальной квалификационной комиссии, которая принимала решение об итогах защиты и присуждении соискателю прав в области самостоятельной научной работы и преподавания. Гораздо более значительные изменения произошли в содержательной стороне диспута, на котором стала оцениваться не только исследовательская подготовка диссертанта, его научная эрудиция, но и наличие в работе формальных моментов, подтверждавших методологическую состоятельность соискателя в области марксизма.

1. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертации историков и законодательные нормы (1860 – 1920-е гг.) // Российская история. – 2014. – № 2. – С. 77–90.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1604. Оп. 1. Д. 24.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 158.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 2. Д. 494.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4655. Оп. 2. Д. 637.
8. Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка // Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М., 1990. – С. 5–66.
9. Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. – М., 1998. – 230 с.
10. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 17.
11. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3.
12. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документации после 1917 г. Ф. 1609. Оп. . Д. 8.

Таблица: Состав квалификационных комиссий и заключение по результатам диссертационных диспутов А. И. Неусыхина и Н. М. Дружинина

	А. И. Неусыхин	Н. М. Дружинин
Состав квалификационных комиссий		
	Д. М. Петрушевский Н. П. Грацианский А. Д. Удальцов В. П. Волгин	В. И. Невский С. С. Мильман М. В. Нечкина С. А. Пионковский Представитель Президиума РАНИОН ²
Заключение по защите диссертации		
Оценка диссертации как самостоятельного научного исследования	Работа представляет собой самостоятельное исследование	Диссертация дает новый материал и новые сведения о 1) борьбе внутри ложи трех добродетелей; 2) об эволюции в процессе выработки самого текста конституции; 3) анализ иностранных источников и их отражение в конституции Никиты Муравьева
Объем привлеченного для разработки диссертации материала и оценка его	Диссертант полностью проработал текстуальный материал и частично использовал выводы археологии и палеографии	Привлечен богатый и всесторонний архивный материал из различных архивов Москвы и Ленинграда вплоть до изучения личной библиотеки Никиты Муравьева
Краткое содержание диссертации и заключительного слова	Общественный строй древних германцев	Дана биография Н. Муравьева и сделана попытка анализа его социально-политических воззрений
Методологическая оценка диссертации и заключительного слова	По методологической установке диссертация, вступительное и заключительное слово свидетельствуют об эклектичности методологических воззрений автора, представляя собой переделку марксизма в духе Макса Вебера	Методологически эклектик и определенно немарксист
Работа диссертанта в течение аспирантской подготовки	Работал успешно и удовлетворительно	Удовлетворительная
Предоставление диссертанту прав		
В области самостоятельной научной работы	Может вести самостоятельную работу, но необходимо иметь в виду его методологические тенденции	Может быть использован для научно-исследовательской работы
В области преподавательской работы	Может вести в вузах специальные семинары по истории средних веков	
В области использования в Институте	Может быть зачислен в состав научных сотрудников 1 разряда	

² Установить личность представителя Президиума РАНИОН, включенного в состав квалификационной комиссии, не удалось. По свидетельству Н.М. Дружинина председателем комиссии был В.И. Невский.

Гришина Н. В. Дисертаційні диспути кінця 1920-х рр.: становлення нових дисциплінарних нормативів (на прикладі диспутів М. М. Дружиніна та О. І. Неусихіна)

Статтю присвячено вивченню трансформації дисертаційної системи протягом 1920-х рр. У ній розглядається проблема спадкоємності формування наукових кадрів у дореволюційній та радянській науці. На прикладі диспуту М.М. Дружиніна в статті аналізується проблема формування нового канону ведення наукової дискусії.

Ключові слова: наукові кадри, аспіранти, М. М. Дружинін, О. І. Неусихін, диспути, марксизм.

Grishina N. V. Dissertation debates in the late 1920s: the formation of new disciplinary standards (on the example of N. M. Druzhynin and O. I. Neusyhina's disputes)

The article is devoted to the study of the transformation of the thesis throughout the 1920s. It addresses the problem of succession of formation of scientific personnel in pre-revolutionary and Soviet science. On the example of the dispute N.M. Druzhynin, the article analyzes the problem of formation of a new canon of conducting scientific discussion.

Keywords: research staff, graduate students, N. M. Drugynyn, A. I. Neusyhina, debates, marxism.

УДК 930 (497.2)

Э. Дроснева

ТРОПИНКИ ИСТОРИОГРАФИИ В БОЛГАРИИ¹

Это краткий вариант обобщения идей и наблюдений автора за состоянием Историографии в Болгарии и тенденциями ее развития с 1762 г. и по сегодняшний день. Руководствуясь своим пониманием сущности Историографии, автор ведет речь об исследованиях, публикациях, жанрах, институциях, проблемах образования, но, прежде всего, о людях, создававших эту науку.

Ключевые слова: Болгария, Историография, жанры, институции, университет, Мария Велева

Для начала следовало бы уточнить, что я понимаю под Историографией. В смысле отдельной исторической науки, Историография является уникальной наукой, изучающей историю исторического познания, а не только одной исторической науки. Такое понимание расширяет круг историографических источников и круг проблем историографических исследований [5; 6; 7; 8; 9].

В Болгарии, в частности в ее исторической науке, а также и в науке историографии, совершенно обосновано считается, что если не все, то многое начинается с Паисия Хилендарского и его «Истории Славяноболгарской» (1762). Это вполне относится и к первым историографическим шагам. Науки историографии как таковой еще не было, до ее зарождения оставался почти век, но впервые в болгарское Новое время появились комментарии о состоянии исследований, достижениях и пробелах предшественников. Вот почему мои наблюдения над «болгарскими тропинками Историографии» охватывают примерно 250 лет. А Паисиевское прозрение – начать рассказ с комментариев существующих источников и литературы – является актуальным подходом и сегодня. Любое исследование прошлого начинается с таких

¹ При редактировании статьи сохранен авторский стиль изложения материала.

комментариев. Иное дело, что, к сожалению, и сегодня многие историки не в состоянии отличить этих комментариев (часто они более библиографического, чем историографического характера) от собственно науки Историографии.

Эта первая линия тропинок жива и поныне и назову ее «Сообщения об исследованиях и публикациях». В качестве жанров к ней относятся: заметки, комментарии, отзывы, рефераты, сообщения о новых книгах и статьях, научных форумах и институциях, рецензии и т.п. Болгарский XIX в. еще до Освобождения (1878) характеризуется уже более пространными историографическими обзорами в авторских монографиях Василия Априлова, Спиридона Палаузова, Марина Дринова и др., да еще и в газетных и журнальных публикациях.

Еще до Освобождения пошла и вторая линия – переводы исторических сочинений с разных языков, в основном с русского, чешского и сербского, да и остальных славянских; порой с греческого и некоторых западноевропейских. Линия жива-здоровая и поныне, и в разные времена и по разным причинам меняется только акцент на ту или же иную национальную историческую литературу. Выбор языков оригиналов и конкретных сочинений, на мой взгляд, является отличным историческим и историографическим источником для исследования языковой культуры и предпочтений болгарских авторов к тематике и методологии европейских историков.

В плане переводов стоит отметить хотя бы некоторые факты:

1. Первый связан с воспитанником Одессы Ботьо Петковым (отцом Христо Ботева). Как показала болгарская исследовательница Лиляна Минкова, калоферский учитель переводил Венелинское сочинение «Критические исследования о болгарской истории» в сотрудничестве с цензором русского издания книги Е. Голубинским, от которого получил и части, запрещенные русской церковной цензурой и включил их в свой перевод. Таким образом, болгарское издание (1853) является ближе нежели российское к оригинальному тексту Ю. И. Венелина.

2. В тоже время интенсивно переводил Венелина Иван Добровский, создатель второго болгарского журнала «Мирозрение», где и утвердилась традиция публиковать переводы исторической литературы в периодической печати, которая была заложена Константином Фотиновым.

3. До Освобождения, но особенно после него, болгары в Болгарии интенсивно переводили и публиковали все новые «модные тексты» европейской исторической науки – типа работы Иполита Тэна – и таким путем (не единственным!) и проникали сюда идеи позитивизма, а также и романтизма, и исторического материализма (марксизма).

4. В 90-е гг. XX в. интенсивно переводили труды таких известных авторов как Арнольд Тойнби, Марк Блок, Жорж Лефевр, Жак Ле Гофф, Джеймс Фрэзер, Фернан Бродель и т.п., что было отличным начинанием. Но «отличным» нельзя назвать установку, которая часто давалась во введениях к этим изданиям – «Это и есть панацея для понимания прошлого!» (Несколько ранее „панaceй” считали идеи советского литературоведа, болгарина Георгия Гачева).

Следующий историографический жанр – персоналия – появился в болгарской науке еще до Освобождения, благодаря Сп. Палаузову. По мере кончины своих учителей и знакомых он написал четыре некролога, а по сути историографических наблюдения: о В. Е. Априловом, Ф. Я. Фалмерайре, Д. И. Зубрицком и Й. В. Цинкайзеном [18, с. 42–44, с. 692–730]. У Палаузова была профессиональная подготовка, чем и отличаются его работы от очень хорошего и очень популярного в Болгарии очерка Н. Хр. Палаузова о Юрии Венелине [17]. Двух Палаузовых следовало бы отметить и по другому поводу – болгары стали создавать историографические, или же близкие к историографическим, очерки об иностранных ученых, исследующих болгарское прошлое и настоящее. Что можно считать одновременно новым жанром и новой линией историографических изысканий. Развитие историографических наблюдений по линии жанра и иностранной болгаристики и вообще науки продолжается и сегодня, опять-таки нерегулярно по времени и по показателю качества.

Стоит специально напомнить также об одной из ранних студий будущего академика Ивана Шишманова (жизнь и творчество которого долгие годы исследовал литературовед Георги Димов, а в последнее время и культуролог Румяна Конева). Этой студией 26-летнего Шишманова открывалось любимое его детище «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (Министерский сборник). Названа эта работа так: «Значение и задачи на нашата етнография». По моему мнению, именно здесь впервые в Болгарии

фиксируется еще один жанр Историографии – историографическое обозрение существующей литературы по теме. Обозрение Шишмановым этнографических исследований по всей Европе достаточно полно и корректно, хотя некоторые оценки, особенно в отношении болгарских авторов периода Возрождения, сегодня трудно принять. Главное, что появился новый жанр, который, впрочем, в последующие десятилетия развивался с сомнительным постоянством и успехом.

В области болгаристики, культуры Национального Возрождения и типологических особенностей эпохи Шишманов продолжал до конца жизни публиковать новонайденные им источники и обширные биографические сведения, собирая между тем также и воспоминания современников, в том числе по истории науки. Эти линии продолжают и поныне, хотя у многих историков наблюдается недоверие к мемуарам. На мой взгляд такое недоверие вызвано с тем, что историку все еще как-то непривычно применять свои собственно исторические методы к воспоминаниям, а методы других наук в среде историков приживаются трудно.

В середине 70-х гг. XX в. историограф М. Велева осуществила продолжительные беседы с проф. д-р Христо Гандевым [3], в результате чего зародился жанр интервью историографа с историком, который и сегодня продолжает развиваться благодаря ее ученикам и уже их учеников. В ходе одного такого интервью было упомянуто имя П. М. Бицилли, о котором на сегодняшний день имеется значительная по объему и замечательная по качеству литература. В 1990-е годы, после долгих уговоров со стороны М. Велевой, болгарские историки наконец начали писать и издавать свои воспоминания. Появилось книг десять, не говоря о статьях. Короче, жанр воспоминания историков об историках и о своем времени наконец, как мне кажется, укоренился в Болгарии, после начала положенного Палаузовыми и творцами послеосвободительского времени.

Тогда же, во второй половине прошлого столетия М. Велева ввела еще один новый жанр – исследование главных европейских идейных течений Нового времени и их проявления в болгарской исторической науке [4, с. 47–158, 199–235, 285–384].

Существенным рубежом в развитии науки Историографии в Болгарии стало создание Софийского университета (1888 г.).

Анализируя деятельность Болгарского литературного общества (БКД, 1869, Браила, сегодня БАН; председателем долгие годы был харьковский профессор, болгарин Марин Дринов) и содержание его «ученых записок» (Периодическо списание, сегодня Списание на БАН; первый номер – Браила, 1870), а также другие публикации его членов, приходится констатировать, что в отношении Историографии было сделано не так много. Да Общество переживало свои тяжелые кризисы до и после Освобождения, Высшие педагогические курсы переживали сложный процесс становления, долго «искали» себя. Следует заметить, что сотрудники Высшего училища (сегодня Софийский университет им. Св. Климента Охридского) являлись одновременно и сотрудниками БКД; а первое поколение их обучалось или же стажировалось в лучших центрах гуманитаристики практически по всей Европе [12; 11].

Новым историографическим явлением можно считать вступительные лекции доцентов в Высшем училище/Университете. В. Н. Златарский поставил в основу своего выступления (1895) методологические проблемы, что является следующей линией в развитии Историографии в Болгарии. Историографический курс он прочитал впервые в конце XIX в., а в 1907 г. переработал его, чем и наметил новую, чрезвычайно важную линию развития историографических исследований, вернее две: 1. Концепция историографической науки. 2. Введение Историографии в процесс обучения студентов-историков. Сам воспитаник Санкт-Петербургского университета, Златарский опубликовал и несколько работ по истории болгарской исторической науки [16; 4, с. 23-34; 11].

Первая линия Златарского начинания дала хорошие плоды. Петр Ников посвятил свою вступительную лекцию (1920) истории исторического познания с древнейших времен по свое время. Во многих отношениях она имеет скорее библиографический, нежели историографический характер: «прабабушка» Историографии – Библиография – дала о себе знать. Тем не менее, в лекции имеются очень интересные собственно историографические оценки, как отмечено в исследованиях Лизбет Любеновой и некоторых других болгарских ученых. Вступительная лекция Петра Мутафчиева носила скорее методологический характер: молодой доцент интересовался больше философскими проблемами

взаимоотношений между европейскими Востоком и Западом в Средние века, чем этапами развития исторического познания. После Второй мировой войны традиция вступительных лекций была прервана, а отдельные подобные примеры 1990-х годов весьма редки.

Вторая линия Златарского – исследовать историю исторической науки и читать студентам соответствующие лекции по Историографии – также развивалась, развивается и до сих пор, однако, с переменным успехом. Его давно готовый к печати лекционный курс (был подготовлен М. Велевой в конце 1970-х годов) не издан до сих пор. Он посвящен болгарской исторической литературе периода Возрождения. Как и многие другие исследователи того времени, он считал, что в средние века болгарские авторы скорее переводили и компилировали, чем создавали оригинальные исторические сочинения. Тем не менее, Златарский изучал и «Историкии» Константина Преславского, и «Именник болгарских владетелей», опубликовав его второй список, о котором сообщал первооткрыватель памятника А. Н. Попов.

Точку зрения Златарского долгие годы разделяли практические все болгарские медиевисты, пока Иван Дуйчем в 1930-е годы не высказал свои сомнения в ее правоте и обоснованности [13]. В последующие десятилетия взгляд «старых» медиевистов болгары пересмотрели и появились книги Миляны Каймакамовой, в которых по-новому было раскрыто болгарское историческое познание периода средних веков.

Но хотя бы еще один вклад Златарского в развитие Историографии в Болгарии стоит подчеркнуть. Болгарское историческое познание он рассматривал в тесной связи с достижениями зарубежных историков. По его стопам пошли все, кто в какой-то мере касались историографической науки – и П. Ников, и Йордан Трифонов, и П. Мутафчиев, да и следующая генерация. Уже после Второй мировой войны этот подход утвердили Александр Бурмов [1; 4, с. 35–46; 14, с. 105–118], Горан Тодоров, Петър Тодоров и особенно Мария Велева и ее ученики [4; 12; 11; 19]. Во всех случаях пристальное внимание уделялось двум направлениям исследований: в области теории и практики исторической науки, а также истории Болгаристики. В рамках второго направления в 70-е годы XX в. историками

были защищены две кандидатские (по нынешнему болгарскому законодательству – докторские) диссертации, Дмитрием Цаневым и Элкой Дросневой, а в начале XXI в. еще одна.

После всяких послевоенных перипетий (следует упомянуть Первое национальное совещание историков в 1948 г. и последствия его решений), в конце 1950-х годов новые поколения историков обратились к своим предшественникам не с преобладанием идеологического мышления, а на собственно научных основаниях. Вскоре была восстановлена еще одна линия развития науки Историографии, не очень развитая впрочем до войны: создание юбилейных сборников. Если в более ранний период были изданы сборники о жизни и творчестве М. Дринова, В. Н. Златарского, П. Никова и Ив. Д. Шишманова (и это почти все), то с 1960 г. до наших дней их трудно сосчитать. Все началось опять-таки с исследований о Дринове. Замечу, что в то время С. Н. Палаузова достаточно плохо знали, и еще меньше изучали. Вернули его в науку и жизнь в начале 1970-х годов. Между тем, Дринов уже являлся каким-то «идолом» – до Октябрьской революции, слава Богу, не дожил, да и его не очень ругали в качестве «буржуазного» историка и государственного деятеля, тем более, что Дринов не был приближен ни к Стамболову, ни к князьям Александру Батенбергу и Фердинанду (чем и выгодно вписывался в идеологические рамки того времени). Дринов оказался, если можно так сказать, «удобный» конъюнктуре 1950-х – начала 1960-х гг. Благодаря этому подчеркивалась связь Болгарии с Советским Союзом, хотя учился и трудился Марин Дринов в царской России... Между прочим, из этого сборника [14] и из других материалов хорошо видно, как болгарские ученые сумели отлично воспользоваться, в хорошем смысле слова, конъюнктурой и создавать науку. Впрочем, уже именно тогда начало складываться понимание Палаузова как первого современного болгарского историка, хотя эту тему тогда еще особо и не разрабатывали.

Как правило, сборникам предшествовали конференции, симпозиумы, сессии, семинары, празднования юбилеев, а за ними следовали презентации, сообщения в научной печати и в некоторых газетах и журналах общего характера, или же по радио и телевидению, а в последние годы и по интернету. С конца 1990-х годов количество этих сборников неимоверно возросло – коллеги любят посвящать исследования своим друзьям и сослуживцам на

поприще исторической науки. Иной вопрос, сколько собственно историографических работ можно найти в них, но факт в том, что начальная база для будущей истории исторической науки создавалась и продолжает таким образом создаваться, тем более что в любом из сборников имеется биография и библиография юбиляра. Первая общая био-библиография болгарских историков появилась лишь в символическом для Болгарии 1981 г. [21], хотя некоторые материалы об историках стали публиковаться еще в первых болгарских энциклопедиях и справочниках, что продолжается и сегодня. Что же касается истории остальных видов исторического познания, то их историографическое изучение только началось [10].

Поскольку Историография является наукой комплекса исторических наук, ей в первую очередь нужны разнообразные историографические источники. Во втором десятилетии XX в. В. Н. Златарский стал переиздавать сочинения Марина Дринова и Константина Иречека вскоре после смерти обоих ученых, с которыми давно дружил и сотрудничал. Эта историографическая линия продолжается до сих пор и является отрадным явлением на фоне прочих историографических изысканий. Особенно интенсивно она развивалась с 1970-х годов, после реабилитации видных (но «буржуазных») наших ученых. Хорошая серия «Българско историческо наследство» издательства «Наука и изкуство» однако осталась неполной, незаконченной, а события конца 1980-х годов привели к ее прекращению. Но, что важнее, собрания сочинений наших «классиков и современников» продолжают издаваться.

Говоря об источниках, надо хоть упомянуть, что начиная с Дринова [11], болгарские ученые стали заботиться о личных архивах и библиотеках своих предшественников. Сегодня основная их часть хранится в центральных архивах и библиотеках, как в академических, так и университетских, в некоторых региональных музеях и центрах. Первое поколение университетских ученых, работая по своей тематике в личных архивах авторов XIX в., вовремя учло как важно сохранить на будущее свои архивы, библиотеки, личные вещи, а сами эти институты стали создаваться еще при министрах М. Дринове и К. Иречеке, на базе опыта периода Возрождения и приобретенного в процессе обучения в заграничных университетах.

Первые институты, которые имели отношение и к науке Историографии, создавались еще до Освобождения, иначе говоря

являлись плодом личных и общественных инициатив. Эта линия практически никогда не прерывалась, даже в смутное время первых послевоенных лет. Таким образом постепенно оформился круг институций, заботившихся о развитии исторической науки, а попутно затрагивавших и историографию. Очень популярные сегодня неправительственные организации, со всеми их претензиями и мнением о том, что в последние годы Восток заимствовал эту модель у Запада, на самом деле такого рода организации опираются на очень давние традиции и в самой Болгарии. Помимо государственных структур (университетов, академий, библиотек, архивов, музеев) в XX веке, и особенно теперь, появилось немало и частных.

Стоит однако специально напомнить о Болгарском историческом обществе (БИД). Его длинные и далеко не всегда лучезарные пути полностью еще неисследованы. Здесь упомяну только несколько важных моментов, имеющих прямое отношение к Историографии. В первую очередь – его роль в повышенном внимании к историографическим аспектам. Так, по инициативе общества, в 1972 г. состоялась международная конференция по проблемам болгарской исторической науки после Второй мировой войны [20]. В начале 1980-х годов в рамках Общества была создана Комисия по Историографии во главе с М. Велевой, которая проводила ежемесячные семинары, национальные и международные конференции по истории и теории исторической науки, а соответствующие материалы публиковались в изданиях Общества. Впрочем, и ранее Общество инициировало конференции, посвященные жизни и творчеству историков и было очень активным: проводило свои конгрессы с участием специалистов разных стран, и стало соорганизатором международных конгрессов болгаристики и прочих международных форумов, издавало историографические источники.

Несмотря на это, или же в связи с этим, различные периоды исследованы весьма неравномерно, о многих ученых исследований и вовсе нет, так что болгарская историография достаточно далека от написания общей истории болгарского исторического познания и даже только истории исторической науки. Причины такого состояния, мягко говоря, многочисленны и очень разнообразны.

Хотя Университетской историографии в Болгарии без малого 125 лет, но и сегодня ее положение и отношение к ней выглядят не лучшим образом. Многие болгарские ученые считают ее наукой

надуманной и ненужной, ибо любой историк начинает свои исследования, да и университетские лекции, если читает таковые, с источников и литературы и незачем, по их мнению, смотреть на Историографию как на отдельную науку. Это сказывается на университетском образовании, а, значит, и на школьном. История является единственным предметом, в рамках которого ученики даже средней школы ничего не слышат и не узнают о развитии исторической науки и ее представителях. Результаты печальные, поскольку у них складывается впечатление, что история даже и не наука, а какой-то очередной механизм обслуживания государственных и, что еще хуже, партийных интересов. Под «историком», таким образом, подразумевают скорее любого человека, кто так или иначе занимается прошлым. А прошлым, как известно, кто только не занимается!

В университетском образовании положение еще хуже. Как уже отмечалось, курс Историографии до Второй мировой войны в Софийском университете читался редко и весьма нерегулярно. После войны, после очередной битвы между чиновниками и учеными, А. Бурмов начал читать весьма интересный курс [4, с. 35–46; 1], увы тексты лекций не сохранились, да, к тому же, он прервался в связи с его смертью. Пару лет историографию читал Г. Тодоров, а потом опять перерыв. Наконец, с 1968 г. М. Велева стабилизировала его чтение, и этот курс существует и сегодня. Первый аспирант на очном отделении появился только в 1976 г., после долгих «сражений» Велевой с коллегией. С тех пор защитилось около десяти человек. И вплоть до недавнего времени велся бессмысленный спор о том, объявлять или же не объявлять специальную аспирантуру по Историографии. Четыре нынешних доктора истории защитились по этой специальности после самостоятельной подготовки, но только один из них продолжает разрабатывать историографические проблемы. Ситуация усугубляется тем, что в Софийском университете, три года назад, прекратили семинарские занятия по данному курсу, да и десятилетиями упорно отказывают объявить асистентский конкурс. Между тем, все университеты в Болгарии смотрят именно на практику Софийского университета и повторяют ее. Еще в 1990-е годы было отказано в открытии магистерской программы по Историографии [7; 15, 363–408], также как в 1970-е отказались читать специальный курс теоретического источниковедения. И в

других университетах Болгарии лишь некоторые из защитившихся по Историографии продолжают работать на этом поле. В государственных университетах в Пловдиве, Благоевграде, Шумене и в частных университетах в Варне и Софии в 1990-е годы, вместо того, чтобы подготовить молодых людей, которые занялись бы соответствующими исследованиями и преподаванием, курсы Историографии доверялись «своим людям», у которых специальной подготовки не было, а аспирантура по данной специальности так и не появилась.

Из преподающих ныне в болгарских университетах Историографию только трое защищались по Историографии и все они доценты (Э. Дроснева и Т. Попнеделев в Софии, Н. Проданов в Тырнове и Шумене, а Петър Пырванов, занимаясь историографией, преподает экономическую и хозяйственную историю на хозяйственном факультете в Благоевграде). Таким образом, после первой историографической монографии, написанной историографом [2], появились очень немногие книги историографов, в отличие от многочисленности историографических статей, а обучение студентов страдает больше, чем допустимо. Не говоря о том, что время от времени идут разговоры, что Историографию лучше вообще убрать из учебного плана, или же преподавать только мировую, представления о которой достаточно «сомнительны» и весьма странные. И хотя давно и не единожды историографы объясняли, что такое Историография, как ведутся занятия в Софийском и иностранных университетах и как нужно вести обучение [20, с. 115–123; 4, с. 11–22; 5; 6; 7], толку от этого мало, а порою складывается впечатление, что и вовсе нет. Многочисленные наши дипломники, написавшие отличные работы, дальше историографией не занимаются из-за всего этого состояния. Продолжают отлично работать в Институте исторических исследований, в том числе по проблемам историографии, Любомила Соленкова и Димитър Христов. Между прочим, одно время в этом институте была Проблемная группа историографии и методологии, которой давно нет, но в этом вряд ли стоит винить только перемены конца 1980-х годов.

Все это, увы, тоже тропинки, хотя и не всегда веселые, науки Историографии в Болгарии. Достаточно сказать, что если в нынешней Болгарии работают в университетах и институтах

БАН примерно 350 историков, только шестеро в университетах и трое в БАН получили специализированную подготовку в области Историографии, да далеко не все они продолжают разрабатывать ее и заниматься ею.

Приходится констатировать, что в отношении Историографии болгарская историческая наука, развивающаяся в целом достаточно успешно, не располагает путями и дорогами, не говоря о магистральных. А тропинки, как известно, создаются людьми, бывают узкими и часто прерываются неожиданными обстоятельствами, человеческими и общественными «капризами». Нельзя развивать историографию без людей, т.е. без специалистов и без заботы о выращивании следующего поколения и о его реализации. Всегда утверждала, что когда в данной национальной исторической науке Историография отсутствует, или же вынуждена развиваться весьма символически, это говорит не в пользу научного сообщества, ибо свидетельствует о состоянии самосознания историков: нет понимания значимости их науки в комплексе наук и в общественной жизни. А кому иному, как не им, объяснять людям, что такое Наука История и кто такой Историк? Да и если у историков нет профессионального самосознания, как же можно ожидать, что общество оценит важную миссию Истории и историков в своей жизни?

1. Велева М. Александър Бурмов. – С., 1988. – 176 с.
2. Велева М. Димитър Страшимиров. Историографски очерк. – С., 1972. – 203 с.
3. Велева М. Историкът и историята. (Разговор с проф. Хр. Гандев по случай 70 години от рождението му) // Векове. – 1978. – № 3. – С. 78–82.
4. Велева М. Как се пише история. Историографски студии. – С., 2013, 543 с.
5. Дроснева Е. Аспекти на историографската оценка (Варна, юни 1991) // История. – 1993. – № 4. – С. 21–29.
6. Дроснева Е. ”За” и ”Против” историографията като наука и университетска дисциплина // История, общество, философия. – 1991. – № 6. – С. 105–109.

7. Дроснева Е. Четенията по Историография в Софийския университет (1986-2006) // Университетски четения и изследвания по българска история: IV международен семинар Смолян (11–13 май 2006 г.). – С., 2008. – С. 784–800.
8. Дроснева Е. Историческото слово в преходните времена // Общества в преход – теория и практика : сборник доклади от V-та международна научна конференция (Велико Търново 2000 г.). [В. Търново, 2000]. – С. 83–95.
9. Дроснева Е. Устно, ръкописно и печатно слово в българския XVIII век // Исторически студии [Т. 4] Границата в историята. – С., 1999. – С. 90–101.
10. Дроснева Е. Фолклор, Библия, История (Към 230 годишнината на История славянобългарска). – С., 1995. – 256 с. [2 изд. 2002. – 331 с.].
11. Дроснева Э. Санктпетербургские веги болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв. // Клио (СПб). – 2013. – № 12. – С. 132–135.
12. Дроснева Е. Срезневски, българите и България през 170 години // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Харков–София, 2013. – Т. 6. – С. 92 – 124.
13. Дуйчев И. Преглед на българската историография // Jugoslovenski istoriski casopis. – 1938. IV. – № 1–2. – Р. 40–74.
14. Изследвания в чест на Марин Дринов. – С., 1960. – 650 с.
15. История и историография. Сборник в чест на проф. д-р Мария Велева. – С., 2008. – 416 с.
16. Лекционни курсове на проф. Васил Златарски. – С., 1999. – Т. 1. – 537 с.
17. Палаузов Н. Х. Жизнеописание на Юрия Ивановича Венелина. – Одесса, 1851. – 32 с.
18. Палаузов С. Избрани трудове. – С., 1977. – Т. 2. – 830 с.
19. Попнеделев Т. Списание «Исторически преглед» (1945–1948). Към марксисткото преустройство на историческата наука в България. – С., 2006. – 281 с.
20. Проблеми на българската историография след Втората световна война. – С., 1973. – 701 с.
21. Чолов П. Български историци. Биографично-библиографски справочник. – С., 1981. – 528 с. [2 изд. – 1999; 3 изд. – 2010].

Дроснева Е. Стежки Историографії в Болгарії

Це короткий варіант узагальнення ідей та спостережень автора за станом Істориографії в Болгарії та тенденціями її розвитку з 1762 р. й по теперішній час. Керуючись своїм розумінням сутності Істориографії, автор веде мову про дослідження, публікації, жанри, інституції, проблемах освіти, але, перш за все, про людей, які створювали цю науку.

Ключові слова: Болгарія, Істориографія, жанри, інституції, університет, Марія Велева

Drosneva E. Paths of Historiography in Bulgaria

This short version of author's ideas on the development of the History of History represents certain moments and trends since 1762 up to now in Bulgaria. Following her understandings on what Historiography means the author writes about studies, publications, genres, institutions, educational problems and people who have used to develop this science in her country.

Keywords: Bulgaria, Historiography, genres, institutions, University, Marija Veleva

УДК 930.1:001.11

С. И. Маловичко

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ИСТОРИИ ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматривается вопрос о трансформации функций истории истории в соотнесении с общим процессом смены и сосуществования моделей научного знания: классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической. Автор обратил внимание на актуальные для той или иной модели исторической науки функции истории истории: критическую, методическую, деконструкции, понимания, системности, этическую и экспертную.

Ключевые слова: модель исторической науки, история истории, функции истории истории.

В данной статье мне представляется важным рассмотреть вопрос о трансформации функций истории истории в соотнесении с общим процессом смены и сосуществования моделей научного знания: классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической. Понимая, что знание вообще многофункционально, я обращаю внимание на те функции истории истории, которые являлись актуальными в тот или иной период ее истории и были связаны с потребностями, актуализируемыми тем или иным типом рациональности.

Хочу отметить, что в этой статье я не буду говорить о т.н. проблемной историографии, в виду того, что из-за научной формальности она часто выполняется не специалистами в области истории истории и, значит, этот вопрос лучше рассматривать отдельно.

Классическая модель исторической науки

Уже с конца XVIII в. исследователи, актуализировавшие вопрос о рациональной, а потом и научной критике работ историков стали

придавать истории истории *критическую функцию* (А. Л. Шлецер, М. Т. Каченовский, С. М. Строев, О. М. Бодянский, А. З. Зиновьев, А. Ф. Федотов и др.), которая, не просто как родимое пятно, а как важнейшая составляющая историографического анализа – видоизменяясь, – останется с ней навсегда.

В классической модели исторической науки, в ее позитивистской составляющей (являясь вспомогательной по отношению к национально-государственному нарративу), история истории выполняет еще и *методическую функцию* (я употребляю эту понятие, как наиболее соответствующее выполняемым задачам и наименее коннотативно нагруженное в отличие от понятий «инструментальная» или «прикладная», предполагающую, что знакомство с историей истории позволит лучше понять, что сделали, а что еще не успели сделать историки (т.е. «восполнить пробелы»). Согласно такому восприятию истории истории, К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что важно «представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтора столетия ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты...» [2, т. 1, с. I, 208–246]. Это же правило в конце 70-х годов XIX в. рекомендовал использовать Г. Г. Зерффи (1820–1892), замечая, что тем самым, мы помогаем приобщающимся к изучению этого предмета извлекать уроки из практики исторических исследований [29, р. XI, XIII].

Отношение к истории истории, как к «копилке» историографического опыта чаще всего вынуждало исследователей осуществлять эмпирическое исследование, в котором проявлялся еще и холизм, свойственный классической модели историографии. Например, В. С. Иконников указал, что подготовленная им работа, есть «материалы» для будущей историографии и, в чисто позитивистском духе, добавлял, что точность исторического исследования и прочность вывода историка зависят от признания «общих постоянно действующих законов» [5, т. 1, кн. 1, с. V–VI, 26]. Классикой эмпирического исследования в области истории истории, я думаю, можно признать работу Х. Е. Барнса о прогрессе историописания. Историк выполнил ее с эрудитской аккуратностью, включив около 2000 имен европейских (в том числе российских) и американских историков. Несмотря на несколько попыток связать прогресс историографических традиций (которые он

прослеживал с XVIII в.) с философскими идеями, его объяснения утонули в громаде эмпирических данных (по сути, в аннотируемой библиографии) [20].

Так как, в основе представлений об историческом процессе лежала теория «однолинейного прогрессизма», базировавшаяся на механизме, объясняющем развитие общества законами механической формы движения [11, с. 105], историки смотрели на историю «научного» (единственно верного) изучения прошлого, как на преодоление различных, ошибочных попыток предшественников изучать историю. М. В. Довнар-Запольский, исследуя русскую историографию, отмечал отрицательное значение для науки «скептической» школы и славянофилов [4, с. 245–267]. *Критическая функция* истории истории по отношению к изучаемым произведениям историков усиливается в советской историографии. Например, М. Н. Покровский подчеркивал, что кроме «западников», «славянофилов» и народников в русской историографии до марксистов не было ничего оригинального [17, с. 101–117].

Надо отметить, что советская историческая наука являлась одной из разновидностей классической модели исторического исследования. По мнению А. В. Лубского, – главное, что ее с ней объединяло, – это «стремление к получению объективно-истинного знания» [11, с. 105–106]. Советская историография ставила задачу дискредитации домарксистских и немарксистских исторических исследований, поэтому, кроме взглядов русских революционеров-демократов – вершины «исторической науки в домарксистский период», редакторы первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», не находили у всех остальных историков, отнесенных к «донаучному периоду» («когда история, несмотря на свои отдельные достижения, еще не стала подлинной наукой») прогрессивных идей [15, с. 11]. Во второй половине 80-х гг. XX в. ответственный редактор «Историографии истории Украинской ССР» И. С. Хмель отмечал, что «дореволюционная историография предстает как *предыстория подлинно научного изучения истории* Украины (курсив мой. – С.М.), развернутого советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии» [6, с. 9].

Критическая функция (как доминирующая) была присуща работам по истории истории, выполненным в Западной Европе и в США. М. Бентли отмечает, что в XX в. у критического направления

был «специфический аромат», т.к. историки критиковали своих предшественников за то, что те рассматривали прошлое «не так как надо», за «уклонение от истины», манипуляцию фактами, за «некомпетентность». После этого критики делали вывод, что только теперь исследования историков становятся «правдивее», а они сами избегают ошибок, которые совершали «экстравагантные предшественники». Таким образом, по мнению Бентли, историография превратилась в исследование ошибок, а «результат такой самопрезентации оказался губительным для предмета», – если современные историки пишут «правильно», а предшественники были «неправы», то какой смысл беспокоить себя и других Н. де Кондорсе, Т. Моммзен и пр. [22, р. XI–XIII]

Неклассическая модель исторической науки

Несмотря на предпринимавшиеся историками XIX в. попытки критики трудов предшественников и современников, история истории как рефлексия о процессе *конструирования истории* возникает вместе с появлением неклассического типа рациональности. Появившийся скептицизм по отношению к закономерности исторического процесса и его однонаправленной линейности способствовал пересмотру теоретической схемы позитивизма, а затем и вообще отказу от него. Рефлексия о критериях отбора исторических «фактов» позволила обратить внимание не на единственную (правильную) систему культурных и иных ценностей, действовавших в прошлом, а на несколько таких систем, между которыми надо найти связи. История истории остается критической, но эта роль все больше приобретает функцию *деконструкции*.

Неприятие П. Н. Милюковым эмпирической сути позитивизма (но не окончательный с ним разрыв) позволило историку обратить внимание не на одно, а на несколько главных течений «русской исторической мысли [...], которые толкали эту мысль вперед, расширяя и углубляя ее главное русло». Как можно заметить, концепция историка еще основывается на прогрессизме. Однако Милюков уже не отмечает *дополняющую* к национально-государственной истории функцию истории истории, а старается объяснить развитие исторической мысли развитием науки и культуры [13, с. 1–2].

Неклассический тип рациональности способствовал тому, что историки делают попытки осмыслить разные практики

историописания, чтобы организовать и/или систематизировать отдельные виды исторических исследований. Так, уже с начала XX в. исследователи начинают систематизировать историографический материал по направлениям исторической науки, например: военная, социальная, политическая, социологическая и другие истории [25, р. 3–12]. Такая практика получает дальнейшее распространение в исторической науке.

В рамках неклассической модели исторической науки (в ее советской разновидности) происходило изменение не только функций, но и статуса истории истории. В 60–70-х гг. XX в. шло ее превращение из вспомогательной исторической дисциплины в специальную дисциплину исторической науки (такой же процесс, как отмечает М. Бентли, в это время проходил в западноевропейской и американской историографии [21, р. IX]), и такая трансформация была связана с рефлексией историков о теоретической базе истории истории, ее предмете [14], но в первую очередь, с появлением научных исследований (статей и монографий) в которых позиционировался новый объект историографического исследования – собственная история. Началось конструирование истории историографии (или, как не совсем удачно пробовал ее называть С. О. Шмидт – историографии историографии). Таким образом, дисциплине была придана новая функция *саморефлексии* [9; 8].

Постнеклассическая модель исторической науки

Новая модель характеризуется вниманием к языку и текстам, актуализацией проблем исторического нарратива и исторической репрезентации. Конечно, тут нельзя не вспомнить, знаковую работу Х. Уайта «Метаистория». Под влиянием парадигмальных «поворотов» происходит существенная трансформация предмета истории истории, ее проблематики, концептуального и понятийного аппарата. Исследователи обращают внимание на проблемы взаимодействия историописателей и общества («историческую культуру историков» и «историческую культуру остальных людей» [3, с. 343–371]), на «ступени и форму исторической культуры» и эволюцию исторического сознания в связи со сменой типов культуры [1, с. 6].

На гносеологическом уровне историки признали равноправие разных моделей познания, типовой рациональности и стилей мышления, культурный плюрализм и самоценность как интеллектуальной, так

и «низовой» или массовой культуры. Например, М. С. Филлипс предложил изучать производство истории в XVIII в. как систему сосуществующих и связанных «жанров» (он не игнорирует те жанры исторической литературы, которые в науке привыкли называть «неисторией»). По его мнению, система динамична и изменяется не столько от потребностей науки, сколько от меняющихся запросов читающего общества [24, р. 8–21, 343].

В связи с актуализацией проблем глобализации и культурной множественности историки стали осмысливать и систематизировать историографический материал уже не столько по направлениям, а по моделям (традициям) исторического знания: западная (европейская), восточная – арабо-исламская, индо-буддийская и т.д., проявляя большее внимание к множественности практик обращения к прошлому и сравнению их с западной традицией [27; 25].

Знаковой для постнеклассической исторической науки конца XX века становится проблематика социальной / исторической памяти, истории как памяти, что стало выводить историческое познание и историографические исследования на полидисциплинарный уровень и включать их в максимально широкие и разнообразные социокультурные контексты. История истории, как и прежде, выполняет функцию *деконструкции*, но уже не столько исторической науки, сколько исторического знания и связанной с ним исторической памяти, предлагая их *понять*.

С конца XX в. история истории окончательно перестает дополнять национально-государственную или всемирную историю (я имею в виду научные исследования, а не учебную литературу), неслучайно, исследователи признают, что «происходит революция в статусе и содержании историографии» [см.: 21, р. VIII], что идет «процесс превращения историографии в самостоятельную научную дисциплину», которая необходима уже не только историкам [см.: 16, с. 75–76]. В интеллектуальной истории – предметном поле постнеклассической исторической науки все активнее изучается история исторической культуры, которая включает не только произведения историков, но весь комплекс представлений о прошлом и способы его репрезентации) [19, с. 372–410]. Историки стали целенаправленно *конструировать* исторические объекты, которые теперь выступают в качестве самостоятельного предмета исследования. Как мы уже писали, предметные поля современного

научного исторического знания преодолевают классическую дисциплинарную модель науки, поскольку имманентно предполагают полидисциплинарность, т. е. конструирование своего предмета / проблемы средствами разных научных дисциплин, и междисциплинарность, т. е. использование исследовательских практик различных гуманитарных и социальных наук [12, с. 115].

Неоклассическая модель исторической науки

Современная ситуация характеризуется все большим размежеванием разных типов исторического знания: социально ориентированного и научного. Происходит актуализация неоклассической модели исторической науки, пытающейся преодолеть постмодернистскую эпистемологическую анархию. Она критикует неупорядоченность исторического знания, стремится прояснить многообразие реальности, а на вызов постмодерна социальному статусу исторической науки отвечает защитой профессиональной составляющей исторического знания [11, с. 256–339]. Неоклассическая модель науки ведет поиск *строгих научных* оснований профессиональной деятельности историков и рефлексии о новых познавательных возможностях истории.

Истоки неоклассической рациональности, присутствует в рефлексии об истории истории у некоторых исследователей еще начала XX в. В первую очередь – у представителя русской версии неокантианства А. С. Лаппо-Данилевского. Основным принципом в подходе к истории истории ученого нужно признать – *системность*, которая придает строгость научному знанию. Лаппо-Данилевский старался определить место истории истории в системе наук (не только исторических) и наметил ее связь с историей философских идей. Он отмечал разницу между историческими и историографическими источниками, а также предупреждал о недопустимости смешивать научную историю с националистическими и другими идеями, не имеющими отношения к науке [см.: 8, с. 72, 83, 94–95].

Находившийся под влиянием неокантианства Б. Кроче, сформулировал принцип, схожий с принципом Лаппо-Данилевского. В рассуждениях итальянского историка также можно выделить *функцию системности* истории истории. Во-первых, он предложил разграничить историю истории и «истории практических явлений, или социально-политического духа» (надо заметить, что в рамках истории истории этим грешили и грешат до сих пор, как зарубежные,

так и отечественные историки). По его мнению, социально-политические истории, – «это не историография, а актуальные истории». Во-вторых, Кроче считал, что исследователи должны выявлять научную историографию, которая боролась «против научно-несостоятельных историографий» [10, с. 103–106].

Сегодня специалисты в области истории истории все чаще говорят о новой, «более сложной, но безусловно, более точной версии такой истории» [28], о том, что «вытесняемые» за ненаучность (политические, правовые, этические вопросы) нужно вернуть в круг историографических проблем, но не затем, чтобы разбавлять ими научную историю, а для их деконструкции [23, р. 33]. Историки рефлексиируют о трансформации самой критической функции истории истории, которая должна быть *этической*, основываться на понимании и объяснении, что позволит обратить внимание на профессионализацию дисциплинарной историографии, профессиональную этику историков, а в конечном итоге, – на проблему социальной ответственности последних [18].

Рефлексия о неоклассической модели исторической науки, об истории как *строгой науке* позволила Научно-педагогической школе источниковедения (сайт Источниковедение.ru) [7] актуализировать формирование предметного поля – *источниковедение и историографии* в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. В данном предметном поле мы рассматриваем проблемы способов презентации и позиционирования исторического знания (научного и социально ориентированного) и соответственно, применения источниковедческого подхода для выявления типов исторического знания и последующей видовой классификации историографических источников (произведений историков). На мой взгляд, в данном случае, источниковедение историографии выполняет не только функцию *системности* и *этическую* функцию, но еще и *функцию экспертную*, столь необходимую в ситуации, когда ширится состав субъектов, располагающих возможностью позиционирования того или иного взгляда на прошлое.

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М., 1987. – 348 с.
2. Бестужев-Рюмин К. [Н.] Русская история : в 2 т. – СПб., 1872–1885.
3. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. – М., 2002. – 496 с.
4. Довнар-Запольский М. В. Исторический процесс русского народа в русской историографии // Из истории общественных течений в России : Статьи проф. М. В. Довнар-Запольского. – К., 1910. – С. 245–267.
5. Иконников В. С. Опыт русской историографии : в 2 т. – К., 1891–1908. – Кн. 4.
6. Историография истории Украинской ССР / отв. ред. И. С. Хмель. – К., 1986. – 556 с.
7. Источниковедение.ру: страница науч.-пед. школы [Электронный ресурс] / редкол. : Д. А. Добровольский и др. – Электрон. дан. М., сеп 2010–2013. – Режим доступа : <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
8. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1983. – 220 с.
9. Колесник И. И. Исследование отечественной историографии в трудах В. И. Шевцова // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX вв. : сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1982. – С. 154–166.
10. Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998. – 192 с.
11. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. – М., 2005. – 352 с.
12. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Структура исторического знания: от дисциплинарности к полидисциплинарности // Стены и мосты: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории : материалы междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 13–14 июня 2013 г. – М., 2014. – С. 109–117.
13. Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. – М., 1897. – Т. 1. – 319 с.
14. Нечкина М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. – М., 1965. – С. 6–26.

15. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. – М., 1955–1985. – Т. 1. – 693 с.
16. Пікалов В. Г., Посохов С. І. Історіографія як наукознавча дисципліна // Історична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи : матеріали Всеукр. наук. конф. (м. Харків, 15–17 листопада 1995 р.). – Х., 1995. – С. 72–76.
17. Покровский М. Н. Как и кем писалась русская история до марксистов // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи, заметки) : в 2 вып. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – 329 с.
18. Посохов С. И. «Своевременные размышления» о теориях памяти, типах культуры и смыслах истории // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2013. – Вип. 12. – С. 6–23.
19. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – 560 с.
20. Barnes H. E. History its Rise and Development : A Survey of the Progress of Historical Writing from its Origins to the Present Day. – N.Y., 1919 [Reprinted from the 1919 ed. of the Encyclopedia Americana]. – P. 205–264.
21. Bentley M. Modern Historiography : An Introduction. Contributors. – L., 1999. – 182 p.
22. Bentley M. General Introduction : The Project of Historiography // Companion to Historiography / ed. by M. Bentley. – N.Y., 1997. – P. XI–XVI.
23. Lorenz C. History and Theory // The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. – N.Y., 2011. – Vol. 5 : Historical Writing Since 1945 / eds. by A. Schneider, D. Woolf. – P. 13–35.
24. Phillips M. S. Society and Sentiment : Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. – Princeton, 2000. – 569 p.
25. The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. – N.Y., 2011–2012.
26. Vincent J. M. Historical Research an Outline of Theory and Practice. – N.Y., 1911. – 368 p.
27. Woolf D. Historiography / Daniel Woolf // New Dictionary of the History of Ideas : in 6 vols. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 1. – P. XXXV–LXXXVIII.

28. Woolf D. Rezension zu : Berger, Stefan; Lorenz, Chris (Hrsg.) : The Contested Nation. Ethnicity, Class, Religion and Gender in National Histories. – Basingstoke, 2008 // H-Soz-u-Kult [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Berlin, cop 2011–2014. – Режим доступа : <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/id=11324/>, свободный.
29. Zerffi G. G. The Science of History. – L., 1879. – 802 p.

Маловичко С. І. Трансформація функцій історії історії в системі історичної науки

У статті розглядається питання про трансформацію функцій історії історії у співвіднесенні із загальним процесом зміни і співіснування моделей наукового знання: класичної, некласичної, постнекласичної і неокласичної. Автор звернув увагу на актуальні для тієї чи іншої моделі історичної науки функції історії історії: критичну, методичну, деконструкції, розуміння, системності, етичну та експертну.

Ключові слова: модель історичної науки, історія історії, функції історії історії.

Malovichko S. I. Transformation of functions of history of history in system of a historical science

In this paper, the question on transformation of functions of history of history in correlation with the general process of change and coexistence of models of a historical science is considered: classical, nonclassical, postnonclassical and neoclassical. The author has paid attention on actual for this or that model of a historical science of functions of history of history: critical, methodical, deconstructions, the understanding, systematic, ethical and expert.

Keywords: model of historical science, history of history, functions of history of history.

УДК 930 (470+571) «20/...»:94(47+57) «192»

И. Б. Орлов

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА (К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КАРТЫ»)

В статье на основе изучения комплекса диссертационных исследований, связанных с проблематикой нэпа, предложен набор количественных и качественных критериев для составления «исследовательской карты», которые позволяют выявить место и роль «нэповедения» в отечественном и мировом историческом сообществе. Также в статье на примере диссертаций 1990–2000-х гг. выявлены основные тенденции в развитии историографии новой экономической политики.

Ключевые слова: историография, нэп, «исследовательская карта», проблемные поля.

«Если бы научные истины были окончательными ... вся научная деятельность свелась бы к популяризации уже открытого» (Антонио Грамши)

2000-е годы продемонстрировали общее снижение интереса к собственно историографическим работам по проблемам нэпа. Увидевшие свет в эти годы историографические исследования, по большей части, посвящены отдельным аспектам новой экономической политики [см., например: 5, с. 134–138; 14; 15, с. 124–130; 28, с. 259–270]. Это актуализировало вопрос о возможности и необходимости составления «исследовательской карты» новой экономической политики, впервые поставленный автором статьи на конференции в ИРИ РАН в декабре 2012 г. В основу историографического анализа, позволяющего создавать такие «карты», положены следующие комплексы:

во-первых, историографические работы и обзоры, несмотря на ограниченность последних довольно узкой проблематикой;

во-вторых, исторические работы и диссертационные исследования, содержащие, в том числе, анализ соответствующей литературы;

в-третьих, рецензии на наиболее значимые труды;
в-четвертых, обзоры конференций, научных семинаров и «круглых столов» по рассматриваемой проблематике.

Правда, учитывая огромное количество работ по указанной теме, возникает вопрос критериев историографического отбора. Например, принцип значимости работ, при слабой пока распространенности практики индексов цитирования, содержит опасность оценочного субъективизма. Ограничение выборки фундаментальными монографиями и аналитическими журнальными статьями также не гарантирует реальной картины в сфере изучения нэпа. Подавляющая масса соискателей степени (даже докторской) избегают проблемного подхода к нэпу в целом, опасаясь обвинений в чрезмерно раздутом проблемном поле. Еще одна проблема – реконструктивные возможности историографических исследований. Подобные исследования и особенно обзоры зачастую представляют собой «набор» рецензий на работы отдельных авторов, не давая, как уже указывалось, цельной картины.

Все это ставит в повестку дня задачу «картографирования» историографии (прежде всего, региональной) нэпа, в том числе, в целях определения проблемных полей и исследовательских лагун. При составлении «исследовательской карты» нэпа предлагается учитывать следующие количественные и качественные показатели:

- введение в научный оборот новых источников и уровень документальных публикаций;
- количество изданных монографических исследований (в том числе, в соавторстве с российскими и иностранными учеными; коллективных и индивидуальных; удельный вес фундаментальных трудов);
- возникновение новых направлений в изучении проблемы;
- число защищенных диссертаций (отдельно докторских) по годам и проблематике;
- структуру исследовательского «цеха»: удельный вес научных сотрудников РАН и других исследовательских институтов и лабораторий; преподавателей вузов (в том числе, ведущих университетов страны); бизнесменов; государственных служащих; «свободных художников» и т.п.;
- совершенствование исследовательской техники;
- публикаторскую активность исследователей (в РИНЦ, Web of

- Science, Scopus), в том числе, до и после защиты диссертаций;
- квартильность отечественных и зарубежных журналов, в которых публикуются статьи о периоде новой экономической политике;
- число и уровень (международный, всероссийский, региональный, межвузовский и пр.) проводимых конференций по периоду нэпа;
- удельный вес публикаций о периоде 1920-х гг. в материалах и трудах иных конференций;
- наличие региональных школ «нэповедения» (в том числе, число диссертаций, защищенных под руководством того или иного руководителя);
- численность и содержание историографических обзоров, посвященных периоду 1920-х гг.;
- уровень грантовой поддержки (исследовательской и издательской) работ по рассматриваемой проблематике: количество грантов и поддержанная проблематика;
- количество сборников по истории 1920-х гг. с участием международных ученых (в том числе, переведенных на иностранные языки);
- наличие формальных и неформальных объединений специалистов – «нэповедов».

Понятно, что в рамках данной статьи возможно рассмотреть только отдельные показатели историографического процесса. Автор полагает, что наиболее значимым индикатором анализа нэповской проблематики (как, впрочем, и большинства тем) сегодня являются диссертационные исследования, которые носят структурированный и явно выраженный проблемный характер. В них, прежде всего, проявляются и историографические новации. Анализ диссертационных исследований позволяет уловить не только степень изученности того или иного вопроса, но и процесс формирования новых проблемных полей. Кроме того, пик публикаторской активности авторов в большинстве случаев приходится именно на период подготовки кандидатских и докторских диссертаций.

Анализ 1474 кандидатских и докторских диссертаций 1992–2010 гг., в которых нашла отражение нэповская проблематика, позволил автору выявить несколько измерений современной историографии нэпа [более подробно об этом см.: 22, с. 387–395].

Во-первых, по своей тематике¹ они распределились следующим образом. На первом месте оказались работы, посвященные экономическому развитию и финансам (263 диссертации). Вторую позицию (238 работ) занимают исследования, посвященные проблемам государственного и национального строительства. Вопросы науки и образования периода нэпа утвердились на третьем месте (162), четвертой по числу работ стала группа исследований культурной политики новой власти (134), а пятой – социальной и демографической политики (96). В шестую группу вошли исследования, освещающие церковно-государственные и конфессиональные отношения (80), в седьмую – работы социально-политической проблематики (79). Восьмая группа исследований включает в себя работы, затрагивающие те или иные элементы «гражданского общества» двадцатых годов (71). Замыкают перечень диссертаций историографические работы (37), диссертации, охватывающие общие проблемы нэпа (20) и биографические исследования (15), так или иначе связанные с проблематикой новой экономической политики.

Во-вторых, географическое распределение диссертаций также показывает весьма неоднородную картину. С большим отрывом от Санкт-Петербурга (90) лидирует Москва (389). На третьей позиции разместился Саратов (47). В группу «лидеров» (число защищенных работ более 20) вошли: Воронеж (24), Екатеринбург (37), Иркутск (33), Казань (27), Краснодар (29), Курск (25), Махачкала (29), Новосибирск (34), Омск (25), Пенза (29), Улан-Удэ (37), Уфа (26). При этом ряд регионов, помимо столиц, представлен сразу тремя центрами: Краснодарский край (Краснодар, Армавир, Кропоткин); Ростовская область (Ростов-на-Дону, Зерноград, Новочеркасск); Ставропольский край (Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск). Двумя центрами представлены три области (Свердловская – Екатеринбург, Нижний Тагил; Тюменская – Тюмень, Тобольск; Самарская – Самара, Тольятти), две республики (Карачаево-Черкесская – Черкесск, Карачаевск; Удмуртская – Ижевск, Глазов) и два края (Алтайский – Барнаул, Бийск; Хабаровский – Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре). С учетом проводимых конференций и публикаций иного рода (монографий, статей и пр.), можно говорить о вполне сложившихся

¹ Критериями тематической разбивки выступают сформулированные самими диссертантами объект и предмет исследования.

казанской, краснодарской, саратовской, ставропольской и ростовской школах, а также о ряде формирующихся в последние годы центров исследования новой экономической политики.

В-третьих, из 389 защищенных в Москве диссертаций почти четверть (92) посвящены региональной тематике. Но среди этих работ, анализирующих процессы 1920-х гг. в московском регионе, совсем немного (18). Даже с учетом исследований, в которых Москва и Московская губерния рассматриваются в более широком географическом пространстве (Центрально-промышленный район, Центральное Нечерноземье и т.п.), общее число диссертаций увеличится несущественно – до 26 работ. Очевидно, что Москва остается ведущим центром подготовки диссертаций на общероссийскую и союзную проблематику, тогда как весьма условно можно говорить о наличии московской школы «двадцатников».

В-четвертых, анализ защищенных работ показывает, что современные исследования нэпа органично вписываются в очерченные исследователями ключевые проблемные области постсоветской историографии [16, с. 3–4]. При этом виден определенный историографический поворот в исследовании нэповской проблематики. Изучение экономических (прежде всего, реформаторского потенциала нэпа) и политических (включая внутрипартийные разногласия) аспектов жизнедеятельности социума двадцатых годов все больше заменяется исследованиями в области повседневной истории и массового сознания. Утверждение взгляда на нэповское общество как сложную систему взаимосвязей различных «групп интересов» способствовало выделению в самостоятельное исследовательское направление изучения бытовых практик нэповского общества, нацеленных на выживание и адаптацию к поворотам властной «машины». Приметой времени стало наличие соответствующего параграфа, раздела или хотя бы сюжетов иллюстративного характера в работах, посвященных разным аспектам новой экономической политики.

Анализ комплекса диссертаций 1993–2009 гг. позволяет выявить ключевые точки, как в отношении определенной тематики, так и нэповских исследований в целом. Ниже представлен ряд таблиц, отражающих динамику диссертационных защит (в том числе, докторских) по ряду проблемных полей по степени их убывания.

Общественно-политическая жизнь

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
14/3	10/2	7/3	7/4	11/4	7/2	11/3	14/6	13/3	11/1	19/6	10/1	4/0	3/1	1/0	1/0	143/39

Культурное строительство

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
4/0	2/0	6/0	7/0	3/1	9/3	9/1	11/1	6/0	5/0	14/0	12/1	6/0	2/0	2/0	2/0	100/7

Развитие городской промышленности, транспорта и торговли

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1/0	3/0	4/1	4/0	2/1	9/2	7/3	11/3	5/2	7/1	5/1	11/2	10/1	5/0	2/1	2/1	1/0	91/19

Образование

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
6/0	5/0	2/1	3/1	5/1	2/0	9/1	8/2	7/1	7/2	11/2	6/0	10/0	0	1/0	0	82/11

Социальная политика и социальная структура

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1/0	2/0	6/2	3/0	7/1	6/2	5/4	9/3	8/2	7/0	10/2	5/1	10/0	1/0	1/0	1/0	80/17

Церковно-государственные и конфессиональные отношения

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/0	5/0	1/0	4/0	8/2	3/1	9/0	1/0	10/0	4/0	11/2	8/0	8/0	1/0	3/1	2/0	80/6

Сфера права, государственного контроля и безопасности

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1/1	6/2	3/0	1/0	5/1	5/0	3/1	5/1	14/2	9/1	12/0	9/0	5/0	0	2	0	78/9

Аграрная проблематика

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
4/0	5/1	4/0	10/3	5/2	2/0	5/1	3/1	3/0	9/2	11/4	8/0	5/0	1/0	1/0	1/0	77/13

Историография и исторические институты

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
7/0	2/1	4/2	6/3	5/1	6/1	8/1	4/0	6/2	3/1	8/1	4/3	5/0	1/0	1/0	1/0	71/16

Национально-государственное строительство и национальные отношения

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/0	2/2	6/3	3/1	4/2	1/1	5/1	7/1	6/3	5/1	6/0	7/1	6/0	4/0	2/0	2/1	1/0	68/17

Развитие научного знания¹

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/0	4/1	2/1	1/0	4/1	0	3/1	1/0	5/0	1/0	9/3	3/0	3/0	1/0	0	1	40/7

Быт и повседневность

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/1	1/0	2/1	3/0	2/0	0	5/0	4/1	9/1	1/0	4/0	0	0	0	0	33/4

Менталитет и общественные настроения

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
3/0	1/0	1/0	2/1	2/1	2/1	2/0	3/0	3/0	3/1	3/1	3/0	1/0	0	0	29/5

¹ Из 40 диссертаций 7 были защищены не по специальности «История».

Видно, что, несмотря, на все «повороты», до середины 2000-х гг. устойчиво сохранялся интерес к социально-политической проблематике. Интересно, что пик диссертационной активности по 11 показателям (по 7 единолично) из 13 приходится на 2004 г. (по остальным 2 показателям 2004 г. находится на втором месте). Думается, подобное «западение» не случайно, а объясняется, с одной стороны, резким расширением на рубеже 2000-х гг. источниковой базы, а с другой, появлением в этот период целой плеяды докторов наук нового (постперестроечного) поколения, активно включенных в систему международных научных связей и грантов, и ориентированных на формирование научных школ или, по крайней мере, получения ученого звания профессора. В этом плане, несомненно, доминируют 2000-е гг.: среди первых мест только один раз присутствует (и то в совокупности с еще 4-мя годами) 1995 г., а среди вторых позиций два раза отмечен 1994 г. и один раз 1997 г. Впрочем, по всем 13 показателям 1990-е гг. уступают 2000-м гг. по числу защищенных диссертаций. И это несмотря на более благоприятные условия для защиты диссертаций. Другое дело, что в «лихие девяностые» научная работа не была ни востребованной, ни сколь-нибудь престижной и оплачиваемой. Наблюдался еще один парадокс. При повышении интереса к проблематике повседневной истории, истории ментальности и социальной истории, во второй половине 2000-х гг. мы наблюдаем почти «нулевой вариант» в отношении защит. Отчасти это «компенсировалось» целым рядом вышедших в этот период монографий,² отчасти, как уже указывалось, отражением повседневной проблематики в диссертациях иной тематики.

В свою очередь, анализ динамики диссертационных защит показывает, сколь невелико число ученых, защитивших за рассматриваемый период кандидатскую и докторскую диссертацию по проблематике, связанной с периодом 1920-х гг. В частности, в рассматриваемый временной промежуток попадают диссертации: Н. Н. Аблажей, З. С. Бочаровой, Д. М. Гусейнова, Е. Е. Дутчак, В. Ф. Ершова, С. С. Загребина, М. Ю. Мухина, О. Г. Назарова, И. Б. Орлова, А. С. Соколова, Т. П. Хлыниной. При этом время между защитой кандидатской и докторской колеблется у названных ученых от 4 до 14 лет, составляя в среднем около 9 лет. При этом переход в новое (докторское) качество демонстрирует несколько

² Прежде всего, в росспэновской серии «Социальная история XX века»

вариантов: расширения хронологических рамок исследования при незначительном расширении проблемного поля [6; 7; 8; 9; 12; 13]; смены специальности [17; 18; 26; 27]; расширения проблемного поля при сохранении хронологических рамок [10; 11; 19; 20; 21; 23; 24; 25]; одновременного расширения хронологических, географических рамок и проблемного поля [1; 2; 3; 4].

Выборочный анализ публикаторской активности соискателей научных степеней на 1 февраля 2014 г. (по данным РИНЦ) показывает значительный разрыв в этом отношении у диссертантов даже одного года защиты. Например, у кандидатов исторических наук, защитившихся в 2011 г., число индексируемых работ колеблется от 4 до 48. Для сравнения, для кандидатов наук 2010 г. этот разрыв был меньше - от 4 до 20, а аналогичные показатели 2009 г. колеблются еще меньше - от 2 до 6. То есть, по крайней мере, для указанного 3-летнего периода (2009–2011 гг.) выявляется тренд роста разрыва в публикаторской активности молодых ученых. Вряд ли это можно объяснить процессом слабого вовлечения исследователей в РИНЦ (в системе образовательных и научных учреждений регистрация в РИНЦ стала обязательным условием), как и разницей издательских возможностей в различных регионах. Появление гуманитарных электронных журналов, расширение числа онлайн-конференций с возможностью размещения материалов на зарегистрированных сайтах и пр., – все это во многом сняло проблему «удаленного научного доступа». Изучение личных страниц диссертантов в Интернете позволяет сделать заключение о вовлечении в «защитный процесс» представителей бизнеса, депутатов, чиновников и силовиков, в ряде случаев даже не имеющих базового исторического образования, чья публикаторская активность резко падает после защиты диссертации.

Как уже указывалось, данная статья является всего лишь исследовательской «матрицей» для формирования новых подходов к исследованию историографического процесса применительно к проблематике новой экономической политики. Каждый из указанных параметров может претендовать на самостоятельное исследовательское направление, в том числе, связанное с масштабом и степенью включения «нэповедов» в мировое историческое сообщество.

1. *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из восточных районов России в 1920–1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – Новосибирск, 1997. – 300 с.
2. *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Новосибирск, 2008. 341 с.
3. *Бочарова З. С.* Движение за возвращение на родину в российской эмиграции, 1920-е годы : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.01. – М., 1994. 206 с.
4. *Бочарова З. С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2005. – 449 с.
5. *Васько А. А.* НЭП и проблема гражданского общества в России: современная историография // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2009. – № 3. – С. 134–138.
6. *Гусейнов Д. М.* Индустриальное развитие Дагестана в 1921–1932 годы: Особенности, проблемы : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – Махачкала, 1996. – 206 с.
7. *Гусейнов Д. М.* Россия и индустриальное развитие Дагестана: Конец XIX - 30-е гг. XX в. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Махачкала, 2004. – 443 с.
8. *Дутчак Е. Е.* Старообрядческие таежные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.) : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Томск, 2008. – 493 с.
9. *Дутчак Е. Е.* Старообрядческое согласие странников, вторая половина XIX-XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – Томск, 1994. – 276 с.
10. *Ершов В. Ф.* Российская военная эмиграция 1921–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1996. – 213 с.
11. *Ершов В. Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: Организации, идеология, экстремизм : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2000. – 486 с.
12. *Загребин С. С.* Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900–1940 гг. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Челябинск, 1999. – 578 с.
13. *Загребин С. С.* Культурное строительство на Южном Урале в 1929–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – Челябинск, 1994. – 263 с.

14. *Кармазин А. С.* Историография социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса в 1921–1941 гг.: На материалах Уральского региона : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 27 с.
15. *Лейкина С. А.* Развитие кустарно-промысловой кооперации в Иркутской губернии в 1920-е годы (Историографический обзор) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. – Иркутск, 2000. С. 124–130.
16. *Медушевский А. Н.* Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 3–5.
17. *Мухин М. Ю.* Источники по развитию военной промышленности СССР в 1921–1941 гг.: По материалам РГАЭ : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.09. – М., 1996. – 249 с.
18. *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность до начала Великой Отечественной войны : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2008. – 446 с.
19. *Назаров О. Г.* Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2001. – 388 с.
20. *Назаров О. Г.* Внутрипартийная борьба в большевистской партии, 1923–1927 гг. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1995. – 346 с.
21. *Орлов И. Б.* Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2000. – 353 с.
22. *Орлов И. Б.* Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории : материалы международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.). – М., 2013. – С. 387–395.
23. *Орлов И. Б.* Поиск путей экономического развития страны и внутрипартийная дискуссия 1923–1924 годов : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1994. – 198 с.
24. *Соколов А. С.* Финансовая политика Советского государства в годы нэпа: 1921–1929 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2006. – 583 с.
25. *Соколов А. С.* Финансовая реформа 1921–1924 гг. и ее место в партийно-государственной политике : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1997. – 207 с.

26. Хлынина Т. П. Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.02. – М., 1993. – 210 с.
27. Хлынина Т. П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа, 1917–1937 гг.: Проблемы историографии : дис. ... д-ра ист. наук : спец. 07.00.09. – М., 2003. – 324 с.
28. Чернышова А. В. Проблемы управления советской доколхозной деревней в современной историографии // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России : сб. научных трудов. – Н. Новгород, 2004. – С. 259–270.

Орлов І. Б. Сучасна історіографія непу (до питання про укладання «дослідницької карти»)

У статті на основі вивчення комплексу дисертаційних досліджень, пов'язаних із проблематикою непу, запропоновано набір кількісних та якісних критеріїв для укладання «дослідницької карти», які дозволяють виявити місце та роль «непознавства» у вітчизняному та світовому історичному співтоваристві. Також у статті на прикладі дисертацій 1990-2000-х років виявлені основні тенденції в розвитку історіографії нової економічної політики.

Ключові слова: історіографія, неп, «дослідницька карта», проблемні поля.

Orlov I. B. Modern historiography of the NEP (the question of drawing up a «research map»)

In article on the basis of the study of complex dissertation research related to issues of NEP, proposed a set of quantitative and qualitative criteria for the compilation of «research map», which allow to identify the place and role of historiography of the NEP in domestic and world historical community. Also in the article on the example of dissertations 1990-2000s main tendencies in the development of the historiography of the new economic policy.

Keywords: historiography, NEP, «research map», the problem field.

УДК 930.1:[82-94:303.446]

М. Ф. Румянцева

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СТАНОВЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Выявлены принципиальные различия дисциплинарного становления и развития историографии и источниковедения как базовых дисциплин исторической науки. Показано, что историография самым непосредственным образом связана со сменой типов рациональности / моделей науки. Основное внимание уделено источниковедению, которое рассматривается как сфера знания, предпосылки дисциплинаризации которой были заложены в российской версии неокантианства, а факторами дисциплинарного оформления стали идеологизация и монометодологизм советской исторической науки.

Ключевые слова: историография, история истории, источниковедение, российское неокантианство, дисциплина / субдисциплина исторической науки.

*Есть такая наука –
источниковедение! Её изучают в
некоторых университетах...*

Б. Н. Ельцин*

В актуальном историческом знании явно наметилась тенденция к поиску новой дисциплинарности, разворачивающемуся на фоне междисциплинарного синтеза и полидисциплинарных подходов, постепенно утвердившихся в исторической науке на протяжении XX века, начиная, по-видимому, с антропологического поворота и становления новой исторической науки. Вероятно, эту свежую тенденцию можно объяснить принципом, сформулированным более ста лет тому назад непопулярным нынче классиком: «Для того,

* Из интервью Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина по поводу мемуаров Строуба Тэлботта, американского дипломата, заместителя государственного секретаря США в 1994–2001 годах.

чтобы объединиться, надо сначала решительно размежеваться». В этом русле выполнено настоящее исследование, цель которого – выявить и сопоставить природу дисциплинарности таких базовых дисциплин (субдисциплин) научного исторического знания как источниковедение и историография. Причем, основное внимание я сосредоточу на источниковедении, поскольку история дисциплинаризации историографии представляется вполне очевидной, по крайней мере, – в общих чертах.

Базовое значение для моих рассуждений имеет, естественно, понятие *дисциплина исторической науки*, под которой я подразумеваю «историографически сложившуюся область научного исторического знания, имеющую собственный объект исследования» [24, с. 96].

Исходная гипотеза. Дисциплинарное становление и развитие историографии самым непосредственным образом связано со сменой типов рациональности / моделей науки. Причем, связано настолько, что моменты трансформации дисциплинарного статуса историографии можно, по-видимому, рассматривать как реперные точки смены моделей исторической науки. Напротив, дисциплинарное оформление источниковедения обусловлено спецификой российской (дореволюционной) и советской исторической науки. Соответственно основная *цель работы* – прояснить дисциплинарный статус источниковедения в актуальном историческом знании и наметить направления его перспективной модификации [проблема в таком ракурсе была поставлена: 17].

Дисциплинарный статус историографии: от неклассической к неоклассической модели науки

Необходимое терминологическое разъяснение: здесь я пользуюсь привычным термином *историография*, поскольку именно это понятие фиксировало обретение данной областью исторического знания дисциплинарного статуса. Но вполне осознаю, что в актуальной теоретико-познавательной ситуации этот термин уже не вполне релевантен объекту исследования. При необходимости четкой дифференциации исторической науки (и соответственно – истории исторической науки) и социально ориентированного историописания (входящего в сферу исследования истории исторического знания), в условиях актуализации проблемы

нарратива (и соответственно – истории историописания) считаю предпочтительным наиболее нейтральный и одновременно всеобъемлющий термин – *история истории*.

Общая *схема* развития историографии / истории истории может быть представлена так. В конце XIX в. «история вступила в свой историографический возраст» [14, с. 23]. Эту фразу П. Нора многократно цитируют, поскольку она очень точно выражает суть перехода от классической модели науки (добывающей научную истину, понимаемую как соответствие т.н. объективной реальности) – к ее неклассической модели, в основе которой, с одной стороны, идея исторического разума (В. Дильтей), а с другой, – признание субъективности исследователя, имманентно включенной в полученный им научный результат. В постнеклассической науке идея исторического разума приобретает еще более фундаментальный характер, а утверждение парадигмального характера знания (Т. Кун) и развитие социологии знания с ее представлениями о «социальном конструировании реальности» (П. Бергер и Т. Лукман) ведут в ситуации постмодерна к замещению исторической реальности историографическими конструктами. После кризиса классической модели науки, параллельно с развитием ее неклассической модели начинаются (продолжающиеся по сию пору) поиски неоклассической модели науки, в которой историографическая деконструкция есть обязательное условие осуществления феноменологической редукции [один из аспектов этой проблемы рассмотрен мною ранее: 19].

Эта схема, естественно, нуждается в конкретизации, но вряд ли ее можно оспорить по существу.

На фоне этой, в общем-то несложной, модели обратимся к дисциплинаризации источниковедения. Попытаемся «поймать» момент превращения источниковедения в дисциплину. Конечно, в рамках краткой статьи невозможно проанализировать этот процесс сколько-нибудь подробно, но выделим три возможных направления исследования:

– анализ концепций признанных классиков источниковедения, точнее – тех ученых, которых история источниковедения позиционирует в качестве таковых (в скобках заметим, что присвоение «чужих» классиков – нормальный способ конструирования истории науки; это можно заметить, в частности,

на опыте такой сравнительно молодой науки, как культурология);

- рассмотрение источниковедения как дисциплины преподавания в высшей школе;

- анализ понятия *источниковедение* в рамках истории понятий как одного из активно развивающихся направлений в предметном поле интеллектуальной истории.

Рамки статьи позволяют только бегло обозначить первые два направления и чуть подробнее остановиться на третьем.

«Источниковедение» в Историках

Применим для обозначения весьма широкого круга работ, посвященных методам изучения истории, использованный И. Г. Дройзен термин «историка» и обратимся к соответствующим трудам «классиков источниковедения». Ряд этих классиков хорошо известен: Дройзен и Фриман, – Бернгейм, Ланглюа и Сеньобос, – А. С. Лаппо-Данилевский [см., напр.: 10]. На А. С. Лаппо-Данилевском можно пока остановиться, так как его часто рассматривают как создателя особой методологии источниковедения, что заставляет предположить, что либо к этому моменту источниковедение уже обрело статус научной дисциплины, либо обретает его непосредственно усилиями А. С. Лаппо-Данилевского.

Бросим беглый взгляд на построения упомянутых предшественников. Первое, что бросается в глаза: источниковедение – точнее, методы обращения с историческими источниками – *имманентно присутствует в структуре методологии истории*. Базовое понятие источниковедения «исторический источник» не сформулировано. Дройзен использует понятие «исторический материал» [6, с. 84 и след.]. Фриман видит свою основную задачу в отграничении *оригинальных источников* от произведений историков – задача скорее методики преподавания, чем научной рефлексии [26, с. 99–118]. Бернгейм определяет исторические источники скорее практически, чем теоретически, как «материал, из которого почерпываются сведения нашей науки» [1, с. 34]. Ланглюа и Сеньобос оперируют понятиями «документ» и «след» [8]. И хотя все эти авторы – с той или иной степенью подробности – описывают методику работы с историческими источниками (в нашем понимании), делают они это по преимуществу с учебными целями: все упомянутые труды – это учебные пособия, что, с точки зрения

источниковедения историографии, необходимо подчеркнуть. При этом классики всегда отграничивали *метод работы с историческими источниками* от *вспомогательных исторических дисциплин*.

Пособием к лекционному курсу является и труд А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», в котором он системно разрабатывает *теорию источниковедения* [9, т. 2, с. 19–391], но для Лаппо-Данилевского источниковедение не самостоятельная научная дисциплина, а часть, пусть и весьма существенная, методологии истории, о чем говорит и название его труда. Но отметим, что специфика российского неокантианства, и не только концепции Лаппо-Данилевского, но и воззрений его предшественника философа А. И. Введенского, а также – в той или иной мере – В. М. Хвостова и И. И. Лапшина, состоит в специальном внимании к объекту исторического / гуманитарного познания – историческому источнику [подробнее см.: 18], что, конечно же, создало предпосылки обретения источниковедением собственного дисциплинарного статуса.

Источниковедения как дисциплина преподавания¹

Этот вопрос мы затронем совсем кратко. Конечно, начало преподавания дисциплины не может не быть определенным этапом на пути ее дисциплинарного оформления, поскольку преподавание требует, как минимум, системности. Но все же, соотношение учебной и научной дисциплины – это отдельная тема [подробнее см., напр.: 7, 16]. Отметим только принципиально важный момент.

Продолжая предыдущий сюжет, в поисках реперной точки дисциплинаризации источниковедения обратимся к менее известным, но также числящимся по ведомству источниковедения работам 1930–1931 гг. – С. Н. Быковского [5] и Г. П. Саара [20] и обнаружим, что авторы видят свою задачу в том, чтобы обобщить уже имеющийся опыт выше названных ученых, включая А. С. Лаппо-Данилевского, с целью познакомить начинающего малоискусшенного (если не сказать малообразованного) исследователя, главным образом, с технической стороной ремесла историка. Ни о какой дисциплинаризации источниковедения и речи нет. Примечательно,

¹ Благодарю Романа Борисовича Казакова за информационную и консультативную помощь в рассмотрении проблемы становления источниковедения как дисциплины преподавания. К сожалению, мне не вполне удалось ей воспользоваться ввиду ограниченного объема статьи.

как Быковский описывает имеющуюся литературу: «Из работ на русском языке, не исключая переводных, наибольшего внимания заслуживает, из числа старых изданий, коллективный труд Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобос [так в тексте – М.Р.] «Введение в изучение истории» [...], который из числа дореволюционных изданий я ставлю на первое место. На худой конец заслуживает внимания и работа Э. Бернгейма «Введение в историческую науку» [...]. Гораздо более робко называю обширный курс лекций А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» [...] – труд значительный по своему объему в сравнении с двумя упомянутыми, но чрезвычайно засоренный не идущими к делу, *бесполезными в практическом отношении* [выделено мной – М.Р.], более того, вредными рассуждениями, идеалистическая основа которых вполне очевидна» [5, с. 2]. Конечно, в 1931 г. Быковский не мог симпатизировать «идеалисту» Лаппо-Данилевскому, но все же любопытно, что главная претензия к теоретику источниковедения – *непрактичность* его теоретизирования. Однако, так или иначе изучение исторических источников начинает превращаться, ввиду необходимости редукции собственно методологических и эпистемологических оснований, в самостоятельную область исторического знания, что было закреплено в советской исторической науке двумя учебниками 1940 г. – М. Н. Тихомирова [23] и С. А. Никитина [13].

Итак, в дисциплинаризации источниковедения в России/СССР выделим два фактора: (1) особенности российской версии неокантианства, сосредоточившей внимание на объекте познания, что создало предпосылки для дальнейшего оформления источниковедения в самостоятельную субдисциплину; (2) жесткая идеологизация советской исторической науки, ее методологическая догматичность, заставившие профессиональных историков искать убежище в источниковедении, которое – отчасти в этих целях – отрывается от советского mainstream'a.

Источниковедение: история понятия

Понятие *Quellenkunde* распространяется в Германии, по-видимому, в связи с развитием практики публикации исторических источников (здесь нельзя не назвать грандиозный проект *Monumenta Germaniae Historica*) и необходимостью обобщения и универсализации накопленного фактического материала вспомогательных исторических дисциплин (в частности,

дипломатики), опыта конкретных источниковедческих разысканий в 1820-1830-е гг. В 1841 г. А. А. Куник впервые в российской исторической науке употребил термин «источниковедение», заимствовав его из немецкой историографии [см.: 21]. Но в этих случаях под источниковедением скорее понимался обзор исторических источников, чем научная дисциплина. Такой подход во многом сохраняется в европейской исторической науке.

Для того, чтобы выяснить, каким образом осмысливался дисциплинарный статус источниковедения в советской / российской науке, посмотрим, как понятие «источниковедение» определялось в наиболее авторитетных справочных изданиях энциклопедического характера.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона слова *источниковедение* не знает.

Большая советская энциклопедия (1-е изд., 1937) определяет: *источниковедение* – «совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников» [2, стлб. 96].

Толковый словарь Ожегова (1949) – «раздел исторической науки, занимающийся методами изучения и использования исторических источников» [25].

Большая советская энциклопедия (2-е изд., 1953) – «одна из вспомогательных исторических дисциплин, разрабатывающая методы изучения и использования исторических источников» [3, с. 44]

Большая советская энциклопедия (3-е изд., 1968–1979) – «комплексная историческая специальная дисциплина, наука об исторических источниках, теория и практика их выявления, изучения и использования [...]». Частными по отношению к И. являются: И. письменных источников, вспомогательные исторические дисциплины» [4].

Советская историческая энциклопедия (1973–1982) – «главная из вспомогат(ельных) ист(орических) дисциплин, разрабатывает теорию и методику изучения и использования ист(орических) источников» [22].

Таким образом, можно выделить три варианта: раздел науки, комплексная вспомогательная дисциплина, одна из вспомогательных исторических дисциплин.

И, наконец, энциклопедия «Отечественная история» (1996) дает компромиссный вариант: источниковедение – «отрасль исторической науки [...], разрабатывающая теорию, методику и технику изучения ист(орических) источников, уделяющая традиционно наиб(ольшее) внимание письм(енным) ист(орическим) источникам. Тесно связано со вспомогательными историческими дисциплинами» [15, с. 406].

Будучи автором соответствующей статьи, оставляю за пределами рассмотрения «Большую российскую энциклопедию» и приведу последнее по времени определение, сформулированное Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение. ru: «Источниковедение [...] – гуманитарная дисциплина, объект которой – вся совокупность произведений человека / продуктов культуры (эмпирическая реальность исторического мира [...]), а предмет – изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование информации о человеке и обществе в их исторической составляющей» [24, с. 200–203]. Этим определением, вошедшим в новейший терминологический словарь теории и методологии исторической науки, был фактически закреплён статус источниковедения как самостоятельной гуманитарной дисциплины.

О перспективах

В актуальной ситуации мне представляется важным провести своего рода диверсификацию источниковедения. Во-первых, источниковедческий анализ необходимо «вернуть» в структуру методологии истории, тем более что различные концепции источниковедения, включая понимание природы исторического источника как базового понятия источниковедения, имеют четкие парадигмальные различия [подробнее см.: 24, с. 199–200, 200–203]. Во-вторых, необходимо зафиксировать дисциплинарный статус источниковедения как субдисциплины исторической науки, имеющей свой объект изучения – эмпирическую реальность исторического мира [11, 12]. В-третьих, осмыслить источниковедение как метод научного исторического познания, базирующийся на осмыслении того, что система типов и видов исторических источников есть репрезентация соответствующей культуры. Это положение лежит в основе метода компаративного источниковедения [24, с. 222].

1. Бернгейм Э. Введение в историческую науку. – 2-е изд. – М., 2011. – 71 с. [1-е изд. : 1908].
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М., 1937. – Т. 30. – 800 стб.
3. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. – 2-е изд. – М., 1953. – Т. 19. – 608 с.
4. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3-е изд. – М., 1969–1978. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/91570/Источниковедение>, свободный.
5. Быковский С. Н. Методика исторического исследования. – Л., 1931. – 203 с.
6. Дройзен И.-Г. Историка / пер. Г. Федоровой. – М., 2004. – 584 с.
7. Казаков Р. Б. О программе курса «Источниковедение» 1930-х гг. в Историко-архивном институте // Образ науки в университетском образовании : материалы XVII науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2005 г. – М., 2005. – С. 135–140.
8. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. – М., 1898. – 275 с.
9. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. – М., 2010. – Т. 1–2.
10. Медушевская О. М. История источниковедения в XIX–XX вв. : учеб. пособие. – М., 1988. – 71 с.
11. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008. – 352 с.
12. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX науч. конф. – М., 2008. – [Ч. 1]. – С. 24–34.
13. Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов) : курс источниковедения истории СССР : учеб. для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. – М., 1940. – Т. 2. – 227 с.
14. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб., 1999. – 327 с.
15. Отечественная история : история России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 5 т. – М., 1996. – Т. 2. – 655 с.

16. Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин : учеб. пособие. – М., 1990. – 71 с. : ил.
17. Румянцева М. Ф. Источниковедение историографии: дисциплинарные основания и этический выбор // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика в міждисциплінарному просторі. – Дніпропетровськ, 2014. (*В печати*).
18. Румянцева М. Ф. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского в контексте русской версии неокантианства // Источниковедение. ru [Электронный ресурс] : страница Научно-педагогической школы источниковедения / редкол. : Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010–2014. – Режим доступа : http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/rumiantseva_id/16-1-0-137, свободный.
19. Румянцева М. Ф. Парадигмальный выбор историка как этическая проблема // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2012. – Вип. 11. – С. 67–78.
20. Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. – Баку, 1930. – 174, [2] с.
21. Семерицкая О. В. Журнальный «текст-источник» в историографии и наукотворчестве // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв.–2 февр. 2008 г.: в 2 ч. – М., 2008. – С. 581–584.
22. Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. – М., 1973–1982. – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/7038#sel=4:1,4:14СИЭ>, свободный.
23. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – М., 2014. – 575 с.
24. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. : курс источниковедения истории СССР : учеб. для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. – М., 1940. – Т. 1. – 256 с.
25. Толковый словарь русского языка Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovarus.com/>, свободный.
26. Фриман Э. Методы изучения истории. – 2-е. изд. – М., 2011. – 197 с.

Румянцева М. Ф. Джерелознавство та історіографія в структурі історичної науки: досвід порівняльного аналізу становлення дисциплінарності

Виявлено принципові відмінності дисциплінарного становлення і розвитку історіографії та джерелознавства як базових дисциплін історичної науки. Показано, що історіографія безпосереднім чином пов'язана зі зміною типів раціональності / моделей науки. Основну увагу приділено джерелознавству, яке розглядається як сфера знання, передумови дисциплінаризації якої були закладені в російській версії неокантианства, а чинниками дисциплінарного оформлення стали ідеологізація і монометодологізм радянської історичної науки.

Ключові слова: історіографія, історія історії, джерелознавство, російська версія неокантианства, дисципліна / субдисципліна історичної науки.

Rumiantseva Marina F. Source study and Historiography in the structure of science history: experience of comparative analysis of the formation of disciplinarily

Revealed fundamental differences disciplinary formation and development of historiography and source study as basic disciplines of science history. It is shown that historiography is linked with the change of types of rationality / models of science. The main attention is paid to the source study, which is regarded as a sphere of science, which prerequisites of disciplinarily were laid in the Russian version of neo-Kantianism, and factors disciplinary formation of which became the ideological and monomethodological nature of soviet historical science.

Keywords: historiography, history by history, source study, Russian version of neo-Kantianism, discipline / subdiscipline of science history.

Д. Сташчик

ОСНОВНІ МОДЕРНІЗАЦІЙНІ ТЕНДЕНЦІЇ В ПОЛЬСЬКІЙ ЛОКАЛЬНІЙ І РЕГІОНАЛЬНІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ: ПОПЕРЕДНІЙ ОГЛЯД*

Під час повороту історичної науки до міждисциплінарних досліджень та нових суспільних потреб, сучасна регіоналістика засвоює актуальні підходи, присутні в дискурсах і дослідженнях більш широкого онтологічного простору. Запропоноване дослідження має на меті відповісти на питання, чи є підстави для організації історичних досліджень на основі експлікації таких просторових понять, як «історичний регіон» та «локальна територія»? У контексті нових викликів до гуманітарних наук ХХІ ст. (в умовах економіки знань, індустрії творчості) чи зможуть регіональні студії відобразити можливість трансферу знань між університетом і простором публічної історії? Що буде після модернізму? «Інноваційна історіографія» чи старі підходи у новому дизайні? Яким може бути інституційний та неінституційний вимір місцевої та регіональної історії?

Ключові слова: локальна історіографія, регіональна історіографія, локальна історія, тенденції локальної та регіональної історіографії, сучасні історіографічні дослідження.

Історико-регіональні зацікавлення товаришували людськості з прадавніх часів. До сьогодні вони пройшли еволюцію від магічного (догматично-сакрального) мислення до конкретно-історичної рефлексії в її різних формах [47, s. 94; 36, s. 17–18]. Вже близько двадцяти п'яти сторіч оповідання про «малу батьківщину» набувають форму писаних текстів. Вони підлягали різноманітним внутрішнім і зовнішнім впливам. У Польщі вони завжди становили значну (від 10 % до 20 %) частку друкованої продукції [42, s. 180]. Зараз регіоналістика загалом вважається однією з найбільш популярних і «здемократизованих», а водночас

* Переклад з польської – В. Склокін.

© Д. Сташчик, В. Склокін, 2014

найбільш традиційних історичних дисциплін (субдисциплін), в якій домінують аматори: локальні патріоти чи «любители старовини». Зберігаючи право на загальні оцінки, замислимося над тим, чи вона дійсно опинилася проза простором модернізації? Чи в локальній та регіональній історіографії можна побачити інновації співвимірні з досягненнями мікроісториків?

Очікування щодо регіоналістики, що формуються на хвилі критики різних форм історизму, зазвичай пропонують потребу розриву з традиційною (постпозитивістською) дослідницькою та наративною практикою, а також створення дослідниками регіонів «нових союзів» [Порівняй: 16; 44, s. 11–33; 29, s. 15–34; 48, s. 115–120; 50, s. 193–206]. Як видається, ці останні, хоча і нечасто, але вже стають реальністю. Вони відбуваються на тлі чергових поворотів в історіографії (особливо перформативного та іконічного). У польському історіописанні з'являється все більше праць, що спираються на еклектичні теоретично-методологічні засновки [33, s. 75–108; 3] і опрацювань, пов'язаних з досвідом соціальних наук [27] чи навіть мистецтва. Вони реконструюють події регіональної та локальної історії за допомогою ширших образів та естетик, демонструють явища, що раніше ігнорувались, та альтернативні світи [40]. Вказують на зростаючу зацікавленість суб'єктивним, безпосереднім пізнанням, зануреним у суспільні культурні коди. Як слушно зазначає Мацей Янік, поява нових методологічних підходів, особливо пов'язаних з побудовою нових історичних наративів, часто перетворює праці присвячені меншим територіальним одиницям на «надрегіональну та універсальну» історію [17, s. 233–266]. У цій ситуації з'являється питання: чи ці праці не уникають усталеної традиції категоризації і не опиняються у сфері емансипаційних напрямків сучасної історіографії? Відповідь буде непряма: це залежить від обраних типологічних критеріїв.

Обговорення доробку сучасної історичної регіоналістики одним автором чи авторкою зараз не є можливим. Бар'єром є масове зростання історіографічної «продукції». З огляду на це, мета цієї праці мала бути звужена. Вона була обмежена до виокремлення провідних проявів «(пост)модерного існування» в найновішій регіональній і

¹ Згадаю лише найважливіші з подібних досліджень: *Monntaillou* – *wioska heretyków* Emmanuela Le Roy Ladurie, *The Great Cat Massacre* Roberta Darntona, *Ser i robaki* Carla Ginzburga.

локальній історіографії, поєднання яких у зв'язану цілість визначили окреслені спільні риси. Як наслідок, у цій статті будуть представлені лише три перспективи досліджень і «оповідання» про них: 1) усна історія, 2) перформативні історії, 3) (аудіо)візуальні історії.

Усна історія (oral history)

Усна історія зараз є одним з напрямків локальної і регіональної історії, що розвивається найбільш динамічно. Вона посилається на «постдокументальний тип вразливості» дослідника [9, s. 295–318], для якого характерним є спроба зайняти ніби зовнішню позицію щодо домінуючого в писемній культурі образу дійсності. Вона прагне грати «роль медіатора, посередника, що визволяє Інших» [8, s. 235]. Дослідження і методи усної історії можна також трактувати до певної міри як знак спротиву щодо традиційної історіографії. Вона є прихистком для середових та особистостей, голос яких був змаргіналізований або виключений з домінуючих дискурсів [18].

Реалізація досліджень в усній історії відбувається в межах зміни двох перспектив: 1) тієї, що трактує свідчення респондента як доказ (класичний напрямок досліджень); 2) тієї, що трактує їх як текст культури, де в центрі зацікавлень опиняється людина як носій афективно-інтелектуального потенціалу культурної пам'яті, а також його альтернативна (що не є сумою відповідей, але наративом) історія (некласичний напрямок)[20]. Обидві перспективи передбачають серйозні тематичні перестановки і змінюють перспективу бачення минулого. Вони є відкритими передусім на: а) дослідження досвіду і ментальностей, а також широко потрактовану проблематику ідентичності, що розглядається у зв'язку з місцем та колективною й індивідуальною пам'яттю; б) типологічно-антропологічні дослідження рис і ментальності домінуючих і підлеглих культур; в) дослідження поняттєво-мовних способів артикулювання неформального впливу влади (репертуар суспільно санкціонованих ролей і типів поведінки); г) гендерні дослідження та інші включення альтернативних пам'ятей і стилів життя (зокрема, етнічно-культурна перспектива) [34; 14]. Узагальнюючи, можна сказати, що в окреслених дослідницьких полях детально описана цілість поступається місцем людині, яка трактується як суб'єкт, учасник і творець культури (див.: млиар Меноккіо з Фріулі²).

² Йдеться про героя праці Карло Гінзбурга «Сир і хробаки» [Див. 10]

Репрезентативним прикладом новаторського підходу до історично-регіональних досліджень з використанням «сирого» біографічного матеріалу є книжка Марти Курковської-Будзан «Антикомуністичне збройне підпілля на Білосточчині. Аналіз сучасної символізації минулого» [25]. У цьому випадку метою авторки була реконструкція низового дискурсу (поточного знання) щодо діяльності незалежницького підпілля на Підляшші. Курковська-Будзан використала теорію, запропоновану Ансельмом Страусом і Барні Глейзером, що передбачає свідому відмову від попередньої концептуалізації досліджуваної проблематики [Порівняй: 11]. Згідно з засадами «угрунтованої теорії» авторка вирішила працювати над проектом «в полі», «відкидаючи» існуюче знання про діяльність партизанських угруповань після Другої світової війни. Вибір такої методології мав вимір пізнавального експерименту. Він мав також гарантувати отримання автентичних, заснованих на поточному знанні, аналітичних даних, не трансформованих втручанням дослідника-співрозмовника (проекції уявлень, мисленнєві схеми). Це дозволило авторці простежити низові дискурси на тлі зреконструйованого офіційного дискурсу, а також політики вшанування Національних збройних сил, як і записів пам'яті, збережених у ЗМІ (наприклад, аудіовізуальних матеріалів, розміщених на YouTube). У цей спосіб, залучений біографічний матеріал запропонував деталі фактографічної інформації, дані щодо мотивів дій, життєвих стратегій, а також перетворень у культурній сфері польської провінції. Він знайшов практичне застосування у сфері історіографії класичного напрямку [Див.: 6, s. 205-216] і в різноманітних відгалуженнях некласичних досліджень.

Досягнення усної історії мають пізнавальні переваги не лише для регіональної і локальної історій. Вони є важливими також для порівняльних досліджень. З огляду на свою багатшаровість вони часто є полігоном для міждисциплінарних методологій, що переносяться на польській ґрунт з інтелектуальних «центрів» західної гуманітаристики. Для методології ці матеріали є дуже привабливими. Оскільки вони – як зазначає Ришард Нич – «стимулюються імпульсами, що походять з боку специфічно 'локальної' культурної спадщини...Зіткнення (що призводить нерідко до колізії) цих універсальних теорій і аналітичних знарядь з ідіосинкратичністю локальної проблематики створює умови, які однаково сприяють

як тестуванню можливостей застосування вже існуючих теорій, так і створенню нових, що мають, можливо, більші...операційні переваги, причому не тільки в локальному вимірі» [30, s. 10].

Усна історія, як і традиційна регіоналістика, може виконувати різноманітні суспільні (практичні) функції, особливо в добу кризи ідентичності. Можна припустити, що якщо в історії особистості легко знайти автентичний вимір власного закорінення, то «також і спільнота твориться через провокування змін у суспільній і культурній дійсності» [4, s. 5]. Як слушно зауважила Ева Доманська, тут йдеться, зокрема, про «історизацію суб'єкта, демонстрацію, що суб'єкт завжди є суб'єктом-у-процесі» [4, s. 57]. Такою є ситуація у тому випадку, коли в гру входить новий тип зацікавленої особистості або, як його називає Марцин Куля, «користувача історії» [24]. Завдяки цьому, покоління, що бере участь у комунікаційній дії «дійсно може піддатися всмоктуванню виром суспільної зміни і дійсно брати участь у суспільних та інтелектуальних течіях, характерних для їхнього суспільства та історичного періоду» [28, s. 136–169].

Досягнення усної історії можуть також мати серйозне значення в конструюванні нового обличчя пам'яті спільноти. «Неухильно наближаємось до моменту – що зауважує Кайя Кажмерська – коли комунікативна пам'ять зникне...Цікавим завданням буде спроба відповісти на питання, чи сучасні технології, що уможливлюють запис свідчень очевидців в формі аудіо, а особливо в аудіовізуальному форматі, продовжать комунікативну пам'ять, наскільки вона буде комунікативною для наступних поколінь і наскільки це [багатоманітність голосів з минулого – Д.С.] буде важливо для праці над колективною ідентичністю» [21, s. 60–61; див. 46, s. 293]. Це питання є радше риторичним.

Перформативні історії

Нові можливості дослідження локального і регіонального минулого, а особливо оповідання про них, дають перформативні історії. У широкому значенні перформанс ототожнюється з практикою суспільного життя, «що проявляється в ритуалах, демонстраціях, парадах, фестивалях тощо» [4, s. 49]. Перформанс, що розуміється таким чином, вписується в напрямок соціологічно-історичних досліджень, що мають певне закорінення в польській науці. Об'єктом історичного наративу у такому випадку є спектаклі історії та пам'яті, що дозволяють побачити подвійне обличчя

візуальної політики меморіалізації і неформальних впливів влади, що аналізуються через призму сценаріїв зритуалізованої суспільної поведінки [7; 22; 2, s. 184–200].

У вузькому розумінні перформанс є «живим виконанням з присутністю публіки певних дій, які мають характер театрального акту» [4, s. 49]. Цю тематику можна пов'язувати з двома проблемами: з розігруванням перформансів (театралізації і реконструкції минулого) і дослідженням їх. Категорія перформансу досить успішно вживається Ізабелю Скужинською для визначення стану сучасної публічної сфери, видовищ з минулого, його локальних і громадських форм, а також громадсько-мистецьких явищ, що співтворюють цю публічну сферу. Результатом її дослідження стала виразно окреслена типологія видовищ (видовища минулого, видовища історії) та каталогізація їхніх головних тем. Перформанси, які творять своєрідні мапи культурного спадку, особливо на прикордонні, грають важливу роль у поверненні присутності Іншого і в «новому відкритті» у відносинах Польщі з давніми та теперішніми сусідами [38]. Спільною віссю цих видовищ є «ностальгія за минулим (спадщина) і все ще жива потреба висловлення провин/страждань поляків, євреїв, німців, українців (тягар)» [38, s. 136–137]. Видовища/перформанси, головний об'єкт зацікавлень Скужинської, є спектаклями минулого, яке «неможливо відтворити з фактографічною докладністю і – поза видовищем, власне, воно не існує» [45, s. 169]. Дослідження може відбуватися лише через включене спостереження [31]. Природно, що видовище/перформанс ближче до проблематики досліджень пам'яті з її способами й естетиками ставлення наступних поколінь до минулого. Але це не означає, що вони не повинні перебувати у колі сучасної історіографічної рефлексії – якраз навпаки.

Іншим типом видовищ є історична реконструкція. Вона має цілком відмінний «розумовий та інтелектуальний» характер [45] і є різновидом «вправляння в ситуативному мисленні» [5, s. 12]. Незважаючи на зміну носія, що уможливлює спілкування з позамовними аспектами оповіді (рухи, жести, вимова, звук, запах, реквізит, топографія) основу цього роду видовищ становлять професійні дослідження, проведені згідно класичних зразків історичних студій. Їхньою метою є точне відтворення подій (наприклад, перебігу воєнних конфліктів) та/або елементів технічно-ужиткової культури (наприклад, військового приладдя).

Факт появи історичної реконструкції в культурній комунікації був зафіксований у соціологічній літературі [26 (особливо розділ II)]. Слід поставити питання: який виклик історична реконструкція може становити (і чи може?) для історика, що займається дослідженням локальних і регіональних подій? У польських реаліях, зважаючи на найпопулярнішу тематику реконструкторських вистав (а саме – тематику збройних конфліктів), в якості попередника реконструкції слід розглядати також і процес відкривання традиційних напрямків історичної науки, як-от історії воєн та військової історії, на здобутки інших гуманітарних дисциплін, зокрема антропології. Історик Карла Пепіна (*Carla Pépina*) пише про дві методології досліджень модерної історії воєн і військової історії, що розвинулися на ґрунті канадської історіографії. Перша з них полягає у «збиранні та інтерпретації подій минулого, які містяться в категоріях конфлікту, з використанням таких засобів, як писані, усні, та інші джерела» [32, s. 23]. Її новим різновидом є дослідження людського виміру збройних конфліктів. Ці дослідження мають на меті серед іншого знайти відповідь на питання «що означає опинитися у вирі війни? (...) які рани отримують вояки? Що означає у людському вимірі бути переможеним, а що означає – бути переможцем» [32, s. 23]. Друга перспектива полягає у «заглибленні в технологію озброєнь, ролі постатей політиків та військових у даному конфлікті, значення географії театру воєнних операцій» [32, s. 24] і розвивається в напрямку історії воюючих суспільств, а також може звертатися до досвіду локальних спільнот, що мешкають на теренах, що перетворилися на театри бойових дій.

Цінністю представлених підходів є можливість досягнути антропологічний вимір конфлікту (як з боку учасника реконструкції, так і з боку глядача). Навіть якщо їй бракує підставової для історії джерельної бази, уявлення людського досвіду збройного конфлікту «може бути сконструйоване за допомоги перспективи погляду, випрацюваного через візуалізацію (...) поєднання знаків (слів, жестів, образів, звуків, запахів)» [23, s. 11]. Підставою для дослідження історичної реконструкції може слугувати простір антропології образу, «не тільки тому, що і її філософський різновид, і культурний (а також фізична антропологія) займаються людьми, які живуть образами і в образах, а також продукують образи, але і тому, що антропологічний підхід, який аналізує пов'язані з образами практики в їхніх тілесних та культурних контекстах, виразно

відрізняється від суто технологічно зорієнтованої історії образу та його втілень» [1, s. 11–12; цит. за: 19, s. 24].

(Аудіо)візуальні історії

Розглянемо тепер можливість включення до сфери історичної регіоналістики аудіовізуальних оповідей. На користь цього існує багато свідчень. На думку Анни Зейдлер-Янішевської, можна впевнено говорити про «поворот» у сучасній історіографії: від панівного лінгвістичного підходу до критичного щодо нього перформативного повороту чи повороту іконічного, який переокреслює нові дослідницькі поля [52, s. 151]. На тлі іконічного повороту усталилася візуальна історія (історіофотія), що охоплює образи різного роду: *pictures* (матеріальні носії) і *images* (ментальні образи). Теоретик цієї відносно молоді субдисципліни Дорота Скотарчак представляє візуальну історію як таку, що зорієнтована на мультидисциплінарний аналіз (аудіо)візуальних репрезентацій та охоплює всі сфери, що постали на стику історії/історіописання з фотографією, фільмом, пластичним мистецтвом і новими медіями [39]. Її завданням є визначення ролі, яку (аудіо)візуальні репрезентації відіграють у творенні історичних репрезентацій (і уявлень про минуле), а також надання дослідницьких методів, придатних для критики і герменевтики медіа інформації [39, s. 188], які, на думку теоретиків і практиків візуальної історії, «не можуть реалізуватися лише в дисциплінарних рамках аналітичних наукових категорій, розроблених на ґрунті попередніх теорій наук: філософії, антропології, теорії історії (...)» [49].

Однією з найпопулярніших аудіовізуальних форм історичного наративу є фільм. Як показує навіть побіжний огляд сучасних фільмотек, локальна історія може оповідатися тут різними способами³. Вирішальною є оповідна конвенція створеного послання. Хоча й надалі поза конкуренцією залишається документальний фільм головної течії⁴, але надзвичайно цікаві

³ Див. www.youtube.com (історія Любліна, Вроцлава, Ярослава, Варшави, Кракова, Любачева тощо).

⁴ «Історичний документальний фільм головної течії представляє близьке чи віддалене минуле традиційним способом, у відносно зрозумілій формі внутрішньо узгодженої оповіді з початком, розвитком і заключенням, що представляє події в хронологічному порядку, зі збереженням часово-просторової тяглості історичного світу та повагою до причинно-наслідкових зв'язків і основ класичної логіки» [51, s. 208].

можливості створюються завдяки його сучасним різновидам, які відсилають до різних оповідних естетик.

Безсумнівним є той факт, що ресурс аудіовізуальних «образів», який росте разом із поступом технологічної цифрової революції, ближчими роками відіграватиме дуже істотну роль у трансформації системи творення і передавання знання. Нові засоби передачі уможливають «інтермедіальне функціонування образів» [12, s. 123], так само як і їхнє «блукання між світових культур»⁵. Вони адресують своє послання до нових «користувачів» і гарантують доступність. Власне тому (аудіо)візуальна історія стає єдиним з істотних напрямків/просторів сучасної рефлексії над минулим і конкурентною для історичної науки, що визнає примат вербального [33], а не «технічного» оповідного шару («засіб/медія є посланням»).

Прикладом вдалої (аудіо)візуального нарративу може слугувати фільм «Чарівне місто» Наталі Жюлковської-Курчук. Він є «спробою представити Люблін в історичній перспективі як міста з багатокультурною ідентичністю. Режисерка, ідучи за тропом залишених минулим слідів, відшукує культурну різноманітність Любліна, в якому протягом століть співіснували поруч різні етнічні групи – поляки, євреї, німці, росіяни, голландці; спільноти, що визнавали різні релігії – юдаїзм і християнство у його різних версіях, і послуговувалися різними мовами – польською, їдиш, німецькою, російською; люди, що мали різний соціальний, професійний та економічний статус; групи з різними стилями життя і повагою до різних систем цінностей. Люблін у «Чарівному місті», що розглядається через призму збережених архівних документів та пам'яток архітектури, видається режисерці містом-книгою, в якій сліди багатотисячної культурної різноманітності записані шарами у вигляді шарів інформації, що складаються в фільмі у складний малюнок палімпсестової історії. На рівних правах вона поєднує в собі традиційно трактований реалізм світу, що представляється разом із магічними та надприродними явищами, об'єктивізовану історію з автобіографічними, міфологічними та теологічними вимірами. Сучасність постійно змішується в ній із минулим» [51, s. 210].

⁵ «Виходячи з твердження, що питання про образ є разом з тим питанням про множинність образів і говорить про намальовані образи, помислені образи, витлумачені (в одній перспективі), про малюнки, про метафори, жести (в іншій перспективі), про дзеркало, луну, мімікрію (у ще одній перспективі)» [52, s. 152].

Подібних нарративів існує більше, ширше представити їх не дозволяють розміри цієї статті.

Отже, підсумуємо викладені вище зауваження. Навіть загальна рефлексія щодо стану сучасної локальної та регіональної історії показує, що вона вже не є тільки безпечною «прихистком для любителів», що обертається навколо «закритих» «просторових» понять, як-от регіон, місто, земля, повіт [Див. 13; 35; 15]. Вже кілька років тому на це звернули увагу інші дослідники цієї проблематики. Анджей Степнік, наприклад, звернув увагу на те, що під гаслами історичної регіоналістики виступає виразна сутнісна троїстість: «антикварно-збиральницька, модерністська і постмодерністська історіографія» [41, s. 34-53]. Рафал Стобецький висловлювався на тему класичного і некласичного напрямку історично-регіональних досліджень [43, s. 3]. Модернізаційна течія, таким чином, була взята до уваги істориками історіографії.

Можна прогнозувати, що ближчим часом сильніше виявиться поворот до матерії та того, «що не є людським» (історія речей, тварин). У регіональних працях придатуться нові концепції історії «середовища», пов'язані з критикою гуманізму й антропоцентризму, а також критикою затирання зв'язків між гуманітаристикою та точними науками [37, s. 608]. Адже реальність і банальність локальних джерел сприяють експериментам і розмиванню кордонів між локальною, регіональною та загальною історією.

Певна річ, класичні дослідження і нарративи зберігатимуть провідні позиції. У них залишиться місце також і для аматорів. Однак, це стосується не лише тільки історичної регіоналістики.

1. *Belting H.* Bild-Anthropologie / H. Belting. – München, 2001.
2. *Białoruski M.* Rytuał pochodzenia 1-majowego w Polsce 1949–1981 roku / *M. Białoruski* // Państwo i kultura polityczna. T. 3. – Warszawa, 1988.
3. *Chorążyczewski W.* Pamięć Domu Komierowskich. Studium z dziejów rodu szlacheckiego w XVIII wieku / *W. Chorążyczewski*, *S. Roszak*. – Toruń, 2002.
4. *Domańska E.* „Zwrot performatywny” we współczesnej humanistyce / *E. Domańska* // Teksty Drugie. – 2007. – № 5.
5. *Domańska E.* Historia egzystencjalna / *E. Domańska*. – Warszawa, 2013.
6. *Eisler J.* Siedmiu pierwszych sekretarzy KC PZPR - porównanie sylwetek / *J. Eisler* // Komunizm. Ideologia, system, ludzie / red. *T. Szarota*. – Warszawa, 2001.
7. *Forycki M.* Pomnik w roli głównej. Spektakle pamięci w „odzyskanym” Stargardzie / *M. Forycki*, *A. Małecki* // Inscenizacje pamięci / red. *I. Skórzyńska*, *Ch. Lavrence*, *C. Pépina*. – Poznań, 2007.
8. *Franczak K.* Pareja jako medium pamięci. Paradoksy i wątpliwości / *K. Franczak* // Kultura jako pamięć. Posttradycyjne znaczenie przeszłości / red. *E. Hałas*. – Kraków, 2012.
9. *Frish M.* Historia mówiona i rewolucja digitalna. W kierunku postdokumentalnej wrażliwości / *M. Frish*; przeł. *M. Kierzkowski* // Teoria wiedzy o przeszłości na tle współczesnej humanistyki / red. *E. Domańska*. – Poznań, 2010.
10. *Ginzburg C.* Ser i robaki: wizja świata pewnego młynarza z XVI w. / *Carlo Ginzburg*; tłum. *R. Kłos*. – Warszawa, 1989.
11. *Glaser B. G.* Odkrywanie teorii ugruntowanej. Strategie badania jakościowego / *B. G. Glaser*, *A. L. Strauss*. – Kraków, 1967.
12. *Higgins D.* Nowoczesność od czasu postmodernizmu oraz inne eseje / *D. Higgins*; wybór, oprac. i posł. *P. Rypson*. – Gdańsk, 2000.
13. *Historia w ruchu regionalnym* / red. *J. A. Omelaniuk*. – Wrocław, 2001.
14. *Historie, społeczeństwa, przestrzeń dialogu. Studia postzależnościowe w perspektywie porównawczej* / red. *H. Gosk*, *D. Kołodziejczyk*. – Kraków, 2014.
15. *Historiograficzna prognoza 2000. Stan i potrzeby badań nad dziejami regionów kujawsko-pomorskiego i sąsiedzkich*. – Bydgoszcz, 2000.
16. *Iggers G. G.* Historiografia XX wieku. Przegląd kierunków badawczych / *G. G. Iggers*. – Warszawa, 2010.
17. *Janik M.* Historiografia regionalna-specyfika i pola kreacji / *M. Janik* // Częstochowskie Teki Historyczne. – Częstochowa, 2011. – T. 2.

18. *Kałwa D.* Historia mówiona w krajach postkomunistycznych. Rekonesans [Електронний ресурс] / *D. Kałwa* // Kultura i Historia. Czasopismo Naukowe – Режим доступу : <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/1887> [wyd. internetowe].
19. *Kawecki W.* Od kultury wizualnej do teologii wizualnej / *Witold Kawecki* // Kultura – Media – Teologia. – 2010. № 1.
20. *Kaźmierska K.* Biografia i Pamięć. Na przykładzie pokolenia ocalałych z zagłady / *K. Kaźmierska*. – Kraków, 2008.
21. *Kaźmierska K.* Współczesna pamięć komunikacyjna i kulturowa. Refleksja inspirowana koncepcją Jana Assmana / *K. Kaźmierska* // Kultura jako pamięć. Posttradycyjne znaczenie przeszłości / red. *E. Hałas*. – Kraków, 2012.
22. *Kosiński K.* Oficjalne i prywatne życie młodzieży w czasach PRL / *K. Kosiński*. – Warszawa, 2006.
23. *Koss-Jewsiewicki B.* Doświadczenie „pamięć, wyobrażenie społeczne” / *B. Koss-Jewsiewicki* // Inscenizacje pamięci / red. *I. Skórzyńska*, *Ch. Lavrence*, *C. Pépina*. – Poznań, 2007.
24. *Kula M.* Krótki raport o użytkowaniu historii / *M. Kula*. – Warszawa, 2004.
25. *Kurkowska-Budzan M.* Antykomunistyczne podziemie zbrojne na Białostocczyźnie. Analiza współczesnej symbolizacji przeszłości / *M. Kurkowska-Budzan*. – Kraków, 2009.
26. *Kwiatkowski P. T.* Pamięć zbiorowa społeczeństwa w okresie transformacji / *P. T. Kwiatkowski*. – Warszawa, 2008.
27. *Łaskiewicz H. M.* Dziedzictwo czy towar? Szlachecki handel ziemią w powiecie chełmskim w II połowie XVII wieku / *H. M. Łaskiewicz*. – Lublin, 1998.
28. *Mannheim K.* Problem pokoleń / *K. Mannheim*; tł. *A. Mizińska-Kleczkowska* // Colloquia Communia. 1992–1993. – № 1/12.
29. *Molik W.* O nowy model syntezy dziejów regionu na przykładzie Wielkopolski / *W. Molik* // O nowy model historycznych badań regionalnych / red. *K. A. Makowski*. – Poznań, 2007.
30. *Nycz R.* „Nie leczony chroniczny pogłos”. Trzy uwagi o polskim dyskursie postzależnościowym / *R. Nycz* // Kultura po przejściach, osoby z przeszłością. Polski dyskurs postzależnościowy – konteksty perspektywy badawcze / red. *R. Nycz*. – Kraków, 2011.
31. *Obserwacja uczestnicząca w badaniach historycznych* / red. *B. Wagner*, *T. Wiślicz*. – Zabrze, 2008.

32. *Pépina C.* Wstęp / C. Pépina // Inscenizacje pamięci / red. I. Skórzyńska, Ch. Lavrence, C. Pépina. – Poznań, 2007.
33. *Pleszczyński A.* Apostoł Nowego Świata – św. Franciszek Ksawery i Indianie. Kulturowe i historyczne konteksty wyobrażeń mieszkańców Indii i Dalekiego Wschodu przedstawionych na malowidłach dawnego kościoła jezuitów w Krasnymstawie / A. Pleszczyński // Rocznik Chełmski. – 1996.
34. *(P)ozaborach, (p)o wojnie, (p)o PRL-u.* Polski dyskurs postzależnościowy wczoraj i dziś / red. H. Gosk, E. Kraskowska. – Kraków, 2013.
35. *Region i ludzie a historiografia i tożsamość* / red. J. Borzyszkowski. – Gdańsk-Ciechanów, 1999.
36. *Serczyk J.* 25 wieków historii. Historycy i ich dzieła / J. Serczyk. – Toruń, 1994.
37. *Simson Ch. W.* „Historia Ewolucyjna”: trendy w najnowszej historii historiografii środowiska / Ch. W. Simson przeł. P. Ambroży // Teoria wiedzy o przeszłości na tle współczesnej humanistyki / red. E. Domańska. – Poznań, 2010.
38. *Skórzyńska I.* Widowiska przeszłości: alternatywne polityki pamięci 1989–2009 / I. Skórzyńska. – Poznań, 2002.
39. *Skotarczak D.* Historia wizualna / D. Skotarczak. – Poznań, 2012.
40. *Staszczuk D.* Doświadczenie historii na pograniczu kulturowym. Historiografia Chełma (do 1939 r.) / D. Staszczuk. – Chełm, 2012.
41. *Stępnik A.* Główne kierunki w historiografii regionalnej i lokalnej / A. Stępnik // Kronikarz a historyk. Atuty i słabości historiografii regionalnej : materiały z konferencji naukowej Cieszyn 20-21 września 2007 / red. J. Szpyra, 2007.
42. *Stępnik A.* Historia regionalna i lokalna w Polsce 1918-1939. Badania i popularyzacja / A. Stępnik. – Warszawa, 1990.
43. *Stobiecki R.* Historiografia na przełomie XX i XXI wieku. Krajobraz po bitwie [Elektronnyy resurs] / R. Stobiecki // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Historycznego. – 2005. – № 11. – Режим доступу : <http://www.pthlodz.uni.lodz.pl/teksty/historiografia.pdf>
44. *Stobiecki R.* Historiografia regionalna. Między tradycją a zmianą / R. Stobiecki // Kronikarz a historyk. Atuty i słabości historiografii regionalnej : materiały z konferencji naukowej Cieszyn 20-21 września 2007 / red. J. Szpyra, 2007.
45. *Szpociński A.* Widowiska przeszłości. Pamięć jako wydarzenie / A. Szpociński // Kultura jako pamięć. Posttradycyjne znaczenie przeszłości / red. E. Hałas. – Kraków, 2012.

46. *Thomson P.* Głos przeszłości. Historia mówiona / P. Thomson ; przeł. M. Kierzkowski // Teoria wiedzy o przeszłości na tle współczesnej humanistyki / red. E. Domańska. – Poznań, 2010.
47. *Topolski J.* Świat bez historii / J. Topolski. – Poznań, 1998.
48. *Traba R.* Historia – przestrzeń dialogu / R. Traba. – Warszawa, 2006.
49. *Werner G.* Nie każdy zwrot ku obrazowemu oznacza to samo, O koncepcjach Gottfrieda Boehma i W.J.T. Mitchella oraz nieoczekiwanym spotkaniu z teorią mediów Friedricha Kittlerana polu (braku) teorii obrazu [Elektronnyy resurs] / G. Werner // Obraz / ciało, przeł. P. Brożyński, K. Doeppner, M. Jędrzejczyk. – Kraków 2013. – Режим доступу : <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/artdok/2472/>.
50. *Werner W.* Psychologiczne inspiracje w badaniach regionalnych. Perspektywy i możliwości / W. Werner // Historiograficzna prognoza 2000. Stan i potrzeby badań nad dziejami regionów kujawsko-pomorskiego i sąsiedzkich. – Bydgoszcz, 2000.
51. *Witek P.* Filmowa historia Lublina / P. Witek // Europa środkowa i wschodnia jako przestrzeń spotkania. Na szlakach tradycji i kultury/ red. K. Świącicki. – Gniezno, 2012.
52. *Zeidler-Janiszewska A.* O tzw. zwrocie ikonycznym we współczesnej humanistyce. Kilka uwag wstępnych / A. Zeidler-Janiszewska // Dyskurs. – Wrocław, 2006. – T. 4.

Staszczuk Dominika. Key modernising tendencies in local and regional Polish historiography: a reconnaissance study

As historical science opens up to interdisciplinary research and new social needs, modern historiography absorbs current directions evident in discourses and research present in a wider ontological space. This proposed reconnaissance study attempts to answer the following questions: Is it still reasonable to organise historical research around explications of such spatial concepts as “historical region” or “local territory”? In the context of new challenges facing 21st-century humanities (knowledge-based economy, creative industries), will regional studies allow a reflection over the possible transfer of knowledge between the university and the space of public history? What will follow modernism? An “innovative” historiography or the old approach merely redesigned to appear new? What is the institutional dimension of local and regional history?

Keywords: local historiography, regional historiography, local history, regional history, directions in local and regional historiography, contemporary historiographic research.

Staszczuk Dominika. Główne tendencje modernizacyjne w polskiej historiografii lokalnej i regionalnej: Rekonesans

W dobie otwarcia się nauki historycznej na interdyscyplinarność badań i nowe potrzeby społeczne współczesna regionalistyka w naturalny sposób przyswaja aktualne trendy/tendencje obecne w dyskursach oraz badaniach prowadzonych w szerszej przestrzeni ontologicznej. Proponowany rekonesans pozwoli odpowiedzieć na pytania, czy nadal znajduje uzasadnienie organizowanie badań historycznych wokół eksplikacji takich pojęć przestrzennych, jak: „region historyczny” i „terytorium lokalne”? Czy w kontekście nowych wyzwań dla humanistyki doby XXI wieku (gospodarka oparta na wiedzy, przemysły kreatywne), regionalistyka pozwoli na refleksje nad możliwymi transferami wiedzy między uniwersytetem – a przestrzenią public history? Co po modernizmie? „Innowacyjna” historiografia, czy stare zjawisko w nowym „designie” (instytucjonalny i pozainstytucjonalny wymiar historii lokalnej i regionalnej).

Słowa klucze: historiografia lokalna, historiografia regionalna, historia lokalna, historia regionalna tendencje w historiografii regionalne i lokalnej, badania współczesnej historiografii.

РОЗДІЛ II

Історія та історики

УДК 94:929 М. М. Ковалевский

Е. Н. Богдашина

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

В статье рассматривается вклад М. М. Ковалевского в развитие историографии, в частности разработка ученым методологии и методики исторических исследований. Отдельно анализируются его рецензии на труды известных историков. Особое внимание уделено критике М. М. Ковалевским некоторых известных исторических концепций.

Ключевые слова: рецензии, историографические обзоры, исторические концепции.

М. М. Ковалевский известен в первую очередь как юрист и социолог. Между тем в его трудах значительная роль отведена истории, в том числе встречаются и собственно историографические сюжеты. Это признавали ещё его коллеги и приятели. А. Н. Савин считал его больше историком, чем правоведом или социологом [22, с. 170]. В. П. Бузескул, оценивая научное наследие М. М. Ковалевского, вообще по этому поводу был достаточно категоричен: «Юрист по образованию, он в своей ученой деятельности был по преимуществу историком» [1, с. 201]. Ближе к истине, на наш взгляд, точка зрения Н. И. Кареева, писавшего о своём друге: «Если в своих социологических исканиях Ковалевский был преимущественно историком..., то, с другой стороны, и в исторических своих работах он был прежде всего социологом» [3, с. 171].

Позднее советские и современные авторы исследовали научное наследие М. М. Ковалевского преимущественно как юриста и социолога. Вклад же ученого в развитие историографии практически не рассматривался.

В данном случае сосредоточим внимание преимущественно на его рецензиях разнообразнейших исторических трудов. Также для

полноты картины проанализируем содержащиеся в различных сочинениях М. М. Ковалевского его высказывания о методологии и методике научных исследований, оценки творчества других историков.

Рецензии занимают весомое место в творчестве М. М. Ковалевского. Ученый придавал огромное значение этому жанру научной критики. В 1879–1880 гг. он вместе с В. Ф. Миллером издавал «Критическое обозрение». М. М. Ковалевский участвовал в издании основанного в 1893 г. Р. Вормсом «Revue Internationale de Sociologie». Всю свою творческую жизнь М. М. Ковалевский активно пополнял своими откликами отделы рецензий и библиографии журналов «Юридический вестник», «Русская мысль», «Вестник Европы».

М. М. Ковалевский писал рецензии на труды авторов, занимавшихся близкой ему исследовательской проблематикой. Как правило эта была история государства и права, этнография, история общественно-политических учений и история социологии.

Прежде всего, в рецензиях или в историографических обзорах, помещаемых в начале своих исследований, М. М. Ковалевский обращал внимание на основные идеи того или иного автора. Он критиковал теологические и метафизические теории общественного прогресса [18, т. 1, с. 10], особенно гегелевскую трактовку общественного прогресса как прогресса духа в сознании свободы, формулируя собственное понимание этого концепта [18, т. 1, с. 10]; славянофилов за возвеличивание «славянского духа» [12, с. 5–6]. Учёный резко критиковал «представителей и последователей исторической школы правоведения в Германии» за признание определяющим влияния «свободолюбивого германского духа» на историческое развитие, поскольку, по его мнению, учреждения были «не более, как продукты известной степени общественного развития» [8, с. III].

М. М. Ковалевский уточнил концепцию формирования государства Г. Спенсера и других англо-американских учёных, выделив такие этапы роста человеческой солидарности: 1) «союз бродячих орд»; 2) образование родовой общины; 3) «федерация племён и территорий»; 3) создание благодаря завоеваниям государства [18, т. 1, с. 64]. Исследователь считал неправильными попытки дарвинистов свести «все причины поступательного хода

развития человечества к одной борьбе за существование» [5, с. 133], как и попытки марксистов рассматривать классовую борьбу как «проявление той самой борьбы за существование» в обществе [5, с. 153].

М. М. Ковалевский всегда очень корректно высказывал свои замечания, при этом, как правило, предлагая свое видение спорной проблемы. Так, учёный считал недопустимым активное использование Г. Спенсером и его последователями терминов естественных наук в общественных исследованиях [18, т. 1, с. 208]. Одним из предрассудков «органической теории» М. М. Ковалевский называл уподобление государства или общества биологическому организму, а функций государства жизненным потребностям биологического организма [5, с. 127]. Учёный раскритиковал органический подход Г. Спенсера к государству, подчёркивая при этом: «Говорить о путях сообщения как о нервах, о бирже, как о сердце, и т. д., и т. д., очевидно, приём, который не может быть оправдан и не заслуживает квалификации „научного“» [4, с. 301]¹. М. М. Ковалевский не считал «универсальными» идеи Г. Спенсера о ритмах исторического процесса, особенно в религии и морали [17, с. 84]. Более того, он отказывался принять утверждение о ритмах в социальной жизни даже как эмпирическое обобщение [17, с. 84]. Учёный с оговорками признавал возможность ритмического развития науки: «Идея ритма в приложении к науке выражает разве чередование периодов быстрого и медленного её развития, но то и другое обыкновенно обуславливается влиянием нового открытия на ряд смежных с ним областей; когда известная научная истина или только гипотеза более или менее использована во всех направлениях, тогда замедляется на время движение научной мысли впредь до нового открытия» [17, с. 85].

Впрочем, характерное для позитивистов культовое отношение к историческому факту приводило его к некоторой недооценке теорий. «Никакой исследователь не может и не должен идти в своих утверждениях дальше того, что говорят источники, – отмечал М. М. Ковалевский. – Лучше признать известные вопросы невыясненными, нежели взамен ответа приводить не опирающиеся

¹ М. М. Ковалевский в данном случае не совсем точен, поскольку Г. Спенсер называл пути сообщения кровеносными и лимфатическими сосудами, а банки – сердечно-сосудистой системой [23, с. 297, 341].

на факты гипотезы» [21, с. 306]. Он признавался в письме к В. Ф. Миллеру: «Я всё более и более начинаю пристращаться к чисто монографической работе по историческим вопросам. Или я поглупел, но синтез в последнее время мне что-то не даётся, скептицизм начинает заедать, каждый раз как влезешь по горло в сырьё» [цит. по кн.: 2, с. 182].

М. М. Ковалевский выступал за использование разнообразных принципов и методов исследования. Одним из основных принципов М. М. Ковалевский выдвигал принцип системности. Он, в частности, так подчёркивал необходимость системного подхода: «Для позитивиста нелегко изучение одной лишь стороны быта народа, т. к. ему ясна связь всех и каждой из них, и определение характера одною суммой тех влияний, какие обнаруживают другие» [7, с. 70]. М. М. Ковалевский считал нецелесообразным использование историко-сравнительного метода из-за недостаточной источниковой базы: «Молчание источников не даёт, однако, права восполнять недостаток фактических данных историческими аналогиями» [21, с. 335].

Поддерживая в целом использование статистического метода в исторических исследованиях, тем не менее он считал необходимым высказать свои предостережения: «Я не вижу пользы в простом накоплении...однородных данных. Для бесспорности выводов необходима уверенность, что в наших руках имеется весь материал по занимающему нас вопросу. А кто посмеет утверждать это? Вот почему я с полным недоверием отношусь ко всяким попыткам вывода так называемых средних чисел. Недостаточность материала позволяет историку намечать одну только господствующую тенденцию» [15, с. VII].

М. М. Ковалевский всегда ратовал за широкую источниковую базу исследования. Так, он считал, что «единственное средство познать духовное состояние народа состоит в изучении всей совокупности его верований, учреждений, частного обихода, привычек и обычаев. Тот, кто стремится раскрыть нам психологию той или другой нации, не должен ничем пренебрегать – ни народными сказками, ни былинами, ни пословицами, ни поговорками, ни юридическими формулами, ни законами, как писаными, так и неписаными» [19, с. 14]. Не случайно, в целом высоко оценивая исследовательскую методику И. В. Луцицкого, в рецензии на его статью он критикует

последнего за неиспользование памфлетов, «появившихся в Бретани непосредственно перед революцией» конца XVIII века: «Знакомство с этой литературой несомненно заставило бы его иначе отнестись к попыткам провинциальных собраний...присвоить себе административную юстицию» [16, с. 33].

Внимание М. М. Ковалевского в рецензиях и историографических обзорах также привлекали дискуссионные суждения, высказанные теми или иными авторами, и их фактографические ошибки. Так, он доказал ошибочность концепции В. И. Сергеевича, относившего время возникновения крестьянской общины к периоду формирования Российского централизованного государства. При этом автор «Социологии» ссылается не только на точку зрения М. Ф. Владимирского-Буданова, но и аргументирует раннее возникновение общины более широким кругом источников («других свидетельств») [18, т. 2, с. 152]. М. М. Ковалевский считал, что «охотники и рыболовы, в большей степени, чем земледельцы... уже знакомы были с коллективными формами землевладения» [18, т. 2, с. 152].

Высказывая свои суждения относительно разных дискуссионных тем М. М. Ковалевский формулирует свои подходы и концепты. Так, учёный обвиняет Д. Я. Самоквасова «в ненаучности его методологических приёмов», в частности, в «ненаучном пользовании вещественными памятниками» [10, с. 16]. Ссылаясь на работы А. А. Котляревского и других авторов М. М. Ковалевский считал, что «погребение и сожжение встречаются одно возле другого у всех и каждого из племен не только арийской семьи, но и совершенно разнородного с ними происхождения» [10, с. 16]. Поэтому он критикует Д. Я. Самоквасова за неправильное определение «народности могил», их датировку. М. М. Ковалевский, в частности, считал «произвольными» «выводы насчет народности курганов, делаемые по внешней форме курганов, или по наименованию, даваемому им местным населением» [10, с. 16]. Также он критиковал Д. Я. Самоквасова за неправильное использование летописных сведений: «Самоквасов позволяет себе...тождество там, где на самом деле может быть указано на полнейшее несходство... при сопоставлении летописного рассказа о погребальных обычаях радимичей, северян, вятичей, кривичей, и др. язычников, с открывшимся путем раскопки курганов погребальным ритуалом»

[10, с. 17]. И добавляет «от себя»: «Если бы даже существовало полное соответствие между обнаруживаемым раскопками погребальным ритуалом и Нестеровым описанием погребального обычая славян, заключение о принадлежности раскопанных курганов славянам оставалось бы тем не менее произвольным, так как собирание пепла в траурные урны встречается сплошь и рядом и у других ветвей арийской семьи» [10, с. 17].

Особенно возмущает М. М. Ковалевского в рецензируемой «Истории русского права» приписывание Д. Я. Самоквасовым себе открытий А. Я. Ефименко, А. А. Котляревского и других исследователей [10, с. 20–21 и др.].

В дискуссии о русской общине М. М. Ковалевский обвиняет Б. Н. Чичерина в подмене понятий: «Как юрист, Вы конечно знаете, что родовым владением называется общее, а не общинное владение целого рода, как общинным – совместное владение соседей, жителей одного села или волости, а патриархальным – нераздельная собственность семьи» [13, с. 35].

Концепцию «двухтысячелетнего существования России» М. М. Ковалевский называет одной из «новейших научных ересей, установленных будто бы путем археологических раскопок» [13, с. 35].

Интересны замечания М. М. Ковалевского об историчности произведений Н. В. Гоголя. Характеризуя персонажи «Мертвых душ», он делает вывод, что Н. В. Гоголь устареет лишь через два-три поколения, когда «политически обновленная Россия» «создаст и новый тип, не чиновника и не просто обывателя, а свободного гражданина, сеятеля благосостояния и просвещения на необъятной русской ниве» [20, с. 648].

Оригинален подход М. М. Ковалевского к проблеме плагиата. Ученый резко критиковал прямые заимствования. В то же время он считал, что любой исследователь, который обязан детально знакомиться с предыдущими научными трудами, высказывает не только свои мысли, но в той или иной форме ретранслирует взгляды известных ученых. Обвинения в плагиате в адрес Ш. Л. Монтескье Максим Максимович комментирует следующим образом: «О простом заимствовании... не может быть и речи. Вместо того, чтобы списывать у других, он проверяет фактами чужие взгляды, то принимая их, то заменяя собственными, смотря по тому, насколько они обоснованы и согласны с его общими принципами» [14, с. XIV].

М. М. Ковалевский дружил или был знаком с Э. Вандервельде, Р. Вормсом, Ю. С. Гамбаровым, Е.-В. Де-Роберти, Э. Дюркгеймом, К. Марксом, Ф. Энгельсом, Н. И. Кареевым, В. О. Ключевским, И. И. Мечниковым, П. Н. Милюковым, С. А. Муромцевым, Г. Спенсером, В. С. Соловьёвым, К. А. Тимирязевым, А. В. Луначарским, Ш. Сеньобосом, П. Б. Струве, Г. Тардом, М. И. Туган-Барановским и многими другими известными интеллектуалами своего времени. Творчество некоторых из них привлекало пристальное внимание Максима Максимовича. Множество интереснейших биографических зарисовок об известных ученых, с которыми он был знаком лично, содержатся в «Моих воспоминаниях», некрологах и других его трудах мемуарного характера.

К. Марксу и Г. Спенсеру М. М. Ковалевский посвятил статью «Две жизни». В ней М. М. Ковалевский называл К. Маркса настоящим европейцем [6, № 7, с. 22]. М. М. Ковалевского поражало в К. Марксе «его страстное отношение ко всем вопросам политики» [6, № 7, с. 13], что, как считал Максим Максимович, мешало его научной работе [6, № 7, с. 15]. Российский учёный также подчёркивал «начитанность автора „Капитала”» [6, № 7, с. 15], работоспособность К. Маркса, вспомнил о его смерти за письменным столом [6, № 7, с. 20 и др.] М. М. Ковалевский чрезвычайно высоко ценил К. Маркса, называя последнего одним из «умственных и нравственных вождей человечества», «самым крупным выразителем прогрессивных течений общественности» [6, № 7, с. 22]. Отметим неконъюнктурность этой оценки, напечатанной за 8 лет до захвата власти большевиками, поднявшими К. Маркса и Ф. Энгельса до уровня небожителей. М. М. Ковалевский подчёркивал те черты личности К. Маркса, которые были присущи и ему самому.

Максим Максимович признавался, что его личное общение с К. Марксом, придало «новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада» [6, № 7, с. 19] и далее подчёркивал: «Без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы своё внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений» [6, № 7, с. 19].

М. М. Ковалевский оценивал марксизм как новое слово европейской научной мысли, которое способствовало усилению внимания к экономической истории [17, с. III, 321]. В то же время

ему не нравились некоторые методологические подходы марксизма. В письме от 15 октября 1875 г. он оценивал «Капитал» К. Маркса как «уклонение» от «позитивного метода» [24, с. 137 прим.]. По убеждению М. М. Ковалевского, положения марксизма написаны «на песке», ибо «Маркс был и остался гегельянцем» [24, с. 137 прим.]. В воспоминаниях российский учёный подчёркивал: «Что сам Маркс оставался до конца не допускающим компромисса последователем гегелевской философии, в этом я не раз имел возможность убедиться из собственных его заявлений» [11, с. 72].

В некрологе, посвященном В. О. Ключевскому, М. М. Ковалевский выделил такие характерные черты творчества его коллеги по Московскому университету: отсутствие «исторических пристрастий», глубокое знание российской истории, блестящий лекторский талант [9, с. 406–407]. По его оценке, Василий Осипович «жил интересами русской истории» [9, с. 407]. М. М. Ковалевский особо отмечал блестящий стиль текстов В. О. Ключевского и писал «о художественности его изложения, о необыкновенной яркости и определенности его характеристик, о счастливом выборе эпитетов, о блеске ума, проявлявшемся в неожиданном сопоставлении и не всегда скрываемом юморе» [9, с. 407]. Автор некролога подчеркивал склонность В. О. Ключевского к «тонкому анализу» и «широким обобщениям», считая его труды «философией русской жизни» [9, с. 411].

Множество интереснейших биографических зарисовок об известных ученых, с которыми Максим Максимович был знаком лично, содержатся в «Моих воспоминаниях», некрологах и других его трудах мемуарного характера.

Большую ценность имели и историографические вступления большинства его трудов. Анализируя научную литературу по какой-либо теме, М. М. Ковалевский корректно высказывал свои замечания, предлагая свое видение спорной проблемы.

Труды М. М. Ковалевского отличаются подчеркнутой академичностью и сдержанностью оценок. В этом плане его рецензии и библиографические обзоры выгодно отличаются от полемически заостренных рецензий, например, М. С. Грушевского. Рецензии М. М. Ковалевского не просто информировали читателя о выходе в свет нового научного сочинения, способствовали распространению определенной информации об авторе и рецензируемой книге. Его рецензии давали импульс к научному диалогу.

1. Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. – Л., 1929. – 218 с.
2. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов. – М., 1979. – 202 с.
3. Кареев Н. И. М. М. Ковалевский как историк и социолог // М. М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин. – [сб.]. Пг., 1917. – С. 169–179.
4. Ковалевский М. М. Государство // Энциклопедический словарь Товарищества “Бр. А. и И. Гранат и К°”. – 7-е изд. – М., [1913]. – Т. 16. – С. 284–313.
5. Ковалевский М. М. Дарвинизм в социологии // Памяти Дарвина : сб. ст. / под ред. М. М. Ковалевского. – М., 1910. – С. 117–158.
6. Ковалевский М. М. Две жизни // Вестник Европы. – 1909. – № 6. – С. 495–522 ; – № 7. – С. 5–23.
7. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приёмы изучения истории права. – М., 1880. – 72 с.
8. Ковалевский М. М. История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времён до смерти Эдуарда III (Полиция безопасности). – Прага, 1877. – III, 219 с.
9. Ковалевский М. М. Василий Осипович Ключевский (некролог) // Вестник Европы. – 1911. – № 6. – С. 406–411.
10. Ковалевский М. М. Еще раз о Самоквасове и его методологических приемах // Критическое обозрение. – 1879. – № 8. – С. 15–25. – Рец. на кн.: Самоквасов Д. Я. История русского права. – Варшава, 1878. – Кн. 1. – 400 с.
11. Ковалевский М. М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. – 1895. – № 1. – С. 61–80.
12. Ковалевский М. М. О методологических приёмах при изучении раннего периода в истории учреждений // Юридический вестник. – 1878. – Кн. 1. – С. 3–24.
13. Ковалевский М. М. Ответ проф. Б. Н. Чичерину // Критическое обозрение. – 1879. – № 4. – С. 33–37.
14. Ковалевский М. М. Предисловие // О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления и нравов, климату, религии, торговли и т. д. / Ш. Л. Монтескье. – СПб., 1900. – С. I–XCL.

15. Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. – М., 1895. – Т. 1. – VIII, 660 с.
16. Ковалевский М. [Рецензия] // Критическое обозрение. – 1879. – № 15. – С. 32–33. – Рец. на ст.: Провинциальные собрания во Франции при Людовике XVI и их политическая роль / И. В. Лучицкий // Университетские известия. – 1879. – № 3. – С. 155–183; – № 5. – С. 237–248.
17. Ковалевский М. М. Современные социологи. – СПб., 1905. – XVI, 414 с.
18. Ковалевский М. М. Социология. – СПб., 1910. – Т. 1–2.
19. Ковалевский М. М. Теория заимствования Тарда // Вестник воспитания. – 1903. – № 9. – С. 1–15.
20. Ковалевский М. М. Устарел ли Гоголь ? // Вестник Европы. – 1909. – № 4. – С. 640–648.
21. Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. – М., 1898. – Т. 1. – XXXII, 712 с.
22. Савин А. Н. М. М. Ковалевский как историк // Исторические известия. – 1916. – № 1. – С. 170–183.
23. Спенсер Г. Сочинения : в 7 т. Т. 1. Основания социологии. Данные социологии. Индукция социологии / пер. с англ. – СПб., 1898. – IV, 432 с.
24. Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. – СПб., 1910. – Вып. 1. – 191 с.

Богдашина О. М. Історіографічні сюжети у творчості М. М. Ковалевського

У статті розглядається внесок М. М. Ковалевського у розвиток історіографії, зокрема розробка науковцем методології та методики історичних досліджень. Окремо аналізуються його рецензії на праці відомих істориків. Особлива увага приділена критиці М. М. Ковалевським деяких відомих історичних концепцій.

Ключові слова: рецензії, історіографічні огляди, історичні концепції.

Bogdashina O. Historiographical themes in the work of M. Kovalevsky

his article discusses the contribution of M. Kovalevsky in the development of historiography, in particular in the development of methodology and technique of historical research. Separately analyzed his reviews of the works of famous historians. Particular attention is paid to criticism of M. Kovalevsky some famous historical concepts.

Keywords: reviews, historiography, historical concepts.

УДК 930:929 Романовский (092)

Т. А. Булыгина

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. А. РОМАНОВСКОГО: ВДАЛИ ОТ УКРАИНЫ

В этой статье освещаются некоторые стороны жизни и творчества выдающегося архивиста и историка России и Украины В. А. Романовского в последние 25 лет его деятельности.

Ключевые слова: В. А. Романовский, интеллектуальная история, археография, история Украины, краеведение.

Выдающийся украинский ученый советского периода Виктор Александрович Романовский к моменту его ареста в 1935 г. по обвинению в национализме был хорошо известен в научном сообществе историков.

Его род происходил от именитых шляхтичей, но к XIX в. обеднел, и отец Виктора Александровича был лишь старшим писарем в звании унтер-офицера в городе Глухове Сумской губернии. Можно утверждать, что В. А. Романовский родился на перекрестье культур. Отец исповедовал католическую веру, а мать была православной [2, с. 179]. Увлечение музыкой с детства не помешало 19-летнему юноше начать изучать «серьезную» медицинскую профессию, для чего он поступил на медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира. Однако, как отмечал сам ученый в своей автобиографии [1, д. 1, л. 1], посещение лекций знаменитого историка, экономиста, фольклориста, создателя белорусской историографии и исследователя древнерусской и украинской истории М. В. Довнар-Запольского, в те годы переехавшего из Москвы в Киев, перевернули его представления о своем будущем. В том же 1909 г. он перевелся на историко-филологический факультет.

С 1914 г. началась исследовательская и архивная деятельность будущего ученого, когда он занялся научными изысканиями при

Булыгина Т. А. Страницы жизни и творчества В. А. Романовского... 135

кафедре русской истории университета и одновременно был принят на работу ученым архивистом в Киевский центральный архив древних актов (КАДА). Он занимался научными изысканиями, с 1918 г. преподавал, в частности в Киевском археологическом институте и Украинской академии искусств. Молодой ученый участвовал в работе Комиссии по изданию историко-биографического словаря выдающихся деятелей Украины, в Историко-географической комиссии.

С 1915 г., в условиях нарастания революционного кризиса в Российской империи и разгар Первой мировой войны, В. А. Романовский активно включился в общественную жизнь Киева. До 1917 г. он состоял в рядах конституционно-демократической партии, в эти же годы он вступил в масонскую ложу «Пробуждение», в 1918 г. несколько месяцев работал в Министерстве труда независимой Украины [2, с. 180]. Очевидно одно: молодой Романовский сочувственно относился к украинскому национальному движению, за что и пришлось впоследствии расплатиться собственным здоровьем и свободой.

Однако главным делом своей жизни В. А. Романовский уже в то время избрал архивное дело. 1920-е гг. стали временем расцвета таланта Романовского-архивиста. С 2 февраля 1921 г. он фактически возглавил КАДА [27, с. 1]. До начала 1920-х гг. он издал более 20 научных статей [2], а в 1927 г. в Харькове вышел его знаменитый учебник по архивоведению Украины, который до сих пор остается актуальным для практикующих архивистов [3]. Его популярность среди историков росла. В. А. Романовский занимался организацией и методическим обеспечением Всеукраинских курсов по архивоведению, был сначала секретарем, а потом, в 1930 г. председателем Археографической комиссии. О значительности работы украинского историка свидетельствует тот факт, что в 1922 г. в Оксфорде вышла его статья на английском языке. [1, д. 1, л. 43].

Наряду с этим В. А. Романовский в эти же годы активно собирал материал для научной работы по социально-экономической истории Украины XVII–XVIII веков. Изучение источников хозяйственной жизни Гетманщины этого периода было шагом на пути к докторской диссертации. Однако сделан он был в очень неблагоприятное для историка время. В 1931 г. он был арестован по надуманному обвинению. Именно с начала 1930-х гг., во-первых, началось

наступление сталинской власти на местную историю, особенно на ее национальный вариант. Во-вторых, сталинская диктатура именно в те годы разрабатывала разные модели легитимизации массовых репрессий, в том числе, и фабрикации антисоветских организаций, которые стали основанием для расправы с неугодными партийно-советскими работниками, деятелями науки и культуры. Эти обстоятельства стали контекстом ареста В. А. Романовского в 1931 г. по обвинению в участии в несуществующем «Киевском областном центре действий». В заключении он пробыл 10 месяцев и за отсутствием доказательств вины был освобожден [2, с. 186], но клеймо «врага народа» уже было поставлено. Вскоре на него посыпались обвинения в «объективном документализме», в «формальном анализе», его уволили с руководящих должностей, издание его книг задерживали. С 1934 г. следствие против ученого возобновилось, и в мае 1935 г. он был арестован вторично за работу в правительстве Скоропадского, за членство в партии кадетов, за участие в украинских национальных обществах и был осужден на 5 лет лагерей по статье 58-10 УК СССР [1, д. 1].

45-летний известный ученый начинал жизнь заново как заключенный Карагандинского ИТЛ. В. А. Романовский в лагере выживал за счет силы духа, громадных знаний в разных отраслях, включая медицину. Ему пришлось преодолевать лишения и болезни. Известно, что 7 мая 1937 г. он поступил в центральный лазарет ИТЛ, т.к. сохранилась расписка о том, что он сдал на хранение в лазарете зубные протезы и часы [1, д. 491, л. 1]. Справка об освобождении заключенного В. А. Романовского из Карагандинского лагеря датирована 26 апреля 1940 года. В ней говорилось, что ученый направляется на поселение в Кубинский район Азербайджана [1, д. 493, л. 1].

Однако, как известно, на окраинах бывшей Российской империи, а потом СССР, катастрофически не хватало высококвалифицированных кадров для разных областей народного хозяйства, включая образование. Видимо, это обстоятельство и ходатайство самого В. А. Романовского позволило ему остаться работать в учительском институте Караганды, а затем в Карагандинском педагогическом институте. Судя по архивным документам, В. А. Романовский в августе 1940 г. занимал должность заведующего педагогических курсов заочного отделения Карагандинского учительского института

[1, д. 1] с разрешения директора этих курсов, который, как отмечается в документах, снимал с себя ответственность за содержание лекций историка [1, д. 519, л. 1]. По всей видимости, благонадежность В. А. Романовского, а главное, его высокий профессионализм, к августу 1941 г. были подтверждены, и с июля 1941 г. он исполнял обязанности доцента. ВАК СССР 29 марта 1944 г. утвердил ученого в должности доцента Карагандинского учительского института [1, д. 493, л. 1]. Его эрудиция и широкие знания позволяли ему преподавать различные исторические дисциплины. Так, в 1940 г. в ВАК из Караганды был послан запрос о получении разрешения на то, чтобы В. А. Романовский читал курсы по истории Древнего мира и Средних веков [1, д. 519, л. 1].

«Карагандинский период» В. А. Романовского можно охарактеризовать как возвращение в науку на правах подозрительного ссыльного. Даже для того, чтобы приехать в сельский район, он должен был получать специальное разрешение, как это было при его поездке в Яранский район в конце августа 1944 г.: без разрешения райсовета въезд в район был невозможен [1, д. 520, л. 1]. Так обращались с отцом участника Великой Отечественной войны. Старший сын В. А. Романовского был командиром батареи, награжденным медалью «За отвагу», членом ВКП(б) [1, д. 313, л. 1]. Историк, чтобы доказать свою лояльность режиму, многократно выступал на страницах местной прессы с патриотическими статьями. Например, в местной газете «Социалистическая Караганда» в 1945–1946 гг. было опубликовано 10 его статей. Справедливости ради надо отметить, что тематика этих публикаций была в основном исторической: о происхождении и общих корнях русского, белорусского и украинского народов, о 185-летию взятия русскими войсками Берлина, о декабристах. Были среди них и биографические заметки об Устиме Кармелюке, о Г. В. Плеханове. Ура-патриотические работы оставались в меньшинстве: об углубленной проработке речи Сталина да об основе могущества СССР – индустриализации [1, д. 128, л. 1.; д. 140, л. 1].

Начиная с 1943 г., В. А. Романовский предпринимал большие усилия, чтобы выбраться из Казахстана. В сентябре 1943 г. он обращался к наркому просвещения РСФСР В. П. Потемкину с просьбой перевести его в педагогический или учительский институт на Кавказ, в Крым или в центральные области РСФСР [1, д. 310, л. 1],

в ректораты Днепропетровского и Ставропольского пединститутов. Из первого он получил вызов 4 декабря 1945 г. [1, д. 521, л. 1], а из второго, где ему предстояло проработать более 20 лет, вплоть до своей кончины, в июне 1971 г. прислали отказ [1, д. 521, л. 1]. Зато в том же месяце положительный ответ ученый получил из Наркомата просвещения. Однако силы более могущественные (из НКВД) так не считали, и разрешение на выезд из Караганды В. А. Романовский получил только 14 мая 1948 года [1, д. 523, л. 1]. Реабилитации же ученый при жизни не дождался, хотя уже в августе 1947 г. ходатайствовал о снятии судимости [1, д. 495, л. 1]. Он был реабилитирован только в 1989 г., через 18 лет после смерти.

Обращение историка в Днепропетровский пединститут было неслучайным. Виктор Александрович тосковал по Украине, по родному Киеву. В одном из писем 1946 г. В. А. Романовскому от близкой знакомой из Баку она называет Киев заветной мечтой Романовского [1, д. 375, л. 1]. Киевская ностальгия объединяла многих его друзей, разбросанных «по городам и весям». Так, его товарищ по работе в Киеве, а тогда преподаватель Московского историко-архивного института П. П. Смирнов писал в 1947 г. о том, как скучает по Киеву, его улицам, по тем дням, когда друзья «бродили под колокольный звон Пасхи» [1, д. 381, л. 40]. Однако путь в Киев В. А. Романовскому был навсегда «заказан». П. П. Смирнов в том же письме объяснял отказ В. А. Романовскому из Киевского архива в просьбе принять его на работу нежеланием «видеть Вас там, где произведена экзекуция» [1, д. 381, л. 40]. Через двадцать лет другой знакомый В. А. Романовского по Киеву, известный историк П. А. Зайончковский, сам из дворянского рода и племянник сенатора, профессор МГУ и член-корреспондент Британской академии, который был моложе на 14 лет и в 1918–1919 гг. учился в Киевском кадетском корпусе, тепло отзывался о В. А. Романовском. В беседе со студенткой из Ставрополя он заметил, что дальше этого южного города ученого не пустили бы соответствующие органы – слишком он был на виду, слишком известен к моменту ареста¹.

С другой стороны, именно в годы Карагандинской ссылки историк работал над кандидатской и докторской диссертациями, готовил научные публикации. Кандидатскую диссертацию «Борьба за финансовую автономию Украины в 60-х годах XVII века» он

защитил в Московском областном педагогическом институте в 1947 году. С 1944 по 1947 гг. В. А. Романовский исполнял обязанности заведующего кафедрой истории в Караганде. Позже, переехав в Ставрополь, он бесценно возглавлял кафедру истории созданного в 1944 г. исторического, затем историко-филологического, факультета Ставропольского пединститута (СППИ). В 1948 г. В. А. Романовский защитил в Московском городском пединституте, докторскую диссертацию, хотя утверждение этого труда в ВАКе состоялось только 23 ноября 1957 г. [1, д. 497], скорее всего, в результате политических перемен в связи с разоблачением «культ личности Сталина». В 1950 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Сложности «неблагонадежного» историка были связаны не только с защитой диссертаций, но и с публикацией его работ. Так, даже сегодня его замечательный труд, рукопись докторской диссертации «Очерки по истории государственного устройства Украины во второй половине XVII в.» не опубликована. Что уж говорить о 1944 г. когда статья В. А. Романовского «Киевский архив Древних Актов» в «Историческом журнале» в апреле была принята, а в октябре после искусственных затяжек отклонена [1, д. 420].

Обращает на себя внимание то, что темой его основной научной работы оставалась история Украины XVII века. Этой проблеме были посвящены не только диссертации. Позже, будучи профессором СППИ, он участвовал в периодических Межреспубликанских симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, проводившихся с конца 1950-х гг. в Москве, Киеве, Минске, Риге, Таллине. Сообщение В. А. Романовского «Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII – XVIII вв.» было заслушано на заседании 2-й секции IV симпозиума в Риге в 1961 г., посвященной истории XVII – XVIII веков. Из 84 участников конференции было 11 докторов наук, в том числе В. А. Романовский [6]. Среди 3-х наиболее активных вузов был отмечен и Ставропольский пединститут, т.к. помимо профессора Романовского в симпозиуме участвовал его ученик, тогда доцент П. А. Шацкий (впоследствии доктор исторических наук, профессор, известный специалист по социально-экономической истории Предкавказья станет заведующим той же кафедрой).

Из библиографии ученого известно, что в «ставропольский период» помимо указанной выше работы было опубликовано еще

¹ Личные воспоминания автора статьи

2 значительных труда по истории Украины – это монография, представлявшая публикацию одной из глав докторской диссертации В. А. Романовского [7] и большая статья в научном издании его ученика П. А. Шацкого [9]. Свидетельством того, что ученый не изменил своим научным привязанностям, стала редакция уникального труда украинского историка Е. Д. Сташевского [11]. В. А. Романовский в прямом смысле совершил человеческий и научный подвиг. Благодаря его профессиональной редакции, была издана рукопись репрессированного исследователя, хорошего знакомого В. А. Романовского еще по киевским временам. Он участвовал вместе с Е. Д. Сташевским еще в начале XX в. в работе историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. В юбилейном сборнике этого кружка в 1914 г. рядом со статьями В. А. Романовского «Хозяйства монастырских крестьян Любецкой сотни в 1767 г.» был помещен материал Е. Д. Сташевского «К истории Смоленской войны: сбор подвод с гор. Москвы в 1632 г.» [см.: 12]. В 1930-е гг. Сташевский был арестован и расстрелян. Вместе с тем, Е. Д. Сташевский подготовил эту рукопись с использованием огромного количества уникальных документов на польском, украинском и русском языках, большая часть которых погибла в годы войны. Поэтому рукопись Е. Д. Сташевского – единственная информация об этих исторических источниках.

Любовь к родной Украине не остывала в В. А. Романовском никогда. Уже из Ставрополя ученый посылал приветственное письмо в связи с юбилеем архиву Украины [1, д. 303]. Доказательством его любви к родине также служит статья в «Литературной газете» и письмо в Министерство культуры УССР в 1953 г. о недопустимости небрежного отношения к памятникам истории в его родном Глухове. Историк замечал, что в древнем городе почти не осталось мест памяти, кроме крепостных ворот, которые находятся в ненадлежащем состоянии и разрушаются. В конце февраля 1953 г. он получил ответ из Украины, что объем работ по реставрации этого историко-архитектурного памятника Древней Руси уже обсчитывается [1, д. 193, л. 4].

Расцвет его педагогической деятельности пришелся на конец 1950-х гг., когда в Советском Союзе, хотя и в рамках партийной схемы, но всё-таки началось возвращение к местной истории и краеведению. Именно это исследовательское поле стал осваивать

ученый на Ставрополье. Достаточно напомнить, что именно он в письмах заведующему идеологическим отделом Ставропольского крайкома КПСС И. М. Лихоте и заведующему отделом науки и учебных заведений крайкома В. С. Мураховскому обосновывал необходимость издания учебника по краеведению. [1, д. 306, л. 1]. В эти годы В. А. Романовский наряду со своей традиционной тематикой обратился к отдельным сюжетам Ставропольской истории. В частности, его интересовала социально-экономическая история крестьян Ставропольского села Маслов Кут, которые в 1853 г. подняли бунт против своих землевладельцев [8, с. 10]. Кроме того, слабо разработанным сюжетом была история посылки солдат-декабристов на Кавказ, как из Петербурга, так и из Украины [5].

Представляется, что эти тексты требуют самостоятельного анализа в контексте интеллектуальной истории Северного Кавказа в XX веке. Надо лишь отметить профессиональный, а не любительско-краеведческий подход В. А. Романовского к любому историческому вопросу. Он непременно выяснял степень изученности этой проблемы, характер имевшейся в распоряжении исследователя источниковой базы. Любая его работа отличалась основательной фундированностью, ясностью и логичностью авторских мыслей, несмотря на необходимость обозначения «классового подхода».

Такая же тщательность, научная обоснованность характерна и для отзывов и рецензий ученого на диссертации и исторические публикации. Он был членом диссертационного совета по историческим наукам, поэтому много заключений о диссертационных работах, отзывов оппонента и ведущей организации было подготовлено им в это время. Подобные материалы готовил В. А. Романовский и для диссертационного совета Московского педагогического института им. В. И. Ленина [1, д. 119]. Тексты его рецензий, редакционной правки, отзывов вскрывают глубину познаний, профессиональную честность и научную принципиальность этого не сломленного судьбой человека. Подробный разбор рецензируемого труда проводился в благожелательной форме, но ни один огрех не был упущен. В. А. Романовский позволял себе аргументированные отрицательные отзывы, т.е. он не был запуган своей участью политического заключенного, а затем ссыльного ученого. Так, в Московском библиотечном институте В. А. Романовский сделал за короткое

время 1960-х гг. не менее 2-х отрицательных заключений [1, д. 119, л. 160]. Он не допускал «халтуры», тем более, если это касалось истории Украины. Казалось бы, репрессии должны были сделать его осторожнее в таких случаях. Однако именно на книгу Е. С. Компана «Города Украины во второй половине XVII в.» издания АН УССР, вышедшую в 1963 г. он дает отрицательную рецензию, сопровождая таким замечанием: «нет научного освещения городов». Ученый считал антинаучным утверждение автора о капитализме на Украине в XVII веке. [1, д. 119, л. 142]. Не менее жестким был отрицательный отзыв на автореферат В. И. Кулиша «Присоединение Украины к России» [1, д. 119, л. 168–176].

К сожалению, в одной статье невозможно осветить всю многогранность личности и деятельности В. А. Романовского. Требуется более тщательной разработки проблема истоков формирования ученого. Ставропольский период также показал, что ученый не утратил своего таланта организатора. Ведь это он первым в 1953 г. послал письмо в Министерство просвещения РСФСР о необходимости открытия аспирантуры по кафедре, которой он заведовал [1, д. 310, л. 1]. О масштабах личности В. А. Романовского свидетельствуют письма к нему из всех уголков Советского Союза, начиная с 1940 г., несмотря на его политическую неблагонадежность. Это были послания из Москвы и Киева, Одессы и Томска, Баку и Акмолинска. Среди адресантов были известные ученые, родные, ссыльные, товарищи по несчастью, каким был К. Э. Гриневич, выпускник, затем профессор Харьковского университета, а в 1944 г. ссыльный учитель в Томске, живший очень трудно, но не утративший вкуса к научному поиску [1, д. 333].

Именно письма свидетельствуют о человеческих качествах В. А. Романовского. Откровенность 18 писем П. П. Смирнова, товарища ученого по Киеву, с 1940 по конец 1940-х гг. раскрывает нам степень доверия к нему друзей [1, д. 381]. Эти источники «личного происхождения» рисуют нам Романовского-наставника и Романовского-историка. Он поддерживал «неудобного» А. А. Зимина, о чем говорят письма последнего [1, д. 341], он вывел на научный путь оригинального ленинградского исследователя И. Фроянова [1, д. 194], ему послал записку студент (!) М. Загоруйко с пожеланием успешной защиты докторской диссертации [1, д. 340, л. 1]. Все эти сюжеты могут стать самостоятельной темой исследования. В 2004 г.

И. М. Мага в Киеве защитила кандидатскую диссертацию «Виктор Александрович Романовский – историк и архивист». Однако тема эта далеко не исчерпана, и последние 20 лет жизни ученого не менее значимы, чем первые 20 лет профессиональной деятельности, для осмысления масштаба его личности и места В. А. Романовского в интеллектуальной истории советского общества.

1. Романовський В. О. Нариси з архівознавства. Історія архівної справи на Україні та принципи порядкування в архівах. – Харків, 1927. – 170 с.
1. Романовский В. А. Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949–1950 учебном году // Вопросы истории. – 1950. – № 12. – С. 44.
2. Романовский В. А. Солдаты-декабристы на Кавказе // Сборник трудов историко-филологического факультета (Ставропольский пединститут). – Ставрополь, 1958. – Вып. 13. – С. 15–37.
3. Романовский В. А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига, 1963. – С. 184–194.
4. Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. – Ставрополь, 1967. – 125 с.
5. Романовский В. А. Восстание в селе Маслов Кут в 1853 году // К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа. – Ставрополь, 1969. – С. 3–51.
6. Романовский В. А. К истории аренды на Левобережной Украине во второй половине XVII – начале XVIII вв. (К вопросу о первоначальном накоплении) // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Востока России. Ставрополь, 1970. – С. 321–361.
7. Романовский В. А. К вопросу о положении крестьян села Маслов-Кут перед восстанием 1853 г. // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1971. – Вып. 12–13. – С. 254–265.
8. Сташевский Е. Д. История капиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII – первой половине XIX вв. – М., 1968. – 484 с.

9. Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. – Киев, 1914. – 336 с.

Булигіна Т. О. Сторінки з життя та творчості В. О. Романовського: вдалечині від України

У статті висвітлюються окремі сторінки життя та творчості видатного архівіста та історика Росії й України В. О. Романовського в останні 25 років його діяльності.

Ключові слова: В. О. Романовський, інтелектуальна історія, археографія, історія України, краєзнавство.

Bulygina T. A. Pages of life and V. A. Romanovsky's creativity: far from Ukraine

In this article some aspects of life and creativity of the outstanding archivist and the historian of Russia and Ukraine V. A. Romanovsky in the last 25 years of his activity is taken up.

Keywords: V. A. Romanovsky, intellectual history, archaeography, history of Ukraine, study of local lore.

УДК 340.123Пахман(092)

В. А. Греченко

ПРОФЕСОР С. В. ПАХМАН: ЖИТТЯ В НАУЦІ ТА НАУКА В ЖИТТІ

Розглянуто основні етапи наукової діяльності юриста С. В. Пахмана. Досліджено його внесок в розробку різних аспектів історії та теорії права.

Ключові слова: С. В. Пахман, Харківський університет, історія права, Руска Правда.

Семен Вікентійович Пахман (1825–1910) – видатний юрист другої половини XIX – початку XX ст. – народився в Одесі, жив та працював в Одесі, Харкові, Москві, Казані, Петербурзі. Він зробив значний внесок в розробку як теорії, так і історії права, викладання правових дисциплін.

Теоретичні та історичні погляди С. В. Пахмана досліджували А. Х. Гольмстейн, М. А. Гредескул, Г. Ф. Шершеневич, С. О. Пяткіна, В. Д. Зорькін, Т. Ю. Амплеева, Є. М. Дербін та інші, але в їх публікаціях мова йшла лише про окремі аспекти праць С. В. Пахмана. Виходячи з цього, у даному випадку автор поставив за мету дослідження основних теоретичних поглядів С. В. Пахмана, а також його внеску в розробку питань історії держави та права Київської Русі.

С. В. Пахман вчився спочатку в гімназії при Рішельєвському ліцеї, потім на юридичному відділенні ліцею (1840–1843) в Одесі і в Московському університеті (1843–1845), після закінчення якого був викладачем законодавства і латинської мови в Тульській гімназії (1846–1848), потім ад'юнктом по кафедрі енциклопедії і історії правознавства в Рішельєвському ліцеї. У 1851 р., після складання в Московському університеті іспиту на ступінь магістра цивільного права, він захистив дисертацію «О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии», а в 1852 р. отримав кафедру законів державного благоустрою (поліцейського права) в Казанському

університеті і ступінь доктора юридичних наук. У 1859 р. перейшов до Харківського університету, спочатку був призначений ординарним професором по кафедрі поліцейського права, а потім в 1862 р. перейшов на кафедру цивільного права, продовжуючи, проте, викладання права поліцейського [1, с. 197]. У 1866 р. він був запрошений на кафедру цивільного права і судочинства Петербурзького університету, яку і обіймав до 1876 р. До цього, в 1873 р. був обраний деканом юридичного факультету. У 1879 р. за твір «Обычное гражданское право в России» (2 томи: 1877 і 1879 рр.) удостоєний повної премії імені графа Сперанського. Ці гроші (6000 руб.) С. В. Пахман пожертвував Петербурзькому університету для встановлення стипендії його імені для студентів, що виявили особливі успіхи з цивільного права. С. В. Пахман був одним із засновників Петербурзького юридичного товариства. У 1882 р. призначений сенатором. П'ять університетів надали С. В. Пахману дипломи на звання почесного члена: Санкт-Петербурзький, Казанський, Харківський, Св. Володимира в Києві і Новоросійський [1, с. 198]. С. В. Пахман був похований на Нікольському кладовищі Александро-Невської лаври [2].

Якщо характеризувати суть теоретичних поглядів С. В. Пахмана, – то слід відзначити, що він був яскравим представником юридичного позитивізму. Його зусиллями, а також таких учених, як Є. В. Васьковський, Д. Д. Грім, М. І. Палієнко, Г. Ф. Шершеневич та інших юридичний позитивізм в Росії став пануючим напрямом в загальній теорії права і в галузевих юридичних дисциплінах, в першу чергу, в цивілістиці [3, с. 3].

У своїх роботах С. В. Пахман виступає як послідовний і переконаний представник формально логічної догматичної юриспруденції. Одна з основних рис юридичного позитивізму полягає в тому, що наука права фактично зводиться до юридичного догматизму. Соціологічний, етичний та інші підходи до права в принципі не заперечувалися цим напрямом, але вони при цьому або виводились взагалі за рамки юридичної науки, або вважалися дисциплінами вторинного і прикладного характеру. У вітчизняній науці цю точку зору одним з перших обґрунтував саме С. В. Пахман [4, с. 40]. Спробу розробити «синтетичну» теорію права і вийти за рамки формально-догматичного узагальнення, зв'язати право з його соціальним змістом і на основі цього дати поняття права як

соціального явища в контексті інших явищ, С. В. Пахман вважав посяганням на чистоту юриспруденції як науки «догматико-систематичної», прагненням позбавити юриспруденцію «значення науки і права на самостійне існування» [5, с. 13, 19]. С. В. Пахман виходив з протиставлення двох за їх змістом і завданнями теорій права (наук про право): по-перше, так званої «побутової», або «історико-філософської», і, по-друге, «юридичної теорії», «юридичної науки у власному сенсі», «юриспруденції як самостійної науки» [5, с. 20, 24, 25, 43, 50–51, 66–67]. С. В. Пахман не заперечує, що право тісно пов'язане з інтересами і потребами, які воно захищає і охороняє; що право виступає як один із засобів для досягнення тих або інших життєвих цілей. Але ці життєві стосунки, інтереси, цілі і т. п. – усе це, на його думку, є лише «зовнішньою» стороною права, фактичним життєвим ґрунтом, на якому воно існує. Вивчення цих «зовнішніх» аспектів і складає завдання «побутової» теорії права, стверджував С. В. Пахман [5, с. 21, 25, 43.]

Отже, С. В. Пахман відстоює два взаємопов'язані і характерні для юридичного позитивізму положення: формалістичне поняття права і обмеження юриспруденції формально-догматичними завданнями дослідження [4, с. 41].

Розглядаючи співвідношення цивільного права і торгового Пахман приходить до висновку про необхідність злиття цих двох компонентів приватного права. «До складу цивільного уложення повинне входити не тільки майнове, але і особисте право, і притому не лише сімейне, але загальне право осіб...», – писав він [6, с. 207].

Загальні теоретичні переконання Пахмана були піддані серйозній науковій критиці в роботі С. А. Муромцева «Что такое догма права?». Заперечуючи Пахману, Муромцев спробував роз'яснити відмінність, існуючу між науковими законами і правовими принципами [7, с. 207].

Жваву полеміку викликала і книга С. В. Пахмана «История кодификации гражданского права» в 2-х томах, перший з яких був присвячений, в основному, кодифікації в державах Заходу і Росії до 1826 р., а другий – російській кодифікації з 1826 р. та місцевим законам, в тому числі, в губерніях Чернігівській та Полтавській [8]. Ця робота викликала спочатку дуже схвальну реакцію в пресі. В рецензіях відзначалося, що цей твір не має нічого подібного навіть в західній літературі, що його чекає величезне значення в теоретичній

і практичній сферах [9]. Але були висловлені й інші думки. Сувору критику зустрів твір Пахмана з боку професора В. І. Сергеевича [10]. Відкинувши всяку наукову цінність у викладі Пахманом змісту Зводу, Сергеевич вказує, що ті порівняно небагато сторінок, які присвячені опису складу різних законодавчих комісій і зовнішнього ходу їх робіт, могли б мати наукове значення, якби належали перу Пахмана, «але, на жаль, вони написані не автором», «особисто авторові належать тільки помилки, що свідчать про крайню недбалість, з якою ці виписки робилися» [11, с. 463].

У 1877–1879 рр. С. В. Пахман опублікував великий двотомний твір «Обычное гражданское право в России». Звертає на себе увагу систематизація матеріалу, зроблена Пахманом, яка полягає в розподілі його за відділами, прийнятими для викладу цивільного права. Тобто за речовим і зобов'язальним правом йде сімейне і спадкове, – бракує тільки загальної частини. Проте фахівці відзначали й недоліки видання. Пахман зробив спробу укласти усе звичаєве російське право в рамки системи, виробленої на ґрунті римського права. Можливість систематичного викладу російського звичаєвого права тим більше сумнівна, що не існує загальних звичаїв, а є тільки місцеві – зазначав рецензент книги Г. Ф. Шершеневич [9].

Аналізуючи історичні погляди С. В. Пахмана, слід відзначити, що в своїй магістерській дисертації («О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии» – М., 1851) він не виходив за рамки родової теорії [12, с. 57–58] в інтерпретації К. Д. Кавеліна. «Теорія родового побуту» була обґрунтована Й. Ф. Г. Еверсом в його монографічному дослідженні «Древнейшее право русов в его историческом развитии» (1826).

Коротко «теорію родового побуту» Еверс виклав так: людське суспільство «розвивається з сім'ї на чолі з хазяїном будинку до роду із старійшиною, до племені з вождем і, нарешті, до народності з правителем» [13, с. 6]. «Нова держава в первинному своєму стані, – писав Еверс, – є не що інше, як з'єднання багатьох великих родів, а новий володар не що інше, як верховний патріарх. Влаштування і управління держави є правління великим сімейством – єдиний зразок, який мали на увазі люди, що вступали в нове велике суспільство» [14].

К. Д. Кавелін конкретизував цю теорію, підкресливши, що на початковому етапі розвитку слов'ян спостерігається панування

родового побуту «під управлінням старшого народженням і літами». З розмноженням споріднених ліній, коли старшинство «неможливо було визначити, – стали обирати старійшин». Вони виконували, головним чином, судові і військові функції, а загальне управління перейшло до рук вічових зборів. Проте взаємні розбрати, такі властиві кровно-спорідненим стосункам не дозволяли «розвинути громадський дух і громадянські доброчесності». Тому «за закликом союзних племен з'являється на Русі войовнича дружина, під проводом вождів, яких наші предки по-своєму називають князями». Вони утворюють «сильну, велику державу; але устрій його носить на собі неслов'янський відбиток; здається, воно було феодалне» [15, с. 24–28].

Таким чином, погляд К. Д. Кавеліна на становище і розвиток інституту князівської влади в Давній Русі виявляється майже цілком подібним до концепції С. М. Соловйова. Виняток становить лише схема переходу від родових стосунків до державних. К. Д. Кавелін уводив у неї самостійний проміжний етап, коли на зміну родовому побуту, з його спільним володінням, приходить побут сімейний за панування приватного володіння – вотчини [16, с. 401–407; 17, с. 406–407].

У вищезгаданому дослідженні Пахмана виявляється ґрунтовне знайомство автора з джерелами і логічність узагальнень. Зокрема, ним були висловлені наступні положення. Утворення і розвиток давньої руської системи судових доказів, так само як і системи судочинства, обумовлювалися переважно тубільними засадами, що визначали життя наших предків [18, с. 12]. Відкидаючи вплив германського елемента на руське право, автор припускає значну і довготривалу дію візантійського елемента [18, с. 29, 34]. Прадавня система судових доказів виявляє панування забобону і грубої омани, оскільки звичаєм і законом були освячені деякі засоби відкриття істини (суди Божі або ордалії), які мають бути розглянуті, з одного боку, як судові докази, а з іншого – як особливі форми суду, протилежні до форм звичайного людського суду [18, с. 12]. Найважливішим і основним в цілій системі судових доказів був доказ за допомогою свідків [18, с. 136], нижче цього способу доказу стояли форми суду, що мали загальну назву судів Божих. Присяга, як засіб доведення, примикає до ордалій. Інші докази, такі як зізнання, жереб, судовий поєдинок, поголовний обшук розвиваються пізніше, в період часу від початку XV до середини XVII століття [9].

Відносно послухів Руської Правди С. В. Пахман відзначав, що свідки в давньоруському праві ділилися залежно від знання того, про що дається показання свідків, на дві групи – видоки і послухи: «під першим розумівся той, хто був самовидцем відомої справи (testis de visu), а під другим – той, хто знав про справу тільки «по слуху» (testis de auditu), звідки і сама назва «послух» [18, с. 48–49]. При цьому, на думку Пахмана, відмінність двох категорій свідків не була істотною – від свідка вимагалось тільки, щоб він знав, про що свідчить, і щоб його свідчення підтверджували свідчення особи, що представила його на суд [18, с. 49].

Сформульована і обґрунтована Пахманом та його послідовниками концепція еволюції послухів стала основною для подальших поколінь істориків права [19, с. 37].

Проте найімовірніше, що термін «послух» був свого роду новацією в праві, суть якої полягала в тому, що якщо раніше свідчити на суді міг тільки очевидець того, що сталося («видок»), то тепер досить було мати відомості про вчинений злочин. Таким чином з'явилась нова категорія свідків – послухи [20].

С. В. Пахман відзначав наступні вимоги до послухів: за моральними якостями – допускалися «добрі люди», «правдиві, богобоязливі і такі, що говорять заради страху Божого і правди», не помічені в пияцтві, крадіжці, обмані або привласненні чужого майна; стосовно учасників процесу – не могли бути «люди, що знаходяться з одним з позовників у ворожнечі або тяжбі», близькі родичі, подружжя, холопи проти своїх власників. При цьому він вказував, що причини, ««по коим нельзя предполагать в свидетеле желание сказать правду, делали известные лица безусловно неспособными к свидетельским показаниям; сюда особенно относятся нравственные качества; другие же причины принимались в соображение только по просьбе тяжущегося, против которого приводился кто-либо в свидетели; это – известные отношения свидетелей к тяжущимся сторонам: родственные, дружественные, неприязненные и т.п.» [18, с. 54–55].

Аналіз наявних в нашому розпорядженні джерел дозволяє зробити висновок, що система доказів судочинства Київської держави несе на собі відбиток глибокої старовини. Вона, також як і юридичний процес в цілому, визначалася правовими звичаями і стародавніми традиціями, що панували в суспільстві. Проте

прадавня система доказів не була якоюсь застиглою формою. Вона змінювалася і розвивалася разом з суспільством. Руська Правда, порівняно з договорами Русі з Візантією, відбила істотні зміни в положенні позивача і відповідача, котрі з'явилися в процесі переходу до сусідської общини [21, с. 157].

Тепер необхідною умовою справедливості позову стає не лише свідчення позивача (цього було достатньо раніше для подання позову), але і власне зізнання відповідача. Відсутність зізнання диктувала потребу в отриманні таких фактів, які могли допомогти у встановленні істини і переконати суддів в справедливості або хибності позову, тобто до складання певної системи доказів. Найголовнішим джерелом доказів були покази свідків. «В усіх давніх народів, – відмічає С. Пахман, – вони вважалися найважливішими і самими загальноживаними засобами пізнати істину» [18, с. 19]. Позивач за допомогою свідчення «видоків» повинен був підтвердити пред'явлене конкретній особі звинувачення («поклеп»). Саме про них говориться в статті 40: «...оже ли убивють и, а уже будутъ людие связана видели...» і в статті 68: «Аже выбьють зуб, а кровь видять у него во рте, а людие вылезут...» [22, с. 67, 68].

В цьому випадку суд мав справу з очевидцями. Їх значення не переходить в роль захисників, вони є просто засобом пізнати фактичну істину. Вони не зацікавлені в результаті процесу і не пов'язані із сторонами ані як свідки угоди, ані клятвою. У Просторовій редакції міститься вимога, щоб свідки говорили «слово противу слова» з потерпілим.

С. В. Пахман висловив ряд припущень стосовно становлення доказів на Русі і сформулював їх у ряді положень. Відзначається первинність показань свідків, що вважалися важливим і основним доказом. Стверджується, що удосконалення системи доказів відбувалося під впливом державних засад; тяжкість доведення лежала не лише на позивачі, але і на відповідачі «за стародавнім нашим правом»; взаємне співвідношення доказів, в застосуванні їх до давньої практики, не було строго визначеним. Були розглянуті і окремі докази [23].

С. В. Пахман поділяв думку Й. Ф. Г. Еверса [24, с. 151] і також вважав, що під словом «свідчення» слід розуміти зовнішні ознаки події злочину – рани, плями крові, сліди володіння чужою річчю і так далі [18, с. 134]. Подібним же чином перекладена ця стаття у збірці

«Памятники истории русского права»: «... нехай звинувачення, що міститься в публічно представлених (речових) доказах, буде визнано доведеним» [25, с. 11]. В цілому аналіз текстів статей Руської Правди дає змогу зробити висновок про те, що в цьому документі є зачатки характерних для епохи феодалізму формальних доказів [26, с. 289].

У вітчизняній історико-правовій традиції не існує єдиної думки щодо згадуваного в Руській Правді «ізвода пред 12 человека». Ряд дослідників вважали, що тут описується старовинний спосіб вирішення справи общиною («добрі люди» – общинні судді). Зокрема, такої точки зору дотримувалися М. Д. Іванішев, В. Ф. Владимирський-Буданов, Б. І. Сиромятников, В. С. Юшков. С. П. Пахман належав до тих вчених (О. М. Ф. Рейц, О. П. Куніцин, М. М. Ковалевський, М. М. Покровський), які вбачали в цих 12 «суд посередників» («третейський»), який утворювався кожного разу тими, що судяться [27, с. 642–643].

Таким чином, можна відзначити, що С. В. Пахман має значні заслуги у розвитку теорії та історії права, зокрема це стосується теорії юридичного позитивізму, характеристики інститутів цивільного права, доказів та доказування за Руською Правдою. Критика та дискусії навколо праць С. В. Пахмана зовсім не применшують його ролі в розвитку права, а лише свідчать про демократизм та плюралізм думок у тодішньому науковому середовищі. Значним є і внесок С. В. Пахмана у поширення юридичних знань. Його праці з цивільного права, як і лекції, які він читав у кількох провідних університетах Російської імперії користувалися незмінним успіхом серед студентів. В історії Петербурзького університету його діяльність пов'язується з «золотим віком» юридичного факультету, а сам він називається «знаменитим професором» [28]. Проте, на жаль, до цього часу немає комплексного дослідження (дисертації чи монографії), де б всебічно розкривався внесок С. В. Пахмана в розвиток теорії та історії права.

1. Гредескул Н. Пахман Семен Викентьевич // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под редакцией проф. М. П. Чубинского и Д. И. Багалея. – Харьков, 1908. – С. 204–205.
2. Пахман Семён Викентьевич // Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. Пяткина С. А. Юридический позитивизм в России (Из истории русской буржуазной правовой мысли) : автореф. дис... канд. юрид. наук. – Л., 1965. – 15 с.
4. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. – М., 1978. – 268 с.
5. Пахман С. В. О современном движении в науке права : речь, произнес. в годовом собр. юрид. общ 1882 г. – СПб., 1882. – 68 с.
6. Пахман С. В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал Гражданского и Уголовного Права. – 1882. – № 8. – С. 202–207.
7. Муромцев С. А. Что такое догма права?. – М., 1885. – 35 с.
8. Пахман С. В. История кодификации гражданского права : в 2 т. – СПб., 1876. – Т. 1–2.
9. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России [Электронный ресурс]. – Казань, 1893. – 243 с. – Режим доступа : <http://dop.uchebalegko.ru/docs/index-83734>
10. Наиболее известные ученые – цивилисты России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tsud.ru/tsud4/jurist1/civilisti_rossii_5.htm
11. Сергеевич В. И. Задачи истории кодификации (по поводу двух томов «Истории кодификации гражданского права» С. В. Пахмана // Вестник Европы. – 1876. – Т. 6. – С. 463.
12. Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. – Ижевск, 2007. – 268 с.
13. Шевцов В. И. Родовая теория Г. Эверса // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. – М., 1973. – С. 6–24.

14. Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. [Электронный ресурс]. – 4-е изд. – М., 2000. – Режим доступа : <http://www.bibliotekar.ru/istoria-rossii/41.htm>
15. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России. – М., 2011. – 113 с.
16. Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. – М., 2002. – 540 с.
17. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – 761 с.
18. Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. – М., 1851. – 212 с.
19. Кочкина Л. М. К проблеме функции «послухов» Новгородской судной грамоты // Вектор науки ТГУ. Серия : Юридические науки. – 2012. – № 2(9). – С. 37–39.
20. Ступникова Н. Н. Доказательства и процедура доказывания в Древней Руси [Электронный ресурс] // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2010. – № 3. – Режим доступа : <http://jurnal.org/articles/2010/hist11.html>
21. Амлеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX – XIX вв.) : дис... докт. юрид. наук. – М., 2009. – 457 с.
22. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X – XX вв. : [тексты и коммент.] в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – М., 1984. – 430 с.
23. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения [Электронный ресурс]. – Ставрополь, 2002. – 584 с. – Режим доступа : <http://www.novizkii2.narod.ru/monog.html>
24. Эверс Й. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / перевод с немецкого И. Платонов. – СПб., 1835. – 447 с.
25. Памятники русского права // Памятники права Киевского государства в X – XII веках / под ред. С. В. Юшкова : сост. А. А. Зимин. – М., 1952. – Вып. 1. – 287 с.
26. Ванявин Д. В. История развития института вещественных доказательств в уголовном процессе России / Д. В. Ванявин // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 2. – С. 287–293.

27. Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1. : Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – М., 1957. – 840 с.
28. «Золотой век факультета» (1863–1919) // Санкт-Петербургский государственный университет. Юридический факультет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://law.spbu.ru/AboutFaculty/History/1863_1919.aspx

Греченко В. А. Профессор С. В. Пахман: жизнь в науке и наука в жизни

Рассмотрены основные этапы научной деятельности историка права С. В. Пахмана, исследован его вклад в разработку различных аспектов теории и истории права.

Ключевые слова: С. В. Пахман, Харьковский университет, история права, Русская Правда.

Grechenko V. A. Professor S. V. Pakhman: life in science and science in life

The basic stages of scientific activity of S. V. Pakhman are considered, his payment is investigational in development of different aspects of history and theory of law.

Keywords: S. V. Pakhman, Kharkov University, history of law, Russian Pravda (Truth).

УДК 930-051:82-94

С. М. Куделко

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ ИСТОРИКА –
ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЖАНРОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ
ИСТОРИОГРАФИИ: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ**

В статье анализируются автобиографические тексты историков как важный историографический источник. В качестве объекта анализа избраны автобиографические работы представителей «харьковской школы историков». Прежде всего, уделено внимание автобиографическим воспоминаниям Д. И. Багалея и И. К. Рыбалки. Делается вывод о том, что автобиографии историков являются специфическим маркером историзма в современной науке.

Ключевые слова: автобиография, историография, харьковская школа историков.

Из редкого жанра, который находился на обочине магистральных путей развития творчества историков, автобиографические сюжеты в конце XX – начале XXI вв. превратились в весьма значимые, стали занимать одно из центральных мест в творчестве исследователей прошлого. В этом факте сказывается не только рост числа профессиональных (прежде всего, вузовских) историков, которых, например, в Харькове в XIX веке насчитывалось единицы, в первой половине XX века – десятки, а в наше время это уже сотни имен. Антропологический поворот в науке актуализировал интерес к субъекту, к личности создателя исторических трудов. Эпоха затребовала информацию, посвященную анализу творческой лаборатории ученого, выдвинула на авансцену проблемы психобиографистики [4]. Вошли в моду различные «диалоги» и «монологи» с историей и историками.

В данном случае воспользуемся для примера автобиографическими текстами харьковских историков. При всей

условности понятия «харьковская школа историков», его можно принять для обозначения механической совокупности ученых, живших в разное время, принадлежавших к разным направлениям, но объединенных местом их творчества – Харьковом. На наш взгляд, это понятие имеет право на существование¹. Однако даже такая относительная (географическая) классификация представителей нашей науки позволяет увидеть некоторые черты и тенденции жанра автобиографии, над которыми можно поразмыслить.

В дореволюционное время автобиографии не были редкостью. Не рассматривая автобиографические записки и воспоминания конкретных дореволюционных историков (Н. И. Костомарова, П. И. Вейнберга, Н. Ф. Сумцова, В. П. Бузескула, А. С. Вязигина, Д. Н. Овсянко-Куликовского и других [См.: 13]), которые уже не раз и всесторонне были проанализированы в литературе, сосредоточим наше внимание на советском и постсоветском периодах развития «харьковской школы историков».

В советскую эпоху историки относительно редко обращались к автобиографиям. Само общество, устремленное в будущее, достаточно поздно стало «оглядываться в свое прошлое» и подытоживать пройденный путь.

Рубежи досоветского и советского, советского и постсоветского периодов актуализировали проблему оправдания (самооправдания) своей позиции для тех историков, жизнь которых оказалась на разломе эпох.

Среди первых таких автобиографий должны быть названы воспоминания академика Д. И. Багалея (1857–1932) [1]. Дмитрий Иванович занимает промежуточное место между дореволюционной и советской исторической наукой. Конечно же, он большей частью своего творчества относится к дореволюционному периоду. К историографии Д. И. Багалея обратился в зрелом возрасте, и эта наука не была главной в обширном творческом наследии «летописца Слобожанщины» (более 500 опубликованных работ) [5, с. 21]. Автобиографическая повесть Дмитрия Ивановича, увидевшая свет в советскую эпоху, содержит немало информации (фактов, раздумий, выводов) относительно путей развития исторической науки,

¹ Подобные определения часто встречаются в литературе: «Днепропетровская школа историков» (Д. В. Веденев и др.), «Краковская школа историков» (Е. Г. Синкевич и др.).

характеристики ее видных представителей. Этот труд уже не раз анализировался в литературе и по оценке современных специалистов должен быть отнесен к числу вершин его творчества [7].

Воспоминания Дмитрия Ивановича написаны в духе дневников В. О. Ключевского и мемуарных произведений других представителей российского позитивизма. Автобиография Д. И. Багалея перебрасывает мост между дореволюционной и советской исторической наукой. Это делает воспоминания Дмитрия Ивановича чрезвычайно ценными, т. к. они помогают сохранить преемственность в отечественной исторической науке и показать взаимосвязь эпох. Однако, в итоге, те историки, которые остались верны своим прежним теоретико-методологическим воззрениям с недоверием отнеслись к Багалею-«марксисту» [8, с. 9–56 и др.], а новая генерация советских историков смотрела на него как на скрытого проводника старых буржуазных идей. В одной из методологических работ позднего советского периода Д. И. Багалея был даже причислен к «дворянской историографии»! [6, с. 12].

История первой четверти XX столетия повторилась в конце этого века. Преподававший долгие годы историю и историографию истории Украины в Харьковском университете и автор вузовских программ по этим дисциплинам проф. И. К. Рыбалка (1919–2002) оставил воспоминания «Така наша доля. Сторінки життя мого покоління» (Х., 1999). Вышедшая в серии «Спогади вчених Харківського державного університету», книга содержит информацию о развитии исторической науки в стенах Харьковского университета почти за полвека [11]. Будучи историком (не историографом) по основной форме своих занятий, создателем и главой школы харьковских историков-аграриев, И. К. Рыбалка сосредоточил свое внимание не столько на развитии исторической науки, сколько на истории страны, своего поколения. Как и Д. И. Багалея, И. К. Рыбалка стал автором специальных историографических исследований уже в конце жизненного пути: «Изучение Октября на Харьковщине» (1987), «Вивчення історії громадянської війни 1917–1918 рр. на Україні: стан і перспективи» (1995), «Про оцінку спадщини істориків України радянської доби» (1996). Собственно о достижениях своих и коллег автор сообщает сухо, не касаясь содержательной части их трудов. Весьма показательно, что читая курс историографии, автор в своих воспоминаниях никак не выделяет ее в рамках исторической науки.

Лейтмотив воспоминаний Ивана Климентьевича – попытка связать советскую эпоху с постсоветским периодом. Как тут не вспомнить разговор с И. К. Рыбалкой во время острой общественной дискуссии начала 90-х гг. по поводу того каким должен быть флаг независимой Украины. Он считал, что к сине-желтому флагу, под которым выступала значительная часть сторонников государственной независимости, нужно было добавить красную полосу, чтобы объединить под этим флагом и приверженцев идей социализма и коммунизма. Так, научный «внук» Д. И. Багалея (И. К. Рыбалка был аспирантом С. М. Королевского (1904–1976), а тот, в свою очередь, аспирантом у Д. И. Багалея), оказался в таком же положении, как и в свое время Дмитрий Иванович. Свои воспоминания Рыбалка опубликовал через 8 лет после 1991 года, а Багалея через 7 лет после окончания Гражданской войны.

Отделенные расстоянием в 70 лет автобиографии Д. И. Багалея и И. К. Рыбалки удивительным образом совпадают в некоторых ключевых моментах. Речь идет не только об объемах этих произведений, они почти одинаковы, но о содержательной их части.

Д. И. Багалея уверяет читателей в том, что «Праця над історією різних харківських установ, яку я доводив постійно до новітніх часів, підводила мене звичайно до безпосередньої керівничої роботи в них. Так було в університеті, міському самоврядуванні тощо» [1]. И. К. Рыбалка вспоминал: «[А. Д. Скаба] запропонував мені стати відповідальним редактором «Соціалістичної Харківщини». Я просив його залишити мене в ХДУ. Він же мовив: тобі дали можливість вийти в кандидати наук і доценти, а тепер попрацюй там, де треба суспільству» [11, с. 102]. Свое активное участие в общественно-политической жизни предшествующего исторического периода авторы связывают с экстермальными (И. К. Рыбалка), или интернальными (Д. И. Багалея) факторами. Впрочем, и в новых социально-политических условиях оба ученых нашли себе заслуженное и респектабельное место: Д. И. Багалея стал руководителем Центрального архивного управления УССР, директором Института украинской культуры (который и носил его имя с 1930 года), директором НИИ Тараса Шевченко, а И. К. Рыбалка сохранил свое стабильное положение в университете, где он, лауреат Государственной премии УССР, был не только заслуженным профессором, заслуженным деятелем науки и техники Украины,

но и уже в постсоветское время был избран вице-президентом Украинской академии исторических наук.

В своей автобиографии Д. И. Багалей писал: «Я сам під цей час ступив на новий шлях у розумінні і викладанні українського історичного процесу, надавши йому нового освітлення, якого трималася здебільшого і моя аудиторія» [1, с. 191]. И. К. Рыбалка, в свою очередь, отмечал: «Разом з іншими істориками я включився у вироблення нового бачення на нашу історію» [11, с. 176].

Д. И. Багалей пишет о том, что «Не досить подати матеріялістичне пояснення тому чи іншому історичному явищу – треба ще одкинути перестаріле – скажімо, ідеалістичне і то маючи доводи, а не голосливо – і натомість поставити матеріялістичне, щоб його могли свідомо, а не догматично засвоїти слухачі або читачі» [1, с. 191–192]. И. К. Рыбалка утверждает, что «...із початком розбудови Української незалежної держави, постала нагальна потреба переоцінки багатьох подій, фактів, явищ, діячів минулого України, усунення застарілих стереотипів і міфів, перегляду концепцій всього історичного процесу» [11, с. 176]. «Частина істориків, – пише он, – зокрема колишніх істориків партії, а також колишніх і нинішніх комуністів, ветеранів Великої Вітчизняної війни, заангажованих політичними амбіціями закостеніло дотримуються старих компартійних поглядів та оцінок історичних явищ і заперечують необхідність перегляду оцінок минулого, зокрема радянського періоду» [11, с. 177].

Оба мемуариста с большой теплотой вспоминают свои студенческие годы и отмечают высокий уровень преподавания. Д. И. Багалей подсчитал, что «...на 14 викладачів було 9 більш-менш видатних; п'ятеро з них мали всеросійське, слов'янське, ба навіть європейське ім'я. Отож склад професорів на історично-філологічному факультеті за моїх часів був більш ніж на половину дуже путящий» [1, с. 74]. И. К. Рыбалка при описании своих преподавателей использует такие характеристики: «читав ефектно», «ґрунтовно викладав», «цікаво читала», «великий інтерес викликали лекції», «як чудову суцільну казку ми слухали лекції» и т. д. [11, с. 18].

Впрочем, между этими авторами есть и различия. Если Д. И. Багалей невысокого мнения о дореволюционных студентах и с восторгом пишет о новом советском студенчестве, то И. К. Рыбалка, наоборот, недоволен современной молодежью. Дмитрий Иванович отмечает: «для частини молоді давніх часів вища школа була, так

мовити, традицією, а для сучасного студента – це могутній засіб і для його розвитку, і для відповідальної кваліфікованої праці серед суспільства», «особливо захоплювала мене праця з теперішніми студентами-інівціями на семінарах з історії України» [1, с. 193]. И. К. Рыбалка же, полагает: «з боєм доводиться спостерігати, що останніми роками знижується, особливо серед молоді, моральність, зростає в суспільстві духовна ерозія» и т. п. [11, с. 196].

Маргинальное положение автобиографических работ в советское время проявляется в том, что даже ведущие университетские историографы (призванные заниматься саморефлексией) В. И. Астахов (1922–1972), И. Л. Шерман (1911/1912–1989), Ю. И. Журавский (1937–1991) своих развернутых автобиографий не оставили. Их автобиографические заметки – личные листы по учету кадров, краткие автобиографии, элементы предисловий к работам. Впрочем, и эти фрагментарные документы дают возможность уловить то, что мы бы назвали «историографическим стилем мышления»: информацию о своих научных занятиях, в них проявляется интерес к характеристике всего того, что было наработано в избранной области [14]. Возможно, это произошло потому, что В. И. Астахов и Ю. И. Журавский прожили мало лет: первый – 50, а второй – 53 года, а И. Л. Шерман не был склонен к данному жанру. Более продуктивным в автобиографическом плане оказался, например, археолог Б. А. Шрамко (1921–2012), который долгие годы вел дневник. Рукописные материалы историка лишь частично опубликованы, а другие хранятся в Государственном архиве Харьковской области.

Куда плодотворнее, в силу разных причин, оказались выходцы из харьковской университетской школы историков, оказавшиеся, волею судеб, разбросанными по планете. Свои записки (или их фрагменты) автобиографического характера опубликовали Л. М. Баткин (РФ), А. М. Лесков (США), Г. И. Чернявский (США) и другие [см., например, 2, с. 190–198].

Современное поколение харьковских историков уже значительно больше уделяет внимания автобиографиям, как особому историографическому жанру.

В конце XX столетия увидели свет сборники, изданные в честь харьковских историков. В них нашли отражение многие события автобиографического характера. Эти сборники были посвящены

В. И. Астахову, Ю. А. Голубкину, Ю. И. Журавскому, Б. П. Зайцеву, В. И. Кадееву, В. А. Латышевой (Устиновой), В. Ф. Мещерякову, Б. К. Мигалю, В. К. Михееву, Б. А. Шрамко, А. И. Эпштейну [12]. Кроме этого, вышли в свет развернутые статьи с широким использованием в них автобиографических материалов, посвященные Л. П. Калуцкой, А. П. Ковалевскому, С. М. Короливскому, А. Е. Кучеру, А. И. Митряеву, Г. Н. Попову, С. И. Сидельникову, Е. П. Тамму и другим [10, с. 168–170]. Многие из таких работ были опубликованы в «Харківському історіографічному збірнику» [9, с. 218–229 и др.].

К уже хорошо известным причинам создания автобиографий (бюрократического и другого формального характера), природным склонностям, которые коррелируют с таким свойством личности как демонстративность (внешняя и внутренняя), добавились другие. Среди них мы отметим следующие: углубление историзма, который в данном случае распространяется не только на сферу непосредственных интересов ученого, но и на его внутреннюю жизнь, саморефлексию. Важным фактором также является ускорение исторического развития с необходимым при этом приспособлением исследователя к быстро меняющейся социально-политической ситуации и связанной с этим морально-нравственной обстановкой. Постоянная потребность в самооправдании, разъяснении своей прежней позиции, уточнении различных обстоятельств своего творчества – дополнительные факторы создания подобных трудов. И, наконец, следует учесть, что автобиография – мощное оружие в борьбе с оппонентами, в продвижении своих идей и концепций в научном сообществе.

Автобиографии историков в значительной мере гармонизируют историографическое знание, т. к. позволяют более-менее адекватно заполнить возникающие лакуны при характеристике научных споров, в понимании сути идейных разногласий, уточнении обстоятельств смены идейных ориентиров, переходе исследователей на новые точки зрения, отказе от изживших себя схем и т. д. Благодаря автобиографическим запискам не только конкретизируются детали, но и формируется историографический стиль мышления, который является ничем иным, как новым уровнем историзма. Сегодня принципиально нельзя рассматривать научный труд в отрыве от его создателя. Такое состояние – отнюдь не уступка субъективистским доктринам, а новое качество объективности.

Возникшая как служебная отрасль исторической науки, мало отличавшаяся от библиографии, историография превратилась в одно из центральных звеньев всего исторического знания. Сама эта наука имеет сложную структуру, каждый элемент которой выполняет свои функциональные задачи. Определенную историографическую роль играют и автобиографии, которые в самые последние годы заметно «помолодели» (свою развернутую автобиографию Д. И. Багaley написал в 70 лет, а свои воспоминания И. К. Рыбалка, автор более 200 публикаций, создал в 80 лет).

Увлечение в современной исторической науке автобиографическим жанром позволило увидеть то, что раньше было скрыто от глаз общественности. Стало очевидным, что труды историков следует рассматривать сквозь призму их биографий. При этом автобиографии имеют особую ценность, т. к. ближе всего находятся к «первоисточнику» – создателю научных трудов. В силу множества обстоятельств (цензурных, этических и т. д.), труды историков не донесли до нас многое из мыслей их авторов. Автобиографии еще раз красноречиво свидетельствуют в пользу той истины, что люди, во многих случаях, говорят одно, делают другое, а думают – третье.

Беглый обзор автобиографических текстов историков показывает две, направленные на сближение друг с другом, тенденции. Первая – стремление историков преодолеть позитивистский и марксистский дискурсы, связанные с осознанным дистанцированием от своих научных выводов. Вторая тенденция – углублением историзма, который требует как можно более полного раскрытия автором своей научной лаборатории и обстоятельств творчества.

1. Багалій Д. І. Вибрані праці : у 6 т. – Т. 1 : Автобіографія. Ювілейні матеріали. Бібліографія/ НАН України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського (Харк. філ.); ХГП «НУА»; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна ; упорядкув., вступ, ст., комент. В. В. Кравченка ; редкол. : В. В. Кравченко (голов. ред.) та ін. – Х., 1999.
2. Баткин Л. М. Начинаящий медиевист из провинции – в гостях у Люблинских // Одиссей: Человек в истории. – М., 1998; Лесков А. М. Из воспоминаний: начало // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2013. – Вип. 12.
3. Богдашина О. М. Слобідський літописець історії України Д. І. Багалій // УІЖ. – 2008. – Вип. 1 (№478). – С. 88–112.
4. Ващенко В. В. Від самопрезентації до методології: психобіоісторіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського. – Дніпропетровськ, 2007.
5. Історики Харківського університету: біобібліографічний довідник (1905–2013 рр.) / уклад. О. М. Богдашина, В. І. Бутенко, С. Р. Марченко [та ін.]; відп. ред. проф. С. І. Посохов. – Х., 2013.
6. Комиссарова Л. И. У истоков марксистской исторической мысли в России. – М., 1986.
7. Кравченко В. В. Д. И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность. – Х., 1990.
8. Кравченко В. В. Д. І. Багалій в світлі й тіні своєї «Автобіографії» / В. В. Кравченко // Вибрані праці : у 6 т. – Х., 1999. – Т. 1.
9. Литвиненко М. А. Мої університети // Харківський історіографічний збірник. Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу. – Х., 2002. – Вип. 5; Зайцев Б. П. Незабываемое // Харківський історіографічний збірник. Проблеми теорії та методології. – Х., 2008. – Вип. 9.
10. Митряев А. И. К 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Украины Андрея Петровича Ковалевского // Древности 1995 : Харьк. ист.-археол. ежегодник. – Х., 1995; Историчний факультет: від покоління до покоління / [укл. В. М. Духопельников, С. М. Куделко]. – Х., 2004. – [Воспоминания Е. П. Пугача, Г. И. Чернявского, А. А. Чувпило о С. И. Сидельникове] и др.
11. Рибалка І. К. Така наша доля: Сторінки життя мого покоління. – Х., 1999.

12. Страницы из жизни Учителя: (В. И. Астахов в исследованиях и воспоминаниях) / [сост. В. И. Астахова, Е. В. Астахова, Б. П. Зайцев и др.]. – Х., 2002; Голубкин Юрий Алексеевич. Исследования о Мартине Лютере : статьи и воспоминания / сост. А. Н. Токарев, С. А. Кариков ; отв. ред. С. Б. Сорочан. – Х., 2011; Владимир Иванович Кадеев. Воспоминания. – Х., 2013.
13. Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців : у 2 т. / укл. : Б. П. Зайцев, В. Ю. Іващенко. В. І. Кадеєв, С. М. Куделко, Б. К. Мигаль, С. І. Посохов ; вступ. стаття В. Ю. Іващенко : наук. ред. : С. І. Посохов. – Х., 2010 и др.
14. Юрій Йосипович Журавський : спогади, документи, матеріали / [уклад. Б. П. Зайцев та ін.; відп. ред. С. І. Посохов]. – Х., 2008.

Куделко С. М. Автобіографічні тексти історика – значущий елемент жанрового розмаїття історіографії: нотатки до теми

У статті аналізуються автобіографічні тексти істориків як важливе історіографічне джерело. В якості об'єкту аналізу обрані автобіографічні роботи представників «харківської школи істориків». Насамперед, приділено увагу автобіографічним спогадами Д. І. Багалія та І. К. Рибалки. Робиться висновок про те, що автобіографії істориків є специфічним маркером історизму в сучасній науці.

Ключові слова: автобіографія, історіографія, харківська школа істориків.

Kudelko S. M. A historian's autobiographical notes as an important element of historiography's genre variety: topic notes

The work is dedicated to the analysis of autobiographical notes of historians as an important historiographical source. The autobiographical materials of representatives of «Kharkov school of historians» have been chosen as the object of research. First of all attention is devoted to the autobiographical memoirs of Bagaley D. I. and Rybalka I. K. The author concludes that historians' autobiographies are the specific feature of historicism in the contemporary science.

Keywords: autobiography, historiography, the Kharkov school of historians.

УДК 087:93 (94:027.1(477.54) «17»

Л. Ю. Посохова

КНИГИ З ІСТОРІЙ В ОСОБИСТІЙ БІБЛІОТЕЦІ ХАРКІВСЬКОГО ІНТЕЛЕКТУАЛА XVIII ст.

На підставі знайдених автором статті реєстрів реконструюється «історичний відділ» особистої бібліотеки ректора Харківського колегіуму Лаврентія Кордета. Робиться висновок, що він уособлював тип викладачів-професіоналів, які більшу частину зрілого життя присвятили викладанню та ретельно дбали про фахове самовдосконалення, оприявлене інтересом до нагромадження власних книгозбірень. Склад бібліотеки переконує, що в 1760–1770-ті роки в православних колегіумах України впритул підійшли до усвідомлення того, що історія та географія є окремими навчальними дисциплінами.

Ключові слова: православні колегіуми, особисті бібліотеки, викладання історії.

Добре відомо, що особисті книжкові зібрання слугують важливим джерелом для вивчення смаків, уподобань, спрямованості наукових пошуків інтелектуалів різних часів. Історики виявляли та досліджували книгозбірні різних осіб XVIII ст., втім, передовсім ті, які належали видатним політичним та церковним діячам. Розмірковуючи про склад цих бібліотек, виникає питання про те, а якими ж були зацікавлення «пересічних» інтелектуалів, що жили в той самий час в полкових містах (губернських центрах), стояли на чолі невеликих монастирів. У цій розвідці мова піде про бібліотеку одного з таких людей – ректора Харківського колегіуму Лаврентія Кордета (1720–1781), значну частину якої складали книги з історії.

Збирання книжок у XVII–XVIII ст. являло собою своєрідний «маркер» приналежності до спільноти професорів Києво-Могилянської академії та православних колегіумів, а також вищого духовенства [16, с. 186–188]. За приклад можна згадати знану

бібліотеку Стефана Яворського [24], передану до Харківського колегіуму незадовго перед тим, як тут почав викладати Лаврентій Кордет. Показна бібліотека, що нараховувала понад 200 книг і брошур, належала харківському ректорові Платону Малиновському (згодом він стане московським архієпископом) [31, стб. 611–620]. В описі книгозбірні чернігівського єпископа Кирила Ляшевецького значилося 380 позицій [30, стб. 697–711]; архимандрит Йоакимф Карпинський, харківський префект, мав у своєму зібранні 191 книжку [2, с. 285–291]. Чималі бібліотеки були й у деяких представників козацької старшини – приміром, Якова Марковича [23, с. 210].

Скупі відомості про Лаврентія Кордета, представлені у довідниках [19, с. 19–20; 53, с. 283], мало можуть допомогти для з'ясування інтересів ректора. Проте авторці цих рядків удалося розшукати декілька джерел, які допомагають реконструювати коло його читання та інтелектуальні уподобання. Важливо нагадати, що Кордет викладав у Харківському колегіумі впродовж 1750–1770-х рр., в період суттєвих змін моделі православного колегіуму, коли посилюлися внутрішні протиріччя між її формою та змістом, а водночас окреслилися розбіжності між колегіумами й новими навчальними інституціями Російської імперії [про модель православного колегіуму див.: 33]. Джерелами реконструкції книгозбірні Лаврентія Кордета слугуватимуть два «реєстри» книг та особистих речей, що були складені, відповідно, 1776 р. та по смерті ректора [9; 42] (обидва документи знайдено авторкою цієї статті). Другий документ за складом несуттєво відрізняється від першого, проте він складений набагато ретельніше. Оскільки «нових» книг у другому переліку небагато, обидва реєстри можна розглядати як унікальні джерела, які зафіксували «моментальний зріз» книгозбірні Кордета.

Декілька слів про життєвий шлях Лаврентія Кордета (світське ім'я невідоме). Він походив із козацької родини Слобідської України, навчався в Києво-Могилянській академії. Прямо зі студентської лави Кордета направили до Харківського колегіуму викладати поетику й риторику, і тут він прийняв чернечий постриг. Така практика була розповсюдженою, принаймні 72 % учителів починали учительську кар'єру відразу по завершенні навчання [33, с. 382 (таблиці 6, 7)]. Часто твердять, ніби викладачі колегіумів мали обов'язково приймати духовний сан священника або ченця [28, с. 99].

Насправді ж біографії свідчать про інше: кількість учителів-монахів, яка у початковий період існування колегіумів дійсно сягала 100 %, упродовж другої половини XVIII ст. поступово зменшилася з 41 до 22 % від загального числа, кількість білого духовенства зросла з 22 до 25 %, а кількість світських осіб збільшилася з 36 до 53 %. Схожі тенденції спостерігаємо й у Києво-Могилянській академії [15, с. 698, 701; 43, с. 65–66].

У 1760 р. Лаврентій Кордет був поставлений ігуменом Озерянської Богородицької пустині, яка належала до володінь Харківського колегіуму, водночас він продовжував викладати курс філософії й виконував обов'язки префекта. Проте 1765 р., отримавши сан настоятеля Білгородського Миколаївського монастиря (з 1767 р. був переведений до Святогірського Успенського), він залишив колегіум. Такі призначення були вельми розповсюдженими у кар'єрах викладачів: 19 % з-поміж них стали настоятелями монастирів в українських єпархіях, 13 % – у великоросійських [33, с. 384–385 (таблиці 11, 12)]. Проте за декілька років у долі Кордета сталася нетипова зміна, принаймні, іншого такого прикладу мені знайти не вдалося. Мова про те, що 1770 р. Синод задовольнив клопотання білгородського єпископа Самуїла Миславського про повернення Лаврентія Кордета до Харківського колегіуму, призначення його ректором та архимандритом Харківського Покровського Училищного монастиря. На ректорській посаді він перебував до жовтня 1775 р., після чого був переведений настоятелем Курського Знаменського монастиря, де й завершив свій життєвий шлях у 1781 році. У клопотанні про повернення Кордета Самуїл Миславський писав, що після вивчення кандидатур на ректорство він зрозумів, що «...заступать это место из всех его епархии учительных настоятелей никто лучше и справедливее не может, Лаврентий же достоин того звания и по летам, и по честному своему состоянию, а паче по отличным своим дарованиям и способности к обучению богословия и к сказыванию проповедей с пользою и удовольствием слышащих» [19, с. 19]. Своєю чергою, Григорій Сковорода у листі до Йова Базилевича, характеризуючи Лаврентія Кордета, зауважив: «О философских его скуптильностях, даже до четвертого неба проникающих, нѣтъ чего уже и говорить» [44, с. 391]. Відомо, що Сковорода й Кордет приятелювали все життя, а стежки мандрівок філософа Слобожанщиною не випадково й неодноразово вели до

тих місць, де перебував о. Лаврентій. Зі сказаного випливає, що Лаврентій Кордет вирізнявся своїми талантами та чеснотами і серед колег-викладачів, і серед решти монстирських настоятелів, де було чимало колишніх професорів.

Ознайомлення з бібліотекою ректора дозволяє побачити спрямованість інтересів Лаврентія Кордета. Книгозбірня за обсягом не поступалася згаданим бібліотекам: в обох реєстрах описано, відповідно, 215 та 243 книжки. Окрім цілеспрямованого інтересу до книжок, це зібрання засвідчує відповідний соціальний статус та наявність чималих матеріальних ресурсів власника, а крім того, воно «проговорюється» про його інтелектуальні уподобання та пріоритети, які тою чи іншою мірою впливали на репертуар бібліотеки. Із реєстру бачимо, що провідне значення в житті власника мало учителювання, адже Лаврентій Кордет підбирав навчальну літературу з тих дисциплін, які викладав. Як і в решті тогочасних книгозбірень, бачимо в ній твори античних класиків, утім нечисленні, причому до «типового» набору (Овідій, Цицерон) додано твори, які не часто зустрінеш у бібліотеках XVIII ст., наприклад, російський переклад Лукіанових «Разговоров между мертвыми».

Порівнюючи книгозбірню Лаврентія Кордета з бібліотеками його сучасників, приміром згаданого чернігівського єпископа Кирила Ляшевецького, можна констатувати, що характерною рисою професорських зацікавлень був енциклопедизм, суголосний інтелектуальній моді XVIII ст. У Кордета це: медичні довідники з описом хвороб та засобів їх запобігання, у тому числі про лікувальне зілля; праці з астрології та економіки; окремі статті з енциклопедії Дідро–д'Аламбера, тощо.

Водночас «ядром» цього зібрання були книги, що вказують на захоплення власника історією та географією, адже вони становлять більше половини зібрання Лаврентія Кордета. Більшість з книг історико-географічного змісту – це твори, що їх використовували для навчальних потреб. Щодо популярних тогочасних посібників із географії, то Кордету належали такі: «Всеобщая география» Бернарда Варенія [4] – перший систематичний курс географії, який вважають за один із найкращих творів того часу [21, с. 289–290]; праця Бюшінга, на яку спиралися викладачі Московського університету [13, с. 7]; «Земноводнаго круга краткое описание» Йогана Гюбнера, що лише за життя автора була перевидана 36 разів та перекладена

всіма європейськими мовами (до речі, у ній був розділ «Про землю козаків») [20, с. 342–343]; кілька географічних атласів, наприклад Вінстгейма [7], та ін. Разом із тим, «географічні інтереси» Кордета не обмежувалися посібниками, на що вказує присутність у його книгозбірні спеціальних праць («Топография Оренбургская», «Описание Константинополя», описи Китайського і Каспійського морів), а також популярних у XVIII ст. книжок «путівникового» жанру (наприклад, «Дорожная география» Жан-Жака Експіі).

На особливу увагу заслуговують книжки історичного змісту. У бібліотеці Кордета, як і у випадку з географією, вони представлені книжками навчального характеру, що відіграли неабияку роль у становленні історії як самостійної дисципліни. Такою книгою був переклад з німецької праці Самуеля Пуфендорфа «Введение в историю» [36]. Про значення цієї книжки як першого посібника зі всесвітньої історії, уживаного в Російській імперії, написано чимало [22, с. 126–127; 32, с. 324–326], проте досі її не фіксували у бібліотеках викладачів нестолічних навчальних закладів. У бібліотеці Кордета зустрічаємо працю Гілмара Кураса (Hilmar Curas) «Введение в генеральную историю» [18], а також латинськомовні й перекладені російською роботи Фрейера, Буддея, Боссюе, Лакроца та ін. Кожен з цих творів та їх автор заслуговує на увагу. Наприклад, у реєстрі книг Кордета зазначена перекладена з німецької праця із всесвітньої історії Ієроніма Фрейера (Hieronymus Freyer) [51], який викладав риторику в Галле, й став відомий завдяки працям з історії. Посібник з історії Вєсьєра де Лакроза (якого сучасники називали «Лакроцем») [6] згодом Комісія народних училищ рекомендувала як підручник з російської історії [15, с. 781]. Праця французького католицького священика Жака Боссюе (Jacques Bénigne Bossuet) «Всеобщая история», яка була широковідомою в європейських країнах, перекладена багатьма європейськими мовами і використовувалася як посібник. До речі, названі книги добре зарекомендували себе у німецьких навчальних закладах, про що свідчить їх неодноразове перевидання (посібника Кураса – 13 разів, Фрейера – 9, Пуфендорфа – 4) [45, с. 185]. Цей перелік популярних посібників у бібліотеці Лаврентія Кордета доповнює і «Синописис Київський», що також перевидавався десятки разів і був у бібліотеках багатьох професорів.

Окрім цих важливих творів навчального спрямування, у книжковому зібранні Кордета бачимо й таку історичну літературу,

яка опосередковано показує персональні преференції ректора, що сягали не тільки зрозумілого для людини його статусу інтересу до церковної історії. Наприклад, в нього була книга «Annales Ecclesiastici» Баронія. У книгозбірні Кордета зустрічаємо праці античних істориків, які були популярними у XVII–XVIII ст. у західноєвропейських університетських аудиторіях. У реєстрі зазначено книги Геродота, «Житие славных в древности мужей» Плутарха, «Грецька історія» Ксенофорта, «История о Александре Великом царе македонском» Квінта Курція Руфа, праці інших римських істориків.

Аналіз всіх історичних книг, зафіксованих в реєстрі, дозволяє стверджувати, що Кордет вочевидь цікавився сучасними історичними розвідками. Передовсім це були праці з історії стародавнього світу. Наведемо кілька книг, які в свій час привернули увагу істориків, філософів та богословів. Серед таких – праці французького історика Шарля Ролена (Charles Rollin) з історії Риму та стародавньої історії [40; 41]; фундаментальна праця «История о римских императорах» його учня, професора риторики Жана Батиста Луї Крев'є [17]. Можна назвати ще й працю соратника Дідро та Руссо з написання «Енциклопедії» Луї де Жокура (Louis de Jaucourt) «Спарта» [14]. Щодо французьких просвітителів, їх праці теж були у книгозбірні, зокрема, «Опыт исторический и критический» Вольтера [10].

Чимало книг у бібліотеці Кордета засвідчує інтерес до досліджень минулого Російської імперії. Достатньо назвати такі важливі для свого часу праці, як: «Древняя российская вивлиофика» Миколая Новікова [29], «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» Михайла Щербатова [55]. Вочевидь ректор цікавився сучасними науковими розвідками, що були здійснені вченими, які приїхали працювати до Петербурзької Академії наук з німецьких земель. Наприклад, у реєстрі книг зазначено дослідження історика академіка Герарда Фридриха Міллера (Gerhard Friedrich Müller) «Описание Сибирского царства» [26], а також «Сибирская история» Йогана Фішера (Johann Eberhard Fischer) [50], яку було написано за матеріалами, зібраними тим таки Міллером. Цей перелік доповнює дослідження академіка Петербурзької Академії наук, дослідника руських старожитностей Готліба Зігфріда Байєра (Gottlieb Siegfried Bayer) «Краткое описание Азова» [3]. У цьому ряду книга соратника Міллера Федора Соймонова [46] та Олексія Разумова «Описание земель Северной Америки» [37].

Помітне зацікавлення ректора історією європейських та сусідніх держав, а також близьких і далеких країн Сходу, ба навіть Америки. В описі книгозбірні натрапляємо на працю, що належала перу пруського короля Фридриха II [52], на книгу французького історика Верто д'Обефа (Vertot d'Auboeuf) «История о переменах, происходивших в Швеции» [5]. Примітне дослідження з історії Польщі французького письменника, засновника Нансійської академії П'єра Солиньяка [47]. Ще одне неординарне дослідження належало англійському дипломату Полю Ріко (Ricaud), який досліджував історію Туреччини (у перекладі графа П. А. Толстова) [39]. Твір високо оцінили в Європі за ґрунтовність та оригінальність [27].

Були в бібліотеці менш відомі книги, які водночас демонструють широту історичних зацікавлень Лаврентія Кордета. Це такі книги, як: «История датская» [11], хроніка «Родословная история о татарах» [1], «История о покорении Мексики» [48], книжки з історії Японії та ін.

Як бачимо, Лаврентій Кордет, знайомлячи студентів класу риторики з історією та географією, міг спиратися чи не найпоказнішу як на ті часи бібліотеку історико-географічної спрямованості. Примітно, що Кирилові Ляшевецькому належало чимало тих самих посібників та книжок, як і Кордету, а відтак, збіги в репертуарі засвідчують, що елементом професорського «стилю життя» було збирання новинок як навчальної, так і наукової історичної літератури.

Білгородський єпископ Самуїл Миславський, очевидно, знав про такі уподобання Кордета, адже з численних листів видно, що між ними були дуже довірчі стосунки. Тим-то він, коли голова «Вольного Российского собрания», куратор Московського університету І. І. Меліссіно звернувся із проханням знайти фахівця, який би переглянув і доповнив статті про Слобожанщину для географічного словника, рекомендував саме харківського ректора [25, с. 363]. Відомо, що о. Лаврентій виконав цю роботу, а 1772 р. Самуїл Миславський листовно обговорював із Кордетом перспективи його обрання у члени «Вольного Российского собрания» [35, с. 100]. Цей аспект фахової активності Лаврентія Кордета теж видається «типовим» для викладача колегіуму тих часів: мова про прагнення до літературної та видавничої діяльності. Наприклад, у 1792 р. професор богослов'я Чернігівського колегіуму Йоан Левицький уклав «Реестр князьям Черниговским», що пізніше увійшов як додаток до публікації літопису Григорія Грабянки [38, с. 329–334].

У книгозбірні Лаврентія Кордета було також чимало богословських та філософських творів (філософію він викладав упродовж 1758–1764 рр., богослов'я – у 1770–1775 рр.). «Філософський» сегмент бібліотеки вказує, що свій курс ректор провадив за вольфіанським взірцем. У нього було чимало посібників Фридриха Кристіяна Баумейстера з логіки, натурфілософії та метафізики (латиною і російською мовою), праці Йогана Готліба Гайнеція (Johann Gottlieb Heineccius), декілька книжок французьких філософів-просвітників (наприклад, «Філософські листи» Вольтера), студії з «фізики», себто натурфілософії М. В. Ломоносова та ін. [докладніше про ці «відділи» бібліотеки див: 34]. Богословська частина бібліотеки також демонструє «прикладне», підручникове спрямування. Окрім рукописного курсу богослов'я Теофана Прокоповича, в ній було декілька друкованих трактатів Прокоповича та проповідей різних авторів, у тому числі найновіших – Платона Левшина, Гедеона Криновського тощо. Бачимо в реєстрі бібліотеки Кордета й низку латинськомовних, зокрема протестантських, тлумачень Святого Письма – Йогана Будде, Якоба Рамбаха.

До речі, в бібліотеці присутні і популярно-розважальне читиво, як-от: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (перший у Російській імперії щомісячний літературний часопис, заснований Петербурзькою Академією наук); «Полезное с приятным» (видання Сухопутного шляхетського кадетського корпусу, яке містило переклади статей з іноземних часописів); декілька номерів журналів «Трудолюбивый муравей» і «Живописец»; низка творів розважально-моралізаторського змісту; книжки, адресовані молоді та жіноцтву.

Підсумовуючи огляд бібліотеки Лаврентія Кордета з перспективи ідентичності її власника, можемо з певністю ствердити, що її головним соціальним маркером була роль Учителя. На це промовисто вказує Кордетова невтомність у збиранні/закупівлі навчальних посібників та наукових праць, що цілком корелюється зі «стилем життя» університетських професорів наступного, XIX століття [8, с. 342–344]. Про це, зокрема, згадували й самі викладачі. Для прикладу, у своїй «Автобиографической записке» професор Харківського університету Миколай Еллинський описував формування своєї бібліотеки так: «...страшась быть анархонизмом по своему предмету и думая единственно о пользе слушателей моих, я не щадил издержек

на составление собственной библиотеки. Многие тысячи употребил я на это [...]» [12, с. 56].

Світський сегмент книгозбірні Лаврентія Кордета переконує, що професорський «стиль життя» людини XVIII ст. передбачав поєднання духовної місії з інтегрованістю у світське середовище. Це вповні перегукується зі своєрідним характером православних колегіумів України, які сполучали в собі ознаки світського й духовного навчального закладу. Разом із тим, склад бібліотеки Кордета фіксує промовистий відхід від культурної орієнтації на Річ Посполиту, що дослідники датують серединою XVIII ст. [54, с. 129], коли в культурних пріоритетах церковної та світської української еліти виразно намітилося ототожнення себе з інтелектуальним світом Російської імперії. Оскільки власник зібрав більшість праць, перекладених російською мовою і надрукованих у 1720–1760-ті роки, можна казати про цілеспрямований підбір навчальних посібників з історії та географії. Історичні книги в бібліотеці Кордета промовисто свідчать про те, що в колегіумах впритул підійшли до того, щоби історія та географія стали окремими навчальними дисциплінами [про викладання цих дисциплін в колегіумах див.: 33, с. 119–129].

Таким чином, можемо співвіднести «стиль життя» ректора Харківського колегіуму Лаврентія Кордета зі стилем та способом життя тієї групи інтелектуалів, які професійно займалися педагогічною діяльністю. Остаточне складання цього прошарку, започаткованого ще в добу Відродження, вважають за один із найяскравіших соціокультурних феноменів епохи Просвітництва [48, с. 90]. Кордет уособлював такий тип професіоналів, які більшу частину зрілого життя присвятили викладанню в освітніх інституціях та ретельно дбали про фахове самовдосконалення, оприявлене інтересом до нагромадження власних книгозбірень.

1. [Абу-аль-Гази]. Родословная история о татарах, переведенная на французской язык с рукописных татарских книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северных Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук. – СПб., [1768].
2. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. II (1721–1795). – К., 1907. – Т. 4.
3. Байер Г. Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу / переведено с немецк. языка чрез И. К. Тауберта. – СПб., 1768.
4. Варениус Б. География генеральная: Небесныи и земноводныи круги купно с их свойства и деиствы, в трех книгах описующая / преведена с латинск. языка. – [М.], 1718.
5. [Верто д'Обеф Р.]. История о переменах, производивших в Швеции в разсуждении веры и правления, сочиненная аббатом Вертоном, Королевской Французской Академии надписей и словесных наук членом, а с французского языка на российской переведенная артиллерии капитаном Яковом Козельским. – СПб., 1764–1765.
6. Весьер де Лакроз. Краткая всеобщая история г. Ла Кроца / переведенная с французск. языка на российский с прибавлением вкратце российской, шведской, датской и голштинской истории и умноженная хронологическим повторением. – СПб., 1766.
7. Винсгейм Х. Атлас сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей Ведомостей и исторических книг. – СПб., 1737.
8. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Тетра Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. – Казань, 2005.
9. Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури НАН України. – Ф. 20. – Спр. 13. – Арк. 230–298 зв.
10. Вольтер. Опыт исторический и критический о разгласиях церквей в Польше / с французск. переведен В[асилием] Т[редиаковским]. – СПб., 1768.
11. [Голберг]. История датская, сочиненная г. Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельской. – СПб., 1765–1766.

12. *Еллінський Н. И.* Автобиографическая записка // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його викладачів і вихованців. – Харків, 2008. – Т. 1.
13. *Есаков В. А.* География в Московском университете: очерки организации, преподавания, развития географической мысли (до 1917 г.). – М., 1983.
14. *Жокур Л.* Спарта. – [Спб.]. [1769].
15. *Знаменский П.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. – Казань, 1881.
16. *Кагамлик С.* Інтелектуальне середовище могилянців у Києво-Печерській лаврі (XVIII ст.) // Київська Академія. – 2006. – Вип. 2–3.
17. *Кревьє Ж.* История о римских императорах с Августа по Константина / сочиненная г. Кревиером, учеником Ролленевым, и самим заслуженным профессором красноречия. – СПб., 1767–1769. – Т. 1–4.
18. *Курас Г.* Введение в генеральную историю / на рос. язык переведено канцелярии Академии наук секретарем С. Волчковым. – СПб., 1747.
19. *Лаврентий (Кордет)* // Русский биографический словарь. – СПб., 1914. – Т. 10 (Лабзина–Ляшенко).
20. *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. – М.; Л., 1950.
21. *Лукичева Э. В.* Федор Поликарпов – переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения // XVIII век. Сборник 9: Проблемы литературного развития России в первой трети XVIII века. – Ленинград, 1974.
22. *Мальшева Н. И.* Политико-правовое наследие Самуила Пуфендорфа // Известия высших учебных заведений: Правоведение. – 1999. – № 1.
23. *Маркович Я. А.* Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.). – К., 1893. – Ч. 1 (1717–1725 гг.).
24. *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. – К., 1914.
25. *Материалы для истории Курской епархии* // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1891. – № 20.
26. *Миллер Г.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел: От начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. – СПб., 1750.

27. *Николаев С. И.* Толстой Петр Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб., 2010. – Вып. 3.
28. *Ніженець А. М.* На зламі двох світів : Розвідка про Г. С. Сковороду і Харківський колегіум. – Харків, 1970.
29. *Новиков Н. И.* Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другия государства, редкия грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцев. – СПб., 1773–1775. http://aleph.rsl.ru/F/4D1XCF6V2AV3NEUE3M2EED95787SQAIE5D4HK6SMQR5Q48D29K-13956?&func=item-lobal&doc_library=RSL01&doc_number=003340422&year=&volume=&sub_library=
30. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода [далі – ОДД]. – СПб., 1903. – Т. 11 (1731).
31. ОДД. – СПб., 1912. – Т. 34 (1754 г.).
32. *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. – СПб., 1862.
33. *Посохова Л. Ю.* На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. – Харків, 2011.
34. *Посохова Л. Ю.* Речі та час ректора Харківського колегіуму Лаврентія Кордета // Київська Академія. – 2013. – Вип. 11.
35. Преосвященный Самуил, епископ Белогородский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1888. – № 5.
36. *Пуфендорф С.* Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими разсуждениями / переведена с нем. Б. Волковым. – СПб., 1767.
37. *Разумов А. М.* Описание земель Северной Америки и тамошних природных жителей. – СПб., 1765.
38. Реестр князьям Черниговским // Летопись гадячского полковника Григория Грабянки. – К., 1853.
39. *Рикот П.* Монархия Турецкая / Описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. – СПб., 1741.

40. *Роллен Ш.* Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках. – СПб., 1749–1762. – Т. 1–10.
41. *Роллен Ш.* Римская история: От создания Рима до битвы Актинской то есть по окончание Республики. – СПб, 1761–1767. – Т. 1–4.
42. Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). – Ф. 796. – Оп. 67. – Д. 572. – Л. 1–14 об.
43. *Серебренников В.* Киевская академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году. – К., 1897.
44. *Сковорода Г. С.* Лист до Іова Базилевича, 18 квітня 1765 р. // Сковорода Г. С. Повне зібрання творів. – К., 1973. – Т. 2.
45. *Смагина Г. И.* Немецкие учебники по всеобщей истории в российской школе XVIII в. // Немцы в России: российско-немецкий диалог : сб. статей / отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб., 2001.
46. *Соймонов Ф. И.* О торгах за Каспийское море древних средних и новейших времен. – М., 1765.
47. *Солиняк П.* История польская / сочинения г. Солиняка, тайного секретаря его величества короля польскаго и герцога лотарингскаго. – СПб., 1766. – Т. 1–2.
48. *[Солис-и-Рибаденейра А.]* Антона Солиса История о покорении Мексики / переведена с немецк. языка Академии наук переводчиком Васильем Лебедевым. – СПб., 1765.
49. *Трофимова В. С.* «Республика учености»: идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2007. – Вып. 20.
50. *[Фишер И. Э.]*. Сибирская история с самага открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в Собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, также членом Исторического Геттингскаго собрания Иоганном Ебергардом Фишером. – СПб., 1774.
51. *Фрейер И.* Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории: для употребления учащагося юношества с немецкаго на российской язык переведена, исправлена и умножена при Императорском Московском университете. – [М.], 1769.
52. *Фридрих И.* История бранденбургская / сочинения е. в. нынешняго государя короля прусскаго, Фридриха Второго. – [М.], 1770.

53. *Хижняк З. І., Усікова А. О.* Кордет, чернече ім'я Лаврентій // Києво-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст. : енцикл. вид. – К., 2001.
54. *Шевченко І.* Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття / авторизований переклад з англ. М. Габлевич. – Львів, 2001.
55. *Щербатов М. М.* Летопись о многих мятежах и о разорении Московскаго государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о межгосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благовернаго государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году. – СПб., 1771.

Посохова Л. Ю. Книги по истории в личной библиотеке харьковского интеллектуала XVIII в.

На основе обнаруженных автором статьи реестров реконструируется «исторический отдел» личной библиотеки ректора Харьковского коллегиума Лаврентия Кордета. Делается вывод, что он олицетворял тип преподавателей-профессионалов, которые большую часть своей жизни посвятили преподаванию и тщательно заботились о профессиональном самосовершенствовании, что выражается в интересе к составлению личных библиотек. Состав этой библиотеки убеждает, что в 1760–1770-е годы в православных коллегиумах Украины подошли к осознанию того, что история и география являются отдельными учебными дисциплинами.

Ключевые слова: православные коллегиумы, личные библиотеки, преподавание истории.

Posokhova L. Yu. History books in 18th century Kharkiv intellectual' personal library.

The “historical section” of personal library of Kharkiv Collegium rector Lawrence Kordet is reconstructed based on the detected registers. It is concluded that he personified the type of professional teachers, who spent most of their life dedicated to teaching and carefully cared for professional self-improvement, which is reflected in the interest of compiling personal libraries. The structure of the library shows that in the 1760–1770-ies in Ukraine Orthodox Colleges came to the realization that history and geography are separate academic disciplines.

Keywords: Orthodox colleges, personal libraries, teaching of history.

УДК 930 (470.23-25):929 Кагаров:39(=112.2:47+57)

*И. В. Черказянова***ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Е. Г. КАГАРОВА: ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ****НЕМЦЕВ СССР**

Показан вклад Е. Г. Кагарова в этнографическое изучение советских немцев на рубеже 1920–30-х годов. Это сбор материалов во время экспедиционных поездок к немцам Поволжья и в немецкие колонии под Ленинградом, публикация статей о традициях и обычаях немцев, подготовка в Академии наук аспиранта П.Г. Пеннера, автора первой диссертации по этнографии советских немцев.

Ключевые слова: Е. Г. Кагаров, Академия наук СССР, Ленинград, АССР немцев Поволжья, этнография, советские немцы.

Кагаров Евгений Георгиевич (1882–1942) является одним из ярких представителей ленинградской школы этнографов, чья научная деятельность велась на Украине и России, чья судьба связана с Тбилиси, Одессой, Харьковом и Ленинградом.

Историография об этом ученом не отличается обширностью, при этом следует отметить, что в настоящее время исследователи Украины уже предприняли первые попытки сказать свое слово о Кагарове. Были выявлены источники в архивах Одессы, Киева, Харькова и Петербурга, но далеко не все они введены в научный оборот. В настоящей статье отражен ленинградский период деятельности Кагарова, главным образом, его работа по изучению советских немцев.

Первая статья о Кагарове появилась в 1963 г. в журнале «Советская этнография» [19]. Ее автор д-р ист. наук Николай Андреевич Кисляков (1901–1973) в свое время учился в Ленинградском университете у Л. Я. Штернберга и Е. Г. Кагарова, а позже работал вместе с Кагаровым в Музее антропологии и этнографии (МАЭ), с осени 1934 г. во время обучения в аспирантуре

© И. В. Черказянова, 2014

Академии наук Кагаров был одним из его консультантов [18, с. 109, 110, 117]. Статья Кислякова приурочена к 80-летию со дня рождения Е. Г. Кагарова. Биографическая часть, можно утверждать с почти полной уверенностью, была составлена с опорой на автобиографию Кагарова, которая и сейчас хранится в академическом архиве в деле ученого. Об этом свидетельствуют использованные факты, их последовательность и даже некоторые формулировки, которые есть и в документе. Более 20 лет после смерти Кагарова длилось молчание о его последних днях в годы войны. Это породило оскорбительные домыслы о том, что уволившись из института, он специально отправился на Северный Кавказ навстречу фашистам. Кисляков первым опроверг слухи о сотрудничестве Кагарова с оккупантами. Вторая часть статьи посвящена общему разбору научного наследия ученого, дана оценка основным работам, отмечен переход исследователя на твердые марксистские позиции на рубеже 1920–30-х годов, а также показана роль Кагарова в разоблачении взглядов тех ученых, которые перешли на службу Третьего Рейха и оправдывали расовую теорию. Статью завершает список из 38 основных публикаций Е. Г. Кагарова. Она снабжена единственным известным портретом ученого, сделанным уже в зрелом возрасте.

В 1997 г. в Харькове был издан биобиблиографический указатель, приуроченный к 115-летию ученого, который работал в Харьковском университете в 1912–1925 гг. [5]. Издание содержит биографический очерк, в котором основное внимание сконцентрировано на харьковском периоде профессора, а также список его работ за 1905–1941 гг. К сожалению, опубликованная библиография не является исчерпывающей. Общий список работ Кагарова насчитывает более 500 наименований, лишь по состоянию на 1940 г. в нем значатся 230 статей и 235 рецензий [29, д. 284, л. 76–99], а в данном справочнике их только 170. Есть и фактические неточности. Например, месяцем рождения назван август, хотя Кагаров родился в сентябре, дата защиты магистерской диссертации ошибочно указана 6 декабря 1912 г., на деле она состоялась в октябре 1913 г. Несмотря на указанные недочеты указатель, подготовленный украинским профессором Владимиром Ивановичем Кадеевым (1927–2012), является серьезным вкладом в изучение научной биографии Е. Г. Кагарова.

Биографию Кагарова реконструировал и научный сотрудник Одесского областного архива Сергей Евгеньевич Березин [3, 4]. Он использовал документы личного архива Кагарова из Российской национальной библиотеки (ф. 324), Государственного архива Одесской области (Ф. 45), письма Е. Г. Кагарова к Э. Р. фон Штерну, обнаруженные им в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (Ф. V). Но Кагаров интересуется автором лишь как специалистом по античности. Вопрос о вкладе Кагарова в изучение немецкого населения СССР вообще не поднимается.

В начале 2000-х годов исследователями впервые была затронута его деятельность по изучению немцев Поволжья – сведения о коллекции керамики, собранной Кагаровым в АССР немцев Поволжья и хранящейся в МАЭ (Кунсткамере), попали в сводный каталог о немецких коллекциях Петербурга [7].

Документы, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), позволяют глубже реконструировать ленинградский период в жизни ученого, его научно-педагогическую и научно-организационную деятельность, изучить исследовательские интересы, связанные с темой немцев СССР и Германии.

Биография Евгения Георгиевича Кагарова известна по прежним публикациям о нем, она достаточно детально зафиксирована в документах личного происхождения, в автобиографии, хранящейся в архиве РАН. В этом разделе статьи мы не претендуем на новизну фактов, однако, некоторые уточнения и дополнения и здесь стали возможны.

Кагаров родился 16 (28)¹ сентября 1882 г. в Тифлисе в семье губернского секретаря, служащего по лесному ведомству Георгия Кагарова [30, д. 284, л. 8]. Отец был выходцем из мещан, встретил революцию в должности лесничего 2-го разряда (служил в Ахалкалакском лесничестве Тифлисской губернии), умер в 1921 г. На иждивении Кагарова оставалась мачеха в возрасте старше 70 лет. Он был несколько раз женат. 27 июля 1921 г. разведенный Кагаров женился во второй раз на Ташенко Марии Антоновне из Полтавы,

¹ В автобиографии Кагаров ошибочно указал дату рождения в переводе на новый стиль как 16(29) сентября.

студентке, моложе его на 16 лет. В 1924 г. в качестве супруги упоминается Кагарова Гедвига Павловна (1892 г.р.). Во всех анкетах Евгений Георгиевич указывал, что он русский, лишь в личном листке по учету кадров от 30 августа 1938 г. в графе «национальность» зачеркнуто «русский» и надписано «армянин» [30, д. 284, л. 139].

Е. Г. Кагаров окончил в 1901 г. 1-ю Тифлисскую гимназию с золотой медалью и сразу поступил в Новороссийский университет на историко-филологический факультет. Университетский курс также окончил с золотой медалью (1906), полученной за выпускное сочинение «Религиозные воззрения и идеалы Древней Греции в VI–V столетии». 1 июля 1906 г. был утвержден профессорским стипендиатом. После выпуска преподавал историю и русскую литературу в некоторых учебных заведениях Одессы. Лишь после сдачи магистерского экзамена был командирован за границу с 1 марта 1909 по 1 июля 1910 г., позже срок пребывания в Европе был продлен. Во время заграничной поездки в 1909–1910 гг. посещал лекции в Берлине у профессоров: Ульриха фон Виламовица-Меллендорфа (1848–1931) по античной литературе, Эдуарда Мейера (1855–1930) по древней истории, Адольфа Эрмана (1854–1937) по египтологии, по археологии у Губерта Шмидта (1864–?), одного из исследователей древней Трои. Кроме того, Кагаров занимался в Музее народоведения в Берлине, слушал лекции в Галле и Лейпциге. Срок командировки был продлен специально для изучения памятников античности в Италии (осень 1910 г.) и для участия в археологических раскопках в Греции (зима 1910-го – весна 1911 г.). Он побывал в Риме, Помпеях, в Аттике, Пелопоннесе и на острове Крит [11]. В то время на Крите шли масштабные сенсационные раскопки под руководством Артура Эванса, открывшего новую древнюю культуру.

Интерес Кагарова к античной археологии был связан с его исследовательскими интересами и специализацией в университете. Одесса представляла особые, весьма благоприятные условия для занятий античностью, которая была главной темой в культурной жизни города. Значимой фигурой в жизни Новороссийского университета и местного научного сообщества был профессор Эрнест Романович фон Штерн (1859–1924), происходивший из прибалтийских немцев, много сделавший для развития антиковедческих исследований в Одессе. Он воспитал плеяду известных ученых, историков и археологов, среди которых М. И. Мандес, Б. В. Фармаковский,

Е. Г. Кагаров. В 1911 г. Штерн покинул Россию [31]. Поэтому неслучайно Кагаров еще в студенческие годы стал членом (членом-сотрудником, с декабря 1908 г. действительным членом) Одесского общества истории и древностей, был хранителем музея общества, и с 1904 г. на протяжении нескольких лет участвовал в раскопках профессора Штерна на о. Березань близ Очакова [30, д. 284, л. 129].

В июне 1911 г. Кагаров вернулся из заграницы сначала на Кавказ, а 29 августа приехал в Одессу, т.к. еще с 21 июня был принят приват-доцентом в Новороссийский университет. Но предполагавшегося учебного курса по истории греческой религии и семинара по Геродоту или Диодору Сицилийскому он не получил, поэтому принял решение оставить Новороссийский университет [5, с. 7]. Сам Кагаров эти полгода оценивал как «период лишений», приват-доцентура не обеспечивала нормальной жизни, а уроков получить не удалось [30, д. 284, л. 8 об.]. В конце 1911 г. он получил приглашение из Харьковского университета на штатную должность доцента, а 18 января 1912 г. выехал в Харьков. В Харьковском университете он безвыездно работал до конца 1925 г. Приказом от 1 сентября 1914 г. магистр Кагаров был назначен «к постоянному исполнению преподавания в должности экстраординарного профессора» по кафедре классической филологии. 3 января 1920 г. утвержден в должности ординарного профессора. Читал более 13 различных дисциплин, в т.ч. историю античной науки, историю этнографии.

В период работы в Харькове Кагаров защитил две диссертации: магистерскую и докторскую. 6 октября 1913 г. в Московском университете состоялась защита диссертации на степень магистра греческой словесности по теме «Культ фетишей, растений и животных в древней Греции». Итоги защиты были утверждены Советом университета 2 ноября 1913 г. [30, д. 119, л. 4 об.]. Разделы диссертационного исследования сначала публиковались на страницах «Журнала Министерства народного просвещения», в 1913 г. вышли отдельной книгой [13]. Для подготовки диссертации были привлечены разнообразные источники: лингвистические, литературные, исторические, эпиграфические, этнографические, была использована литература на многих языках. Летом 1912 г. Харьковский университет предоставил Кагарову специальную заграничную командировку для дополнительного сбора материалов к диссертации. 14 сентября 1919 г. в Харьковском университете

Кагаров защитил диссертацию на степень доктора греческой словесности на тему «Греческие таблички с заклтиями» [10].

Круг его научных интересов был обширным, эрудиция – огромная, что нашло отражение в списке публикаций того периода. В основном работы выходили в журнале «Гермес», главном журнале антиковедов. Это были и статьи, и рецензии на работы коллег. Его интересовали древняя филология, религия древних греков, славян и египтян, проблемы мифологии, вопросы образования. Статьи публиковались в дореволюционном журнале «Родной язык в школе» и советских журналах «Путь просвещения», «Знание» и др. В этот период появляются статьи о происхождении письменности, очерки об истории учительства, работы по методологии этнографии, истории науки, о русской речи, методике преподавания в школе и о многом другом. О знании иностранных языков Кагаров писал, что слабо владеет английским, итальянским и новогреческим, хорошо французским и немецким [30, д. 284, л. 140]. В этом списке не указаны древнегреческий и латынь, знание которых не обсуждалось для специалиста по античности.

В 1925 г. в судьбе профессора произошли серьезные изменения, которые привели к смене места работы и жительства. Летом 1925 г. он был выведен из штата кафедры европейской культуры и переведен на внештатную должность лектора, в итоге остался без постоянного источника существования. И раньше денег не хватало, одновременно с работой в университете Кагаров постоянно находил работу на стороне: преподавал в 1920 г. на Харьковских артиллерийских курсах, а с 1 мая 1922 г. русский язык на 51-х курсах пехотных командиров РККА [21, д. 1, л. 2, 3]. С 20 июня 1923-го до 10 апреля 1924 г. состоял сотрудником Государственного издательства Украины в должности ученого секретаря и секретаря социально-экономической секции (уволен по сокращению штатов) [21, д. 1, л. 22]. Все это были подработки, а нужна была стабильность не только для прокормления семьи, но и для занятий наукой.

По приглашению из Ленинграда в 1925 г. он был принят штатным профессором на кафедру этнографии географического факультета Ленинградского университета. Именно с 1925 г. в университете началось преподавание этнографии. После выделения в 1931 г. из состава ЛГУ особого Института истории, философии и литературы (ЛИФЛИ) читал лекции в ЛИФЛИ до 1936 г. С 1 января 1926 г.

одновременно состоял научным сотрудником МАЭ. На работу в Академию наук его рекомендовал профессор Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927), основатель ленинградской этнографической школы, работавший в МАЭ с 1901 г.

Кагаров проявил себя в Ленинграде как один из организаторов этнографической науки. В феврале 1928 г. в ЛГУ было создано Научно-исследовательское объединение кафедр этнографического отделения географического факультета, преобразованное в 1929 г. в Этнографический научно-исследовательский институт при университете. Кагаров был заместителем председателя бюро учрежденного объединения профессора В. Г. Богораза. Уже на первых заседаниях среди прозвучавших докладов был и доклад Кагарова «Элементы свадебной обрядности». В том же году вышла его книга «Состав и происхождение свадебной обрядности». Заметную работу он вел в стенах МАЭ. 14 мая 1929 г. был утвержден заведующим отделением типологии и эволюции культур, с 20 марта 1930 г. – этнографом, с 1932 г. – одновременно заведующим кабинетом музееведения. 15 февраля 1933 г. назначается старшим этнографом, с 1 апреля 1934 г. – заведующим кабинетом и отделом Европы [30, д. 119]. По инициативе и при непосредственном руководстве Кагарова был организован ряд выставок по истории материальной культуры: о первобытных орудиях и оружии (1927), «Огонь в истории культуры» (1928), «Типы жилищ» (1929), об истории одежды (1930). Эти выставки стали основой для создания в МАЭ постоянной экспозиции «Происхождение человека и развитие первобытного общества». В первой половине 1930-х годов он руководил аспирантурой МАЭ, был ответственным секретарем журнала «Советская этнография». С 1937 г. работал по совместительству деканом факультета иностранных языков в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского.

После восстановления в Советском Союзе в январе 1934 г. системы аттестации научных и научно-педагогических работников на заседании Президиума АН СССР 15 августа 1934 г. Кагарову присудили ученую степень доктора истории без предоставления диссертации [30, д. 284, л. 165].

Изучение пережитков «первобытного коммунизма» у древних германцев, вероятно, подтолкнуло ученого обратиться к духовной культуре, обычаям и обрядам немцев СССР, чтобы попытаться

найти у них отголоски родового строя. Изучение советских немцев не было самоцелью, но объективно это был важный эпизод в этнографической науке.

Знания о быте и духовной жизни немецких колонистов начали формироваться буквально с момента их поселения в России. В дореволюционной историографии бытовые описания поселенцев встречаются во многих работах чиновников и путешественников, священнослужителей, учителей и ученых. Наиболее значимый след оставил академик П. И. Кеппен, который много сделал для изучения народов России [17].

Систематическое изучение этнографии российских немцев начинается в 1920-е годы, хотя этот период был непродолжительным, он вошел в отечественную историографию как яркое событие. Предпосылки к изучению немцев были связаны с политическими изменениями после октября 1917 г. как в самой стране, так и в Академии наук. В 1918 г. немцы Поволжья обрели собственную государственность – 19 октября провозглашена автономная Область немцев Поволжья (с 1923 – АССР немцев Поволжья). В 1920-е годы стали возникать немецкие национальные районы на Украине, в Крыму, Западной Сибири. Немецкий язык был возвращен в школы колонистов.

С другой стороны, в 1917 г. в структуре РАН появилась Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), в рамках которой началось планомерное изучение народов страны. В 1919 г. в составе комиссии были созданы Европейский, Кавказский, Сибирский, Среднеазиатский отделы, в 1925 г. – Картографический отдел. В числе первых карт появилась цветная «Этнографическая карта Поволжья» («Составлена по материалам КИПС РАН», масштаб 1: 5 000 000), на которой выделены и немцы.

В это же время за пределами Академии наук с начала 1920-х годов велась масштабная диалектологическая работа в немецких поселениях СССР. Сформировались научные центры на базе Саратовского и Ленинградского университетов, которые возглавляли профессор Г. Г. Дингес (1891–1932) и В. М. Жирмунский (1891–1971). В конце 1920-х годов комиссия по изучению немецких диалектов в Саратове готовила к изданию лингвистический атлас диалектов АССР НП. В 1929 г. он насчитывал уже более 400 карт. По

оценке научной общественности, атлас был единственным научным проектом подобного рода в СССР и занимал почетное место наряду с аналогичными изданиями Германии, Франции, Италии [26].

Под руководством Жирмунского шло обследование немецких колоний Ленинградской области, Украины, Кавказа и Западной Сибири. Эти работы велись по линии наркоматов просвещения РСФСР и УССР в рамках деятельности Института истории искусств (ГИИИ), где работал Жирмунский. При Крестьянской секции ГИИИ он создал «Архив немецкой народной песни». По итогам экспедиций было опубликовано более 20 статей и две книги, в основном на немецком языке. В 1933 г. появилась обобщающая статья Жирмунского об итогах работы в немецких поселениях в 1926–1930 гг. [6].

Итоги экспедиционных исследований Дингеса и Жирмунского и их учеников актуальны и сегодня, многие собранные материалы до настоящего времени не изучены до конца. Основной целью тех исследований было выявление диалектологического многообразия немецкого населения СССР, а исторические и этнографические стороны изучались параллельно, как необходимый контекст для понимания языковых особенностей колонистов. Профессиональное изучение этнографии немцев в советское время связано с именами профессора Е. Г. Кагарова и его аспиранта П. Г. Пеннера.

В отечественной историографии отражение вклада Е. Г. Кагарова в изучение немцев СССР долгое время ограничивалось лишь упоминанием его статьи «Венчание покойников у немцев Поволжья», опубликованной в журнале «Советская этнография» [9]. Однако теперь известно больше об этих ученых, что позволяет говорить о том, что они предприняли первые шаги к планомерному изучению немцев СССР в рамках Академии наук. К сожалению, их исследования совпали с самым сложным периодом в истории АН СССР, которая с конца 1920-х годов подверглась коренной ломке. Советизация академии сопровождалась репрессиями против академиков и сотрудников институтов. Учреждения в течение короткого периода несколько раз меняли статус и структуру, менялись и руководители подразделений. Это наглядно прослеживается на примере КИПС и МАЭ, которые были объединены в 1933 г. в Институт антропологии и этнографии (ИАЭ), а далее следовала череда его переименований.

Летом 1929 г. Кагаров по собственной инициативе совершил поездку в АССР немцев Поволжья, которая и положила начало

этнографическому изучению советских немцев в Академии наук. Командировку Кагарова можно рассматривать как знаковую, т.к. тема немцев, как одного из народов страны, могла встать вровень с другими этнографическими исследованиями. Поездка была предварительной, Кагаров видел в ней начало дальнейших исследований в немецких колониях Поволжья и Ленинградской области.

Решение о поездке возникло не без влияния диалектологических исследований В. М. Жирмунского. Кагаров внимательно изучал работы ленинградского профессора, об этом можно судить по многочисленным конспектам и выпискам из его работ, которые сохранились в личных документах Кагарова. Жирмунский сотрудничал с ИАЭ, выступал с лекциями, участвовал в подготовке аспирантов. Так, о сотрудничестве Жирмунского с фольклорной секцией института, чтении лекций имеются сведения, относящиеся к 1933 г. [22, с. 219]. В 1934 г. Жирмунский вошел в состав редколлегии фольклорных сборников института.

Разрешение на поездку Кагарову сроком с 1 июля по 30 августа было выдано Президиумом АН СССР 9 июня 1929 г. [28], однако, без пособия со стороны Академии наук [30, д. 284, л. 204]. Целью было знакомство с бытом немецкого и украинского населения Бальцерского кантона АССР НП, поэтому у Кагарова было одновременно командировочное удостоверение и финансовая поддержка от Всеукраинской Академии наук (ВУАН), которая была заинтересована в изучении украинцев, проживающих в Поволжье. Работая в Ленинграде, Кагаров не терял контакты с Украиной. На протяжении нескольких лет он был уполномоченным Всеукраинской ассоциации востоковедения и выполнял ее поручения, например, по комплектованию литературы, имел доверенность на ведение переговоров с научными и общественными учреждениями для установления научных связей [21, д. 1, л. 6, 8, 11, 17]. Участвовал в работе съездов ассоциации востоковедов, проходивших в Харькове в мае 1927-го и в июне 1929 г. [30, д. 284, л. 206, 211].

Маршрут следования Кагарова известен достаточно подробно. 28 июня он приехал в Покровск (совр. Энгельс), 2 июля выехал из Бальцера. Имея на руках мандаты Наркомпроса АССР НП и Бальцерского кантонного исполкома с просьбой ко всем исполкомам, сельсоветам, школам, профессиональным и общественным

организациям о содействии, 5 июля прибыл в с. Антон, затем через с. Ахмат поехал в Куккус Зельманского кантона. Одновременно работал в украинских селах Анисовке и Квасниковке близ Покровска [21, д. 1, л. 12, 12об.]. О тщательной подготовке маршрута Кагаровым можно судить, например, по сохранившейся в его бумагах карты Области немцев Поволжья, отпечатанной в Покровске в сентябре 1922 г. [21, д. 486, л. 117]. Карта цветная, контурная. Красными чернилами рукой Кагарова нанесены все населенные пункты немецкой республики. В личных бумагах Кагарова имеется и карта поволжских колоний 1910 г., отпечатанная в саратовской типографии «Энергия». Это было бесплатное приложение к календарю «Volksfreund» [21, д. 1, л. 118].

Во время поездки посетил Центральный музей АССР НП (Покровск), Историко-этнографический музей волгара и Нижневолжский краевой музей в Саратове. В краевом музее отметил этнографические коллекции русских, украинцев, татар, чувашей, мордвы, немцев. Украинцы, по его мнению, были представлены слабо – только одеждой и вышивками. Музей в Покровске давал довольно полную картину быта немцев, имелись образцы домашней утвари, одежды, народных ремесел (гончарство, плетение, ткачество и др.). Во время поездки Кагаров установил контакты с Обществом изучения АССР НП, познакомился с профессорами университета диалектологом Г. Г. Дингесом и антиковедом Ю. А. Ивановым, а также заместителем наркома просвещения Н. Н. Беллендиром (1897–?), пастором Иоганном Эрбесом (1868–1932), одним из составителей сборника немецких песен (Саратов, 1914) [2, 8, 26]. Эти люди оказали ему реальную поддержку. Так, общество краеведения по изучению республики взяло на себя рассылку разработанных Кагаровым анкет по сельским школам республики [21, д. 17, л. 4].

Кагаров собрал материал по обрядам и верованиям немцев, записал ряд песен, исполнявшихся в прежние времена во время свадеб, праздников. Одновременно велась фотофиксация производственных процессов, бытовых сторон жизни, изучалось народное производство керамики в Куккусе. По итогам поездки были опубликованы две статьи: «Материалы по этнографии немцев Поволжья» (представлена академиком Е. Ф. Карским на заседании Президиума АН СССР 17 сентября 1929 г.)² [14] и «К этнографии

² По правилам публикаций доклад должен был сначала зачитан в заседании учреждений АН СССР.

немцев Поволжья» (представлена академиком Е. Ф. Карским в Отделении гуманитарных наук 29 октября 1929 г.) [12]. В первой статье Кагаров сосредоточился на описании свадебных обрядов и обычаев, во второй описаны праздничные обычаи (Рождество и Новый год, Пасха, Троица, Иванов день и др.). Ученый отмечал пережитки родового строя у немцев, архаические черты быта, особенно наглядно проявляющиеся в домашней утвари (кровать, сундук, скамьи, стены, колыбель, печи, пища). Фольклор немцев Поволжья также во многом сохранил черты XVIII века. Он подробно описал все этапы приготовлений и проведения свадьбы: сватовство (Freierei), смотрины (Beschau), обручение (Verlobung), оглашение, приглашение на свадьбу, венчание, саму свадьбу. Отмечены особенности свадебного поезда, описаны шутки молодежи во время свадьбы, танцы, вручение подарков. В статье опубликовано несколько свадебных песен, записанных в селах Антон и Бальцер со слов местных жителей (Johannes Voigt, 44 г.; Jakob Kempel, 60 л.). Личные наблюдения и анализ собранных сведений позволили Кагарову сделать вывод о том, что свадебные обычаи немцев Поволжья сохранили почти все характерные черты обрядности немцев Германии.

С большим интервалом, только в 1936 г., вышла статья Кагарова о погребальном обряде немцев Поволжья, который он лично наблюдал во время поездки в 1929 г. [9]. Посмертное венчание девушек широко практиковалось в украинских селениях и в целом у восточных славян. В журнале автор описывал обряд, встретившийся у немцев. Статья проиллюстрирована погребальным снимком невесты. Из документов Кагарова выясняется, что фотография была сделана по его просьбе R. Grasmik'ом³ в Куккусе [21, д. 466, л. 1], однако в самой статье имя автора пропало, сохранилось лишь указание на то, что фотографию сделали по просьбе Кагарова. В издательстве Академии наук при подготовке статьи к печати в журнале фотография была заретуширована. На обороте фотографии указано: «Людей на фоне убрать. Оставить лишь гроб» [21, д. 466, л. 8]. На снимке читаются некоторые детали, которые нельзя разглядеть в журнальной публикации, – на кресте видны имя девушки «Amalie» и часть даты «929». Эта деталь позволяет датировать снимок.

³ Возможно, речь идет о Грасмике Рудольфе Людвиговиче (1890–1937), на момент ареста в 1937 г. он заведовал аптекой в с. Ней-Вальтер.

Собранная Кагаровым коллекция керамики зарегистрирована в МАЭ 26 августа 1929 г. К описи предметов была приложена рукопись, характеризующая гончарное производство в Куккусе, и две фотографии, в настоящее время утраченные, которые иллюстрировали процесс изготовления керамики. В сдаточной описи указано 29 номеров (34 предмета), изготовленных и приобретенных в с. Куккус [20]. Каждый предмет назван на русском языке и местном диалекте (крынка для молока – *Milchdippche*, кувшин для воды – *Woserkruck*, горшок для сметаны – *Schmanddippche* и др.).

При нашем знакомстве с коллекцией [7] обнаружены некоторые детали, которые позволяют уточнить время сбора, время изготовления и авторство отдельных предметов. На всех сохранившихся оригинальных этикетках, сделанных рукой Кагарова, стоит дата и место сбора – АССР НП, с. Куккус, 12/VII 29. На обороте крышки глазированной миски с ручкой (№ 3968/14) по сырой глине была выцарапана дата «1925» и номер (№ 1). На крышке молочного кувшина (№ 3968/3, 3а) таким же образом была сделана надпись «с. Волское А. Беккер 1924 г.», в другом месте «Филипп А. Беккер въ село Волское Ф А Б 1924». Сокращение Ф А Б, вероятно, было клеймом Беккера, но на представленных предметах оно больше не встречалось.

В подробном описании гончарного производства автор отмечает, что Куккус – единственное село, где изготовление керамики существует с момента основания колонии. Среди прочих наблюдений Кагаров отметил влияние украинской глазированной керамики на гончарное производство немцев Куккуса. Он это объяснял тем, что, согласно местным приданиям, один из немцев-мастеров побывал на Екатеринославщине и научился там технике цветной глазури: белой, зеленой и желтой [21, д. 17, л. 3об.]. Более подробное изучение культурных заимствований автор отложил на будущее.

По каким-то причинам 12 фотографий, характеризующих гончарное производство, некоторые бытовые сцены и свадебный обряд немцев Поволжья, остались в личном архиве Кагарова и не были сданы на хранение в МАЭ [21, д. 486, л. 130–135; д. 457, л. 1–7]. Все они имеют на обороте штамп «Евгений Георгиевич Кагаров. Профессор Ленинградского университета», аннотированы рукой Кагарова и датированы 1929 годом. На многих указано место съемки – село Куккус. Первая группа снимков запечатлела людей летом. Это –

гончары за работой (2), пряжа, группа учеников немцев-колонистов, выпас коров (на обороте этого снимка написано «Весной до разлива Волги коров пасут на островах, где находятся они до полного разлива»). Можно предположить, что автор фотографий сам Кагаров, сделал их во время летней поездки. На остальных изображениях люди работают в теплой одежде (например, процесс изготовления веревки) или участники свадьбы стоят на снегу (свадебные снимки запечатлели музыкантов с цимбалистом в центре; парня с девушкой, жениха и невесту в национальных костюмах, парней-шаферов). Эта группа фотографий, вероятно, сделана для Кагарова по его просьбе осенью – зимой 1929 г. Аналогичная ситуация была с похоронной фотографией, сделанной Грасмиком тоже в Куккусе и тоже в 1929 г. Условно можно считать Грасмика автором и этих снимков.

Летом 1930 г. Кагаров пытался продолжить исследования немцев СССР, живших под Ленинградом и Новгородом. Однако Академия наук не выделила средств на эту работу и даже не выдала ему командировочное удостоверение, был разрешен лишь отпуск на это время [30, д. 284, л. 196]. На руках у него имелся лишь открытый лист Этнографической комиссии ВУАН, выданный 20 мая 1930 г. и действительный до 1 октября 1930 г. [21, д. 1, л. 16] Он был командирован для изучения украинских селений в СССР. Отчет о поездке в ленинградские немецкие колонии был составлен для ВУАН летом 1930 г. [21, д. 17, л. 7–8, 9–11]. Черновик этого документа в бумагах Кагарова дает основание предполагать, что чистовой вариант можно попытаться найти в архиве Академии наук Украины.

1930-й год был первым годом «советизации» МАЭ. Среди выбывших в том году сотрудников значится индолог Александр Михайлович Мерварт (1884–1932, умер в заключении), немец по происхождению, арестованный по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии и осужденный по «академическому делу». Именно на место Мерварта, на должность этнографа был принят Кагаров в марте 1930 г. [30, д. 284, л. 199]. В тот год музей был озабочен организацией антирелигиозной выставки совместно с Эрмитажем в Зимнем дворце. Сам Кагаров в мае 1930 г. состоял членом комиссии по разбору архива Исаакиевского собора [21, д. 1, л. 15]. Поэтому традиционные классические исследования народов были уже не актуальны, нужны были «свежие» подходы, направленные на преодоление пережитков буржуазности и религиозности среди

населения. Внимание этнографов концентрировалось на вопросах общественного строя, различных формах патриархальных и патриархально-феодалных отношений, расширилось сравнительно-историческое изучение первобытнообщинного строя, матриархата, военной демократии и т.д.

Масштабы исследований колоний под Ленинградом не сопоставимы с работой Кагарова в Поволжье. Он дважды (12 и 20 июля) посетил немецкую Гражданку, дочернюю колонию, основанную в 1827 г. и находившуюся практически уже в черте города, и Ораниенбаумскую колонию (28 июля, 8 августа). Неизвестно, удалось ли ему побывать в новгородских колониях, куда он собирался.

До Гражданки можно было добраться трамваем, доехав до остановки «Политехнический институт», а оттуда идти 20 минут. Статистические сведения Кагаров взял из подворной книги сельсовета и от председателя кресткома Петра Амана. В колонии насчитывалось 49 хозяйств с населением 234 человека. Преобладали фамилии Бауер, Эйдемиллер, Шефер, Юнг, Эрхард (Эргард) и др. Информантами были Петр Аман, начальник пожарной дружины Федор Фогельгезанг, Христофор Адамович Эргард (70 лет, адрес: Дорога в Гражданку, 20), учитель В. Глейцман (W. Gleitzmann), владевший тремя языками. 20 июля Кагаров побывал на кладбище Гражданки, где скопировал ряд надгробных текстов на немецком языке, а у учителя переписал памятное посвящение, составленное его учениками в стихах. В Гражданке была сфотографирована большая семья Эргард-Юнг-Эйдемиллер (Ehrhardt-Jung-Eidemüller), бытовая сцена у колодца, внутренний вид дома (столовая), лютеранская церковь, школа.

Кроме этнографического обследования, сбора материалов о народных обычаях, религиозных верованиях и песен, ученый ставил задачей проведение анализа взаимодействия соседних культур, диалектики переселений немецких колонистов. Среди этнографических наблюдений этнограф отметил, в частности, обычай устраивать ворота посреди деревни для молодоженов наутро после свадьбы. Это была сколоченная из досок и украшенная еловыми ветками арка, которую Кагаров сопоставлял с триумфальными воротами, оценивал их как инициационный и очистительный акт. В погребальном обряде отмечен обычай венчания девушек-покойниц,

ранее виденный им в Поволжье. По поводу взаимодействия культур отмечен такой факт. В доме Эргардов (Гражданка) рядом с благочестивыми немецкими изречениями и религиозными лютеранскими картинками висели православные иконы.

В Ораниенбаумскую колонию ученый добирался на поезде до станции Мартышкино, оттуда 25 минут ходьбы. В колонии насчитывалось 20 хозяйств и 78 жителей, в соседней Кронштадтской колонии – 28 хозяйств и 128 человек. Сфотографировал дом колонистки Марии Федоровны Кнодель (ст. Мартышкино, Ораниенбаумская колония, д. 2), бытовые сюжеты, сцены уборки сена на воз, типы колонистов на работе у воза, украшение крыши, общий вид колонии с северной стороны. Здесь тоже отмечен обычай строить ворота для молодоженов, выкуп туфли невесты.

Обследование дочерних колоний Гражданка и Янино позволили Кагарову сделать методологический вывод о динамике переселений. По его теории, динамика зависела от трех факторов – первоначальной мощности явления в исходном пункте движения, длины пути и сопротивления среды в области, занятой колоний. Сделанные Кагаровым записи в Гражданке и Ораниенбауме, включая свадебные песни, приговоры приглашателей (доверенные лица жениха и невесты, обходившие односельчан с приглашением на свадьбу), надгробные посвящения и описание праздничных обрядов, не опубликованы, и ни одна из фотографий не обнаружена, возможно, они полностью утрачены.

В последующие годы Кагаров не предпринимал больше поездок в колонии, но активно собирал материал о немцах и германцах, готовил различные статьи, работал над книгами «Народы СССР» (1931) [15] и «Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев» (1937) [16]. В первой из них о немцах имеется несколько абзацев, которые, согласно выведенной теории Н. Я. Марра, были отнесены к группе прометеидов (вместо индоевропейской группы, как было принято называть раньше). К тому времени в СССР насчитывалось около 2 тысяч немецких поселений и в них более 1,5 млн. человек. В научно-популярной форме рассказывается об истории переселения немцев, территориальных группах, основных занятиях и культурной жизни, отношении к церкви. Автор отмечал, что «в языке, народных обрядах и песнях, внутреннем убранстве домов и до недавнего времени

в одежде немцы-колонисты сохранили почти во всей чистоте элементы германской национальной культуры XVIII столетия» [15, с. 101].

К началу 1941 г. в списке его работ было свыше 500 позиций, включая рецензии, на русском, украинском, белорусском, французском, немецком, итальянском языках и на идиш. По поводу обилия публикаций Кагарова есть характерное замечание, которое высказал академик В. П. Бузескул в одном из отзывов: «Е. Г. Кагаров поражает обилием своих трудов, больших и малых, разнообразием тем, своим широким диапазоном. Труды эти охватывают Древний Восток, Грецию и Рим, античную культуру в разные ее проявлениях, фольклор, этнологию и этнографию, примитивную культуру и современный быт» [19, с. 145]. Среди рукописей «Этногония древних германцев. Критика фашистских теорий», опубликованная в виде статьи в 1937 г. [24], «История западноевропейской фольклористики» (1938), статьи о евреях, немцах и молдаванах, подготовленные для коллективной работы по этнографии народов СССР.

Одна из сохранившихся неозаглавленных рукописей [21, д. 489, 990], по нашему предположению, легла в основу юбилейной брошюры «АССР немцев Поволжья», изданной к 20-летию республики в 1938 г. [1]. Сравнение типографского текста с текстом рукописи показывает, что совпадение доходит до 60–70 %, что позволяет говорить о Кагарове как соавторе этой публикации. В 1939 г. рукопись перерабатывалась для какой-то новой цели, в ней появляются вставки, например, об Одесской области. Остается загадкой, почему эта работа ни разу не указана в многочисленных списках публикаций, которые составлял сам Кагаров.

О последнем периоде жизни Кагарова сохранилось мало сведений. С 1 января 1940 г. он был освобожден от обязанностей заведующего кабинетом Кавказа, в связи с тем, что получил задание подготовить к печати «Историю первобытной культуры» (осталась неопубликованной). В том же году был командирован в Харьковский университет для чтения лекция с 20 апреля по 20 мая (без сохранения содержания по Институту этнографии). В 1939-м – летом 1941 г. часто болел, о чем есть отметки в приказах по институту. 5 августа 1941 г. он в последний раз вышел на работу после болезни, а 19 августа подал заявление об увольнении «в связи с приглашением на работу в Саратовский университет». Последний известный нам

документ датирован 21 августа 1941 г. – удостоверение об увольнении старшего научного сотрудника Института этнографии, профессора Кагарова и о направлении его на работу в Саратовский университет [30, д. 284, л. 3].

О том, почему Кагаров остался в Ленинграде, можно лишь строить предположения. Вероятнее всего, в конце августа уже было крайне сложно эвакуироваться, фашисты стояли совсем близко, в конце августа прервалась железнодорожная связь с «большой землей», а 8 сентября установилась полная блокада. Что стало с Кагаровым потом, выяснилось лишь из упоминавшейся статьи Н. А. Кислякова. Пережив первую блокадную зиму, он был эвакуирован в тяжелом состоянии в марте 1942 г. и отправлен на Северный Кавказ. Туда же эвакуировали и детские дома, в надежде, что фашисты не дойдут до тех пределов. В итоге многие люди оказались в оккупации. Кагаров скончался в Ессентуках, еще свободном от фашистов, 13 апреля 1942 г. О смерти ученого нет упоминаний в списке погибших в 1942 г. сотрудников ИАЭ [27]. Это можно объяснить, видимо, тем фактом, что в тот момент Кагаров уже не числился среди сотрудников института.

История научного наследия и книжного собрания Кагарова полна драматизма. 15 апреля 1943 г. сотрудники Публичной библиотеки, занимавшиеся спасением бесхозных частных библиотек и архивов, обнаружили ни кем не охраняемую научную библиотеку профессора Кагарова по адресу, где он жил: ул. Большая Разночинная, д. 6, кв. 6. Часть книг была перевезена в тот же день, другая часть из-за поломки машины осталась в пустой квартире, вывоз намечался на 20 апреля. Архивная запись дает характеристику попавших в Публичную библиотеку книг из квартиры Кагарова как уникального собрания «научного деятеля с серьезными заслугами» в области классической филологии. Особо отмечена богатая коллекция оттисков и отпечатков журнальных статей с автографами, богатый архив самого ученого, значительное количество книг на иностранных языках, выпущенных в 1930–1940 гг. Всего учтено 3010 экземпляров всяких изданий: 323 – по истории, 165 – по этнографии, 115 – по религии и мифологии, 293 русских журнала, 205 оттисков, 1348 экземпляров иностранной литературы и другое [25, с. 336–337].

Среди уцелевших документов была диссертация «Отражение первобытных форм брака в свадебных обрядах немцев СССР»

П. Г. Пеннера, аспиранта Кагарова в 1933–1936 гг., погибшего в 1937 г. Этот факт кажется чудом: неопубликованная диссертация была дважды спасена от уничтожения, в 1936 г. Кагаровым, а в 1943 г. сотрудниками Публичной библиотеки. Сохранившиеся у Кагарова документы, связанные с учебой Пеннера, а также сама диссертация позволяют открыть еще одну страницу в изучении советских немцев, что было бы невозможно при других обстоятельствах.

Через аспиранта Кагаров, вероятно, надеялся реализовать свои неосуществленные задумки по изучению немцев. Его не оставляла мысль найти лишнее подтверждение о пережитках группового брака у современных немцев, чтобы опровергнуть утверждения ряда германских ученых о том, что такая форма брака была характерна лишь для неарийских народов. Поэтому он писал, что Пеннер как никто другой готов к исследованию быта немецких колоний, «может противопоставить классово-тенденциозному освещению данного вопроса буржуазными авторами», Пеннер является «ценным приобретением нового набора молодых сил» [29, д. 4686, л. 39 об.].

Сбор материалов Пеннер вел по разработанному совместно с Кагаровым вопроснику, состоявшему из 600 пунктов на немецком языке. Информантами выступали студенты Немецкого педтехникума, Ленинградского университета, жители немецких колоний разных регионов СССР. Весной 1936 г. работа была готова, в мае опубликованы тезисы диссертации [23]. Предзащита прошла 26 мая 1936 г. на заседании комиссии по рассмотрению диссертации Пеннера во главе с директором ИАЭ, академиком И. И. Мещаниновым [21, д. 1040, л. 1–2]. В своем выступлении Кагаров отмечал, что работа Пеннера представляет большой научный интерес и актуальна, т.к. свадебные обряды совсем не изучены. Это первая сводная работа на тему свадебной обрядности, включающая большие полевые исследования самого автора.

До защиты дело не дошло, поскольку 27 августа Пеннер был арестован на основании вымышленных обвинений. Наказание отбывал на Соловках, где был повторно арестован и расстрелян 2 ноября 1937 г. Собранные Пеннером уникальные записи по фольклору, быту, обрядам немцев (более 1000 номеров записей), 200 фотографий из Республики немцев Поволжья – все бесследно исчезло. Сохранившийся экземпляр диссертации, первой научной работы по этнографии советских немцев, уникален. Спасти хотя

бы текст диссертации – это все, что смог сделать профессор для своего обреченного ученика, но для науки тем самым было сделано неизмеримо много.

Общий анализ истоков интереса отечественных исследователей, диалектологов и этнографов к проблемам советских немцев показывает, что он как бы прорастал через интерес к немцам Германии. Истоки отечественных диалектологических исследований берут начало в истории создания атласа немецких говоров, инициаторами которого были германские исследователи. Интерес Е. Г. Кагарова к немецкой теме тоже вырос из исследований о пережитках родового строя у древних германцев. Этнографические исследования немецких колоний не были частью плановых работ самой Академии наук, это была инициатива ученого. В начале 30-х годов исследования самого Кагарова и его ученика, посвященные немцам, выдвигались на первый план в противостоянии отечественной науки науке фашистской Германии. В этом политическое значение работы Кагарова. Научное же значение состоит в том, что это были первые профессиональные работы по немецкой этнографии в СССР. В них были зафиксированы многие стороны жизни немцев страны, исчезнувшие со временем и ставшие недоступными более поздним исследователям.

Идеологические и политические препоны объективно способствовали тому, что в довоенный период не развернулись исследования, посвященные немцам, а единственно возможной областью изучения немецкого населения оставался научный атеизм. Усиление фашистской Германии привело к тому, что против немцев СССР начались репрессии уже в первой половине 30-х годов, поэтому исследовать эту категорию населения становилось непростым делом. Репрессии против ученых, негласный запрет на «немецкую тему», сохранявшийся вплоть до середины 1980-х годов, нанесли огромный ущерб развитию науки. Этнографические исследования среди немцев были возобновлены лишь в 1990-е годы, когда уже ушли в прошлое многие традиции и обычаи, а сами немцы массово эмигрировали в Германию. Поэтому современные исследователи с особой благодарностью и интересом относятся к научному наследию таких выдающихся ученых-диалектологов как Г. Г. Дингес, В. М. Жирмунский, А. П. Дульзон, чья активная деятельность пришлась на довоенный период. В этом ряду особое

место занимают этнографы, известный исследователь Е. Г. Кагаров и совсем не известный П. Г. Пеннер, которые внесли свой вклад в становление этнографии советских/российских немцев.

1. АССР немцев Поволжья. – Энгельс, 1938. – 55 с. Тираж 20 тыс. То же самое на нем. языке: ASSR der Wolga-Deutschen. Politisch-ökonomischer Abriss. Тираж 30 тыс.
2. АССР немцев Поволжья. Командировка // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 год. Ч. 2 : Отчет о научных командировках и экспедициях. – Л., 1930. – С. 195–196.
3. Березин С.Е. Е. Г. Кагаров: опыт научной биографистики // Армяне Украины: вчера, сегодня, завтра. – Старый Крым ; Сурб-Хач, 2009. – С. 20–21.
4. Березин С. Е. Новые материалы к биографии Е. Г. Кагарова // Одиссос: Актуальні проблеми історії, археології та етнології. – Одеса, 2009. – С. 228–232.
5. Евгений Георгиевич Кагаров – профессор Харьковского университета : Библиограф. указ. / сост. В. И. Кадеев. – Харьков, 1997. – 31 с., 1 л. порт.
6. Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Советская этнография. – 1933. – № 2. – С. 84–112.
7. Иванова-Бучатская Ю. В. Гончарное ремесло поволжских немецких колоний // Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга : Сводный каталог. – СПб., 2003. – С. 123–134. Юлия Валерьевна, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела европеистики МАЭ любезно организовала работу с коллекцией Кагарова в хранилище Кунсткамеры для участников «немецкой» секции конференции «Миллеровские чтения» 24 апреля 2013 г.
8. Кагаров Е. Г. АССР немцев Поволжья. Рекогносцировочная этнографическая поездка // Осведомительный бюллетень КЭИ. – № 18 (79). – 10 сент. 1929. – С. 140–142.
9. Кагаров Е. Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. – 1936. – № 1. – С. 106–108.
10. Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями. – Харьков, 1918. – 81 с.
11. Кагаров Е. Г. Из заграничных впечатлений: Берлинский университет. Университет в Галле и Лейпциге. На Палатинском холме. Научная жизнь в Афинах. Путешествие в Спарту. Воскресший мир. – СПб., 1912. – 36 с. [Отд. отд. из журн. «Гермес»]
12. Кагаров Е. Г. К этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Сер. В. – Л., 1929. – № 15. – С. 283–286.

13. Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. – СПб., 1913. – 339 с. [Переиздана в Москве в 2012 г.]
14. Кагаров Е. Г. Материалы по этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Сер. В. – Л., 1929. – № 14. – С. 262–269.
15. Кагаров Е. Г. Народы СССР. – Л., 1931. – 104 с., ил., карта.
16. Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. Ч. 1 / отв. ред. акад. И. И. Мещанинов. – М.; Л., 1937. – 132 с.
17. Kennen P. I. (Körppen P. von). Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850, mit einer Karte. – St. Petersburg, 1852. – 254 s. ; Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements von Peter von Körppen. – St. Petersburg, 1867. – 157 s. ; Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. – СПб., 1861. – 510 с.
18. Кисляков В. Н., Решетов А. М. Крупный советский этнограф и музейед Николай Андреевич Кисляков (к 100-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 5. – С. 108–120.
19. Кисляков Н. А. Евгений Георгиевич Кагаров // Советская этнография. – 1963. – № 1. – С. 144–147.
20. Музей антропологии и этнографии РАН. № 3968. Описание коллекции. Сверка коллекции прошла в 1952 г., перерегистрация проведена в 1977 г., во время которой не были обнаружены предметы под номерами 9 и 11 (фляжка с ручкой и овальная миска для жарки).
21. Отдел рукописей РНБ. Ф. 324 (Кагаров Евгений Георгиевич).
22. Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1933 году. – Л., 1934. – 392 с.
23. Пеннер П. Г. Отражение первобытных форм брака в свадебных обрядах немцев СССР [Тез. дис.]. – Л., 1936. – 6 с.
24. Против фашистской фальсификации истории : сб. ст. / ред. Ф. И. Нотович. – М.; Л.: АН СССР, 1939. – 450 с.
25. Публичная библиотека в годы войны. 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы / сост. П.Л. Вахтина, М. К. Свиченская ; отв. ред. А.Н. Маслова. – СПб., 2005 – 576 с.
26. Республика немцев Поволжья // Научный работник. – 1929. – № 12. – С. 117–118.

27. Решетов А. М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 2. – С. 40–62.
28. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 128.
29. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4686.
30. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. (Институт этнографии. Личные дела).
31. Фролов Э. Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон-Штерн (1859–1924 гг.) // <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol02f.htm>

Черказ'янова І. В. Ленінградський період діяльності Є. Г. Кагарова: внесок у вивчення етнографії німців СРСР

Показано внесок Є. Г. Кагарова в етнографічне дослідження радянських німців на рубежі 1920–30-х років. Це збір матеріалів під час експедиційних поїздок до німців Поволжя та в німецькі колонії під Ленінградом, публікація статей про традиції та звички німців, підготовка в Академії наук аспіранта П. Г. Пеннера, автора першої дисертації з етнографії радянських німців.

Ключові слова: Є. Г. Кагаров, Академія наук СРСР, Ленінград, АРСР німців Поволжя, етнографія, радянські німці.

Cherkazjanova I. V. The Leningrad period in the scholarship of E. G. Kagarov: Contribution to the ethnography of the USSR Germans

It is shown E. G. Kagarov's contribution to the ethnographic studying of the Soviet Germans in 1920–30th years: collecting of materials during scientific expeditions in Germans colonies of the Volga region and near Leningrad, the publication of articles about traditions and practice of Germans, preparation in Academy of Sciences of the post-graduate student P. G. Penner, the author of the first Ph.D. thesis about ethnography of the Soviet Germans.

Keywords: E. G. Kagarov, the Academy of Sciences of the USSR, Leningrad, the Volga Germans Republic, ethnography, soviet Germans.

ДМИТРИЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Народився в 1972 р. в м. Херсоні. В 1994 р. закінчив історичний факультет Санкт-Петербурзького держуніверситету. В 1996–1999 рр. прослухав програму післядипломної підготовки в Європейському університеті в Санкт-Петербурзі (факультет політичних наук та соціології). Магістр соціології (звання підтверджено факультетом соціальних наук Університету Хельсінки, 1997 р.). У 1998 р. захистив кандидатську дисертацію «Дьердь Лукач и леворадикальная идеология в Веймарской Германии». Науковий співробітник Санкт-Петербурзького філіалу Інституту історії природознавства та техніки ім. С.І. Вавілова Російської Академії наук. Редактор відділу теорії журналу «Новое литературное обозрение». З 2009 р. доцент кафедри історії ідей та методології історичної науки факультету історії Вищої школи економіки (м. Москва). Читає курси «Історія наук про людину XIX – XX ст.», «Проблеми історичного пізнання».

Провідний науковий співробітник Інституту гуманітарних історико-теоретичних досліджень імені А.В. Полетаєва.

РОЗДІЛ III

Інтерв'ю

Интервью¹

С.И. Посохов: Назовите наиболее острые проблемы гуманитаристики на постсоветском пространстве.

А.Н. Дмитриев: Таких проблем достаточно много. В данном случае я акцентирую внимание на тех, которые связаны с диалогом: и междисциплинарным, и межгосударственным (между научными сообществами разных стран, например, между украинскими, российскими, белорусскими историками). У гуманитариев есть и различные структуры для такого диалога. Это и официальные комиссии в Академиях наук и более молодые образования, вроде Международной ассоциации гуманитариев, и, главное, остаются личные контакты – организация конференций, взаимные приглашения, и даже общие проекты. Хотя этого еще недостаточно, отчасти по финансовым соображениям, отчасти тут сказывается и влияние политических факторов, которые в последнее время работают, увы, на разобщение созидательных усилий ученых – как век тому назад. Но то, что этот диалог между нашими национальными сообществами и историков, и социологов или филологов, не теряется, а вопреки всему даже крепнет – я считаю, принципиально важно.

Другое относится к проблематике дисциплинарных контактов. Когда занимаешься историей науки начала XX века, то видишь что один исследователь нередко соединял в своем облике несколько дисциплин – как археолог, фольклорист и историк литературы и философии В.П. Петров, о котором мы сегодня говорили, или М.М. Ковалевский – социолог и правовед, или А.С. Лаппо-Данилевский, который помимо занятий историей был и источниковедом *per se* и одним из «патронов» рождающейся российской социологии. История науки, мне кажется, очень важна, потому что она дает выходы на взаимосвязи даже между разными этажами наших университетских зданий, в особенности среди гуманитариев. Потому, на мой взгляд, наша «цеховая» историография может очень много почерпнуть из истории науки в широком смысле. Я и сам не могу похвастаться тем, что сразу увлекся сюжетами из прошлого исторической науки. Для меня самого этот

¹ Интервью было записано на кафедре историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина 16.04.2014 г. Транскрибирование записи осуществила О. Корниенко.

интерес «открылся» наверно уже после тридцати лет, написанной книги, – он не был «исконным». Чтобы закончить свою реплику: мы только-только у нас в Высшей школе экономики, в Институте гуманитарных историко-теоретических исследований, закончили большое коллективное исследование «Науки о человеке: история дисциплин». И тут я как соредaktor вместе с Ириной Максимовной Савельевой «хлебнул» все-таки в хорошем смысле – читая статьи по истории филологии, по истории социологии, правоведческие штудии, начиная с XVII века и заканчивая XXI веком, понимаешь как сложно и потому интересно это все устроено. Этот диалог, в котором историк, филолог, социолог учатся понимать друг друга, чтобы у нас был какой-то общий язык. И историография, которая должна скорее открывать, чем замыкать нас в собственном прошлом, – одна из ближайших наших общих площадок для диалога с историей философии, историей филологии, и вот это диалогическое понимание, как мне кажется, надо сохранять и поддерживать.

С.П.: Рефлексия связана с целеполаганием. Ведь понятно – для того, чтобы какие-то цели определять, нужно и себя лучше понимать, правильно позиционировать, и ориентироваться в окружающем пространстве и, конечно, в тенденциях развития научного сообщества. Как Вы считаете, как меняется при этом роль метода? Ведь традиционно, и так пошло со времен позитивизма, и сами историки, и историки науки, главное внимание уделяют, по традиции, факту. Его величеству Факту... Что же касается методов, то здесь многое расплывчато... Реальных примеров реализации методов – так, чтобы можно было действительно *показать*, каким образом получен тот или иной интересный результат, все-таки не так много. Что Вы скажете по этому поводу?

А.Д.: Знаете, мне в таких случаях всегда проще начинать с каких-то даже не общих, «словарных» вещей... Проблема методов в данном случае, мне кажется, очень важная, но за этой абстракцией прежде всего стоят реалии работы историка или специалиста со своим материалом. Для меня метод – это правильная последовательность вопросов, которые ты задаешь к материалу. Это попытка проблемно ставить эти вопросы в зависимости от того источника или от той темы, с которой ты имеешь дело. Это одна сторона вопроса. С другой стороны, вопросы методологические встают для меня прежде всего в историческом преломлении – это например Макс Вебер с его работой

«Наука как призвание и как профессия». Я стараюсь со студентами, причем разных уровней, этот замечательный текст разбирать, и это проблема методического усилия, т.е. последовательного рассмотрение материала и погружения в контекст – побуждает идти вслед за Вебером и в то же время отступать от него, видеть и социальные и биографические моменты зарождения и понимающих методов, и социологического подхода, и практики школы «Анналов», например. Поэтому о методе говорить вообще абстрактно, несмотря на все мои философские и методологические интересы, мне сложно, я все же и тут стараюсь выступать как историк.

С.П.: Применительно к исторической науке в России можете ли Вы назвать ведущие научные школы и, в связи с этим, сказать насколько историческая наука в России, по Вашему мнению, идет в ногу с мировой?

А.Д.: Я буду говорить, опять-таки, от себя, не стараясь дать какую-то общую или объективную картину. И мой взгляд, разумеется, будет и субъективным и контекстуально окрашенным. Что касается древности, то там, я бы сказал, все хорошо. Из того, что мне наиболее интересно, - то, что делает И.Н. Данилевский, вообще вся линия Кобрин, Зимина и Историко-архивного института. Если говорить о восточно-славянских, русских и украинских древностях, то следует упомянуть труды Института российской истории, МГУ и наш довольно молодой факультет истории Высшей школы экономики (где И.Н. Данилевский как раз и работает). Я бы сказал, что вполне «на уровне» наша медиевистика. Все-таки усилиями Арона Яковлевича Гуревича, а сейчас Павла Юрьевича Уварова, Михаила Анатольевича Бойцова, она активно развивается в постоянном контакте и диалоге с наукой мировой. Впрочем, это наблюдалось даже в 1960-70-е гг., когда это было трудно делать и приходилось пробиваться через разнообразные политические и идеологические препоны (и имя харьковского выпускника Леонида Баткина здесь, конечно, должно быть обязательно упомянуто). Даже по студентам сейчас видно, что самые способные и старательные, глубокие студенты из последних потоков ориентированы скорее на медиевистику - по крайней мере, на нашем факультете истории Высшей школы экономики. Что касается XX века, мне кажется, что тут наше, может быть, наибольшее отставание очевидно - как раз в плане методологии, отчасти от недостатка диалога с другими социальными науками,

в первую очередь, с современной социологией. Кстати, у Ирины Максимовны Савельевой есть несколько интересных работ по вопросам современной исторической теории, и она заметила, что социологи сейчас, в XXI веке, касательно проблематики XIX века, социальной истории XX века, работая с историческими материалами и ставя исторические вопросы, идут иногда гораздо дальше историков, и работы их получаются интереснее. И современная историческая социология нам, как историкам, интересующимся общетеоретическими вопросами, очень нужна. Если я скажу, «модернизация» или «теория Модерна», то мы, историки, наверняка слышали эти слова, но они воспринимаются как терминология *чужая* (я имею в виду наше российское, да, я думаю, что и украинское историческое сообщество). Вот здесь, с понятийным словарем современной социологии – американской, немецкой, французской и т.д. – здесь еще есть проблема. То есть, если мы посмотрим англоязычную периодику, например, «American Historical Review», «Journal of Modern History», которые задают так или иначе планку, или наш «Ab Imperio», то тут дистанция между западными историками и нашими очевидна. В том смысле, что «там», все-таки, гораздо больший уровень методологической оснащенности, развито умение задавать концептуальные вопросы к своему материалу. Как раз интеллектуальная история, которой мы с Вами больше занимаемся, благодаря усилиям Лорины Петровны Репиной и ее единомышленников, идет впереди – в том смысле, что в этой сфере контакты лучше. Касательно политической истории и социальной, то тут нашим историкам, как мне кажется, не хватает знаний хорошей современной социологии или политической теории, ориентированной на исторические сюжеты и исторические проблемы.

С.П.: К вопросу о состоянии российского научного сообщества... Я вспомнил одно интервью, когда вопросы задавали Марине Федоровне Румянцевой. Ее спросили: «Есть ли профессиональное сообщество историков в современной России?». Она тогда отрицательно ответила на этот вопрос. А что если тот же вопрос я задам Вам?

А.Д.: Я бы сказал, что есть ряд институций, которые находятся в каком-то взаимодействии и диалоге, есть люди, которые друг друга слушают, обмениваются идеями, ходят на семинары, но, то чего

нет в российском историческом сообществе, и то, что мы видим на Западе, - это работа дисциплинарных ассоциаций. В отличие от тех же социологов, у нас не сложилась, на самом деле, работа исторических ассоциаций. Есть похожие национальные комитеты историков, но это скорее локальные филиалы больших интернациональных организаций, которые выполняют представительскую, ритуальную функцию. А стоит попасть, например, на конференцию американских славистов, то видишь людей, занимающихся соответствующей проблематикой с разных сторон - с исторической, филологической, социологической. Такие организации и съезды могут объединять даже несколько тысяч людей. В их работе участвуют не только американцы, на этих ежегодных съездах можно увидеть очень много людей из России и Украины. Вот в этом случае видишь, как подобное сообщество реально живет и действует. Люди приходят на заранее объявленные панели, где рядом могут выступать и академик, и вчерашний аспирант, которые отобраны оргкомитетом или объединены какой-то общей проблематикой, или общей целью - и, если ты берешь материалы этих ассоциаций за 10-20 лет, ты видишь динамику, куда смещаются большинство тем панелей, которые предлагаются «снизу», к чему сейчас больше интереса. Это такой своеобразный смотр достижений, с вручением премий и за лучшую книгу, и за первую дебютную статью, когда мы друг друга видим и понимаем, на чьи доклады стоит ходить в первую очередь, где устанавливается такая неформальная научная табель о рангах. И за этой хаотичной жизнью прослеживаются общие закономерности, динамика развития науки. Вот этого нам пока не хватает.

Журналы тоже отчасти играют такую роль коммуникационных площадок - например «Российская история», может быть, «Новое литературное обозрение», где тоже могут и историков печатать. Еще одна важная роль указанных ассоциаций для сообщества - поддержание профессиональных критериев и границ, соблюдение этического кодекса, который там функционирует куда более эффективно. Я бы сказал, что украинские коллеги несколько опередили нас, когда уже в середине 2000-х годов подняли проблему плагиата внутри украинского научного сообщества, о составе и характере отбора так называемых ВАКовских журналов. Я думал, когда впервые стал читать об этом на страницах киевской «Критики», например, что, наверное, это важно, нужно, но как-то серьезно к

этим вопросам не отнесся - но вот не прошло и десяти лет, и эта проблема назрела, обострилась и у нас в стране.

С.П.: Вы видели различные университеты: европейские, американские, российские, украинские. Какие Вы можете назвать проблемные моменты для высшего исторического образования? Наверное, опять-таки, прежде всего, в российском варианте, потому что Вам это ближе и понятнее - а мы заодно подумаем и о наших недостатках.

А.Н.: Тут дело даже не в недостатках. Если вспомнить свои собственные студенческие годы - памятнее и поучительнее всего в Петербургском университете была система спецсеминаров и спецкурсов того или иного преподавателя или профессора. Раз в неделю она или он собирали вокруг себя ребят, причем разных - и аспирантов, и студентов разных курсов вокруг своей проблематики (Латинская Америка, Европа XIX века), и это была действительно уже подлинно научная школа (помимо лекций, общих поточных семинаров). Это были авторские курсы, которые читались коллегами-преподавателями, это могли быть профессор, или доцент со стороны, темы могли меняться. Там был настоящий обмен идеями опытом, информацией, - то, что как раз по аналогии с ремесленничеством называется «становлением руки», когда твоей рукой буквально водит мастер, и ты постепенно из ученика становишься подмастерьем, потом уже и сам подрастаешь до мастера. Вот такая продуктивная среда, мне кажется, часто формируется в малых индивидуальных группах, сконцентрированных вокруг или темы, или чаще всего, конечно, человека, который той или иной темой занимается. Это я уже много позже стал читать и у Людвиг Флека и у Майкла Полани - про стили науки, про важность «неявного знания», которые не сводятся к трансляции содержания одних книг в другие. В науке очень важны вот эти самые неформальные практики исследования и ученичества одновременно - то что было в Историко-архивном институте, а у нас сейчас пытаются делать в Высшей школе экономики: создавать небольшие центры университетской культуры как у Елены Вишленковой, или медиевистические лаборатории как у Михаила Бойцова и Олега Воскобойникова. Важно то, что такие научно-учебные группы, по сути, воплощают гумбольдтовский идеал соединения науки с преподаванием. Важно, чтобы студенты могли, во-первых, выбирать себе курсы - помимо общих и обязательных

занятий. Во-вторых, вокруг таких добровольных выборов складываются важные ниточки и линии преемственности, которые, как мне кажется, и двигают реально науку. Вот в таких небольших рабочих группах, построенных вокруг ключевых исторических проблем или направлений, где старшие двигают свои темы вместе с младшими, и живет реальная наука.

С.П.: Ну и, завершая интервью, может выскажете какое-то пожелание украинским историкам?

А.Д.: Пожелание для нас общее – больше читать и лучше знать друг друга и общаться! Чтобы мы могли приезжать к вам, и наоборот. И я думаю, эти связи ни в коем случае не прервутся, несмотря ни на какие пертурбации, внешние или внутренние. Главное, чтобы мы слышали и хотели слушать друг друга. А вот с этим, к счастью – и Вы, наверное, согласитесь, – у нас проблем нет.

С.П.: Спасибо за интересный разговор!

УДК 930:929 Кравченко (047.53)

КРАВЧЕНКО ВОЛОДИМИР ВАСИЛЬОВИЧ

(11.07.1957)

Народився у м. Кам'янець-Подільський Хмельницької області. В 1980 р. з відзнакою закінчив історичний факультет ХДУ ім. О. М. Горького. У 1980–1981 рр. – вчитель історії Дергачівської середньої школи № 1 Харківської області. У 1981–1984 рр. – аспірант кафедри історії Української РСР ХДУ ім. О. М. Горького. З 1984 р. – викладач, з 1990 р. – доцент, з 1998 р. – професор цієї кафедри. У 1992–1994 рр. – завідувач загальноуніверситетської кафедри українознавства ХДУ ім. О. М. Горького.

У 1986 р. захистив кандидатську дисертацію «Д. І. Багалій та його внесок до вивчення вітчизняної історії» (наук. керівник – проф. І. К. Рибалка). З 1994 р. – голова секції українознавства Північно-Східного наукового центру НАН України. У 1997 р. захистив докторську дисертацію «Українська історіографія епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.)». Стипендіат фонду імені проф. А. Синявського (США, 1993), Канадського Інституту українських студій Альбертського

університету (1996, 1998). Із 1999 р. – завідувач кафедри історії України та музеєзнавства Харківської державної академії культури (за сумісництвом). З 2000 р. – завідувач загально-університетської кафедри українознавства ХНУ імені В. Н. Каразіна (потім – кафедра філософського факультету). Старший науковий співробітник Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України (голова Харківської філії). Директор Східного інституту українознавства ім. Ковальських. З 2012 р. директор Канадського Інституту українських студій, професор департаменту історії та класичних наук Альбертського університету.

Викладав на літніх школах Гарвардського, Варшавського університетів, Європейського університету в Санкт-Петербурзі, а також у Гельсінському університеті та Національному університеті «Києво-Могилянська академія». Наукові напрями – інтелектуальна історія та історіографія України, регіональна історія, історія Харкова та Харківського університету. Автор понад 130 наукових публікацій, зокрема 4 монографій. Підготував 9 кандидатів і 2 докторів наук.

Керівник науково-дослідної теми «Національна ідентичність населення Слобідської України». Член спеціалізованої Вченої ради при Інституті української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАНУ. З 2008 р. – президент наукової громадської організації «Міжнародна Асоціація Гуманітаріїв», що об'єднує понад 80 докторів наук із Білорусі, Польщі, Росії, США, України, Естонії.

У 2000 р. визнаний переможцем у номінації «Викладач гуманітарних дисциплін» у конкурсі «Вища школа Харківщини – кращі імена». Нагороджений відзнаками Міністерства освіти і науки України: «Відмінник освіти України» та «Петро Могила» (2004 р.). Лауреат премії імені Соломії Павличко Американської Ради наукових товариств (2010 р.).

1. О роли историографии уже немало написано, но что значит историография в Вашей жизни?

Ответ: Когда я решал посвятить себя истории, слово «историография» для меня не значило абсолютно ничего. Так

продолжалось до тех пор, пока я не занялся изучением жизни и творчества Дмитрия Ивановича Багалая. Возник вопрос: «Что такое «история» и что – «историография»? В то время историография была в почете и претендовала на некий особенный статус. В аспирантуре долго не знали, по какой части меня определить, пока не предложили соломоново решение – пусть будет и то, и другое. Я сдавал кандидатские экзамены по двум специальностям. Мой научный руководитель, Иван Климентьевич Рыбалка, историк, время от времени рекомендовал мне обратиться за консультацией к профессору Исаю Львовичу Шерману, историографу. Оба они между собою, мягко говоря, не ладили, поэтому я слушал обоих, но поступал по-своему. В результате моя диссертация была принята сразу по двум специальностям, но защищалась по одной – историографии, источниковедению и специальным историческим дисциплинам (до сих пор чувствую себя неуверенно в этих последних).

2. Изменилось ли что-либо в Вашем понимании задач историографии за последний год?

За год – определенно нет. Если расширить временной диапазон, уместно будет сказать, что в последнее время, с очередным методологическим поворотом в гуманитаристике, репрезентация истории, похоже, стала более влиятельной, чем поиск того, «как это было на самом деле». Иными словами, история стала историографией, чему я могу только порадоваться (см. выше)...

3. Иногда приходится слышать о «харьковской исторической школе». Как Вы считаете, есть ли таковая и, если есть, то в чем Вы видите ее особенности?

Честно говоря, нет, не считаю. Ваш вопрос, тем не менее, заставил меня задуматься над тем, есть ли что-то общее у харьковских историков, кроме места жительства. Можно поиграть с идеей о том, что харьковчане больше интересовались социально-экономической, чем интеллектуальной проблематикой, но это всего лишь предположение.

4. Кого Вы считаете своими учителями?

Мой научный руководитель, Иван Климентьевич Рыбалка, обладал изумительным ощущением добротного, профессионально

сработанного текста, и каким он должен быть. В советское время быть профессиональным историком означало быть позитивистом. С тех пор я пытался отойти от этого канона историописания. Знакомство с иными методами изучения и репрезентации истории, было и остается в моем случае самостоятельным и довольно хаотичным, поэтому не могу выделить кого-то еще в качестве своего учителя в истории. Имена великих историков всех времен и народов вспоминать не буду.

5. Если бы можно было вернуться на 20 лет назад, чтобы Вы хотели изменить в своей профессиональной деятельности?

Если откровенно – ничего.

6. Поделитесь своими планами на будущее.

Работаю над учебным курсом «Основания восточно-европейской истории», пытаюсь работать над сборником статей, переписывая свои прежние публикации, планирую монографию о развитии украинских исследований в Северной Америке.

РОЗДІЛ IV

Спогади

УДК 378.4(477.54) (093.3)

ВОСПОМИНАНИЯ О ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ПРОФЕССОРА ЛЮДВИГА ЯКОБА

Людвиг Якоб (Людвиг Кондратьевич, Ludwig Heinrich von Jakob) (26.02.1759, г. Веттин Магдебургского герцогства в Пруссии – 22.07.1827, Бад-Лаухштедт близ Галле) – философ, экономист, юрист.

В 1777 г. по окончании Магдебургской гимназии поступил в Галльский университет, где в 1785 г. защитил диссертацию «De allegoria Homerica» на степень доктора философии, в 1787 г. был избран экстраординарным, а в 1791 г. – ординарным профессором. В 1794 – 1797 гг. был ректором университета, в 1801 – 1804 гг. – проректор университета. В течение 20 лет издал 35 работ в области философии, богословия, психологии. Его труды «О бессмертии души» и «Сущность Бога» были удостоены наивысших наград Лейденского и Гаарлемского научных обществ.

После того, как в 1806 г. декретом Наполеона Галльский университет был закрыт, выразил согласие перейти на российскую службу. С 1 марта 1807 г. был назначен профессором дипломатики и политической экономии Харьковского университета. В 1808 – 1811 гг. одновременно преподавал немецкий язык. Исполнял обязанности инспектора студентов. Произнесенная им в Харькове во время торжественного акта речь «О влиянии университетов на культуру и благосостояние народа» / «Ueber den Einfluss der Universitäten auf die Cultur und den Wohlstand eines Volkes» (отд. изд. Харьков, 1808) содержит множество мыслей перекликающихся © С. И. Посохов, 2014

с ключевыми идеями немецких неогуманистов, обосновавших в 1800-е гг. представление о немецком «классическом» университете, его цели, задачах и общественной роли (И. Канта, Ф. Шлейермахера, В. фон Гумбольдта). С большой долей вероятности эту речь можно отнести к первым проявлениям неогуманизма на российской почве¹. Он составил «Прибавление к правилам для казеннокоштных студентов» на лат. яз. (1809 г.), а также ряд пособий для гимназий и университетов по логике, грамматике, психологии, риторике, эстетике, праву, политической экономии. По поручению Главного правления училищ в 1808 – 1811 гг. подготовил курс философии для гимназий. Переведенный на русский язык этот труд получил широкое распространение в России, а его автор был представлен к ордену Св. Владимира. Опубликовал работы «Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten» («Основы полицейского законодательства и полицейских учреждений») (1809 г.) и «Über die Arbeit leibeigener und freien Bauern in Beziehung und die Nutzen des Landeigentümlich in Russland» («О сравнительной выгоды крепостного права и вольнонаемного труда») (1814 г.), в которых выступал против крепостного права. Был награжден большой золотой медалью Вольного экономического общества. Мировоззрение Л. Якоба сформировалось под влиянием учения А. Смита и философии Канта, идеи которых он пропагандировал во время своей преподавательской деятельности.

В 1809 г. как автор рассуждений о состоянии ассигнаций был от имени императора Александра I приглашен государственным секретарем М. М. Сперанским в Петербург для участия в совещании. За успешное выполнение возложенных на него поручений в январе 1810 г. был пожалован орденом Св. Анны II ст. и перстнем. По распоряжению императора остался в Петербурге и был назначен в комиссию по составлению законов в Министерстве финансов, где занимался подготовкой проекта уголовного уложения. С 1811 г. – коллежский советник, с 1816 г. – статский советник. В 1810 г. избран членом-корреспондентом Петербургской АН, в 1811 г. – почетным членом Харьковского университета.

¹ См. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология (сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов). М., 2011. Для данного издания был выполнен новый перевод текста, который публикуется полностью, за исключением риторического окончания речи, по традиции посвященного восхвалению царствующего монарха.

В 1816 г., после отстранения М. М. Сперанского от дел, покинул Россию и вернулся на должность профессора политической экономии в университете Галле, вновь избирался проректором университета.

«Воспоминания из моей жизни» были написаны проф. Якобом после его возвращения на родину и впервые изданы в Германии в 2011 г. издательством университета Галле². Рукопись к изданию была подготовлена Х.-И. Керчером и М. Мехловым. Приводимый ниже текст печатается с любезного разрешения проф. Керчера.

Ниже приводится часть воспоминаний, в которой автор преимущественно характеризует профессоров университета. Подготовка текста к публикации (предисловие, комментарии) осуществлялась С.И. Посоховым, перевод текста на русский язык осуществила группа студентов факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Д.С. Бережная, В.А. Гашенко, В.В. Довгаль, Е.В. Кравченко, В.Н. Лысенко, А.М. Моторыкин, А.Ю. Рябуха, Я.В. Сердюкова), редактирование текста – С.А. Чухлий. Надеемся, что в следующих выпусках сборника продолжится публикация данных воспоминаний.

Описание университета и отношений между профессорами

Благодаря реформе, которая была проведена в 1803 году в России, российские университеты получили уникальные в своем роде полномочия. Они стали являть собой самостоятельные институты, которые не только являются независимыми от власти, но и влияют на весь процесс преподавания. Их руководители (ректоры) имеют такой же ранг, как и высокопоставленные чиновники. Они имеют право выбирать самостоятельно всех своих сотрудников, школьных учителей и даже директоров школ, а также утверждать все административные должности в школах и университетах и распоряжаться всеми фондами. Лишь кандидатуры на должность ректора и директора школы должны быть утверждены министром образования, все остальные назначаются университетами.

В каждом университете есть свой куратор, он же является посредником между университетом и министром, а министр

² Ludwig Heinrich v. Jacob. Denkwürdigkeiten aus meinem Leben / Herausgeben von Hans-Joachim Kertscher in Zusammenarbeit mit Michael Mehlow. – Halle-Wittenberg, Universitätsverlag, 2011.

руководит ими. Куратор не должен вмешиваться в систему избрания кандидатур на должности в университетах, так же как и министр образования.

Эта политическая важность российских университетов, которой они хотели добиться, является именно тем яблоком раздора, которое служит причиной разногласий и ссор между преподавателями. Каждый год выбирается новый ректор и деканы. Так как кандидатами являются примерно 20-30 профессоров, среди которых есть интриганы и тщеславные люди, эти выборы редко проходят без интриг и раздоров, что приводит к враждебности. Если профессор хочет получить награду, то адъюнкт¹ хочет стать профессором, получить повышение с должности внештатного профессора до возглавляющего кафедру, он пытается найти союзников среди профессоров; жёны, дочери, горничные, прислуга – в ход идут все, и это всё делается для того, чтобы достичь своей цели. В случае если документация такого кандидата попадает на повестку дня совета [университета], начинается соревнование сторон союзников. Раздор и ссоры между сторонами, враждебное поведение по отношению к каждому добропорядочному кандидату, который хочет дать свою независимую оценку происходящему, являются неизбежными последствиями этих отношений. Даже самая маленькая и незначительная проблема редко решается без ссор. Такой Устав может разрушить внутреннее спокойствие учреждения, даже если оно полностью состоит из добропорядочных людей. В том случае, если в такую команду попадают интриганы, то даже самые порядочные люди могут быть увлечены этой интригой или их даже могут заставить принимать участие в ней, если они того не хотят, чтобы в дальнейшем на них оказывали давление. Ни один университет в России не обходится без скандальных интриг и ссор. В Москве ситуация внешне всегда выглядит более-менее спокойной. В Казани в 1807 году жил некий русский по фамилии Якоблев (Jakoblew)², который заполучил доверие куратора и держал всех в ежовых рукавицах. Пять профессоров, которые имели неосторожность выразить свои справедливые и скромные представления о злоупотреблениях и о несправедливости власти, были уволены министром образования без суда и следствия. В Дерпте огонь раздора разгорелся всеми красками. И разнообразные жалобы на местные перебранки не могли обернуться ни чем

другим, кроме как презрением со стороны министра образования. Особенно скандальных оборотов обрело дело господина Хорна (Horn)³, профессора теологии, который проделывал нелепые выходы со своими коллегами и дело дошло до того, что ему приказали освободить свою должность самостоятельно, если он не хочет быть уволен.

Впрочем, может быть, всё происходящее в Дерпте не было столь неприятным, как это было в Харькове. Сотрудники представляли собой смесь из различных людей, говорящих на разных языках, имеющих разное происхождение, почитающих разные обычаи и обладающие разным уровнем знаний⁴. Очень мало из них имели представление о том, что такое университет или чем он должен являться; многие были полными неучами и совершенно не обладали никакими базовыми знаниями; другие отличались плохим поведением, пьянством и грубостью, эти люди не имели никаких планов и были подобраны совершенно непродуманно. Я хотел бы рассказать вкратце о том, что я там увидел.

Куратором был граф Северин Потоцкий⁵, младший брат писателя Яна Потоцкого⁶. Граф имел образование, каким обычно обладали самые знатные поляки; то есть он хорошо разговаривал на французском, средне владел немецким, понимал латынь, был начитанным и повидал мир. Но у него не было ни малейшего представления о том, как должен быть устроен университет или школа. Однажды я с ним беседовал о гимназиях, и он мне жаловался на то, что дела в них так же прискорбны, как и во всех остальных учреждениях, я же позволил себе сделать ему замечание, что лучше бы выбирали директоров гимназий другим способом, поскольку нынешние директора – это благородные по происхождению люди, которые не имеют представления о том, как должна быть обустроена система школьного образования. На это он мне ответил следующее: «Вы правы, я очень часто об этом говорил. Эти должности директоров являются очень престижными; их следовало бы отдавать полковникам или генералам». Этот ответ достаточно приоткрыл мне глаза на текущую ситуацию, и я умолк. В условиях такого невежества для университета было, пожалуй, лучше, что куратор был невероятно медлительным и инертным человеком. Всё, что выводило его из равновесия и требовало от него какого-либо участия, было ему неприятным, в таком случае он всё

пускал на самотёк; и когда он был в Харькове, что происходило 1-2 раза в году, и то лишь из-за того, что он ехал в Санкт-Петербург продавать товары знатым людям. Таким образом, его основное занятие заключалось в том, что утром он пировал со знатью, днём он стрелял беспризорных собак, а по вечерам он выходил на так называемую «охоту на женщин и девушек». В основном этот граф был высокомерным, грубым, своенравным, упрямым и не понимал, как можно связать свою жизнь с каким-либо делом или человеком. Если вдруг он находился в Харькове и в его приёмной появлялись дворяне или профессора, он заставлял людей часами его ждать, и когда наконец выходил к ним в домашнем халате, сонно общался с гостями. Нельзя было считаться сотрудником университета не получив свою долю нотаций от графа Потоцкого, даже не заслуживая их. Профессору латыни и греческого языка⁷ он сказал: «Боже мой! Этот надоедливый латинский язык! Зачем его учить! Нашим студентам он не нужен, а наши дворяне не хотят его учить». В другом случае, он сказал профессору истории⁸: «Зачем нужна история? Всё это ложь». Со мной же он был очень вежлив, я даже считался одним из его фаворитов, потому что обычно он приглашал меня за стол, когда трапезничал дома и консультировался со мной на счёт некоторых вещей. Но всё же я не могу упустить такой шанс описать этого человека, который заслуживает того, чтобы его имя было упомянуто в истории. Место профессора римской литературы и эстетики было свободным. Поскольку в Харькове не было такого человека, который смог бы занять такое место и, кроме того, не было такого профессора, который бы проявил к этому интерес; в этом случае сказилось отсутствие союзников у тех профессоров, которые были бы достойны занять это место. В качестве возможных кандидатур назывались лишь известные имена: Шютца (Schütz), Вольфа (Wolf), Айхштаедта (Eichstaedt) и т.д. Господин Вольф⁹ даже формально был избран на это место и утверждён. Он поддержал эту идею, чтобы воспользоваться ею в Берлине при какой-либо более серьёзной возможности. Этим предложением от России он мог воспользоваться, чтобы получить для себя самые лучшие условия в Берлине. Наконец-то после того, как он добился своего, он написал в Харьковский университет, что отказывается от должности и несколько иронично предложил кандидатуру господина Тимковского¹⁰, который был студентом в Москве

и некоторое время был его учеником. Верховный Советник Гофрад Айхштаedt, к которому обратились через господина Шада¹¹, даже не скрывал того, что был оскорблен, поэтому написал в обращении, что Харьковский университет не знает всех обстоятельств, и было бы лучше, если бы эти вакантные места были бы кем-то заняты и при этом выбор был ограничен учёными, которые располагали бы их к себе и соответствовали своей репутации. Мало харьковчан поняли этот намёк, и потому среди кандидатов всё ещё появлялись подобные имена; я абсолютно серьезно предложил позвать тайного советника Гейне (Heyne)¹² из Геттингена, и хотя русские сочли моё предложение очень убедительным, немецкие профессора всё же поняли, что я хотел этим сказать. Почти два года длились переговоры, бесполезность которых должен был предвидеть каждый, кто имел какое-либо отношение к этому или понимание этого дела. Я ничего не комментировал по поводу всех этих распоряжений до определенного времени. Так как ранее приобретённый опыт полностью убедил переговорщиков в том, что они лишь теряют время, когда такими скудными средствами они помогали университету гоняться за известными именами. Таким образом я наконец взял инициативу в свои руки и написал заявление в Сенат. Я дал понять, что убеждён в том, что Харьковский университет не имел бы никакого положительного результата, если бы получилось ангажировать одного из известных учёных, с которыми они до этого вели переговоры, поскольку эти учёные не имели опыта проведения вводных курсов, в которых так нуждались харьковские студенты, и их уроки были бы полезны только тем студентам, которые уже изучали древние языки в своих школах и пришли в университет, чтобы изучать критику и высшие филологические науки и т.д. Я был убеждён в том, что Харьковскому университету нужен такой профессор, который бы не пожалел себя и погрузился полностью во вводный предмет, который имел бы опыт общения со студентами и мог бы исправлять ошибки, которые допускаются во время упражнений по стилистике. В итоге я предложил на эту должность господина Рата (Rath)¹³ из городе Галле, который в то время был заместителем директора городской гимназии и одновременно моим зятем, и был известен своим методом преподавания и глубоким знанием языков. Я также гарантировал, что этот человек, если университет позовёт его на эту должность, с радостью примет это

предложение, поскольку я знаю его заинтересованность в этом деле, и университету не стоит терять драгоценное время в поисках профессоров. В этот раз я убедил всех в том, что это предложение является единственно верным и все единогласно проголосовали за господина Рата.

Рат был моим старым другом, об этом можно было догадаться из предыдущих строк. Он заявил о своём желании поехать со мной в Россию после того, как мы с ним попрощались в Галле. И он не изменил своё решение даже после того, как я описал ему всю ситуацию в Харькове, потому что он думал, что сможет заниматься наукой в Харькове без трудностей. Я не отказал ему в его желании и был очень рад сообщить ему новость о том, что у него будет такая возможность. В скором времени я получил от него письмо, в котором он выражал радость и давал гарантии университету, что приступит к своим обязанностям, как только получит соответствующее приглашение. Запрос куратору о подтверждении выбора должен был быть передан в кратчайшие сроки, поскольку университет сделал запрос о скорейшем завершении этого дела, университет с каждым днем все более ярко ощущал потребность в уроках латыни, но на этот запрос не последовало ответа. После того, как запрос не был подан в назначенное время, университет подождал ещё немного и сделал повторный запрос. Я также написал графу и попросил его о скорейшем принятии решения, потому что моему другу ещё надо было подготовиться к такой долгой поездке. Но и на это не последовало ответа. Граф был в длительной поездке из Киева в Одессу и, возвращаясь обратно, наконец-то заехал в Харьков. После того как я впервые пришел к нему в гости, мы общались на самые разные темы, я заговорил с ним о господине Рате и спросил его высокопревосходительство о том, принял ли он решение касающееся университета. Он разговаривал со мной конфиденциально так, как он это делал обычно. Я всегда придерживался уважительного тона и осознавал, что этот вопрос должен был быть решен без нажима и всякой назойливости. Он же скривился и спросил меня недовольным тоном: «Не могли бы вы подождать с этим вопросом ещё парочку дней». Я ответил ему, что сожалею о том, что мне пришлось сделать ему замечание касательно этого вопроса. Я не мог отрицать, что меня интересовала дальнейшая судьба моего друга, и я бы хотел ему давно сообщить, может ли он начинать готовиться к поездке или

нет, поскольку состояние неопределённости должно было быть для него мучительным. Это беспокойство о моём друге заставило меня не упустить шанс узнать, какое же решение принял граф.

Не вслушиваясь сильно в то, что я ему говорил, граф продолжил говорить в том же духе: «Я не стану утверждать его кандидатуру; не стану. Вам стоило еще подождать, мне не нужен вице-куратор».

У меня было чувство, будто я упал с небес на землю, я совершенно не знал, что мне делать с этим ответом. Потом мне стало понятнее, и я сказал: «Мне никогда не приходило на ум во что-либо вмешиваться, что могло бы касаться назначения на должности и задеть гордость куратора». С его слов я заподозрил, что он опирался на неизвестные мне факты и чужую точку зрения. Предложив кандидатуру господина Рата университету, я лишь исполнял свои обязанности и думал, что делаю для университета благое дело, ибо господин Рат был учёным, специализирующимся на классике латинского языка и имел большой опыт преподавания в этой области, он бы смог начать семинар для школьных учителей и преподавать методику преподавания в школах и это бы только послужило ему выгодой, и университет взял бы его на работу. Я должен был признаться в том, что господин Рат являлся моим старым другом, и я был бы очень рад, если бы он смог сюда переехать. От такой моей оценки веяло заангажированностью. Но поскольку этот учёный известен во всех немецких университетах, его произведения читал господин Баллу (Ballu)¹⁴ и считал, что они достаточно хороши, и я не думал, что моя дружба с этим человеком могла как-то повлиять в данной ситуации, то, в итоге, я предложил эту достойную кандидатуру на место профессора латинского языка. Кроме того, я считал, что куратору должна нравиться идея о том, что преподаватели университета объединены и в то же время являются друзьями. Я закончил тем, что мне было неприятно заметить, что моё вмешательство в дела моего друга повлияло скорее плохо на данную ситуацию, и попросил его абстрагироваться от того, что я знаю этого человека, при решении данного вопроса.

[„]³ Вы не знакомы со мной, друг мой, [„] продолжил он мягким, но всё ещё рассерженным тоном. [„] И вообще, Вы совершенно ничего не должны мнить о себе, будь Вы хоть немецкий профессор. Здесь, в России, профессора ничего не значат, совсем ничего [!],

³ Здесь и далее в квадратных скобках сохранены знаки препинания, которые были обозначены в немецком издании.

университет – это ерунда, которую можно уничтожить одним росчерком пера, и когда профессора хотят корчить из себя важных персон, выгоняешь их без церемоний, как, например, в Казани. Я не одобряю такой порядок действий, но отсюда Вы можете увидеть, как бывает. [„] Я был в высшей степени уязвлён этой речью, которую я совсем не понимал, и это послужило причиной моего ответа, голосом непоколебимым и решительным: [„] на самом деле я не понимаю, что подтолкнуло Ваше Превосходительство к мысли поучать меня при таких обстоятельствах. Я должен признаться: то, что Вы хотите мне сказать, является для меня новым, новым совершенно. Я полагал, и все иностранцы придерживаются того мнения, что указы, которые были изданы Его Величеством, нашим всемилостивейшим императором, соответствуют правде. В соответствии с этим, эрудиция и ученые весьма значимы, а университеты имеют высокое звание всеобщих институтов империи. Я сюда приехал, полагаясь на эти указы. Поскольку Ваше Превосходительство заверяет меня, что профессор в России не должен ожидать ни уважения, ни привилегий, так что мне ничего не остается как отречься от такой унижительной должности и, следовательно, Вы разрешите мне лично обратиться к Его Величеству, а также изложить Его Величеству причины, которые побудили меня снова покинуть Россию так скоро. [„]

[„] Ого, [„] сказал он, [„] Вы мне угрожаете? Поверьте мне, с горячей головой ничего не добьешься. Я ценю учёных и ценю также Вас. То, что я сказал, не должно Вас оскорбить. Я только хотел уберечь Вас от Ваших предрассудков. Я опытный светский человек. [„] – Так он начал снова настраивать струны, и мы спокойно разошлись. Его стремление было очевидно: загладить вину, поскольку он, должно быть, заметил, что зашел слишком далеко в своей последней речи, и не только задел меня, но и других, тех, кто мог бы ему причинить вред, если бы это стало предметом обсуждения.

Спустя несколько дней университет получил документ от куратора, в котором тот отказывается представить господина Рата на утверждение в качестве заведующего кафедрой, поскольку он лишь преподаватель и еще не профессор.

В глубине души я поздравил своего друга с тем, что он не приехал в Харьков, а, возможно, он этому сейчас и сам радуется, хотя и репутация пострадала и сам он тогда пострадал, особенно из – за распространяемых слухов.

Вскоре на место Рата избрали немецкого профессора, а именно профессора Роммеля¹⁵ из Марбурга.

Из вышеизложенного можно сделать достаточно точное представление о тогдашнем кураторе университета Харькова. А теперь к профессуре.

При моем прибытии в Харьков профессорами и адъюнктами были шесть россиян, один серб, один венгр, четыре француза и одиннадцать немцев. Пильгер¹⁶ и я были единственными профессорами, которые ранее преподавали в университете.

Россияне соблюдали внешние приличия очень хорошо. На ученом совете они всегда говорили холодно и обдуманно, и конфликты, которые случались, всегда начинались иностранцами. Они были следующими:

1. Тимковский. Его повысили в должности от репетитора в Санкт-Петербурге до профессора юриспруденции в Харькове. Его знания были крайне ограничены. Он немного знал об иностранном праве, и даже российские законы знал плохо. Ему совсем не хватало общих и предварительных знаний. Он никогда не доводил лекцию до конца, и то и дело был в отъезде, посещая гимназии и открывая школы, в соответствии со своим отношением к делу. В Харькове его иронично называли Министром иностранных происшествий. На самом деле он изображал из себя важную особу, особенно посещая школы. Когда он приходил, директор и учителя в униформе должны были собраться в приёмной в 10 часов, а около 12 часов давали аудиенцию, некоторые участвовали в ней в неподобающем виде и т.д. Его характер был замкнутым и коварным, подчеркнуто вежливым и насквозь фальшивым.

2. Осиповский¹⁷. Ранее он был учителем математики в каком-то пансионе в Санкт-Петербурге и заслужил свое место не только из-за превосходных трудов в сфере математики, которые он издал на русском языке, но и благодаря своим основательным лекциям. Среди российских профессоров он был, без сомнения, самым образованным и проницательным и был бы в чести у любого иностранного университета. При этом он был честным, прямым, совершенно порядочным человеком, который спокойно жил для себя, и абсолютно не принимал участия в интригах. В то же время он считался постоянным асессором экономики, финансов и бухгалтерии университета и доказывал от обратного, что порядочный человек

может сохранить самоуважение в дьявольских обстоятельствах.

3. Шумлянский¹⁸. Профессор медицины, которую он когда-то изучал в Страсбурге, но с того времени достаточно многое забыл; в остальном – заурядный человек.

4. Рижский¹⁹. Профессор русской литературы; отрасль, в которой он развился, как добрый, вежливый, робкий мужчина, который охотно ловил рыбу в мутной воде при случае, но кроме этого никому не вредил. Он написал работу по русской риторике, которая основывалась на французских трудах.

5. Васильев²⁰. Адъюнкт прикладной математики и архитектуры. Полный невежда, которого повысил в должности от управляющего по экономике до адъюкта господин Каразин²¹ – дворянин, который имел вес при учреждении университета императором, и многое сделал, чтобы Харьков был выбран местом для университета.

6. Крюгер (Krüger)²². Россиянин немецкого происхождения, которого ранее зачислили на работу в горную компанию в Санкт-Петербурге, потом читал минералогию в Харькове. Но он был таким горьким пьяницей, что его пришлось уволить, в конце концов.

Сербом был:

7. Стойкович (Stoikowisch)²³, профессор физики. Он учился в Гёттингене и действительно обладал знаниями, которые украшают любого учёного. Его общее образование было превосходно. Он говорил по-немецки как немец и по-русски как русский; при этом он в совершенстве владел латинским, французским и английским языками, хорошо разбирался во всех базовых знаниях философии, истории, математики и т.д. и излагал ясно и живо. Он написал двухтомную работу по физике на русском языке, которая хотя ничего нового не содержала, но общеизвестные знания изложены в надлежащем порядке, определённо и чётко. – Его речь была живой и содержательной. Я общался с ним охотнее всего, потому что всегда усваивал от него нечто и всегда он меня развлекал и поднимал настроение. Однако мораль этого мужчины не была самой строгой. Он обладал неизмеримым тщеславием и ревностнее всего стремился к званиям, почётным должностям и титулам. Должность ректора казалось высшей целью его желаний, и никакое средство не казалось ему незначительным, никакая интрига – подлой, чтобы достичь или получить это. Когда я приехал в Харьков, он руководил ректоратом. Все были им в высшей степени недовольны, и описывали мне его

как лживого, злобного эгоиста, который в то же время являлся ужасно грубым и мстительным, который был на ножах с куратором, очернял профессоров и т.д. Я никогда его не знал с такой плохой стороны. Напротив, по отношению ко мне он всегда был любезным, обходительным и дружелюбным и, следовательно, я не находил никакой причины, чтобы разделить общую ненависть к этому человеку. Это правда: его тщеславие побуждало его прибегать к подлым средствам, чтобы получить голоса. Он пообещал одному [!] профессору содействовать его целям, когда он будет ректором; другому он одалживал деньги; третьего он снабжал; четвертого он пытался привлечь подхалимством, чтобы тот агитировал за него и усиливал его партию и т.д. Поскольку он стал ректором благодаря такого рода средствам, то многие вещи из того, что он обещал, он не смог или не хотел выполнить и часто вымещал свой пыл на тех или иных и при этом не был сдержан, и нажил себе врагов; даже если он не был деликатен используя средства, чтобы завести друзей, то его враги были еще менее деликатны.

Он выказывал мне значительное доверие, а я своими идеями удерживал его от многих опрометчивых и необдуманных шагов, к которым он склонялся из-за постоянного раздражения и неприязни к своим противникам.

Когда в ноябре пришло время выборов ректора²⁴, многие бросились убеждать меня не отдавать свой голос за Стойковича. Между тем, я отклонял все то, что казалось мне неприемлемым. Я при каждом удобном случае пояснял, что считаю низким и подлым любой вид предвыборной агитации за или против кого-либо, поскольку каждый, кто имеет выбор и в достаточной мере знает его цену, может сам определить, что он должен делать. Я пообещал Стойковичу проголосовать за него, хотя он меня и не просил, однако я настолько однозначно объяснил ему, что никаким образом не буду влиять на выбор других за или против него, что он не посмел меня об этом даже просить. Выборы прошли в пользу Рижского. За Стойковича был только один голос. В следующем году пребывание Рижского на посту ректора было продлено еще на три года. Но он умер в середине этого срока, вследствие чего профессора сочли себя вынужденными, отдать эту должность Стойковичу, и он занял пост сроком на три года. Несогласия и ссоры на его счет не прекращались. Его враги зашли настолько далеко, что писали на него министру

всевозможные доносы, якобы он растрачивал казну, провозил контрабанду и так далее. В конце концов, отчасти из-за обиды, отчасти будучи вынужденным, он отказался от должности ректора, а в итоге и преподавателя, жил со своей женой, на которой женился во время этих перипетий, и жил как сквайр в поместье своей жены.

В другом университете, где штат преподавателей был бы набран из менее подлых людей, и где попечитель не плел бы интриги, Стойкович был бы более полезен. Здесь все его лучшие силы ушли на интриги и противостояние им, на нападения и защиту.

Венгром был:

8. Коритари (Koritary)²⁵, преподаватель гомеопатии и истории медицины. Он был необразован в своей профессии и получил это место благодаря дружбе со Стойковичем. Но вскоре после своего прибытия Коритари настолько отдалился, что между этими двумя возникла острейшая вражда и ненависть. В этой ситуации Стойкович вел себя гораздо умнее Коритари. Я никогда не слышал, чтобы он ругал или клеветал последнего, кроме случаев, когда нападки становились совсем грубыми. Коритари же редко когда открывал рот без того, чтобы описать своего соотечественника как самого бесчестного и низкого подлеца. Если детально разобрать обвинения, то в основном они исходили из мелочей или недоказанных сплетен. Несчастный покинул университет из-за обиды и несправедливости и стал частным врачом в богатой русской семье в Москве. Во время разрушения этого города в 1812 он не только потерял все свое имущество, но и сломал во время бегства стопу, и вследствие лечения умер от больничной лихорадки как жертва собственной работы, оставив жену и детей в крайне печальных обстоятельствах. Он хотел завести со мной дружбу, но поскольку я общался со Стойковичем, долгое время убеждал себя в нашей вражде.

Французами были:

9. Белин де Баллу (Belin de Ballu), преподаватель греческой и французской литературы, известный своим хваленым переводом Лукиана. Этот человек был не обделен знаниями и образованием, но в его учености отсутствовали как методика, так и порядок, из-за чего он мало пользы приносил университету. Он был интересным человеком и обладал всеми достоинствами и недостатками французов. К последним относилось безграничное тщеславие. Из-за этого он вообразил, что знает и понимает все лучше, чем кто-либо.

Он едва ли мог связать пару слов на русском или немецком, но не преминул взять на себя роль реформатора этих языков и сделать из себя посмешище. Он довольно часто был объектом насмешек всего города. После своего прибытия, когда он едва начал учиться читать по-русски, он отправился на рынок с большим русским словарем подмышкой, чтобы купить масло, яйца, мясо и т.д. сам, и принялся бросаться словами, значения которых не понимал. Город был полон забавных историй о нем из тех времен. Однажды он решил купить десяток яиц, и крестьянка попросила за них алтын (altin - что равнялось трем копейкам). Он перепутал алтын и половину (paltin – что равнялось половине рубля) и долго спорил, что не отдаст такие деньги, и протянул ей в итоге 40 копеек, чего, по его мнению, было более чем достаточно. Продавщица опешила от странного покупателя и радостно взяла деньги. Господин Баллу ушел чрезвычайно довольный собой, думая, что совершил удачную сделку.

То, что он вполне был способен на подобные поступки, может доказать следующая история, которая произошла во время моего пребывания в Харькове.

Свинья соседа господина Баллу неоднократно пробиравась к нему в огород и разоряла капустные поля, и он просил об устранении проблемы как соседа, так и полицию. Когда свинья в очередной раз залезла к нему в огород, он схватил ее, завернул улику в свою униформу, затащил на повозку и повез через весь город собственноручно сдавать полиции. Можно вообразить, каким представлением это было для такого города, как Харьков.

Этот человек, также как и все, был страшно недоволен своим пребыванием в Харькове и считал свой вклад неоценённым и непризнанным. Когда меня позвали в Санкт-Петербург, все тамошние профессора пришли в движение и собрались уходить. Баллу также прибыл в Петербург в поисках места. Граф Потоцкий обошелся с ним крайне невежливо. Он спросил, что тому было нужно в Петербурге, ведь здесь не нужны были знатоки греческого, так что ему следовало, не распаковывая чемодан, отправляться назад в Харьков, не продлив отпуск ни на день, и т.д. Баллу натянул старую поношенную форму Национального Института²⁶, членом которого он являлся, предстал во французском посольстве и стал везде, где бы ни появлялся, громко и горестно жаловаться на неподобающее

поведение графа Потоцкого. Французский посол, чей авторитет в Петербурге в те времена был высок, по возможности поговорил с Потоцким, объяснил, что этот человек во Франции обладает значительной репутацией, и что он заслуживает внимательного и уважительного обращения. Вскоре Потоцкий сменил тон, был вежлив с господином Баллу и уступил ему все, что тот хотел. Новый куратор Петербургского округа господин Уваров²⁷ тоже с радостью принял господина Баллу во время его пребывания в Петербурге, и, поскольку у него была идея ввести уроки греческого в его институте, он предложил господину Баллу должность учителя греческого языка в Педагогическом институте²⁸ и учителя того же языка в гимназии. Обе должности приносили ему доход почти в 4000 рублей. На эти деньги он жил здесь, стесненный в расходах, но куда более довольный, чем в Харькове.

10. Де ла Вигн (De la Vigne)²⁹, преподаватель ботаники, эмигрировавший аббат, который посвятил себя медицине в Эрлангене, после того как был домашним учителем в Санкт-Петербурге и переехал в Харьков, получив место профессора. Этот человек не выделялся ни своими знаниями, ни чем либо еще.

11. Дюгур (Dugour)³⁰, профессор истории. Этот человек раньше имел книжный магазин в Париже и принимал участие в работе одного французского журнала. Высказывания в защиту Людовика XVI, которые он написал, сделали его для якобинцев таким ненавистным, что он с большим трудом избежал гильотины, убежав в Англию, где издал работу о жизни Кромвелля на французском, чтобы доказать свои политические убеждения и не вызывать подозрений. В Англии он женился на англичанке и тут же он познакомился с князем Барятинским³¹ (позже, русским посланником в Мюнхене); так он ему предложил отправиться с ним в путешествие в Россию и нашел здесь себе занятие. Когда они приехали во владения князя, которые находились недалеко от Харькова, господин Дюгур решил поехать туда, чтобы посмотреть, какие учебные заведения там есть и мог бы ли он там получить место при университете. Он познакомился с местными профессорами, понравился и показал себя образованным человеком. Вскоре его выбрали профессором истории. Многие были удивлены этому выбору, потому что и сами метили на это место. Особенно некоторые адъюнкты держали обиду, потому что из-за этого потеряли шанс занять это место, и кроме того, выборы прошли

как раз тогда, когда вокруг этого закрутилась невероятная интрига. Даже некоторые из тех профессоров, которые лично голосовали за господина Дюгура, приложили усилия, чтобы выбор не вступил в силу, в частности среди них были соотечественники господина Дюгура, - Баллу, а также Стойкович. Все поразились сами себе, что избирают совсем неизвестного человека профессором и начали задавать вопросы. Кем именно является этот Дюгур? – Было доказано, что он был принят в качестве профессора всего лишь из-за гладких речей и лести, что он очаровал их своим легким обращением с вином и так хитростью получил голоса. О нем пустили разнообразные слухи, со всех сторон он был окружен обманщиками и негодьями, которые его подстерегают и должны обращать внимание на каждый его шаг, вдруг им удастся выяснить о нем что-то крамольное.

В то время в Харькове жили двое изгнанных с их родины шведов – один шведский генерал, чье имя я забыл, и один шведский капитан Этмин (Etmín). Оба участвовали в революции против короля и были сосланы в Петербург, для того чтобы вести там переговоры по поводу получения денег и прочих вопросов. Тогда и заключил неожиданно король мир с Россией; так они стали жертвами собственного патриотического рвения, и Россия дала им пенсии и возможность жить в Харькове. У этих людей был клуб, который Дюгур, некий профессор Умлауф³² (профессор латинского языка) и многие профессора часто посещали и могли открыто общаться. Враги Дюгура узнали об этом клубе вскоре и призвали отнести его к политически опасным клубам; друг другу передавались по секрету мятежные речи, которые там якобы обсуждались. Время (это было в 1805 и 1806 годах) сделало всех подозрительными, людям повсеместно виделись предатели и шпионы. Под этот шумок и было составлено обвинение против Дюгура.

Один французский преподаватель фехтования, который, неведомо как, но попал в Харьков и выдавал себя за известного маркиза и рыцаря Людовика, ложно утверждал, что видел Дюгура на острове Вигт (Wight)³³; он рассказывал, что он его там действительно видел, и что тот наверняка принадлежал к числу шпионов Бонапарта, что он там же был задержан и в конце концов сбежал. Ходило много двусмысленных речей, которые он якобы говорил среди шведов и лично мадам Баллу убеждала, что он говорил в ее комнате: "Русская армия плохо организована и есть все шансы, что она будет разбита

Бонапартом". Что послужило неопровержимым доказательством революционных взглядов Дюгура? - Тогдашний адъютант профессора Ланг³⁴, которого прежде всего злило то, что Дюгур стал профессором раньше его, предоставил тут же материалы для доноса в риторической форме, но при этом умело скрыв свое имя, указав на некоего адъютанта Кемберли (Camberle)³⁵, пропитого подлого бывшего адвоката из Львова, который записал все необходимое и от своего имени отправил куратору.

Куратор мог легко, если бы он захотел, узнать, что этот донос содержит клевету, понять и после предварительного обследования предотвратить скандал. Но осторожный поляк не хотел пострадать сам и предъявил донос императору, который вследствие приказа губернатора Харькова³⁶ тщательно расследовать это дело. К счастью, попал он в этом случае в руки одного правильного и справедливого человека, который действовал со всевозможным вниманием и пощадой. Расследование ясно показало, что донос является очевидной клеветой, что Дюгур никогда не был на острове Вайт, что он женился на своей жене в Лондоне, что, несмотря на общество шведов, следует общепринятым политическим взглядам, также были проверены все еще сомнительные выступления. Результат расследования оказался для Дюгура как нельзя более выгодным и после 8-10 месяцев последовало судебное решение: Дюгур был полностью оправдан; Кемберли как клеветник сослан в Сибирь, преподаватель фехтования изгнан, а мадам Баллу должна была получить перед университетским советом публичный выговор³⁷.

В остальном, расследование принесло семье Дюгуров достаточно страха, хлопот и горя. Бедный Дюгур на почве этого совсем поседел. Профессор Умлауф был так сильно потрясен, когда губернатор вызвал его на допрос, что он от отчаяния перерезал себе горло³⁸. Он хотел, вероятно, чтобы можно было говорить свободно. И как легко в России могут за несущественные речи отправить кого-нибудь в Сибирь, если человек попадет в плохие руки.

Граф одобрил выбор Дюгура, но не в качестве ординарного профессора, заведующего кафедрой, а в качестве внештатного профессора. Это вызывало длительное недовольство и постоянные жалобы на несправедливость до тех пор, пока, наконец, Потоцкий по ходатайству князя Барятинского не решился в 1809 году назначить профессора заведующим кафедрой.

Дюгур, образованный, остроумный мужчина, с глубокими историческими и политическими взглядами. Он смог бы достичь больших результатов в своей профессии, если бы у него в Харькове было бы достаточно исторических вспомогательных материалов. Общение с ним в Харькове было для меня самым интересным и поучительным. Мы жили в Харькове как самые преданные и образованные товарищи. Его опыты принесли ему огорчения и недовольства. От русских ничего, кроме как о вреде, не было сказано. Большинство из них считали его фальшивым, а иногда, как он говорил, подозревали его в угодливости по отношению ко мне. Но я не вижу ни малейшей реальной причины подозревать его в угодничестве и вел с ним непрерывающуюся дружественную и научную переписку во время отсутствия в Харькове.

12. Савиньи (Sauvigny)³⁹. Необразованный, незначительный адъюнкт, который должен был изучить латинский язык, который он не понимал.

Немецкими сотрудниками университета были:

13. Шад, известный монах, который сбежал из монастыря в Банце⁴⁰ и появился в Вене в качестве приват-доцента, преподавателя философии. Оттуда его пригласили в Харьков в качестве профессора умозрительной философии. Он не обладал ни методикой проведения лекции, ни знанием латинского языка. Но предметы, которые он изучает, заключаются в схоластической Фихтово-Шеллинговой бессмыслице, и поэтому бедная русская молодежь очень сожалела, что должна терять время на изучение таких безнравственностей. Предаваясь выпивке и грубейшему сладострастию, он в высшей степени ослаблял свой организм. Склонный к монастырским интригам, и при этом грубо, дерзко и без стеснения он позволял себе от каждого брать для своих целей стакан водки. Если кому-нибудь хотелось кого-нибудь оскорбить, а сам он при этом был слишком мелочным или слишком трусливым, то этого человека использовали как злую собаку, которую можно натравить, получая при этом наслаждение. Этот человек вызывал у меня такое презрение, что я не мог с ним перемолвиться ни одним словом, не испытывая при этом громадного отвращения.

14. Шнауберт⁴¹, профессор химии. Этот человек был аптекарем и еще очень молодым, когда он был приглашен в Харьков в качестве профессора. Гёте, который со своим отцом был известен в Йене,

думал, что он был бы очень хорошим профессором в Харькове и предложил его кандидатуру Потоцкому. Когда он пришел, Потоцкий испугался такой молодежи, поругался с ним и обиделся на Гёте, хотел даже отправить его обратно. Наконец, по истечении приблизительно двух лет он все-таки утвердил его ординарным профессором. – Господин Шнауберт полностью оправдал доверие, которое на него (!) возлагали. Благодаря прилежанию и усилиям он настолько усовершенствовался как в науке, так и в необходимых языковых познаниях, что с честью оправдал свое место. Он правильно и прекрасно преподавал химию на латинском языке и занимался дома научными опытами, многие из которых обещали большую практическую пользу. У него был мягкий, спокойный характер, и он жил, ни с кем не ссорясь, в полном уединении от остальных. Его целью было накопить для себя небольшое состояние и возвратиться вместе со своей женой и своим ребенком назад, в Германию. Так как он в свои 19 лет стал профессором, то он смог бы уже в раннем возрасте, в качестве заслуженного профессора, получить пенсию (после 25-летнего стажа). Однако, он посчитал, что провел слишком много времени в Харькове, и поэтому уже в 1811 году простился с этим городом, чтобы приумножить свой капитал в Москве путем инвестирования в аптеки или другие химические фабрики. Но, к сожалению, также и этому добродетельному человеку разорение Москвы в 1812 году не принесло счастья. Бедняга в результате пожара и мародёрства потерял все, что имел, вплоть до последней рубашки.

15. Гизе⁴², профессор технической химии. Он также изначально был аптекарем и с должности придворного аптекаря, которую занимал в Вене, пришел в качестве внештатного профессора в Харьков. Вся Германия знает прекрасные и очень содержательные произведения этого человека. Он мог бы стать украшением и гордостью любого университета. Он с энтузиазмом спонсировал свою науку, и, может быть, еще никогда 1 000 рублей не использовались настолько целесообразно, чем те, которые профессор Гизе ежегодно получал для химических экспериментов. Он как будто живет в своей лаборатории, и все, что он в ней делал, отражалось в его трудах. Господин Гизе был нашим повседневным другом дома, и показал яркий образец своей преданности мне и моей семье. В 1815 году он переехал в город Дерпт.

16. Пильгер, прежде капитан воинской службы в Дармштадте, затем профессор ветеринарной фармацевтики в Гизене⁴³. Он был приглашен в Харьков в 1806 году на последнюю профессорскую вакансию и пробыл лишь несколько месяцев до меня, тут же мы и встретились. Но он уже находился в полном разладе со своими коллегами. Сначала ему никто не мешал проводить практику. В результате его злого языка, с которым он набрасывался на других врачей, преимущественно на тамошнего инспектора медицинской коллегии, у него вскоре появились враги. И они лишали его права на практику, так как он не мог предъявить диплом доктора, а профессор ветеринарной медицины, как таковой, не имел права практиковать. Пильгер позволял себе использовать все виды оружия против врагов, а именно сатиру, оскорбительные высказывания, ходатайства своих пациентов, свидетельства своих доблестных трудов. Благодаря своему импозантному, дерзкому характеру и своему шарлатанству он притягивал к себе большую часть харьковской публики и в течение определенного времени как врач имел большое количество клиентов. И несмотря на то, что властью практика ему действительно была запрещена, тем не менее, он продолжал практиковать, а когда инспектор, наконец, запретил аптекарю оформлять его рецепты, то он выписывал препараты, предназначенные для людей, но при этом как бы для животных тех лиц, которых он хотел лечить. Так, например, на рецепте было написано «Для старой лошади господина Шидловского» (для дедушки Шидловского), для коровы Познанских, овцы, канарейки, ворон и т.п. Обычно указывался один член семьи, и харьковские благородные люди охотно воспринимали такой вид шуток, даже дамы считали такую остроту очень даже прелестной. При любом споре Пильгер проявлял себя очень легкомысленным и непонятным человеком. Он только смело утверждал, что ему в Эрлангене⁴⁴ присудили ученую степень доктора и обещал предъявить диплом. Каждый знал, что он лгал. Вскоре университет в Дерпте выдал ему диплом доктора медицины. Но, так как он выдал диплом без необходимого предшествующего экзамена, то он был отвергнут, посему министр внутренних дел принял решение в значительной степени ограничить право университетов выдавать разрешение на медицинскую практику. Пильгера каждый оскорблял за его необдуманый поступок, даже его друзья, и он все более низкое положение занимал в глазах общественности, в результате

чего удивительно, что он, при множестве глупых выходок и правонарушений, все-таки сохранил свое место.

В остальном, Пильгер довольно ясно доказал, что у общества можно приобрести репутацию великого врача, не имея ни малейшего представления о медицине. Публика судит о вещах, которые сама не понимает, естественно, только по случайным особенностям. Некоторые удачно проведенные курсы лечения, которые происходят естественным путем, и успех которых приписывается шарлатану, самоуверенный обнадеживающий тон, дерзость, где другие оказываются боязливыми и опасными, наглое унижение других врачей. Такое поведение создало уже иному эмпирику репутацию великого врача. Пильгер обладал в высокой степени всеми этими свойствами шарлатана. Он никогда не изучал фармацевтику, а начинал в качестве солдата с лечения лошадей, многое читал одновременно для развлечения, создал теоретическую фармацевтику для животных и, наконец, перешел к практике на людях. Его гениальность, которой он действительно обладал, и еще большая степень самовлюбленности и наглости заставили его (!) рисковать, и он, таким образом, лечил и мучил все, что ему попадалось. 17. Ланг, адъюнкт политической экономии, самодовольный натурфилософ, который так же, как и все эти люди, выдавал за гениальность свой темный ум и пошлый инструмент за величайшее порождение человеческого разума, при этом имел коварный характер.

18-21. Господа Шмерфельд⁴⁵, Ванотти⁴⁶, Райниш⁴⁷, Райт⁴⁸, все без исключения адъюнкты, которые жили спокойно и благочестиво, и не вмешивались ни в какие дела.

Это был преподавательский состав Харьковского университета, который был дополнен мною моим братом, профессором Дрейсиггом (Dreyssig)⁴⁹, прибывшим в сентябре 1807 года. В дальнейшем присоединился профессор Гут⁵⁰ из Франции, известный ученый и превосходный собеседник, который своим веселым и радостным обращением помог нам скрасить наше пребывание в Харькове. По нашему прибытию в смятении мы встретились в университете. Дело Дюгура, выборы ректора и ряд других обстоятельств разделили всех на стороны, которые друг другу делали жизнь настолько тяжелой, насколько это было возможно.

Я пытался держаться подальше от всех этих действий. Но остаться в стороне было совершенно невозможно. Я должен был

появиться в совете, чтобы проголосовать. Здесь на каждом заседании рассматривались заявления и требования от профессора или же младшего чиновника. Часто встречались попытки до неприличия наглые и несправедливые выполнить чью-либо просьбу. Если кто-то голосовал против, как бы осторожно и умеренно это не происходило, он оскорблял тем самым человека и наживал себе врага. Если же человек, проголосовавший однажды против, сам однажды представлял с целесообразным предложением, которое могло бы послужить на благо всем, ему противодействовали все союзники оскорбленного лица, отклоняя все, что он хотел предложить. Как можно было иметь желание оставаться долго в этом обществе! Для меня, лично, это было достаточно терпимо. Меня единогласно избрали инспектором студентов, учащихся частично за счет государства, с 1808 – 1810, что ежегодно давало мне 400 рублей, квартиру и дрова. Также принимались мои предложение касательно библиотеки, издательства; я был назначен в качестве члена училищного комитета и нашел повод узнать о состоянии школ в харьковском регионе. У меня были хорошие отношения со всеми, кто проживал здесь, кроме того, все, что другие говорили обо мне, или же если они пытались плести интриги против меня, я отклонял, я выказывал свое презрение по отношению ко всем сплетникам, тем самым уберегая себя от того, что другие делали за моей спиной, и от вреда, который мне пытались причинить, если я узнавал об этом. Между тем, как-то раз я не смог помешать этому.

Однажды в совете я позволил себе высказаться о том, что следовало бы основательно улучшить улицы и часы, и так как ни город, ни университет не обладали средствами в достаточном количестве, что бы это осуществить; я предложил подать запрос императору и отправить то же самое министрам с просьбой максимально содействовать этому делу. Единогласно было принято решение об отправке данного запроса, составление которого было поручено мне. Об этом невинном деле было донесено губернатору в самой гнусной форме и абсолютно без моего ведома. Ему говорили, что в заявлении плетут интриги по отношению к нему, что императору хотят подать донос касательно ужасного состояния улиц Харькова, что это было задумано против него, ибо чиновник отвечает за свое ведомство, а значит, жалоба о неудовлетворительном состоянии улиц является жалобой на него самого. Поэтому он был предупрежден анонимным

письмом, где сообщалось о том, что я отправил в совет предложение вынести данное обвинение; вполне возможно, за этим стояли не мои враги, которые лишь использовали меня в качестве инструмента в своих интригах против него.

Губернатор действительно забеспокоился по этому поводу, поэтому обратился к графу Потоцкому, который как раз к этому времени прибыл в Харьков. С его помощью была загублена идея улучшения улиц, а также Потоцкий сказал мне в дружеской форме, что мне не стоит быть причастным к каким-либо интригам против губернатора, потому что я и весь университет бессильны против такого человека. Граф также не знал сильного средства против интриг, или же он полагал, что кто-то другой не окажет на меня влияние? Таким образом, в стране, где каждый плетет интриги, невинный должен терпеть, что его принимают за интригана, а также по одному лишь подозрению выказывают посрамление. Таким образом, это могло считаться лицемерием и притворством, но ничем другим. Люди считают, что знают мир, и не могут представить, что где-то кто-то может быть иным, нежели в том мире, который они знают и видят ежедневно. Я хотел сказать, разъяснить графу, в чем заключался тот запрос, а также что невинные мои намеренья были совершенно безвредными. С улыбкой он мне сказал: «Мой друг, я не глупец, я знаю мир, поверьте мне на слово». И как можно доказать наличие честности в мире таким болванам?

Мне было чрезвычайно больно от того, что я предстал перед губернатором в таком свете, и он воспринял меня как врага. Этот человек беспрерывно рассматривал меня с особым вниманием. Я был очень высокого мнения о его честности. Для меня было весьма обидным, видеть в его взгляде, что я хотел ему навредить. Я не знаю, был ли он когда-нибудь убежден в том, что я не питал к нему ни малейшего враждебного намеренья. Я был так увлечен попытками убедить его в невинности моего поступка, что от чистого сердца написал ему письмо. Он не сказал мне ничего об этом при нашей следующей встрече, только следующее: «Вам, мой друг, нет необходимости извиняться передо мной, потому что у Вас нет никаких обязательств дружить со мной, и у меня нет права ожидать от Вас дружбы. Но то, что господин Рижский, господин Осиповский, которые являются моими старыми друзьями, ничего мне по этому поводу не сказали и то, что они не принялись за

мое дело, очень огорчило меня». – Человек окончательно поверил в интриги плетущиеся против него, что тут еще можно сказать. Я должен также отметить его характер, ведь после этого происшествия он не стал хуже ко мне относиться, а, напротив, выказывал даже больше уважения, чем раньше. Однако умение побеждать своих врагов вежливостью свойственно всем светским людям, так что мне не стоило придавать этому слишком большое значение, если только мне хотелось убедить самого себя, что у этого человека также доброе сердце. Как ни странно, но вскоре после этого были проведены масштабные работы по улучшению состояния улиц. На самых крупных улицах прокладывались тротуары из камня, в центре главные дороги устилались хворостом и посыпались песком и так далее. «Видите», умудренные опытом шептали мне на ухо, «как Вам помогает тот запрос? Из-за него губернатор заволновался и сделал то, что он должен был сделать давно, и для этого у него давно были деньги». – Действительно ли мой запрос так повлиял на губернатора? У меня нет ни единого доказательства этому, и не стоит расценивать эти слухи как достоверные. – Как они только не переворачивали все! Если упоминалось письмо, написанное мною абсолютно добровольно и по собственному желанию, то говорили, что извинения в нем были написаны с подачи куратора.

В еще одну неприятность я был впутан из-за служебной обязанности, возложенной на меня уставом университета. Дело в том, что адъюнкт Ланг очень хотел стать профессором, если не возглавляющим кафедру, то хотя бы внештатным. Он прибыл в Харьков в должности адъюнкта математики через Петербург из Фрайбурга-в-Брайсгау, где когда-то работал адвокатом, и считал, что может стать профессором сразу. Так как ранее он подавал документы на должность профессора истории, поэтому стал преследовать господина Дюгура, когда тот получил эту должность. Затем он захотел стать профессором государственной экономики и был невероятно зол оттого, что вызвали меня. Когда и это ему не удалось, он попытался стать профессором естественного и международного права. Но и на этом поприще он потерпел неудачу. Причины, обусловившие отказ на его заявление, были, однако, странными. Дело в том, что никто не додумался до того, чтобы проверить его ученость или хотя бы принять это во внимание при рассмотрении его заявления. Русские преимущественно не

задумывались над этим моментом. В мыслях у них при этом был лишь список очередности, состоящий из 14 рангов⁵¹. Согласно ему, адъюнкт, прежде чем занять должность ординарного профессора, т.е. возглавить кафедру, должен сначала стать экстраординарным, т.е. внештатным профессором, поэтому выполнение прошения адъюнкта Ланга об ординарной профессуре было недопустимо. Я также был против принятия заявления господина Ланга, но по абсолютно другим причинам. Я настаивал на том, чтобы господин Ланг прежде всего подтвердил свои притязания предоставлением документов, доказывающих его старательность и ученость. Поначалу господин Ланг тщательно обхаживал меня. Каждый праздничный день он представал передо мной в униформе и, несмотря на мои неоднократные просьбы, продолжал церемонничать со мной, хотя я придаю этому мало значения и предпочитаю непринужденное общение; подхалимничал он при каждом удобном случае. Во время этих бесед мне никогда не удавалось найти такую тему, чтобы дать господину Лангу возможность показать свои таланты и знания. Что бы я ни сказал, вызывало у него дикий восторг, он был робок, застенчив, ужасно скромн, как пресмыкающийся подчиненный перед лицом начальствующим, так что я совершенно не знал, что с ним делать, и его визиты были чрезвычайно обременительны для меня. Очень скоро выяснилось, насколько неискренней была его скромность.

До этого министром в университет посылались преимущественно адъюнкты, которых даже с большой натяжкой нельзя было назвать учеными. Адъюнкт Васильев не умел читать на латыни, не знал ни единого иностранного языка; он не умел абсолютно ничего, кроме как немного рисовать, он руководил процессом строительства некоторых сельских домиков за городом. Также и Крюгер по уровню знаний скорее походил на учителя сельской школы, чем на преподавателя университета. Тут университет и испугался, что в будущем подобных субъектов станут посылать сразу на должности профессоров; так, по моему предложению было решено не нанимать и не избирать впредь ни адъюнктов, ни профессоров, не сдавших перед этим экзамен на степень доктора или не показавших себя как достойные ученые посредством написания научных работ или докладов в учебных заведениях. Вместе с тем все преподаватели университета, проявившие себя в официальных работах, однако

еще не имеющие докторской степени, были снабжены дипломами от своих факультетов. Этот декрет стал громом среди ясного неба для необразованных адъюнктов, и были запущены всевозможные механизмы, чтобы не допустить утверждения его куратором и министром. Адъюнкты возражали, говоря, что уже имеют причитающийся докторам ранг, что они выше докторов и поэтому не могут стать еще и докторами, что достаточным доказательством их учености является тот факт, что они были выбраны куратором и министром, и что университет оскорбляет этих людей и выражает неповиновение по отношению к вышестоящему начальству, намереваясь еще раз проверять назначенных им адъюнктов, и какие еще нелепые и злобные причины подобного рода они только не придумывали. Так как декрет стал яблоком раздора, я им более не занимался. Не похоже, чтобы он когда-нибудь был утвержден.

Когда господин Ланг понял, что стать сразу ординарным профессором ему не удастся, он обратился в университет с просьбой назначить его на должность экстраординарного профессора политической экономии или естественного и международного права. Он тут же издал научный труд по основам политической экономии и на основании этой работы предъявлял свои претензии. Университет потребовал моего мнения по поводу данного труда; я отказался от такой чести, объяснив это тем, что был очень благодарен тому, что мне была предоставлена честь вынести свое критическое мнение касательно работы другого преподавателя, однако это могло вызвать разлад и враждебность среди сотрудников университета. Работа же господина Ланга, на мой взгляд, вышла просто хуже некуда. – Из пустых предложений, взятых у Шеллинга, да еще и неправильно понятых, было состряпано нечто, что должно было содержать научные идеи по политической экономии. – Теория денег также была изначально дана в схоластических формулах и все было изображено настолько сухо и ужасно нелепо, что минуты, потраченные на чтение данной работы, казались мне вечностью. Вероятно, господин Ланг заметил, что я не питаю теплых чувств по отношению к его творению, и потому рвал и метал по поводу того, что я не захотел стать его панегиристом. Так как университет настаивал на том, что прежде чем будет решен вопрос о назначении его на должность профессора, он должен получить докторскую степень, господин Ланг обратился на факультет с довольно дерзким

официальным письмом, в котором указал условия, при которых должен проходить его экзамен (или коллоквиум, как он это называл), которое факультет ему благополучно возвратил. В ответ на что он тут же написал письмо ректору с обвинениями и оскорблениями в грубейшей форме, особенно в адрес меня и Тимковского, которых он отныне считал заклятыми своими врагами. После того, как он заявил о чудовищной несправедливости, которую мы учинили, не позволив ему сдавать экзамен на доктора на своих условиях, он отпустил нижайшие комментарии об уровне знаний и характере Тимковского; на мою долю также кое-что перепало. Сейчас уже и не упомнишь всего, в чем он меня обвинял; в голову приходит только, как он надменным тоном заявлял, что стоит на столь высокой ступени развития литературного слова, что мне, человеку, который так себе обучен краткому курсу письма, до него никак не дотянуться, и считал при этом, что я неспособен постичь ту глубокую мысль, которую он выразил в своем труде о политической экономии. Честнейший⁵² господин Шад, работник нашего факультета, на котором господин Ланг должен был получить докторскую степень, был подкуплен за настойку и потому объединился со своим другом, чтобы бороться за его дело с монашеским остроумием. – После моего увольнения из Харькова, этот господин Ланг получил должность экстраординарного, а затем вскоре и ординарного профессора политической экономии, заняв тем самым мое место. Он опубликовал некоторые работы, так что читатели могут сами оценить, слишком жестко ли я оценил его труд или нет.

Когда хотели избрать профессора естественного права, я выдвинул кандидатуру профессора Маасса (Maass)⁵³ из г. Галле. Этому человеку надоело жить под управлением нечестного вестфальского правительства, и он поведал мне о своем желании приехать в Харьков. Разве могло быть для меня что-то радостнее, чем мысль о том, чтобы во всем этом уединении жить в одном городе с моим старым коллегой и отличным другом. Однако в Харькове хотели видеть вместе с тем человека бывшего бы практикующим юристом, поэтому мое предложение не нашло отклика. Адъюнкт Ланг выразил смехотворный протест против назначения кого-либо на эту должность в принципе, так как он обладал ловкостью и умением, то эта должность должна быть сохранена для него. Насколько пылким и насколько предвзятым был разум профессоров, что некоторые

из них считали протесты господина Ланга справедливыми и обоснованными.

На этих примерах хорошо видно, насколько отвратительной была жизнь подобного рода людей и как трудно было найти силы, чтобы сделать для университета что-то хорошее.

¹ По Уставу 1804 г. (параграф 34) адъюнкты считались «помощниками профессора», их задачей было принимать участие во всех «практических трудах профессоров». Должность ординарного профессора предполагала, что ее обладатель возглавляет кафедру, т.е. преподает основные курсы определенной направленности. По тексту внештатный профессор, т.е. экстраординарный – преподающий дополнительные дисциплины.

² Здесь и в ряде случаев далее в скобках указана фамилия упомянутого лица в том варианте, как это дается в немецком издании. Ясно, что в данном случае речь идет о Яковкине Илье Федоровиче (1764 – 1836) – профессоре российской истории, географии и статистики в Казанском университете, «профессоре-директоре» до торжественного открытия университета в 1814 г. Как отмечается в историографии, Яковкин отличался стремлением к самовластию и интриганством.

³ Горн Иоганнес (1779 – ?). В 1804 г. избран ординарным профессором по кафедре исторического богословия Дерптского университета. С 1805 г. декан богословского факультета. В г. подал прошение об отставке. Уволился из-за 4-летней распри с ректором Мейером.

⁴ В период наиболее активного приглашения Министерством народного просвещения профессоров из-за границы (1803–1811) кафедры в Московском, Харьковском и Казанском университетах заняли 60 иностранных ученых (из них 46 немцев). Состав иностранных профессоров Харьковского университета был наиболее пестрым в этническом отношении в сравнении с другими университетами Российской империи. Более подробные биографии иностранных профессоров прибывших в Россию и, в том числе, в Харьковский университет см. в кн.: Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь. М., 2011.

⁵ Потоцкий Северин Осипович (1762 - 1829) – первый попечитель Харьковского учебного округа. В либеральной дореволюционной историографии о нем писали так: «просвещенный попечитель первого десятилетия граф С. О. Потоцкий, которому Харьковский университет в значительной степени обязан своими успехами» (Багалей Д. И., Миллер Д. П. Харьковский университет // Д. И. Багалей, Д. П. Миллер // Энциклопедический словарь – СПб., 1903. – Т. 37. – С. 105). М. И. Сухомлинов прямо называл Потоцкого «идеальным попечителем» (Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению / М. И. Сухомлинов – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 24, 25. Можно утверждать, что историки того времени конструировали образ, который в значительной мере соответствовал настроениям либеральной профессуры того же конца XIX в. Характерной является следующая цитата из работы Д. И. Багаля: «он [Потоцкий] только внимательно следил за органами управления, чтобы они не отступали от устава, разрешал недоразумения, давая советы, но не стараясь вмешиваться в мелочи университетской жизни, суживать университетскую автономию» (Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Ч.2. // Багалей Д. И. Вибрані праці: в 6 т. – Х., 2005. – Т. 4. – С. 39). Вместе с тем, и сегодня нельзя отрицать того факта, что С.О. Потоцкий приложил немало усилий для приглашения в Харьков иностранных профессоров, сбора средств на университет, создания университетских кабинетов, ботанического сада и др. На фасаде здания библиотеки (ул. Университетская, 23) установлена мемориальная доска в его честь.

⁶ Потоцкий Ян (польск. Jan Nepomucen Potocki; 1761 - 1815 – старший брат С.О. Потоцкого, писатель-романтик, археолог, путешественник. В 1795 году в своей книге «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах» высказал мысль о том, что украинцы – особый народ, существенно отличающийся от русского.

⁷ Наверное, речь идет о Х. Роммеле.

⁸ Вероятно, речь идет о Б. Рейте или А. Дюгуре.

⁹ Вольф Фридрих Август (Friedrich August Wolf; 1759 - 1824) – немецкий исследователь античности и филолог-классик, профессор в Галле.

¹⁰ Тимковский Илья Федорович (1772 или 1773 – 1853) – правовед. В 1781 поступил в Переяславскую семинарию, в 1785 – в Киево-Могилянскую академию. В 1789 поступил в Московский университет, в котором учился на филос. и юрид. ф-тах (до 1797). В июне 1803 переехал в Харьков, где принял активное участие в организации нового университета. В Харьковском университете читал гражданское, уголовное, общее и частное российское право. В 1805 Московский университет удостоил его степени доктора обоих прав *honoris causa*, а в 1807 Харьковский университет – доктора философии. В 1811 г. уволен из Харьковского университета по прошению и поселился в имении в Черниговской губернии. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года в составе ополчения. В 1815 - 1821 уездный судья города Глухова. В 1825 г. назначен директором Новгород-Северской гимназии, в которой прослужил до 1838 г.

¹¹ Шад Иоганн (Иван Егорович, Schad Johannes Baptista; 1758 – 1834 – теолог, философ. Родился в католической крестьянской семье, получил религиозное воспитание. В 1768 г. был отдан в бенедиктинский монастырь в Банце, с 1772 г. учился в иезуитской семинарии в Бамберге, в 1778 г. принял монашество в монастыре в Банце. После публикации работы «Жизнь и судьба почтенного отца Синцеруса», в которой содержалась едкая сатира на монахов, вынужден был бежать из монастыря и принять протестантство. В Иенском университете при поддержке И. Фихте получил степень доктора философии без экзамена, защитил диссертацию «*De nexu philosophiae theoreticae cum practica*» и с 1799 г. до 1804 г. читал философию, издал ряд философских трудов. В феврале 1804 г. по рекомендации И. В. Гете и Ф. Шиллера получил приглашение занять должность профессора теоретической и практической философии в Харьковском университете. За вольнодумство, в конце 1816 г., Комитет министров постановил отстранить его от должности, сжечь его крамольные работы и выслать за границы империи в 24 часа за его счет и в сопровождении полиции. Сегодня эту историю называют наиболее мифологизированной. Вообще, количество литературы о жизни и деятельности Шада значительно. В настоящий момент даже появилось такое понятие как «шадоведение». Впрочем, начало этой линии заложил сам И.Шад, издав трехтомную историю своей жизни. В дореволюционный период господствовал тезис либеральной публицистики и историографии о Шаде как «поборнике свободы», который стал жертвой правительственной реакции (См.: Багалей Д.И. Удаление профессора Шада из Харьковского университета // Записки

Харьковского университета. – 1899. – Кн. 1 – 2). В советское время акцент был сделан на «прогрессивности философии» Шада, который «сам того не понимая, был подсознательным материалистом» и «пал в борьбе с реакцией» (см.: Кравец И.Н. Иоганн Шад – профессор философии Харьковского университета начала XIX века // Философские науки. – 1960. – №4. – С. 158). Современные исследователи подчеркивают, что Россия не поняла Шада, а Шад отказался понять Россию (Панибратцев А.В. Взлет и падение И.Б. Шада, или о превратностях судьбы одного немецкого фихтеанца на русской службе // История философии. – 2000. – №4. – С. 48). Вернувшись в Германию, Шад отошел от научной работы. Как философ эволюционировал от учения И. Фихте к теории Ф. Шеллинга.

¹² Гейне Христиан Готлиб (Christian Gottlob Heyne; 1728 – 1812) – филолог, археолог, адвокат. Профессор и библиотекарь Геттингенского университета. Исследовал спорные вопросы античной мифологии и истории. Почетный член Харьковского университета с 1807 г. Очевидно, Л. Якоб намекает на преклонный возраст ученого на момент его приглашения в Харьков.

¹³ Установить личность не удалось.

¹⁴ Белен-де-Баллю Яков (Яков Яковлевич, Bellen de Ballu Jacques Nicolas; 1753 – 1815) – филолог. В 1803 г. по приглашению попечителя Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцева, который временно также управлял и Харьковским учебным округом, приехал в Россию и 4 декабря был назначен профессором греческого, латинского и французского языка Харьковского университета. В декабре 1807 г. совет Харьковского университета присвоил ему степень доктора философии *honoris causa*. В 1808 и 1809 гг. избирался деканом словесного отделения Харьковского университета. В 1811 г. оставил Харьковский университет и стал ординарным профессором греческого языка и словесности Петербургского педагогического института.

¹⁵ Роммель Кристоф (Христофор Филиппович, Rommel Dietrich Christoph, с 1828 – von Rommel; 1781 – 1859) – филолог, этнограф. В 1799 г. поступил в Марбургский университет, в 1800 г. перешел в Геттингенский университет. Получив докторскую степень, начал преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента в Геттингене, в 1804 г. был утвержден экстраординарным, а в 1805 г. – ординарным профессором по кафедре красноречия и греческого языка в Марбургском университете. В 1808 г. в условиях наполеоновских войн,

когда часть немецких университетов оказалась под угрозой закрытия, принял повторное предложение российского правительства занять кафедру древней литературы в Харьковском университете. В 1814 г. покинул Россию и вернулся на родину, где занял кафедру истории в Марбургском университете. Оставил записки автобиографического характера, которые, среди прочего, содержат немало сведений о харьковском периоде его жизни (Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час. – Х., 2001).

¹⁶ Пильгер Мартин (Федор Васильевич, Pilger Martin-Heinrich; 1760 / по другим данным 1761 – 1828 / по другим данным 1838) – медик, ветеринар. Обучался в Гессенском и Эрлангенском университетах, в течение шести лет совершенствовал свои знания в Берлине, Майнце, Вецларе, Марбурге. Анализируя анатомические особенности строения организмов, первым из врачей Германии применил сравнительный метод изучения болезней людей и животных. В 1801 г. был назначен ветеринарным врачом в Гессенское ландграфство и преподавателем ветеринарии в Гессенском университете. 14 сентября 1805 г. по рекомендации И. В. Гете как лицо, «известное своей ученостью», был избран профессором скотолечения в Харьковском университете, 2 мая 1806 г. был утвержден в этой должности. Т.к. до 1811 г. лекции на медицинском факультете практически не читались из-за недостатка слушателей, то он сосредоточился на научной работе и врачебной практике. В 1817 г. основал на собственные средства первый в Восточной Европе ветеринарный журнал «Украинский домовод». В 1823 г. вынужден был оставить университет из-за болезни.

¹⁷ Осиповский Тимофей Фёдорович (1766 - 1832) – математик и философ-рационалист. Родился в семье сельского священника. Учился во Владимирской семинарии. В 1783 г. Переведен в Учительскую гимназию в Петербурге (позже – Педагогический институт). С 1786 г. преподавал в Главном народном училище в Москве. В 1800 – 1803 гг. Профессор физико-математических наук в Петербургском педагогическом институте. В конце 1802 г. от имени попечителя С.О. Потоцкого В.Н. Каразин предложил занять ему кафедру прикладной математики в Харьковском университете. В 1813 – 1820 гг. – ректор университета. Учитель М. В. Остроградского.

¹⁸ Шумлянський Павел Михайлович (1754 – 1821) – медик. Из дворян. Окончил Киевскую духовную академию. Через некоторое время поступил в Петербургский сухопутный госпиталь для изучения медицины. В 1779 г. произведен в лекаря, в 1789 г. защитил диссертацию на степень доктора. С. 1795 г. профессор Московской медико-хирургической академии. С

1805 г. профессор хирургии Харьковского университета. С. 1807 г. декан факультета.

¹⁹ Рижский Иван Степанович (1759 – 1811) – филолог. Родился в семье священника в Риге. Образование получил в Псковской и Троице-Сергиевой семинариях. С 1786 г. преподаватель Горного училища. В 1803 г. по рекомендации попечителя С.О. Потоцкого и В.Н. Каразина назначен профессором российской словесности и красноречия Харьковского университета. Первый ректор университета.

²⁰ Васильев Евгений Алексеевич (1779 – 1833) – архитектор университета. В 1786 – 1793 гг. обучался в Петербургском горном училище под руководством Д. Кваренги и Порто. С 1803 г. адъюнкт университета, с 1817 г. экстраординарный профессор. Автор проектов и руководитель строительства многочисленных зданий г. Харькова.

²¹ Каразин Василий Назарович (30.01.1773 – 04.11.1842) – просветитель, ученый, общественный деятель. Образование получил в частных пансионах Кременчуга и Харькова, посещал лекции в Горном институте в Петербурге. Выступил с инициативой основания университета в г. Харькове, участвовал в подготовительных работах по его устройству. В 1804 г. был отстранен от университетских дел. Занимался исследованиями в своем имении в с. Кручик. Почетный член Московского и Харьковского университетов. Его именем назван нынешний Харьковский национальный университет.

²² Крюгер Мануил Иванович (1781 - ?). 1803 - адъюнкт химии. Преподавал химию в Горном училище (Горном кадетском корпусе) в 1801-1804 гг. Заведующий Минералогическим кабинетом Харьковского университета (1809-1811). Читал минералогию и некоторые отделы физики. Вышел в отставку в 1811 г.

²³ Стойкович Афанасий (Афанасий Иванович, Стойкович Атанасије) (1773 – 1832) – физик. Образование получил в Эдинбургской, Сегединской и Прессбургской академиях высших наук, в дальнейшем (в 1797 – 1799 гг.) слушал лекции в Геттингенском университете. В 1799 г. в Тюбингенском университете получил степень доктора свободных наук и философии. В 1803 г. попечителем Харьковского учебного округа графом С. О. Потоцким был приглашен в Харьковский университет в качестве профессора физики. Вместе с В. Н. Каразиным принял активное участие в организации университета, в частности, создании его физического кабинета, которым затем и заведовал. С момента открытия Харьковского университета и до увольнения читал теоретическую и

экспериментальную физику, метеорологию, а в 1806 – 1807 гг. – сельское домоводство. С 1805 по 1809 г. с некоторым перерывом – декан отделения физических и математических наук философского факультета, с 1804 г. по 1810 г. (с перерывом) – секретарь Совета, с 1805 г. и до 1813 г. – член училищного комитета при Харьковском университете. Дважды избирался ректором университета (1807 – 1808, 1811 – 1813). В 1813 г. по обвинению в незаконных коммерческих операциях уволен из университета. В 1815 г. С. подал прошение о пересмотре дела, однако, оно было отклонено. После своей отставки переехал в Санкт-Петербург, где служил в различных ведомствах. С 1809 г. член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук.

²⁴ Очевидно, речь идет о втором избрании А. Стойковича. Первый раз Стойкович стал ректором в 1807 г. Тогда при голосовании на должность ректора проф. Стойкович и проф. Шумлянский получили одинаковое количество голосов. Попечитель С.О. Потоцкий отдал предпочтение Стойковичу и в своем письме министру об этом написал: написал следующее: «Я со своей стороны предпочтительно желаю, чтобы сие место занимал русский, как знающий язык и обыкновения страны. Но проф. Стойкович, будучи родом из карпатороссов, легко мог научиться и успел в российском языке и имел довольно времени познать обыкновение той страны; он может почестся почти русским. ...к тому же будут отвращены разные толки, могущие произойти со стороны иностранных профессоров, если ректорское достоинство оставаться будет всегда между одними русскими». А. Стойкович второй раз был избран ректором на трехлетний срок после неожиданной смерти ректора И.С. Рижского в 1811 г. Предложение А. Стойковича увеличить срок его пребывания на ректорской должности с одного года до трех лет вряд ли можно поставить ему в вину, как это делал Д.И. Багалеи, учитывая, что эта идея не только была в то время уже сформулирована в министерстве, но и реализована на практике в Московском университете с 1809 г. Это была первая поправка в университетский устав 1804 г.

²⁵ Коритари (Корритари) Георг (Георгий Георгиевич, Korritari Georg) (? – 1810) – медик, фармаколог, окулист. Родился в Венгрии. В 1795 – 1798 гг. слушал лекции в Иенском университете, затем совершенствовал свои знания в Лейпциге, Галле и т.д. В 1801 г. получил в г. Пеште звание доктора медицины и магистра окулистики, однако занять место штатного профессора окулистики ему помешало иудейское вероисповедание. Занимался врачебной практикой. Был почетным членом Иенского общества испытателей природы и Иенского минералогического

общества. 14 сентября 1805 г. был избран профессором кафедры врачебного веществословия, фармации и врачебной словесности Харьковского университета. В Харьков прибыл в 1806 г., но в связи с отсутствием студентов-медиков систематических занятий не проводил. Читал отдельные лекции по фармакологии и истории медицины. Умер в Харькове.

²⁶ До Великой французской революции в стране существовало пять самостоятельных академий: Французская, надписей и медалей, естественных наук, живописи и скульптуры, архитектуры. Они были упразднены Национальным конвентом в 1793 г. Национальный институт наук и искусств был учрежден в соответствии со статьей 298 Конституции Франции от 22 августа 1795 г. Законодательным актом от 25 октября 1795 года (считается датой основания Института Франции) было создано три класса (отделения): физики и математики, моральных и политических наук, литературы и искусств.

²⁷ Уваров Сергей Семенович (1786 – 1855) – граф, государственный деятель. Службу начал в 1801 г. в коллегии иностранных дел, в 1806 г. был отправлен к русскому посольству в Вену, а в 1809 г. назначен секретарем посольства в Париже. В 1810 г. Уваров оставил дипломатическую службу. В 1811 г. был назначен попечителем С.-Петербургского учебного округа и оставался в этой должности до 1822 г., когда стал директором департамента мануфактур и внутренней торговли. В 1818 – 1855 гг. Президент Петербургской АН, с 1832 г. товарищ министра, с 1833 по 1849 г. министр народного образования. Автор работ по древнегреческой литературе и археологии. Почетный член Харьковского университета.

²⁸ Петербургский педагогический институт был создан в 1804 г. на базе Учительской гимназии (основанной в 1803 году на основе Учительской семинарии, учрежденной в 1786 г. для подготовки учителей в главные народные училища). В 1816 г. стал называться Главный педагогический институт. В 1819 г. был преобразован в Санкт-Петербургский университет, но, в 1828 г., был восстановлен и вновь принял студентов.

²⁹ Делавинь (Делявинь) Франц (Франц Александрович, de Lavigne François Ghislain) (около 1767 – 1826) – ботаник, зоолог, медик. В молодости переселился из Франции в Германию. В течение 6 лет изучал медицину и естественные науки в Вюрцбургском и Эрлангенском университетах. В 1799 г. получил в Эрлангене степень доктора медицины,

затем некоторое время слушал лекции в Геттингенском университете. 7 февраля 1803 г. поступил на службу профессором естественной истории и ботаники в Харьковский университет, и 8 июня 1803 г. в числе первых профессоров прибыл в Харьков. Преподавал ботанику и зоологию. В 1807, 1810 – 1811, 1813, 1816 – 1819 гг. был деканом отделения физических и математических наук. Успешно занимался медицинской практикой, преподавал в женском пансионе своей супруги, который считался лучшим в Харькове. Умер в Харькове.

³⁰ Дюгур (Дегуров/Дюгуров Антон Антонович, Dugour Jeudy; 1765 или 1766 – 10.05.1849) – историк. Во Франции состоял в должности профессора изящной словесности в королевском коллегииуме Де ля Флеш и профессора истории в Парижской центральной школе, получил известность как автор ряда сочинений по истории, географии и риторике. По свидетельству профессора И. Шада, в годы Великой французской революции был книгопродавцем-издателем в Париже и принимал участие в политических событиях своего времени, в частности «был некогда секретарем Робеспьера». Покинув Францию, 6 лет провел в Англии, где занимался сельским хозяйством, политической экономией и медициной. В 1806 г. в качестве воспитателя был вывезен князем Барятинским в Россию. Жил в имении Барятинского в с. Ивановское Курской губернии. В письме к попечителю Харьковского учебного округа выразил желание занять кафедру всеобщей истории или сельского хозяйства в Харьковском университете. 1 ноября 1806 г. совет Харьковского университета избрал Д. профессором всемирной истории, географии и статистики. В 1810 – 1812 гг. состоял деканом отделения словесных наук. С именем Дегурова связан целый ряд различных историй, самая известная из которых – удаление из университета профессора И. Шада. В 1816 г. после представления «некоторых проектов по части государственных финансов» Д. был вызван в Петербург, где занял должность профессора французской словесности в Главном педагогическом институте. Вскоре при поддержке попечителя учебного округа Д. П. Рунича стал профессором французской словесности Петербургского университета, где сыграл решающую роль в удалении профессора всеобщей истории Э.-В.-С. Раупаха и других либерально настроенных профессоров. Д. занял кафедру всеобщей истории, некоторое время был деканом историко-филологического факультета, в 1825 – 1836 гг. – ректором Петербургского университета. Принял российское подданство, а также, стремясь дать своему имени «российское словоокончание и правописание», испросил Высочайшее разрешение именоваться Дюгуровым или Дегуровым.

³¹ Барятинский Иван Иванович (1772 - 1825) – князь, государственный деятель, землевладелец. Известный в своё время англоман и агроном. Единственный наследник своего отца, знаменитого дипломата И. С. Барятинского. В 1806 - 1812 гг. российский посол при дворе короля Баварии в Мюнхене. Отозван в 1812 г., после чего оставил службу и поселился в своём курском имении (с. Ивановском) – центре его обширных владений (в Курской и Харьковской губерниях у него было более 20 тыс. душ). Посвятил всю свою последующую жизнь устройству имений и применению на практике приобретённых им во время заграничных путешествий агрономических познаний.

³² Умляуф Леопольд (Леопольд Адамович, Umlauf Leopold; 1758 – 23.01.1807) – филолог. Учился в Эрфуртском, а затем Венском университетах. Получив степень доктора свободных наук и философии, в 1784 г. занял должность экстраординарного профессора немецкой литературы в Лембергском (Львовском) университете. В 1803 г. был приглашен попечителем Харьковского учебного округа С. О. Потоцким на должность профессора латинской словесности и эстетики Харьковского университета. 18 января 1805 г. был избран первым деканом словесного отделения. Заболев «нервной горячкой», во время одного из приступов нанес себе несколько ножевых ранений в грудь, а затем отказался принимать пищу и лекарства и умер от истощения. На вопрос о причине покушения на самоубийство раненый произнес одну фразу по-немецки: «Я несчастен, но невиновен».

³³ Остров Вайт (Уайт; англ. Isle of Wight) – островная территория на юге Великобритании.

³⁴ Ланг Иосиф (Осип Матвеевич, Lang Ioseph; 1775 / по другим данным 1776 – 1820) – математик, экономист. В 1784 г. поступил в гимназию во Фрейбурге. Окончил Фрейбургский университет (1793 – 1798 гг.) по специальности философия и правоведение. В 1803 г. перешел в Харьковский университет адъюнктом философских и математических наук. В первые годы после открытия университета читал ряд философских дисциплин на этико-политическом отделении. Л. считают одним из предшественников математического направления в политэкономии. В этих работах Л. развил идеи Ф. Кенэ, разработав то, что сегодня называется общеэкономическим финансовым расчетом: народное хозяйство, состоящее из трех секторов (в одном случае он выделил «сельское хозяйство», «мануфактуру» и «деньги», в другом – «сельхозпроизводителей», «промышленность и ремесленное производство с промышленным классом» и «государство с классом

служащих») он подверг формальному анализу с помощью простой системы линейных уравнений и проиллюстрировал числовыми примерами. 26 августа 1819 г. за самовольную отлучку из Харькова в Санкт-Петербург был «уволен из ведомства университета без аттестата». Умер по дороге из Харькова в Санкт-Петербург.

³⁵ Кемберли (Гамперле Иван Францевич). Родился в Праге. Окончил курс Пражского Главного училища, получил степень доктора общего права и в 1796 г. стал "стряпчим Богемского королевства". В Харьковский университет приглашен попечителем С. О. Потоцким. Адъюнкт по кафедре политических наук и государственной экономии с 8 октября 1803 г. В 1806 г. подал два доноса на профессора Дюгура. Последний был оправдан, а К. был в 1807 г. удален из университета и выехал из России.

³⁶ С 1803 по 1814 г. слободско-украинским губернатором был Иван Иванович Бахтин (1756 – 1818).

³⁷ В качестве наказания в отношении четы Белен-де-Баллю министр народного просвещения граф П. В. Завадовский предписал «сделать от Университета строгой выговор с подтверждением, чтобы впредь воздержались от непристойных разговоров». В ходе дальнейшей переписки попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого с министром о целесообразности занесения выговора в послужной список Белен-де-Баллю прозвучало утверждение, что в этом деле «вся вина относится единственно до жены профессора де Баллю». См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 596 По доносу адъюнкта Харьковского университета Камперли на проживающего в Харькове француза Дюгура, относительно до политических видов его. Л. 16 об.; *Иващенко В. Ю.* Проблемы европеизации частного быта: семейные отношения и домохозяйство в профессорской среде Харькова в начале XIX в. // Адам и Ева. 2011. № 19.

³⁸ См. справку о Л. Умляуфе.

³⁹ Паки-де-Совиньи Николай (Николай Николаевич, Raquis de Sauvigny; 1769 – 1834) – филолог. Окончил курс наук в Нанси, получив там степень доктора философии. 1 октября 1803 г. по приглашению графа С. О. Потоцкого поступил на российскую службу в должности адъюнкта философии и французской словесности Харьковского университета. В 1812 г. был утвержден в звании экстраординарного профессора латинской словесности, в 1813 г. получил степень доктора философии, однако укрепиться в роли самостоятельного профессора ему так и не удалось. Недостаточная научная подготовка, отсутствие педагогического

таланта, незнание русского языка и чудаковатые манеры сделали его объектом насмешек многих поколений харьковских студентов. Умер в Харькове.

⁴⁰ Банц (Banz) — старейший и богатейший монастырь Верхней Франконии, в 1803 г. секуляризованный и обращенный в резиденцию младшей линии Виттельсбахов.

⁴¹ Шнауберт Людвиг (Иван Андреевич, Schnaunbert Ludwig; (1782 – ?) – химик. Обучался в Эрфурте, степень доктора получил в Иенском университете в 1803 г. 1 февраля 1804 г. по рекомендации И. Гете и приглашению попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого был назначен профессором Харьковского университета. Преподавал химию. Много сделал для изучения местного края. 6 октября 1811 г. был уволен по прошению. Выехал в Москву

⁴² Гизе Фердинанд (Федор Иванович, Йоганн Эмануил Фердинанд, Giese Johann Emanuel Ferdinand; 1781 – 1821) – химик и фармацевт. Непродолжительное время работал на химической фабрике Динглера в Аугсбурге, в 1802 г. занимал должность придворного чиновника – помощника при Императорской аптеке в Вене. В 1803 г. получил приглашение занять место в учреждающемся Харьковском университете, куда был определен адъюнктом в январе 1804 г. Накануне отъезда в Россию защитил в Эрфурте диссертацию на степень доктора философии. В июле 1805 г. был утвержден экстраординарным профессором химии Харьковского университета, в апреле 1811 г. – ординарным профессором фармацеи и технической химии. Основал химическую лабораторию. В октябре 1814 г. был переведен ординарным профессором кафедры химии и фармацеи в Дерптский университет, где работал до конца жизни.

⁴³ Гизен (Giesen) – немецкий город в земле Нижняя Саксония.

⁴⁴ Эрлангенский университет был основан герцогом Фридрихом Бранденбург-Байройтским в 1742 году в Байройте, а в 1743 году переведен в Эрланген (город в земле Бавария).

⁴⁵ Шмерфельд Йоганн Даниэль (Даниил Иванович, Schmerfeld Johannes; 1774 – 1811) – выпускник Марбургского университета, до переезда в Россию служил в Гессенском казначействе. Адъюнкт по кафедре технологии и наук относящихся к торговле и фабрикам отделения физических и математических наук Харьковского университета в 1804 – 1811 гг.

⁴⁶ Ванотти Людвиг (Людвиг Осипович /Иосифович, Wannoti Alois Ludwig; 1771 – 1819) – медик-энциклопедист, анатом. Закончил Фрейбургский университет, где в 1798 г. получил степень доктора медицины. В 1805 г. был приглашен адъюнктом и прозектором анатомии в Харьковский университет, куда прибыл 29 мая 1805 г. В 1805 – 1807 гг. В. читал энциклопедию медицины учащимся Харьковского коллегіума и антропологию студентам физико-математического факультета, в 1806 г. исполнял обязанности суббиблиотекаря, с 1806 г. по 1813 г. был секретарем отделения врачебных наук. С появлением студентов-медиков и до 1811 г. преподавал анатомию, физиологию, судебную медицину и другие предметы. В 1810 г. получил кафедру фармакологии, рецептуры и истории медицины, в 1811 г. был назначен экстраординарным, а в 1812 г. – ординарным профессором. С 1816 г. по 1818 г. заведовал фармацевтической лабораторией.

⁴⁷ Рейниш Антон Григорьевич (1769 или 1770 – 1811). Обучался словесным наукам в Нугебурге, затем в Дилингенском университете. В 1806 г. по рекомендации попечителя С.О. Потоцкого избран адъюнктом истории и географии.

⁴⁸ Рейт Бернгард (Бернгард Осипович, Reit Bernhard; 1762, по другим данным 1770 – 23.12.1824) – юрист. Начальное образование получил в Майнце, после чего продолжил обучение в Иене, Лейпциге и Геттингене, получил докторскую степень в Кенигсберге. В 1804 г. получил приглашение попечителя Харьковского учебного округа С. О. Потоцкого занять должность лектора истории европейских государств и статистики. В 1809 г. был избран адъюнктом по кафедре права естественного, политического и народного, в 1811 г. – экстраординарным, а в 1814 г. – ординарным профессором. Читал на латинском языке курсы политической истории европейских государств, российской истории, статистики и географии, истории прав новых народов, естественного, государственного и народного права, политэкономии, дипломатики, нумизматики, в приготовительном классе университета – немецкий язык и словесность. В 1815 – 1822 гг. Рейт был деканом этико-политического отделения. Из трудов харьковского периода наиболее интересным является опыт политической истории древней Руси «Specimen historiae imperii Rossorum. Pars prior» (Харьков, 1811) как одна из первых попыток «ученого изложения русской истории с университетской кафедры», основанная, прежде всего, на иностранных источниках.

⁴⁹ Дрейсиг Вильгельм (Василий Федорович; Dreissig Wilhelm Friedrich; (1770 – 1819) – медик. Родился в семье директора соляного завода. В 1787 г. поступил на медицинский факультет университета в Галле, после его окончания некоторое время практиковался в клиническом институте университета и больницах. В 1793 г. защитил в Эрфурте диссертацию и получил степень доктора медицины. В течение 6 лет занимался врачебной практикой. В феврале 1807 г. был утвержден профессором терапии и клиники Харьковского университета. Приехав в Харьков, кафедру получил не сразу, и до 1814 г. занимался частной практикой, пользуясь, несмотря на плохое знание русского языка, популярностью. В 1811 г. был избран деканом отделения врачебных наук, но отказался от должности; возглавлял факультет в 1813 – 1815 гг. Был первым директором терапевтического отделения клиники, устроенной в 1814 г. в одном из флигелей университета.

⁵⁰ Гут Йоган (Иван Иванович, Йоган Сигизмунд – Симон Готфрид, Huth Johann Siemon Gottfrid Sigismund; 1763 – 1818) – астроном. Доктор философии. В 1808 г. был утвержден профессором прикладной математики Харьковского университета. Преподавал астрономию, начал астрономические наблюдения при помощи специальных приборов, которые он привез с собой. Первый директор астрономического кабинета и астрономической обсерватории Харьковского университета. В 1811 – 1818 гг. – профессор Дерптского университета. Преподавал дополнительно к математическим дисциплинам элементы высшей геометрии и геометрии черчения.

⁵¹ Преподаватели в российских университетах числись на государственной службе, и их должности соответствовали классным чинам, установленным Табелью о рангах.

⁵² Это слово явно используется в данном случае в саркастическом смысле.

⁵³ Маас Иоганн Гебхард Эренрейх (Johann Gebhard Ehrenreich Maaß; (1766 – 1823) – философ. Профессор в Галле, критик теоретической и сторонник практической философии Канта.

*А. М. Лесков***ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ: НАЧАЛО***

В годы моей учебы на истфаке с третьего курса начиналась специализация студентов по различным кафедрам – от истории древнего мира и археологии до новейшей истории. Для меня проблемы выбора не было – я шел на истфак ради изучения древней истории и неразрывно связанной с ней археологии. Из деканата раздали список рекомендуемых кафедрами тем курсовых работ для 3-его курса. У студентов, избравших специализацию по нашей кафедре, выбор был велик: здесь и древний Восток со всеми его главными центрами (государства Ближнего Востока, Египет, Китай, Индия), древняя Греция и Рим с их колониями у нас в Причерноморье, археологические культуры разного времени, распространенные на территории Украины, памятники древности Харьковщины и соседних областей, история и археология Киевской Руси... Было от чего закружиться голове, все хотелось, все было интересным, но Борис Андреевич сразу опустил нас с небес на землю, объяснив, что курсовую тему он рекомендует выбирать с дальним прицелом – она должна стать основой для будущей дипломной работы, а, может

* В данном выпуске «Харьковского историографического сборника» публикуется следующая часть «Записок археолога» А.М. Лескова, которая оканчивается завершением обучения автора в Харьковском университете. См. начало текста, а также краткую автобиографию в предыдущем выпуске сборника (2013. №12).

быть, и диссертации, если кто-то из вас планирует заниматься научной работой. Ясно, что к выбору темы курсовой работы следовало отнестись самым серьезным образом. Нужно было основательно подумать – я готов был считать варианты за шахматной доской, но там все зависит от игры обоих партнеров. А здесь ты сам за все отвечаешь. И речь идет не об игре, пусть и весьма интеллектуальной, а о собственной жизни, которую с юношеским максимализмом хочется сделать очень интересной, насыщенной, а значит успешной. Пришло время выбирать свою сравнительно узкую специализацию уже внутри древней истории и археологии. Самым интересным мне представлялась Древняя Греция. Крито-Микенская культура, Афины и Спарта, Греко-Персидская война, Александр Македонский и его походы вплоть до Индии ну и конечно же греческая религия, культура, наука, искусство во всем его многообразии – театр, скульптура, архитектура, живопись, прикладное искусство... К кому еще идти за добрым советом, если не к зав. кафедрой профессору Гриневичу? В перерыве между лекциями подошел к Константину Эдуардовичу с просьбой о совете в связи с выбором темы курсовой работы с тем, чтобы она могла стать основой будущего диплома. «Дело серьезное» – сказал профессор – «надо все хорошо обдумать. Приходите-ка завтра вечером ко мне домой – там все и обсудим». Мне осталось только поблагодарить и уточнить время встречи и адрес. Одного вечера не хватило, разговор продолжился и на завтра. Конечно, это был не разговор, это были размышления вслух, воспоминания об увиденном и пережитом маститого ученого. Не знаю, чем я заслужил столь детальный рассказ, но это было очень интересно и поучительно. В процессе своего рассказа, Константин Эдуардович, в частности, вспомнил о своем путешествии по Греции в 1913 г., когда он смог посетить все выдающиеся памятники античной эпохи. Из этой беседы первый вывод, как говорится, лежал на поверхности. Ведь разговор-то состоялся в 1952 г. Холодная пропагандистская война между США, их западноевропейскими союзниками и СССР была в самом разгаре. Казалось, словесные баталии в любой момент могут перейти в военное противостояние. Советский Союз, готовившийся отметить свое 35-летие, представлял из себя военный лагерь, полностью закрытый для общения с иностранцами. Антизападная пропаганда буквально бушевала на страницах всех, без всяких исключений,

советских газет, журналов и радио (телевидения в СССР практически только начиналось). В этой связи не могу не вспомнить предэкзаменационную консультацию по Истории России XVIII – XIX веков. Среди вопросов к экзаменам оказался один, ответ на который мы¹ не смогли найти не только в учебнике, но и во всей рекомендованной нам литературе. Вопрос звучал так: «Экспансия американского империализма против России в XIX веке». Ответ доцента, парторга факультета И.Я. Мирошникова, оказался обескураживающе простым и четким: «В этом вопросе нужно лягнуть Америку». Уточняющих вопросов не последовало. В такой политической атмосфере даже во сне не могло присниться видение себя где-то за пределами отечества. «А раз так» – размышлял я, – то как же можно заниматься древней Грецией, ее культурой и археологией если в жизни тебе не дано увидеть памятники, изучению которых ты готов посвятить всего себя? Об этих раздумьях мне довелось вспомнить почти через 40 лет, когда я впервые приехал, точнее, приплыл из Италии в Грецию накануне нового 1992 г. Впечатления от увиденного были восторженными. Здесь нет места описывать всемирно известные памятники древней Эллады, да и вряд ли я смогу найти те немногие точные слова, характеризующие великие достижения античной культуры и искусства во многом определившие на века пути человеческого прогресса. Впечатления от Афин и Микен, от Олимпии и Коринфа переполняли меня, но подлинное потрясение ожидало в Дельфах. Здесь я впервые в жизни увидел во всем неповторимом блеске греческую архаику – архитектуру и скульптуру, расписную керамику, высокохудожественную бронзу и ювелирные украшения из серебра и золота... Я стоял загнипнотизированный всем увиденным и тогда, единственный раз в жизни, усомнился в правильности выбора своей специализации – ранний железный век Юга Восточной Европы. Может быть, все-таки стоило специализироваться на древнегреческой истории и археологии, но разве можно было себе представить в 1952 г., как сложится жизнь страны через 40 лет! Возвращаясь к размышлениям, навеянными рассказами профессора К.Э. Гриневича, мне показалось

¹ Все годы учебы в Университете к экзаменам по общим курсам мы готовились втроем: Боря Ветров, ставший великолепным китаистом, кандидатом наук, сотрудником Института востоковедения АН СССР (к сожалению, очень рано ушедший из жизни), Леня Баткин – доктор исторических наук, профессор, один из ведущих медиевистов СССР и современной России и автор этих строк.

очень интересным изучение античного Херсонеса, единственного в Северном Причерноморье города – государства, основанного дорийцами в V в. до н.э. Но как заниматься античным полисом с огромным эпиграфическим наследием (надписи, клейма, монеты), не владея древнегреческим языком? Но преподавателей древнегреческого языка тогда в Харькове просто не было. Свои сомнения, не считая более возможным беспокоить профессора Гриневича, я высказал Б.А. Шрамко. Реакция была мгновенной: «В ВДИ посмотрите статьи Академика Тюменева». Речь конечно же шла о «Херсонесских Этюдах». Из них я впервые узнал о сложнейшей проблеме древней истории – взаимоотношения древних греков-колонистов с местными племенами. А учитывая, что древнегреческие колонии были основаны на огромных прибрежных территориях бассейнов Средиземного и Черного морей, где обитало множество местных племен, носителей самых разных археологических культур, не приходится удивляться, что эта проблема явилась одной из центральных в изучении древностей всего Старого Света, в том числе Северного Причерноморья. И действительно, история античной периферии, представленной в Северном Причерноморье городами (Пантикапей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, Нимфей), составившими Боспорское царство, и самостоятельными полисами: Феодосией, Херсонесом, Керкинитидой, Ольвией, Тирой и серией малых городов и поселений неразрывно, в течении веков, была связана с местными племенами меотов, синдов, сарматов, скифов, тавров, фракийцев, занимавших огромную территорию от Кубани на Востоке до Дуная на западе. Статьи академика Тюменева, известного Петербургского исследователя крымских древностей Н.И. Репникова, сотрудника ГИМа Н.В.Пятышевой, наконец, нашего профессора С.А. Семенова-Зусера, ряда крымских археологов и краеведов сами собой привели меня к выбору темы курсовой работы – «Тавры и Херсонес Таврический». На основе курсовой был сделан доклад на студенческой научной конференции, посвященной 150-летию нашего Университета (1954 г.), а его тезисы были опубликованы. Это была моя первая страничка, увидевшая свет... После защиты курсовой и сдачи экзаменов, я мечтал поехать в какую-нибудь крымскую экспедицию и, прежде всего, думал о полевой работе где-то в районе Херсонеса. И кафедра мне очень помогла. Было отправлено письмо в Крымский филиал АН СССР с просьбой принять меня в состав

какой-нибудь из экспедиций отдела археологии, который возглавлял известный специалист П.Н. Шульц. Ответ был положительный и уже в конце июня 1953 г., после окончания сессии, я отправился в Симферополь. На всю жизнь запомнил маленький одноэтажный особнячок (дом №7 по ул. Ленина), где размещался отдел археологии Крымского филиала АН СССР. С этим зданием связано начало моей работы в Крыму. Здесь мне довелось познакомиться со всеми археологами Крыма 50-х годов, а также со многими археологами Москвы и Ленинграда, копавшими в Крыму. Но все это было позднее, в последующие годы. А пока почти весь небольшой коллектив отдела находился в командировках (раскопки, разведки), но к моему глубокому сожалению ни одна экспедиция не копала таврских памятников, а в Херсонесе в этот полевой сезон и ленинградцы, и крымчане, и сами сотрудники Херсонесского музея вскрывали слои средневекового города и только подходили к культурным напластованиям римской эпохи. Было от чего огорчаться, но Павел Николаевич Шульц напомнил народную мудрость: «Нет худа без добра», Он рассказал, что в 1954 г. отделу предстоят большие полевые работы в зоне строительства Симферопольского водохранилища. «Тогда и накопаетесь вдоволь, а сейчас поезжайте в Ялту, Бахчисарай познакомьтесь с их таврскими коллекциями, а, главное для вас - работа в музее в Симферополе и у нас в отделе, в нашем архиве. А на следующей неделе мы планируем поездку в Коктебель. Туда поедем через Белогорск и Старый Крым, а возвращаться будем через Судак по берегу моря, так что познакомитесь с крымскими красотами, да и таврские каменные ящики своими глазами увидите». На мой вопрос, когда можно будет поехать в Херсонес, Павел Николаевич бодро ответил: «Когда хотите. Пропуск Вы оформили?» «Какой пропуск?» – холодея, спросил я. «Так ведь Севастополь закрытый город и въезд туда только по пропускам, которые оформляют по месту жительства» – объяснил Павел Николаевич. Я был обескуражен: мало того, что не удастся покопать таврские памятники, так еще и в Херсонес не попасть. Видя мое расстройство, Павел Николаевич сообщил, что на той неделе в отдел из Херсонеса заедет Олег Иванович Домбровский – вот с ним и посоветуемся, что делать. Из первой поездки по музеям Крыма навсегда осталось в памяти недолгое пребывание в Бахчисарае и жизнь на территории ханского дворца. Именно здесь, в огромном дворе при дворце, овеянном пушкинской романтикой, размещались фонды бахчисарайского краеведческого

музея и рядом, в небольшой пристройке, в глубине тенистого двора, находилась бахчисарайская археологическая станция. Здесь хранились материалы горного отряда тавро-скифской экспедиции, работами которого много лет руководил милейший Евгений Владимирович Веймарн. На станции царил образцовый, истинно немецкий порядок: все находки, чертежи, тексты, картотеки были в полном ажуре. Так же тщательно хранились подшивки газет, которые мне очень помогли. Евгений Владимирович разрешил мне ночевать на станции. Там оказалась какая-то ветхая тахтенка, но постели не было и по совету Евгения Владимировича я использовал подшивки газет. Простыней служили «Известия» и «Труд», а под голову вместо подушки шла подшивка «Правды». Именно на таком использовании газет настаивал Евгений Владимирович, убеждая меня, что такая подушка обязательно поможет мне при изучении на старших курсах марксистко-ленинской философии... хорошее было время и мне было 20 лет! Вернувшись в Симферополь, в отделе археологии я увидел человека средних лет и среднего роста. Сильно загоревший, в белой трикотажной футболке, подчеркивающей широченные плечи и мощную, просто статуарную мускулатуру – таким запомнился мне Олег Иванович Домбровский. Для многочисленной симферопольской молодежи, влюбленной в археологию, Олег Иванович был непререкаемый авторитет. Архитектор, художник, археолог, отличный рассказчик, заботливый и требовательный наставник, он дал путевку в археологию многим крымским мальчишкам. Павел Николаевич Шульц представил меня Олегу Ивановичу. Я рассказал о своем желании попасть в Херсонес и об отсутствии пропуска в Севастополь. Вопросов было только два. Не боишься ли длительной ночной ходьбы и сориентируешься ли на местности с ситуативным планом и компасом. Опыт работы в разведках с Б.А. Шрамко позволил мне ответить утвердительно на оба вопроса. Правда, по ночам мне путешествовать не приходилось, но выбора не было. Через день Олег Иванович возвращался на раскопки в Херсонес и заботливо предложил мне забрать с собой мой рюкзак. Тем самым не только облегчая (в прямом смысле слова) мне жизнь в пути, но и выражая твердую надежду на успех моей авантюрной одиссеи. Чертежник Олега Ивановича Павел Шохин² начертил мне схему моего движе-

² В 1956г., во время моих первых аспирантских раскопок таврского могильника Уркуста-1, где была раскрыта сравнительно хорошо сохранившаяся гряда из 9-ти каменных ящиков в ограде, именно Павел Шохин великолепно сделал их общий план и разрезы, впоследствии вошедшие во все монографии, посвященные таврам.

ния через закрытую зону из Бахчисарайского района в Инкерман. Через 2 дня я сел на местный поезд Симферополь – Севастополь, проехал Бахчисарай и сошел на станции, после которой находился пост по проверке документов у пассажиров. Как жаль, что у меня не сохранился листок–схема перехода в закрытую зону – он мне не пригодился. Ожидая темноты, я гулял по улицам села (не помню названия – прошло 60 лет) и услышал за одним из заборчиков разговор двух мужчин. Один сообщил другому, что через часок придет Николай; он проведет нас через лесок и покажет дорогу на Инкерман. Мне осталось только дожждаться начала их похода и далее, не теряя своих проводников из вида, следовать за ними. Так без всяких сложностей и приключений я преодолел рубеж, отделяющий район Севастополя от остального Крыма. Первая же попутная машина довезла меня до Севастополя. Пожилой шофер с орденскими планками на выдавшей виды гимнастерке, услышав мою историю, решительно сказал: «поедем ко мне, немного поспишь, а в 6 утра сядешь на автобус, который идет в Херсонес». Около 7 часов утра, узнав у дворника Херсонесского музея, где копает Олег Иванович Домбровский, я появился на раскопе к началу рабочего дня. Мое появление Олег Иванович воспринял как должное, только спросил все ли в порядке и сразу сказал: «Иди завтракать во-о-н к тем палаткам, потом пару часов поможешь по кухне – что делать там скажут. А затем приходи на раскоп – надо расчищать стенку вот этого здания». К 10 часам утра я вернулся на раскоп, и Олег Иванович рассказал, что он копает участок средневекового Херсонеса, вскрываются постройки, судя по находкам керамики, XI - XII веков. Вместе с киркой и лопатой мне вручили нож, щетку и веник и велели расчищать северную стену, сложенную из необработанных камней разного размера. Олег Иванович в стиле армейского старшины добавил: «чистить от Северо-Восточного угла и до обеда». Так начался мой первый трудовой день в Херсонесе. Для меня, до этого побывавшего лишь на разведках и небольших зачистках траншей и шурфов, оказаться в огромном раскопе, в котором одновременно зачищались несколько построек средневекового города, все было впервые и все было крайне интересно. Работа спорилась. Расчистка была не сложной. Земля легко отделялась от невысокой (30-40 сантиметров) стенки. Не заставили себя долго ждать и первые находки – обломки разноцветной керамики, железный гвоздь. А вот

на дне раскопа появилось скопление камней, которые (я уже это знал) нельзя, как земляное заполнение помещения, выбрасывать за границы раскопа, а их следует прежде всего оконтурить, то есть определить границы расположения этих камней – ведь они могут быть частью рухнувшей стены. А могут служить перекрытием хозяйственной ямы или быть оградой очага, или укреплять основу столбовой конструкции, или..., в данном случае это оказалась несколько камней, видимо, от стены помещения. В конце моего второго рабочего дня на нашем раскопе была найдена золотая византийская монета. Естественно, посмотреть на эту находку еще в земле подошли все, кто работал на этом раскопе. И один из студентов крикнул: «Олег Иванович, сюда – здесь золото!». Видимо, кто-то из экскурсантов услышал и со скоростью молнии по всему Херсонесу разнеслась новость: «золото нашли, золото!». Со всех сторон древнего города к нашему раскопу бросились экскурсанты с воплем: «золото!!!». Этот «набег» был действительно страшен, казалось, что еще минута и толпа сметет все на своем пути и ворвется в раскоп. Обнаженный по пояс, Олег Иванович с киркой наперевес выскочил из раскопа навстречу толпе. «Стойте! Ни с места! Здесь вам не Клондайк!» – орал Олег Иванович. К счастью, впереди толпы взрослых бежали дети и они затормозили. Родители, упершись в спины собственных детей, остановились. Мы (нас было человек 10), вооруженные кто кирками, кто лопатами, стояли рядом с Олегом Ивановичем. Подросли женщины–экскурсоводы, охрана музея. В наступившей напряженной тишине прозвучало совсем буднично предложение-просьба Олега Ивановича: «А теперь давайте дадим передохнуть вашим экскурсоводам, а я пока покажу вам наши раскопки, находки, которые мы только расчищаем». А на нетерпеливый возглас «А золото покажете?» - Олег Иванович сказал: «Конечно, более того, мы при вас закончим расчистку только что найденной золотой монеты». Кто-то из детей с придыханием произнес: «А может там клад». «А вот и проверим», – ответил Олег Иванович. Клада не оказалось, а золотая монета, нанесенная на план раскопа и многократно еще в земле сфотографированная, была выложена на небольшой планшетик, обтянутый черной тканью, и Олег Иванович показал ее всем жаждущим. Это была византийская монета XI века - первая золотая находка, которую я увидел в раскопе, где работал. Наверное, поэтому этот факт так четко запомнился. А еще в памяти запечатлелась железная выдержка Олега Ивановича, позволившая ему спустить на

тормозах ситуацию, которая могла выйти из-под контроля. На следующее утро Олег Иванович представил меня Станиславу Францевичу Стржелецкому, старейшему сотруднику Херсонесского музея, руководителю отдела античного Херсонеса. Блестящий раскопщик античного города и его сельской периферии, Станислав Францевич открыл и частично исследовал ряд поселений бронзового и железного веков. Среди них были и таврские поселения, и в том числе, самое известное из них поселение и могильник Уч-Баш, расположенное на Гераклеяском полуострове, вблизи античного Херсонеса. Последующие 2 недели я провел в фондах Херсонесского музея, зарисовывая и фотографируя таврские находки. Вечерами приходил к нам в лагерь Станислав Францевич или приглашал к себе, и это были замечательные вечера. Сколько же нового я узнал о таврах и греках, живших в Херсонесе и его окрестностях, об их памятниках, которые копал Станислав Францевич! Работа в фондах и архивах в Херсонесе и в других музеях Крыма, разговоры с разными специалистами, работавшими в Крыму, сыграли определяющую роль в моем выборе – диплом буду писать по истории тавров, древнего населения горного Крыма, давшего название Крымскому полуострову – Таврида.

Возвращался я в Харьков к началу учебного года переполненный впечатлениями от всего увиденного и услышанного. Конечно же мне повезло встретить столь разных и очень интересных людей. Суммируя все увиденное и услышанное в Крыму, я мечтал научиться вести раскопки так, как их ведет Станислав Францевич Стржелецкий, а в материалах и документации должен быть порядок, как у Евгения Владимировича Веймарна, ну а общекультурный кругозор и собственно профессиональную эрудицию нужно максимально расширять и примером здесь для меня являлся Павел Николаевич Шульц. Да еще Элла Исаковна Соломонник восхищала знанием древнегреческого и латыни, английского, французского и немецкого языков. Так, наверное, можно мечтать только в 20 лет, но, с другой стороны, это самое подходящее время для начала осуществления своих планов и желаний. В конце сентября на заседании нашего археологического кружка был мой отчет о поездке в Крым. Я рассказал о виденных мною крымских памятниках и музейных собраниях, о красотах крымской природы, о доброжелательности всех людей, с кем меня свела судьба в этом моем первом археологическом путешествии. Здесь уместно напомнить, что 4 наших кружковца с младших

курсов стали известными археологами, исследователями древнего Крыма: Володя Кадеев, Лера Устинова (Латышева), Лена Черепанова, Виталий Даниленко. При этом последние двое после окончания Университета уехали работать в Крым. В.И.Кадеев и В.Н.Даниленко посвятили всю свою научную жизнь изучению Херсонеса и это конечно же итог их учебы у профессора К.Э. Гриневича. Но мне хочется думать, что и моя влюбленность в Крым и регулярные (в течение трех лет) доклады о работах с крымскими материалами и литературой по археологии Крыма могли помочь ребятам в выборе своего призвания. Тогда же у меня состоялся, возможно, самый главный, во многом определивший мое будущее, большой разговор с Борисом Андреевичем Шрамко – надо было определять тему дипломной работы. Казалось очевидным – следует продолжать и углублять занятия таврской тематикой. Но это только на первый взгляд. Был один очень серьезный сдерживающий фактор – Крым тогда (осенью 1953г.) входил в состав Российской Федерации. А Харьковский университет готовил кадры для работы в Украине. Не приходилось сомневаться, что по окончании Университета меня направят на работу в одну из областей Украины, где я должен буду, согласно тогдашнему законодательству, отработать не менее трех лет. И кому там будут интересны мои тавры? Может быть, мне следует заняться какой-нибудь темой, связанной с территорией степей или лесостепей Украины? По умолчанию мы оба понимали, что, несмотря на то, что у меня не было ни одной четверки за годы учебы, шансы на поступление в аспирантуру факультета были нулевыми³. В этой, казалось, бесперспективной ситуации Борис Андреевич, со всей решительностью сказал: «У тебя уже есть некоторый задел, тебя уже знают крымские специалисты. У тебя есть еще 2 года в Университете, значит, дипломную работу надо сделать на таком уровне, чтобы

³ Факультет обычно имел не больше 2-3-х вакансий для поступления в аспирантуру. При этом они, как правило, открывались на так называемых наиболее актуальных кафедрах: Истории СССР и УССР, но, в первую очередь, на общеуниверситетской кафедре Истории марксизма-ленинизма. Обязательным условием поступления в аспирантуру на эти кафедры было членство в Коммунистической партии. Все остальное, в том числе и успеваемость, имело второстепенное значение. А кафедры истории Древнего мира и истории Средних веков за годы моей учебы и позднее ни разу не получали аспирантские вакансии. И это при том, что в 50-е годы двадцатого столетия на историческом факультете было только четыре профессора, доктора наук. Это были археологи С.А. Семенов-Зусер и К.Э. Гриневич, медиевист Н.М. Пакуль и работавший на кафедре новой истории арабист А.П. Ковалевский.

кафедра могла рекомендовать тебя на работу в институты или музеи Крыма. Тем более, что у тебя будет два летних полевых сезона (после 4 и 5-го курсов), об отдыхе пока придется забыть, но это не главное. Главное - нужно сделать все, что в твоих силах и тогда, я уверен, удача не обойдет тебя стороной. А на мою помощь и участие всегда можешь рассчитывать». Согласитесь, дорогой читатель, что такой разговор с глубоко уважаемым Учителем остается в памяти навсегда! Учеба в Университете давалась мне достаточно легко – выручала память, да и учиться было очень интересно. Любимым местом занятий была библиотека Университета и Публичная библиотека им. В.Г.Короленко⁴. Прежде всего, помня рекомендации П.Н.Шульца, я начал читать литературу, связанную с историей древнего Крыма. И очень скоро обнаружил, что в наших библиотеках практически не было местной крымской периодики. А по ссылкам было понятно, что для моих целей важнейшим журналом был «Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии» и ряд других краеведческих изданий, печатавшихся в разных городах Крыма в конце XIX – начале XX-го века. О своих проблемах я рассказал Б.А. Шрамко и он порекомендовал мне на зимние каникулы поехать в Ленинград, где находится самая крупная в стране археологическая библиотека. Дома я рассказал о рекомендации Б.А. Шрамко. Понимая, что с деньгами в семье совсем не густо и моя повышенная стипендия мало что меняла, я пообещал, что если не все, то большую часть денег верну в семейный бюджет после полевого сезона летом 1954 г. Вопрос был решен, тем более, что в Ленинграде жили родственники, у которых можно было остановиться. В итоге последнюю декаду января и начало февраля 1954 г. я провел в Ленинграде. Университет, по ходатайству деканата истфака, выдал письмо-просьбу разрешить мне работать в библиотеке Института истории материальной культуры Академии наук СССР⁵. Это было мое первое посещение Великого Города. Его

⁴ Последняя расположена всего в полутора кварталах от дома (Короленко 17, единственный дом на нашей маленькой улице, полностью разрушенный во время войны), где прошло мое довоенное детство. Отсюда, от здания библиотеки вниз по нашей улице мы зимой катались на санках, а в двух кварталах от нашего дома в другую сторону, на противоположном берегу речки Лопань, была моя школа (№30), где я успел до войны закончить с похвальной грамотой 1-й класс.

⁵ С тех пор, где бы я ни жил и работал (Киев, Ленинград, Москва, разные университеты и музеи Германии, Австрии, США) эта библиотека уже 60 лет остается моим любимым рабочим местом. Прошли десятилетия, сменились поколения сотрудников этой сокровищницы археологической литературы, но традиции удивительной доброжелательности и готовности всегда помочь

проспекты и площади, набережные и мосты, его архитектурные ансамбли и памятники, дворцовые комплексы, соборы, музеи – все поражало, восхищало и завораживало. Счастливую возможность ежедневной работы в библиотеке бывшей Императорской Археологической комиссии, в помещении, где работали выдающиеся ученые, создатели школы отечественной археологии, я постарался использовать максимально. Выписки из прочитанных статей составили целую тетрадь, которая мне впоследствии очень помогла при работе над дипломом. Вечерние посещения ленинградских театров и филармонии, выходные дни, проведенные в Эрмитаже и Русском музее, в Музее этнографии народов СССР и Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР, в Музее истории религии и атеизма и в Военно-морском музее привели меня в восторг и вместе с тем это был культурный шок – до этой поездки я не имел понятия (более того, никогда об этом не думал), сколь мизерны мои знания и как же много нужно работать, чтобы познать хотя бы основы истории мировой культуры и искусства. Это был главный вывод из всего увиденного, услышанного, прочитанного, пережитого в итоге моего первого посещения культурной столицы СССР. Это, конечно же, была незабываемая поездка. Более того, могу и сегодня, через 60 лет, объездив десятки стран Европы, Азии, Америки, посетив сотни городов разных континентов, побывав в лучших театрах и концертных залах Европы и Америки, поработав в крупнейших музеях мира, подтвердить, что первое пребывание в Ленинграде осталось самым значимым и памятным путешествием в моей жизни.

7-го февраля начался второй семестр четвертого курса. В тот же день я встретил Бориса Андреевича на факультете и взахлеб рассказывал о поездке в Ленинград, о том, что успел сделать и где удалось побывать. Я готов был говорить об этой поездке часами, но Борис Андреевич прервал: «Давай так сделаем: ты приведи в порядок все свои впечатления и на заседании кружка сделаешь доклад об итогах твоей работы в Ленинграде. Думаю, 2 недели тебе для этого хватит. Так что готовься 20 февраля доложить итоги твоей поездки». Заседание кружка обычно проводили в 2 часа дня с тем, чтобы кружковцы имели возможность полчасика передохнуть после

любому читателю от седовласого профессора и до юного студента отличают эту библиотеку. Мою неизбывную признательность я стараюсь выразить передачей в фонд библиотеки моих авторских книг, сборников, каталогов, альбомов, опубликованных в разных странах.

третьей пары. Но в перерыве между второй и третьей парами мне из деканата передали, что звонил Борис Андреевич и просил сразу после лекции зайти на кафедру. Так и сделал. Борис Андреевич встретил меня широкой улыбкой и сказал: «Ты конечно последние известия ни вчера ночью⁶ не слышал, ни сегодня утром, а между тем одна из новостей напрямую касается тебя». Растерявшись, я промямлил: «как это меня, почему?». И Борис Андреевич объяснил, что вчера вечером передали Указ Президиума Верховного Совета СССР о переходе Крымской области из Российской Федерации в состав Украинской Республики. И здесь мы оба вспомнили наш осенний разговор о выборе специализации, о моих сомнениях по поводу изучения территории Крыма, не входящего в состав Украины. Это была первая удача в самом начале моей археологической судьбы, и, как показала дальнейшая жизнь, значение ее было огромно. Семестр пролетел очень быстро. Для меня это было связано с ожиданием археологического лета. Уже в начале апреля я получил приглашение от П.Н.Шульца приехать в июне в Симферополь для участия в раскопках в зоне затопления будущего Симферопольского водохранилища. Такое же письмо пришло и на имя декана. Это была замечательная новость. Наконец-то у меня будет первый в жизни настоящий полевой сезон. Сдав зачеты и экзамены, где-то в двадцатых числах июня я приехал в Симферополь, в уже знакомый особнячок, где размещался отдел археологии. [...]. С участием в первой в моей жизни крупной экспедиции мне несказанно повезло. Во первых, мне посчастливилось раскопать курган с великолепной стратиграфией, разобраться с которой мне помог А.Д. Столяр, в то время молодой кандидат наук, ученик крупнейшего ленинградского ученого М.И. Артамонова. Именно в его экспедициях А.Д. Столяр прошел великолепную школу и, оказавшись блестящим педагогом, передал нам, молодым участникам экспедиции, свой опыт, за что я ему несказанно благодарен⁷. И, во-вторых, во время этих раскопок у меня произошло, видимо, самое важное в моей археологической жизни знакомство, но тогда я об этом даже не догадывался. В самые последние дни раскопок кургана №7 нам объявили, что завтра к

⁶ В 40 –50-е годы прошлого века «Последние Известия» Москва передавала в 11.30 вечера. Завершались Известия в 11.59, затем был бой часов кремлевской башни и звучал Гимн Советского Союза. Так было изо дня в день, из года в год.

⁷ После ухода из жизни М.И. Артамонова, А.Д. Столяр, став доктором наук и профессором, в течении четверти века возглавлял кафедру археологии ЛГУ и вывел в археологический свет множество своих учеников.

нам приезжает очень важный гость: известный ленинградский ученый, доктор исторических наук, профессор С.Н. Бибиков. Из Симферополя к нам в Марьино высокого гостя привез П.Н. Шульц. К нашему приходу с работы уже был накрыт стол с различными вкусностями и мы поняли, что гость действительно важный. Умылись, приоделись, и Павел Николаевич пригласил к столу, представив нас Сергею Николаевичу Бибикову. Это был чудный вечер воспоминаний П.Н. Шульца, А.Д. Столяра, С.Н. Бибикова, было много шуток и смеха и как-то постепенно инициатива ведения стола перешла к нашему гостю. Он попросил каждого из молодых коротко рассказать о себе и своих интересах в археологии, добавив, что ему это нужно для заключительного тоста. Так и сделали, и непринужденное веселье продолжалось, но А.Д. Столяр напомнил, что завтра рабочий день и тогда слово взял Сергей Николаевич. Он сказал, что рад быть нашим гостем, рад познакомиться с молодежью, для каждого из нас нашел какие-то добрые слова и пожелал нам успешного полевого сезона и исполнения наших желаний и планов. Утром мы уехали на работу, а где-то в районе полудня на курганах появился Сергей Николаевич в сопровождении А.Д. Столяра. Ко мне они пришли в конце визита. Я рассказал о стратиграфии кургана, показал набросок плана с реконструкциями насыпей, как я себе это представляю⁸. Сергей Николаевич заинтересовался, посмотрел на бровки с разных сторон, одобрил качество зачистки, спросил: где еще я был на раскопках, какую тему диплома я хочу избрать? Узнав о моем интересе к таврам, вспомнил о своей юности, когда ему довелось вместе с его учителем Г.А. Бонч-Осмоловским копать каменные ящики под Белогорском. Я знал статью Г.А. Бонч-Осмоловского, опубликованную в журнале «Крым» в 1926 г., где автор впервые связал таврские памятники с кизил-кобинской культурой, и это С.Н. Бибикову явно понравилось. В это время призывно прозвучал сигнал машины, и со словами «труба зовет» С.Н.Бибиков покинул курган, добавив - «до вечера!». Проводив С.Н. Бибикова к машине,

⁸ В полувековой археологической карьере курганы явились главными объектами моих раскопок. Суммируя все воспоминания, хочу подчеркнуть – я всегда был оптимистом, всегда верил в неграбленные погребения, думал о замечательных вещах, которые мы обязательно найдем! Я всегда был настроен позитивно и, надеюсь, поэтому столь счастливо сложилась моя судьба в археологии, подарив мне множество уникальных памятников и находок разного времени и разных эпох.

А.Д. Столяр вернулся на курган и рассказал почему Бибииков оказался у нас в экспедиции. Его недавно назначили директором Института археологии АН УССР и сейчас он объезжает экспедиции, работающие на Украине. И сам он тоже планирует копать в Крыму. Вечером, после ужина, Сергей Николаевич предложил мне пройтись перед сном и поговорить. Собственно, это был не разговор, а допрос. Меня он закидал вопросами о том, как я учусь, как у меня обстоит с иностранными языками, как со здоровьем, интересовался семейным положением, чем увлекаюсь, что читал и читаю, в каких городах бывал и что видел, наконец, какие у меня планы после Университета. Спрашивал легко, непринужденно, что-то уточнял по ходу моих ответов. Мне было любопытно – со мной еще никогда и никто так не разговаривал, тем более, что мои ответы Сергей Николаевич нередко комментировал с каким-то добрым юмором и вместе с тем не без ехидства. В конце прогулки Сергей Николаевич спросил: как я думаю, даст ли мне Университет рекомендацию в аспирантуру. «Надеюсь, но точно не знаю. Мы с моим руководителем это не обсуждали, да и основания не было – никто не приглашал», - ответил я. Тогда договоримся так – подвел итог нашей беседы Сергей Николаевич – расскажите у Вас на кафедре о нашем разговоре и напишите мне, дадут ли вам рекомендацию в аспирантуру Института археологии Академии наук Украины. Через год я буду брать к себе в аспирантуру одного-двух человек и если у Вас будет диплом с отличием и рекомендация деканата, то я считаю Ваши шансы вполне реальными. Только нужно серьезно поработать в последнем студенческом году. Этот памятный разговор был где-то в 20-х числах августа. [...].

28-го августа 1954 г. завершился мой первый полевой сезон. Вечером была отвальная, а утром я уехал в город, где в отделе археологии Крыма сдал дневник и папку чертежей и получил заработанные деньги, хороший отзыв о работе в поле, подписанный начальником экспедиции П.Н. Шульцем, и приглашение приезжать в экспедиции отдела, когда будет такая возможность... Поезд плавно отошел от вокзала, я стоял у окна вагона, смотрел на уходящий назад город, пригородные строения, палисадники у сельских домов и вот перед глазами открылась безграничная степь. Вдруг я увидел курган, затем еще один и еще. Время шло, а я все стоял у окна и поражался как же много курганов здесь, в степях Крыма. А ведь каждый из них хранит свою тайну. Никогда раньше я не обращал внимания на некие холмы «среди долины ровныя...». И мое прозрение, конечно

же, было итогом первого полевого сезона, проведенного на курганах. С тех пор и на всю жизнь во мне остался этот рефлекс – попадая на какое-то обозримое пространство, я немедленно ищу курганы. Так было в Японии и Мексике, Турции и Греции, Грузии и Молдавии, Болгарии и Венгрии, Австрии и Германии, Швейцарии и Италии, Франции и Испании, Израиле и Иордании – везде, куда вела меня археологическая судьба.

Я вернулся в Харьков окрыленным – самое главное – я убедился в верности выбранной профессии. Все, что я видел, про что слышал и чему научился, - было захватывающе интересно! Да и удача мне сопутствовала: попал на истфак Университета, приняли в научный кружок при кафедре, взяли на специализацию по древней истории и археологии. А внимание со стороны моих учителей на кафедре, а советы добрых наставников в Крыму, а работа в поле под руководством А.Д. Столяра. Ну, а что касается решения правительства о переводе Крыма в состав Украины и, как следствие, знакомство с С.Н. Бибииковым, - то это просто откровенное везение! Сразу же по приезду в Харьков я позвонил Борису Андреевичу Шрамко и коротко рассказал о разговоре с С.Н. Бибииковым и спросил, что он думает о возможности получения рекомендации в аспирантуру Института археологии АН Украины. «Думаю это реально, но давай я поговорю об этом с Константином Эдуардовичем. Он как зав. кафедрой должен поговорить с деканом», - сказал Б.А. Прошло пару недель и на заседании кружка я сделал доклад о симферопольском кургане №7. После доклада Б.А. повел меня к профессору К.Э. Гриневичу. Он попросил рассказать подробнее о разговоре с С.Н. Бибииковым и сказал, что говорил с деканом о рекомендации меня в аспирантуру. Декан отнесся положительно, но только запросил официальное письмо из Киева с просьбой о рекомендации в аспирантуру выпускника такого-то. Еще не дослушав до конца фразы профессора, я уже энергично отрицательно качал головой, а потом сказал: «нет, я не могу утруждать С.Н. Бибиикова; он меня просил сообщить ему даст ли мне рекомендацию факультет, а я вместо ответа «да» или «нет» буду просить его писать какие-то письма, занимать его время. Что ему делать нечего!» Все уговоры ни к чему не привели, и тогда Константин Эдуардович, тяжело вздохнув, сказал: «Ну и молодежь нынче пошла. Ладно, у меня корона с головы не упадет. Я сам Сереже Бибиикову позвоню, все-таки он у нас в Херсонесе еще совсем мальчишкой появился. Он ведь севастопольский». Прошло долгих 2

недели, я все время спорил сам с собой: прав я или нет и что теперь будет или ничего не будет. После лекций меня вызвал декан. Антон Григорьевич Слюсарский читал нам еще на первом курсе историю СССР с древнейших времен и до XVII века включительно. Сдал я экзамен на «отлично» и больше, мне казалось, студенческая судьба меня с ним не сталкивала. Но это было не так. Ведь письма-просьбы о содействии в Крым и в Ленинград от имени факультета подписывал декан. Он принял меня очень тепло, расспрашивал про экспедицию, про раскопки, про знакомство с С.Н. Бибиковым, а в заключении показал мне только что полученное письмо из Института археологии из Киева с вопросом может ли факультет рекомендовать меня в аспирантуру Института, так как я, работая в крымской экспедиции Института, проявил себя..., и дальше шли комплименты, которые конечно же относились не ко мне, а к А.Д. Столяру. Я еще раз смог оценить какой же я счастливчик, особенно когда декан сказал, что факультет даст мне рекомендацию и добавил только: «чтобы диплом и гос. экзамены были сданы на отлично». Главное теперь было написать качественный диплом. По совету Б.А. Шрамко, учитывая предстоящие экзамены в аспирантуру Института археологии, было решено сделать дипломную работу максимально археологической, то есть показать умение работать с археологическим материалом, в моем случае с изделиями из глины, металла, кости и камня, типичными для кизил-кобинской культуры раннего железного века Крыма. И лишь в расширенном заключении, опираясь на письменные источники и литературу, надо было показать единство исторических тавров и носителей кизил-кобинской археологической культуры. Работа спорилась, да и заделы (курсовая, мои доклады, записи и зарисовки из музеев и архивов Крыма и Ленинграда) были достаточно серьезны. Я планировал сразу после зимних каникул, передать Б.А. Шрамко текст дипломной работы с тем, чтобы было время для исправлений и дополнений текста диплома. В январе, во время сдачи экзаменов, стало известно, что на факультет пришло письмо с кафедры археологии МГУ о том, что в марте 1955г. в Москве состоится Первая Всесоюзная студенческая археологическая конференция. Харьковский университет пригласили в ней участвовать. Наша кафедра рекомендовала декану командировать в Москву Володю Кадеева с 4-го курса и меня с 5-го. Прибавилась еще одна ответственная работа - хотелось достойно представить наш Университет в Москве. По Совету кафедры надо было дополнить и

расширить свой доклад о раскопках 7-го симферопольского кургана. Мне вновь повезло: перед последним учебным годом я участвовал в большой экспедиции, где прошел полноценную археологическую полевую практику. А теперь, за два месяца до окончания учебы, мне предстояло участвовать в специализированной научной (пусть студенческой) конференции. Тогда же мы узнали, что руководителем конференции будет член-корреспондент АН СССР, зав. кафедрой археологии МГУ, профессор А.В. Арциховский. Одно его имя не могло не волновать – ведь мы все учились по его учебнику «Основы археологии». Интересуясь археологией эпохи бронзы и раннего железного века, я думал: удастся ли увидеть, может, и услышать ведущих ученых профессоров Б.Н. Гракова, С.В. Киселева, В.Я. Брюсова... А пока нужно было писать диплом и готовить доклад к конференции. В середине февраля я отдал Б.А. Шрамко первый вариант дипломной работы и у меня был еще месяц для доведения до ума доклада для студенческой конференции в Москве. Конференция проходила в старом здании МГУ на Моховой улице. С Курского вокзала мы проехали одну остановку на метро и вышли на площадь Революции. Прошли мимо гостиницы «Москва», пересекли улицу Охотный ряд и улицу Горького (теперь, как и в досоветском прошлом – Тверскую), прошли мимо гостиницы «Националь», здания Американского посольства (позднее, где-то в 60-х годах посольство переехало на Садовое кольцо) и вошли во двор МГУ, где справа был расположен Геолого-разведочный институт, а слева, перпендикулярно Моховой, располагался Университетский корпус, где на первом этаже размещалась кафедра археологии МГУ. Я навсегда запомнил эту дорогу потому, что во все последующие приезды в Москву, я всегда приходил в это здание, где работали и учились многие мои коллеги-друзья и профессор Борис Николаевич Граков, крупнейший специалист в области античной эпиграфики и скифо-сарматской археологии. Но тогда, в марте 1955 г., я впервые в жизни попал в помещения, где располагалась специализированная кафедра археологии. Главное место занимал большой длинный зал с высоченными потолками, вдоль стен которого стояли шкафы, заполненные, в основном, старыми книгами. Поблескивали золоченные корешки журнала Московского археологического общества «Древности», Труды Археологических съездов, Материалы по археологии Кавказа, Отчеты и Известия Императорской Археологической комиссии, различные энциклопедии на многих

языках, разные словари и далее шла советская периодика, книги по разным проблемам истории, археологии, этнографии... Глаза разбегались. А всю центральную площадь зала занимали более двух десятков плоских витрин, составленных в виде огромной буквы П. В них размещалось множество археологических находок, начиная от палеолита и до позднего средневековья. Это была учебная коллекция, здесь учились будущие археологи. А при входе в зал на дверях висело расписание лекций и семинаров для студентов-археологов. Здесь я понял разницу в образовании, которое получали мы в вузах периферии и столичные студенты. Студентам МГУ читали специальные курсы по основным археологическим периодам: каменный век, эпоха меди-бронзы, ранний железный век, средние века; к их услугам были великолепные учебные коллекции и прекрасная библиотека. А от имен профессоров, работавших со студентами МГУ, кружилась голова! Это были ведущие специалисты страны: В.Я. Брюсов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, Б.Н. Граков, В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков. Я вспомнил рассказы А.Д. Столяра и понял, что примерно также организована работа и в Ленинградском университете, а спецкурсы там читают ведущие ученые из Эрмитажа и Института истории Материальной культуры (Ленинградское отделение). Да, думал я, интересно как будут выглядеть наши сообщения в сравнении с докладами москвичей и ленинградцев. Но это будет завтра, а сегодня мы все зарегистрировались, получили расписание работы конференции (3 дня) и, о радость, всех приезжих разместили в новом высотном здании МГУ на Ленинских горах, каждый получил отдельную комнату и это было здорово! А следующим утром началась работа конференции. Молодцы, московские студенты – все организовали очень хорошо. Приветственным словом открыл конференцию профессор А.В. Арциховский, а затем начались доклады студентов из разных городов страны. Доклады сгруппировали по регионам с учетом хронологии памятников, о которых шла речь, мне показалось, что все доклады слушали с интересом, вопросы задавали не только студенты, но и профессора, присутствующие на заседаниях. Мне выпало выступать во второй день, перед перерывом на обед. Я рассказал о погребениях 7-го симферопольского кургана, о его стратиграфии на основании анализа которой предложил реконструкцию насыпи. Боясь волнений, решил читать доклад по написанному тексту, но сделать это не удалось – все

время обращался к чертежам (профилям бровок и общему плану кургана), висевшим на доске. Поэтому весь доклад я сделал не обращаясь к тексту. Вопросов ко мне не было, и всей гурьбой мы пошли в столовую МГУ. После обеда ко мне подошла юная супружеская пара московских археологов Вера Ковалевская и Дега Деопик и сказали, что со мной хочет познакомиться Сергей Владимирович Киселев. Я был явно удивлен и смущен, и ребята, видя мою реакцию, подбодрили: «не дрейфь, ему понравился твой доклад» и повели меня к профессору. Высокий, широкоплечий с крупными чертами лица и громким голосом, Сергей Владимирович протянул большую руку и предложил сесть. Спросил, на каком я курсе, где был на раскопках кроме Крыма и, выслушав ответы, сказал, что ему понравился анализ стратиграфии кургана и он считает, что мой доклад полезно будет опубликовать. Я слотнул (испытав то состояние, которое баснописец И.А. Крылов описал как «в зобу дыханье сперло»), голос у меня почему-то пропал, и я почти шепотом спросил: «а что для этого надо сделать?». Видя мою реакцию, Сергей Владимирович весело рассмеялся и спросил, есть ли у меня текст доклада и, не дожидаясь ответа: «дайте мне его и после вечернего заседания зайдите ко мне сюда». Не очень понимая, что все это значит, пошел заседать дальше. После заседания увидел идущего навстречу С.В.Киселева. Он протянул мой доклад и, обратив внимание на страницу, вложенную в текст, сказал: «завтра в час дня вас ждет в Институте (имелся в виду Институт истории материальной культуры АН СССР) Татьяна Сергеевна Пассек. Отдадите ей статью с моим отзывом; желаю успеха». Присесть было необходимо. Я медленно прочел хвалебный отзыв и обратил внимание на подпись – «Доктор археологии С.В. Киселев»⁹. На завтра я ушел с заседания еще до обеденного перерыва – торопился на свидание с Татьяной Сергеевной Пассек. Я знал, что она крупнейший специалист по трипольской культуре, то есть понимал, что проблемы бронзового века Юга СССР ей хорошо знакомы, и раздумывал о чем она может меня спросить. С дрожью в коленях я постучал в комнату с табличкой «Краткие сообщения». Глубокий бархатный женский голос пригласил

⁹ Отзыв был написан авторучкой синими чернилами. Как жаль, что в то время не было копировальных машин и я не мог сохранить в своем архиве подлинный автограф большого ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР. Впрочем, возможно, он сохранился в архиве Кратких сообщений ИИМК АН СССР.

войти. Я увидел не молодую, но очень красивую женщину. Высокая, в темном платье с белоснежным воротничком, Татьяна Сергеевна Пассек абсолютно очаровывала бездонными серыми очами и открытой улыбкой. Шикарные черные косы, уложенные вокруг головы, отливали серебром благородной седины. Никогда в жизни я не видел женщин в летах красивее Татьяны Сергеевны. Она предложила сесть и попросила рассказать об учебе и моих интересах в археологии. Спросила о перспективах. Узнав, что я заканчиваю в этом году учебу, обрадовалась, что меня приглашают в аспирантуру в Киев; затем пролистала доклад, пробежала отзыв С.В. Киселева, попросила написать мой адрес и добавила, что мне дадут знать в каком номере «Кратких сообщений» статья будет опубликована. Вдруг Татьяна Сергеевна как-то радостно улыбнулась собственной догадке и добавила: «через месяц-два я пришлю вам на официальном бланке уведомление, что ваша статья принята к печати и будет опубликована в таком-то номере журнала. Надеюсь, это бумага пригодится при рассмотрении ваших документов в киевской аспирантуре». Мне осталось сердечно поблагодарить Татьяну Сергеевну и откланяться. Я бросился бегом на кафедру, благо старое здание Института было недалеко. Началось последнее заседание конференции. Итоги работы подводил А.В. Арциховский. Оба харьковских доклада были отмечены. А вечером студенты МГУ, организаторы конференции, пригласили всех участников в общежитие на Стромынке, где было шумное застолье с тостами, песнями и танцами. Веселились, радовались знакомству, благодарили гостеприимных хозяев. Прощаясь, обменивались адресами, и я безмерно рад, что многие участники этой конференции сохранили между собой дружеские отношения на всю жизнь. Все вновь обретенные товарищи стали хорошими специалистами, кандидатами и докторами наук, есть среди нас и член-коры разных академий, а Юра Буряков стал академиком Узбекистана, но вне зависимости от званий и количества прошедших лет, мы всегда рады видеть друг друга.

А дома меня ожидала правка текста дипломной работы по замечаниям Б.А.Шрамко и подготовка к выпускным экзаменам. Время буквально летело, но его хватило и на отличную защиту диплома, и на отличную сдачу государственных экзаменов. Совсем незаметно пролетели 5 счастливых лет университетской учебы,

подошел день официального выпуска, где нам вручили дипломы, а затем состоялся выпускной вечер. Вспоминая свою учебу и работу в кружке, я не нашел места рассказать ни об успехах нашей шахматной сборной университета – а ведь мы всегда боролись за первое место среди 30 харьковских вузов и вечным соперником у нас был Политехнический институт, с которым мы, обычно, и разыгрывали финал городских соревнований. Играл я и в баскетбол, сначала за сборную факультета, а потом и Университета. И еще об одном увлечении нельзя не упомянуть. С первого курса нас активно втягивали в факультетскую самодеятельность. Не помню точно, как это получилось, но уже с конца первого курса я читал стихи Маяковского и выходил на факультетскую сцену в качестве ведущего вечера. Но просто объявлять номера было скучно и, начиная со второго курса, мы вдвоем с первокурсником Виленом Кирилловским дуэтом читали басни, разыгрывали скетчи, как могли заполняли паузы между выступлениями солистов – певцов, музыкантов, чтецов, танцоров. А через год нам поручили вести смотр университетской самодеятельности, где мы разыграли несколько миниатюр. Видимо, они пользовались успехом, но приглашение вести сводный концерт студентов ХГУ, посвященный 150-летию Университета (весной 1954 г.), мы в один голос отвергли. Тем более, что концерт должен был идти на сцене оперного театра. Мы даже во сне не могли себя представить на профессиональной сцене. Нет и нет! Нас вызвали к декану, у него в кабинете был секретарь партийного бюро факультета. Мы не поддавались на все уговоры; декану это надоело: «Все, это не приглашение и не поручение, а это приказ декана!». Я не выдержал и ответил: «Антон Григорьевич, но ведь это не учеба, это всего лишь самодеятельность, дело сугубо добровольное», на что последовал немедленный ответ: «столько лет живете на свете, учитесь на истфаке и так и не усвоили, что такое добровольно?!». В голосе декана нотки удивления, возмущения и насмешки прозвучали очень отчетливо. «Идите, готовьтесь и не подведите факультет», – завершил разговор декан. Я вспомнил старый анекдот: волк поймал журавля: «сейчас тебя съем». Журавль: «но разреши исполнить предсмертный танец». Волк: «давай быстро, жрать хочу». Журавль взмыл вверх. Глядя в небо, волк подумал – «и на кой черт мне эта самодеятельность?!». Юбилейный концерт прошел замечательно, а через пару дней мне и Виле позвонили из харьковского театра эстрады и пригласили нас на работу. Я отказался, а Виля, после окончания Университета,

успешно выступал на эстраде. Возвращаясь к выпускному вечеру, надо вспомнить подготовку к нему. В это время завершалось восстановление огромного здания Дома проектов, разрушенного во время войны, и в этот дом должны были переехать все факультеты Университета. Не забыли мы и только что прошедшее 150-летие Университета. Так родилась идея конференса выпускного вечера. Она состояла в том, что через 150 лет ведутся раскопки там, где в наши дни размещается истфак. Археологи находят протоколы заседаний разных кафедр, деканата, профкома, комсомольского бюро (инстинкт самосохранения не позволил нам найти протоколы заседания партийного бюро), экзаменационные билеты, зачетные книжки и другие свидетельства факультетской жизни. Эти документы мы с Вилей «оживили» на сцене. Здесь была сдача экзаменов и консультации к ним. Это были семинары с ответами студентов, обсуждения итогов сессий, расселение студентов по комнатам в общежитии и т.д. С помощью художников была изготовлена яркая афиша предстоящего вечера. Ее мы сделали в стихах. Я запомнил только заключительные строки объявления о вечере:

Мы сидели и корпели,
Мы не спали и не ели,
Мы курили, но не пили,
Вас порадовать спешили,
Отложили преферанс
И родили конференс!
Мы готовы в нем играть и чечетку отбивать, выпадая из штанов
Баткин, Ветров и Лесков
И что б Вам не скучно было
Сотник и Курилов.¹⁰
Если все же конференс вышел ерундовский
Значит в этом виноват Виля Кирилловский!!!

Говорят, вечер прошел блестяще. Полный зал студентов и гостей, которые покатывались со смеху. Помню одну сценку – пытаюсь как-то вытащить студента-неуча на экзамене по новой истории, отчаявшийся педагог говорит: «Соберитесь, последний вопрос – сколько лет длилась Семилетняя война»? Студент задумался, поднял

¹⁰ Нестеренко хоть трудился
В рифму он не уложился

очи к потолку, зашевелил губами, потом стал складывать пальцы и, наконец, ответил: «восемь». Реакция зала понятна. Теряя голос, педагог прошипел: «даты войны 1756-1763 гг.!». «И я так считал» – обрадовался студент и стал загибать пальцы: «1756, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63 - получается 8 лет». Педагог убегает, схватившись за голову, а студент пожимает плечами и спокойно уходит со сцены.

Благодарностью декана всем участникам концерта, очередными поздравлениями выпускников и шумным застольем запомнился мне июньский вечер 1955 года. Эх, хорошо бы сейчас отдохнуть, но было не до того. Осталось менее двух месяцев для подготовки к экзаменам в аспирантуру. Впрочем, это уже начало следующего, киевского периода моей жизни.

УДК 930:929 Копелев + 378.4 (477.54) (093)

**ЛЕВ ЗИНОВЬЕВИЧ КОПЕЛЕВ
И ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ**

От составителя: О Л.З. Копелеве я узнал благодаря его «Вуппертальскому проекту»¹. Этот проект не может не вызвать восхищения. И дело не только в его масштабности, но и направленности. Его суть изложил Яков Драбкин в замечательной книге «Лев Копелев и его «Вуппертальский проект»: «Получив в начале 1980-х годов постоянную работу в Бергском университете в Вуппертале, Лев Копелев обрел возможность собрать группу немецких энтузиастов широкого профиля – историков, филологов, искусствоведов, культурологов. В руководимом им университетском семинаре вскоре началось разностороннее изучение обозначенных еще Гёте (который первым в 1828 году ввел в обращение понятие «мировая литература») проблем «западно-восточных отражений». В данном случае, речь шла прежде всего о тысячелетних российско-немецких духовных, культурных, человеческих связях. Постепенно выкристаллизовывался смелый и многотрудный рабочий план, рассчитанный на годы: собрать и обобщить литературный тезаурус накопленной веками народной мудрости россиян и немцев. ... [Исследователи] поставили перед собой двустороннюю задачу: во-первых, реконструировать уходящую корнями далеко в глубь

¹ См. подробнее: Кожевникова А. М. «Вуппертальский проект» Льва Копелева: научное и общественно-политическое значение. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012.

© С. И. Посохов, 2014

РОЗДІЛ V

Документи

веков историю появления у обоих народов «образа чужого», а во-вторых, обосновать осознанную в полной мере лишь в наши дни настоятельную необходимость решительного искоренения устойчивых исторических предрассудков, и особенно «образов врага». Были задуманы две параллельные серии, составляющие десяток больших, основательно документированных и щедро иллюстрированных томов «Западно-восточные отражения. Вуппертальский проект исследования под руководством Льва Копелева истории немецко-русских образов врага от истоков до XX века». Серия «А» (красная) – «Русские и Россия глазами немцев» и серия «Б» (зеленая) – «Немцы и Германия глазами русских»². Первый том был готов в 1984 г., а всего вышло 12 томов.

После того, как я ознакомился с содержанием книги о Вуппертальском проекте, мне захотелось больше узнать о его авторе, сведения о котором в моем сознании определялись всего лишь несколькими словами: «диссидент», «эмигрант», «друг Сахарова». Оказалось, что его судьба была связана с родными мне Харьковом и Харьковским университетом. В 1926 вместе с родителями он переехал в Харьков: работал разнорабочим, учеником токаря, затем стал сотрудником заводской многотиражки Харьковского паровозостроительного завода (ныне Завод имени В. А. Малышева), в 1933 г. поступил в Харьковский университет. Более того, обратившись в архив Харьковского университета я обнаружил его личное дело и узнал, что он учился на философском отделении исторического факультета! В личном деле сохранилось оригинальное фото тех лет и некоторые документы. Приложив совсем немного усилий я обнаружил в интернете воспоминания Л. З. Копелева, где идет речь, в том числе, и о харьковском периоде жизни. Они были совсем недавно переизданы в Харькове благодаря инициативе Харьковской правозащитной группы и при поддержке представительства Фонда Генриха Бёлля в Украине³. Важно отметить, что в конце указанной книги Е. Захаров опубликовал некоторые документы (протокол допроса двоюродного брата Копелева М. С. Поляка и «Дело о

² Драбкин Я. О Копелеве в жизни и творчестве // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / под ред. Я. С. Драбкина. – М. : Памятники исторической мысли, 2002. – С. 63–64.

³ Копелев Л.З. И сотворил себе кумира / Харьковская правозащитная группа. Харьков: Права людини, 2010. – 482 с. Доступ: <http://library.khpg.org/files/docs/1336072969.pdf>

контрреволюционной троцкистской группе в редакции газеты «Харьковский тепловозник»»). Тогда я поймал себя на мысли, что мне хочется сопоставить данные документов и воспоминаний, что я и сделал. К чести Льва Зиновьевича воспоминания «не грешили против истины», но, в известной мере, воспоминания и документы дополняют друг друга, а в своей совокупности позволяют увидеть больше нюансов, подробностей, понять хитросплетения многих процессов. Именно после этого я решил сделать нечто подобное и с университетской страницей жизни Л. З. Копелева. Ниже приводятся выдержки из воспоминаний об университете⁴, а также документы⁵. Надеемся, что тем самым не только появится возможность «сравнить» и «дополнить» информацию, но и состоится возвращение в историю университета одного из его бывших студентов.

Из воспоминаний Л. З. Копелева⁶

Глава 10. Конец юности

Философский, исторический и литературный факультеты¹ Харьковского университета после 1933 года разместили в здании², из которого выехало ГПУ-НКВД. В подвалах оставались еще решетки на окнах и железные двери с волчками. Там, в бывших камерах, мы устроили типографию – наборный цех, печатный, склад бумаги. Редакция заняла большую сводчатую полутемную камеру, где и днем приходилось зажигать свет. Уже в первом семестре меня назначили ответственным секретарем. Редактором был доцент-физик, член университетского партбюро³. Он преподавал, писал научные работы, недавно женился на красивой студентке, и поэтому был постоянно занят множеством внередакционных дел; явными заботами о здоровье жены и плохо скрываемой ревнивой тревогой. Тем больше приходилось работать мне. На заводе мы привыкли к штурмам и аврамам ежедневной газеты, а листовки для танкового

⁴ Впервые книга «И сотворил себе кумира...» была опубликована в 1978 г. в США в издательстве «Ардис».

⁵ Благодаря за помощь в поиске документов директора университетского архива Л.И. Онацкую.

⁶ Выдержки из воспоминаний взяты из указанной кн.: Копелев Л.З. И сотворил себе кумира / Харьковская правозащитная группа. Харьков: Права людини, 2010. – С. 312-325, 329-331, 333-339.

отдела и строителей выпускали не менее десятка в сутки. И работа в еженедельной университетской многотиражке⁴ казалась поначалу просто развлечением. Авторы – студенты и преподаватели – были куда грамотнее заводских. Их статьи и заметки приходилось только сокращать. Проблемы возникали главным образом из-за соперничества факультетов. Физики и математики традиционно презирали краснобаев-гуманитариев. Они, а также химики, биологи и географы занимались в старом здании на Университетской горке⁵, куда мы ездили трамваем, и воспринимали их как беспокойных туземцев другого континента.

Иногда с утра, перед лекциями, почти в каждую перемену и обязательно после занятий я приходил в подвал верстать, держать корректуру, собирать очередной номер.

Прохладный, сыроватый сумрак бывшей камеры случалось возбуждал тревожные мысли: кто здесь сидел? Не отсюда ли уводили расстреливать?.. Я пытался представить себе, какие они, эти шпионы, петлюровские, белогвардейские заговорщики, фашистские агенты... Почему-то считалось, что оппозиционеров и спец-вредителей держат не в подвальных, а в „верхних“ камерах, вроде той, в какой побывал и я в 1929 г. О пытках, избиениях я не думал. Это было немыслимо. [...]

Нет, я не поддавался сомнениям и колебаниям. И добросовестно редактировал и сам сочинял статьи, репортажи, заметки о борьбе против вражеской идеологии и философии, в политэкономии, в истории; обличал „меньшевистствующий идеализм“ Деборина, „механическую метафизику“ Бухарина, „ползучий эмпиризм“ Сарабьянова, примиренчество к „субъективистской“ теории относительности Эйнштейна и т.д. и т.п.

Думал ли я о том, насколько справедливы были эти грозные обличения? Если иногда и задумывался, то бесплодно. [...]

В годы войны и потом в тюрьме я рассуждал менее примитивно и менее цинично, чем в пору юношеского радикализма. Но понадобилось еще не меньше двух десятилетий, прежде чем я стал различать понятия *искренность* и *нравственность*. Искренним бывает и злодей-фанатик, когда его слова и поступки соответствуют

его убеждениям. А нравственен лишь тот, кто постоянно сверяет свои убеждения с жизнью, с тем, куда ведут слова и поступки, определяемые его убеждениями (Достоевский). И еще позднее начал я сознавать, что „нравственность человека лучше всего выражается в его отношении к слову“ (Лев Толстой). „Убийство правдивого слова... было одним из самых черных злодейств, совершаемых десятилетиями“ (Лидия Чуковская).

Поднимаясь из редакционно-типографского подвала наверх, я окунался в океан знаний. На лекциях и семинарах старался ничего не упустить. Записывал все возможно подробнее. Читал все, что было обязательным, все, что преподаватели называли „факультативным“, не обязательным, выискивал и такие книги, которые вовсе не называли. И, разумеется, хвастался каждым подобным „встречным планом“.

Профессор философии В. Чемоданов⁶ (брат московского лингвиста) доказывал, что Фалес, Демокрит и Аристотель – прямые предшественники марксистского материализма, что Спиноза был чистейшей воды материалистом и атеистом, а Гегель стал по-настоящему велик и гениален лишь после того, что Маркс и Энгельс перевернули его диалектику „с головы на ноги“. Тогда как без этого он повинен во многих грехах, и Ленин справедливо писал на полях его сочинений: „врет, идеалистическая сволочь!“.

Профессор математики Воробьев⁷ так понятно и увлекательно объяснял нам основы аналитической геометрии, дифференциального исчисления, интегрирования и теории вероятности, что мы прощали ему явно примиренческое отношение не только к старинным идеалистам Декарту, Ньютону, Лейбницу, но и к „неисправимому махисту“ Эйнштейну.

Политэкономия читал маленький подслеповатый лысый профессор⁸, страстно влюбленный в „Капитал“. Он говорил о нем вдохновенно и косноязычно, как говорят о женщине или о стихах. Меня он заразил этой влюбленностью. До глубокой ночи, не уставая, читал я и конспектировал; старался уследить за каждым движением властных мыслей, то плавно растекающихся до необозримой широты, то стремительно порывистых, круто поворачивающих

молнийними зигзагами, то нагромождающих утомительные подробности, сложные умозрения, то вспыхивающих поэтической метафорой, шуткой или врастающих в зримо пластический образ. Главу о первоначальном накоплении читал и впрямь, как поэму.

Профессор истории, пожилая не улыбкающая „парт-тетя“, говорила не столько о событиях и фактах, сколько о различных порочных концепциях и теориях. В лекциях по античной истории она прежде всего изобличала всяческие буржуазные, фашистские и „социал-фашистские“ толкования, опровергала зловерного Каутского, который представлял раннее христианство источником социалистических и коммунистических идей.

Русскую историю мы учили, „прорабатывая“ ошибочные суждения Плеханова, а позднее и Покровского, которого на предшествовавшей экзаменационной сессии полагали главным марксистским историком. И особенно яростно проклинали украинских „буржуазных националистов“ – Грушевского, Яворского, Ефремова.

Семинар по истории вела молодая ассистентка, которую мы прозвали „бешеной“. Она с неподдельной личной ненавистью поносила Мирабо, жирондистов, глубоко презирала оппортунистов Дантона и Демулена, снисходительно жалела Робеспьера и его сторонников, „ограниченных мелкобуржуазностью“ и пылко восторгалась геберистами, бешеными и, конечно, Бабефом.

Лекции по литературе мы слушали на литфаке. Александр Иванович Белецкий⁹ был первым, кто объяснил мне, что вторая часть „Фауста“ – не рифмованная образованность, а великолепная поэзия. Его лекции учили снова и снова перечитывать „Фауста“ и стихи Гете, каждый раз находя в них все новые неожиданные клады.

Языковед профессор Булаховский¹⁰ насмешливо зло полемизировал с Марром, который тогда считался основателем и лидером марксистской лингвистики. Но рассуждения Булаховского были и понятнее и интересней, чем тягостно вязкие статьи Марра – иные оказывались для меня почти непролазными. Я старался критически воспринимать подозрительные по идеализму уроки

Булаховского, но покоряли его знания, остроумие, изящная точность мыслей. К тому же тогда казалось, что в языковедении не может быть серьезных политических уклонов.

Именно поэтому два года спустя в Москве я поступил уже в институт иностранных языков, надеясь, что, познавая языки и словесность других народов, буду полезен стране и мировой революции, без таких сделок с совестью, которые стали неизбежны для тех, кто занимался философией, политэкономией, новейшей историей, – особенно отечественной, – и журналистикой.

Но еще за год до этого решения, которое мне представлялось трагически смиренным отказом от юношеской мечты о революционной политической деятельности, я хотел изучать прежде всего философию, историю, политэкономия – т.е. приобретать знания, необходимые для участника (а, может быть, и одного из руководителей) грядущих войн и революций.

Впрочем, новую стоическую решимость облегчила давняя любовь к Шиллеру, Гете, Гейне, Байрону, Диккенсу, Гюго, Твену и многим другим зарубежным поэтам и писателям. Мне не приходилось заставлять себя; корни этой науки никогда не казались мне горькими.

Летом 1934 года все военнообязанные студенты нашего курса стали на три месяца красноармейцами-бойцами 337-го стрелкового полка 80-й донбасской дивизии и проходили сбор в палаточном лагере на крутом берегу Азовского моря вблизи Мариуполя.

С не меньшим рвением, чем „Капитал“, изучал я винтовку и пулемет, зубрил уставы. И тайно завидовал товарищам, которые быстрее меня бегали, дальше бросали гранату, лучше „работали“ на спортивных снарядах, метче стреляли... [...]

В то лето я очень старался быть хорошим бойцом и очень хотел стать хорошим командиром. Ежедневно выкладывался на спортивной площадке; скрывал хвори и к концу лагерного сбора получил значок „Ворошиловского стрелка“ и звание помкомвзвода – три треугольника в петлицах.

Но, вернувшись в Харьков, опять свалился с тяжелым приступом колихолистита. И опять болезнь помогла образованию. За несколько недель в постели я законспектировал два тома „Капитала“, „Малую логику“ Гегеля, зубрил математику, физику; выздоровев, сдал все сессии за второй курс и перескочил сразу на третий.

...Шла партийная чистка¹¹. Ежедневно в самой большой аудитории старого здания заседала комиссия. Каждый желающий мог прийти, задавать вопросы, высказывать свое мнение о том, кто проходил чистку. Комиссия оглашала те письменные заявления, иногда и анонимные, которые считала нужным проверить публично. Большую часть нашей газеты стали занимать отчеты о ходе чистки и заметки о разоблаченных перерожденцах, обманщиках, скрывавших свое происхождение или былые грехи, очерки о достойных коммунистах, чьи заслуги и добродетели были подтверждены проверкой.

Когда чистили нашего редактора, он стоял на трибуне, смущенный, растерянный, а ему из зала задавали вопросы о неправильно поставленных отметках, о квартирной склоке, о каком-то родственнике – нэпмане. Потом вышел к трибуне сотрудник редакции городской газеты, который стал рассказывать, что наш редактор писал „политически ошибочные статьи“, восхвалял каких-то недавно разоблаченных физиков-идеалистов и даже вовсе буржуазных, иностранных ученых.

Тогда и я попросил слова и стал защищать идеологическое целомудрие нашего редактора, доказывал, что его обвинитель злонамеренно искажает факты, выдает за восхваление простую информацию о зарубежных научных работах, своей демагогической болтовней о бдительности проповедует невежество...

На следующий день в редакционный подвал вошел некто в темносинем френче и сапогах, пожилой, уныло серьезный, то ли партработник районного масштаба, то ли преподаватель истории партии.

Он положил на стол несколько листов бумаги, исписанных крупным почерком с завитушками. (Одно время я увлекался

графологией и считал, что такие завитушки свидетельствуют о тщеславии, самодовольстве, умственной ограниченности.)

– Это надо передовой в следующий номер.

– Передовые у нас пишет ответственный редактор, а следующий номер уже в машине.

– Ваш редактор еще не прошел чистку. Хотя у него и очень языкастые защитники, но комиссия еще не приняла решения. А этот материал нужно давать немедленно. Так что машину придержите.

Листки были заполнены стандартными фразами о партийности, бдительности, о благотворных последствиях чистки, призывами повышать, углублять, усиливать... Подпись – Блудов¹² – мне ничего не говорила.

– Не вижу причин, чтобы останавливать машину, задерживать номер. В нем серьезные конкретные материалы о чистке, а тут одни общие фразы.

– Вы слишком много себе позволяете. Это партийные установки, а не фразы. А вы – наглый мальчишка, вы еще не знаете, с кем дело имеете, сопляк!

– Нет, знаю с кем. С набитым дураком... И в полумраке было заметно, как взблеснули его тусклые маленькие глаза. Взблеснули злобно и удивленно.

– Ах, вы так разговариваете?! Ну вы еще пожалеете, очень пожалеете!

Он сунул листы в карман и ушел.

На следующий день я узнал, что это был новый ректор университета. Прежнего уже вычистили¹³. Друзья из университетского комитета комсомола советовали мне пойти извиниться, либо даже лучше написать письмо: „Простите, не знал, закрутился, расписывался“... Но я не хотел. Ведь он первый начал ругаться. И спор был не идеологический, не политический. Обыкновенная свара, как в трамвае, и к тому же наедине.

Наш редактор благополучно прошел чистку. И вскоре докладывал новому ректору о газете. Тот ничего ему не сказал о стычке со мной. Дал ту же самую статью. И она, разумеется, была напечатана. Мы сочли, что „инцидент исперчен“.

Шли последние ноябрьские дни 1934 года.

Холодный сумрак нашего подвала стал мне привычен. Случалось, я назначал там свидания девушкам. Иные пугались:

– Ой, неужели тебе здесь не бывает страшно? А если бы двери запереть? Я бы, наверно, с ума сошла, если бы тут одна осталась.

Такие испуги – и настоящие и тем более нарочитые – приятно ускоряли и усиливали близость.

Кто мог бы тогда предсказать, что холодное дыхание тюрьмы, которое я впервые ощутил весной 29-го года и так бездумно воспринимал в подвале университета, просквозит через все последующие годы, то неслышно, гнилостно расползаясь моровой язвой, то взывая в удушливых смерчах, круша, губя, испепеляя миллионы жизней, что это мертвенно-холодное дыхание нагонит меня уже на фронте, за Вислой, и скует на много лет¹⁴. [...]

Прошло несколько дней и я услышал, что арестован мой двоюродный брат Марк¹⁵.

Меня вызвали прямо в райком комсомола. Парторг факультета Кубланов¹⁶ и комсорг курса Антоновский говорили, что я – не разоружившийся трокист, поддерживавший подпольные связи со своим двоюродным братом и с „трокистскими центрами“ на паровозном заводе и на других факультетах университета. Они называли множество фамилий. Некоторые из них мне были знакомы по газетам – из корреспонденции о разоблаченных двурушниках, – но большинство совсем не известны.

Секретарь райкома спрашивал Кубланова и Антоновского: – А кто его дружки-приятели на факультете? Ага, это вы еще не установили? Про внешние связи вам, конечно, другие сигнализировали, а вы сами, значит, только ушами хлопали. Он же у вас отличник считается.

Через курс прыгал¹⁷. В редакцию многотиражки пролез. А кто ему помогал из членов комитета? Из преподавательского состава? Там же у вас наверняка целое гнездо. А он еще тут в райкоме, слышите, как доказывает за свою сознательность, что он всей душой, значит, за генеральную линию. Вроде мы не знаем, как все они, такие, значит, умеют говорить и писать за Советскую власть. Даешь! Ура! А делать, значит, совсем наоборот, тихой сапой. Самое нахальное двурушничество.

Он даже не спросил, хочет ли кто-нибудь из членов бюро райкома высказаться. Заседали уже несколько часов. В тот день рассматривали десятки персональных дел; главным образом исключали. В кабинете секретаря было душно. Тускло желтый свет люстры со стеклянной бахромой расплывался в сизом табачном дыму. Все сидели усталые, осовелые, сонные. Непрерывно курили. Секретарь тоже явно устал. Он смотрел на меня без неприязни и гнева, с безнадежным и словно брезгливым равнодушием. А ведь мы были давно знакомы. Раньше он работал на ХПЗ, был секретарем цеховой ячейки, членом заводского комитета, приходил к нам в редакцию. Однажды после субботника на строительстве Тракторного он и еще кто-то притащили в котлован водки, луку и соевых пряников. Мы все выпили. Обратно шли с песнями, с частушками. Запевали попеременно то он, то я. После этого вечера мы встречались как приятели. Когда он стал секретарем райкома и пришел на собрание в университет, то окликнул меня по-свойски: „Здорово, паровозник! Значит, в науку подался? Грызешь гранит? Философ? Это хорошее дело. Значит, держи комсомольский паровозный курс в философии. А кто тут еще из наших есть?“

Но теперь, когда я пытался возражать на абсурдные, лживые обвинения, он оборвал:

– Хватит, наговорился. Все ясно. Мы вам не верим, и верить не будем. Значит, одно мнение – исключить. И еще добавить пункт, что, значит, не место в университете. И еще: отметить притупление бдительности факультетской организации. И пункт на дальнейшее: чтобы, значит, проверили связи. Кто ему подсоблял, на кого он мог влиять. А также сообщить в организацию паровозного завода, где его принимали. Кто за? Против нет? Воздержавшихся тоже.

И я вышел на вечернюю зимнюю улицу. Одинокий в многолюдной толчее. Встречавшие и обгонявшие разговаривали, смеялись. За освещенными окнами – розовыми, желтыми, разноцветными – в трамваях, в автобусах – всюду люди, занятые своими делами, бедами, радостями. Они близко, но никому нет до меня дела...

Подумал, что, вероятно, так должен чувствовать мнимый покойник, оцепеневший в летаргическом сне. Вокруг жизнь. Друзья, родные, знакомые. Хлопочут. Живут. А его несут в могилу и никто не может помешать...

Через несколько дней вернулась из Киева Надя¹⁸. Как отнесутся на ее химическом факультете к моему исключению? Я знал, что она ни за что не отступится от меня. Но она не умела ни отругиваться, ни лавировать-дипломатничать. И совершенно не умела говорить неправду. Что, если и там есть наглые демагоги, вроде Кубланова?

К счастью, Надя не была комсомолкой и на химфаке не нашлось особенно бдительных активистов. Ее не тронули. Зато неожиданно возникло „дело“ у моего брата Сани. Он учился в химико-технологическом институте на втором курсе. Недавно стал комсомольцем. Сосед и приятель наших родителей Иван Иванович Плисе, сын сельского кузнеца, в юности был членом боевой организации боротьбистов; после 1905 года попал на каторгу; в 17-м году стал большевиком, комиссарил в Красной Армии; одно время был заместителем наркома сельского хозяйства Украины. В ту зиму он работал где-то в России, но семья еще оставалась в Харькове. Иван Иванович, его жена – тоже член партии, и сын – школьник очень хорошо относились к Сане. Их книжный шкаф стал главным источником его политического образования. Саня нашел там и сборник „За ленинизм против троцкизма“, изданный в 1924 году, составленный из статей Зиновьева, Каменева и Сталина, дружно поносивших Троцкого – автора „Уроков Октября“, как меньшевика, отступника, врага ленинизма и т.д. Эту книгу у Сани выпросил на одну ночь секретарь его комсомольской ячейки. То ли ее заметил кто-то из бдительных соседей в общежитии, то ли сам секретарь поспешил отличиться, но доброжелатель из комитета предупредил Саню, что на него заведено персональное дело о распространении

троцкистско-зиновьевской литературы и что его обязательно будут спрашивать, у кого он достал эту книгу. [...]

На следующее утро после заседания райкома, на котором меня исключили, в университете был вывешен приказ ректора: „исключить из состава студентов как неразоружившегося троцкиста“.

Я позвонил в заводскую редакцию. Петя Грубник¹⁹ говорил нервно:

– Исключили, говоришь? И ты уверен, что неправильно? А про Фрида²⁰ уже знаешь? И про этих, Рубижановича²¹ и Раева²², тоже? Ты же с ними дружил. Что значит „все дружили“? Каждый должен отвечать за себя. Я уже свои ошибки признал. Потерял бдительность, как шляпа. Верил Фриду и его друзьям. И тебе верил. Я же тебе рекомендацию в партию давал и характеристику подписывал. А тебя вот исключили из комсомола. Я не отрицаю, что верил. Если надо, дисциплинированно приму кару. Умел воровать – умей и ответ держать. А сейчас ты чего хочешь? Чтоб я опять за тебя писал? Ручался, да? Ну и что ж, что знаю? Если спросят, скажу, что знаю. Я и про Фрида и про Дуську знаю, я им тоже давал характеристики. Вот и получил строгача с занесением. А теперь еще и за тебя отвечать? Нет, ты скажи, что бы ты на моем месте делал? Скажи честно! Не знаешь? Ну, вот, и я не знаю. Пиши заявление в комсомольскую организацию. Пусть коллектив решает, какую тебе давать новую характеристику по случаю исключения. Или в партком напиши. От нас ты уже больше года, как ушел. А что ты это время делал, лучше знают те, кто тебя исключал.

Секретаря парткома Василевского, того самого, кто в 32-м году уговаривал Фрида перейти из цеха в редакцию, мы недолюбливали. Считали его типичным аппаратчиком – смекалистым, деловитым демагогом и карьеристом, готовым на любые сделки с совестью. Обращаться к нему было бесполезно. К Трусову я не хотел идти; он только что исключил Дуса и Леву, обрек их на арест. И я опять позвонил в заводское ГПУ, Александрову. Он говорил, как всегда, приветливо, спокойно, хотя в иных словах слышались новые, жесткие интонации.

– Чего же ты раньше не звонил, пока еще дело в райком не пошло? Вот как, значит, миновали ячейку. Поспешные там у вас товарищи. На устав не смотрят. И уже из университета наладили? А насчет здешних дел знаешь? Да, это ведь ты Малиновскому про голодовку позвонил? Что значит, не понимаешь ареста?! Решали, конечно, не мы. А те, кто его знает не хуже, чем ты, да я, а много лучше. Мы дали объективную характеристику. Но высшие органы расценили голодовку, как провокацию. Да ты не ахай, не ахай. Ты понимаешь, что я тебе говорю? Ты уже не пацан и не барышня с ахами да охами. Все, что ты можешь сказать, называется субъективная точка зрения. Субъективно он, может быть, тебе кажется честнее самых честных; душой и телом за Советскую власть и хотел доказать, как лучше. Но объективно получилась антипартийная провокация. А при его прошлом – вдвойне вредная, даже опасная. В Гражданскую войну бывали такие, например, факты и в армии, и у нас в Чека: свой парень, крепкий большевик, лично честный, даже геройский, субъективно хотел, как лучше, а вышло наоборот – упустил вражину или гробанул своих. И его к стенке. Безо всякого. Невзирая ни на старые заслуги, ни на хорошие намерения. Вот так и теперь. По всей стране боевая тревога. А эти дружки Фрида вообразили себя умнее партии, умнее органов. И что делают? Лезут защищать оппозиционера, арестованного за антисоветскую провокацию. Как это можно расценивать? У тебя же у самого в прошлом пятно есть... Ну и что ж, что пацаном был? Другие пацаны злее стариков. И родича у тебя опять посадили. Так чего же ты хочешь? Чтoб за тебя заводская организация заступилась или ты, наоборот, за этих заступаться будешь? Ты слыхал, как они себя вели на собрании?..

Он спрашивал не слишком настойчиво, без подозрительного недоверия и „поддавливания“. Отвечая, я говорил о Фриде, о Дусе, о Леве только хорошее. И старался говорить возможно более достоверно, убедительно. Напоминал о необычайной доброте Фрида, о его бескорыстии, скромности, о том, как он подбирал беспризорных детей; снова и снова повторял, что он – человек, не способный соврать, беспредельно искренний. Для вящей объективности несколько свысока говорил о его чудачествах, как он теряется в обществе женщин, не выносит матерной брани. О Дусе и Леве я сказал, что совершенно уверен: они – хорошие, честные

парни, только политически неграмотные, интересуются главным образом футболом, девушками, выпивкой. А Фрида они просто очень уважали, как старшего товарища и жалели, как доброго чудака.

Сначала мне даже показалось, что Александров слушает сочувственно. И я стал как бы подсказывать ему возможные защитные аргументы. Предложил, что сам все это напишу подробно. Он прервал резко:

– Этого еще не доставало: твоей писанины. Ты радуйся, что нам все доподлинно известно. И тебя не спрашивают. Дело на все сто процентов ясное. Не то, могли бы и еще кой-кого привлечь. А ты ведь с ними компанию водил. И ты же не только футболом интересуешься. Ты должен за собой особенно строго следить. Мы тебя знаем. Но университетские товарищи, видишь, как лихо распорядились. И это безо всякого конкретного дела. А ты сообразил, что может быть, если полезешь в адвокаты? Ты что, газет не читаешь? Совсем заучился?

...И я испугался. Начал „отстраняться“ – сказал, что уже почти два года не встречался с ними, что единственная встреча за последние месяцы была, когда они рассказали мне о голодовке и я сразу же стал звонить ему. Говорил, что из-за напряженной учебы – я ведь перешел с первого курса сразу на третий, – и общественной работы, – я ведь почти что один делал еженедельную университетскую многотиражку, – и из-за болезней, я вообще отдалился от всех старых заводских товарищей... Все это тоже было правдой „в общем“. Но я старательно подчеркивал выгодную для меня правду.

Александров, должно быть, услышал мой испуг.

– На тебя у нас компромата нет. Это я, как раз, точно знаю. Был разговор в связи с этим делом. Но ты имей ввиду: „кто прошлое помянет, тому глаз вон. А кто забудет, тому оба долой!“ Твое комсомольское дело сейчас пойдет в горком. Ты напиши им, чтобы запросили завод – организацию, которая тебя в комсомол принимала и на учебу послала. Я поговорю в парткоме, как член бюро. У нас без вины виноватых не должно быть. Это не по-советски. Но только ты сам будь аккуратней с разговорчиками. А то язык и дальше Киева довести может.

И я последовал его совету.

В горьком комсомола мое дело не рассматривали, но завод запросили и потом все материалы передали в бюро обкома. Меня вызвали на заседание. Все было совсем по-иному, чем в райкоме. Неторопливо. Спокойно. Секретарь обкома Гриша Железный доложил коротко, что парткомитет и комитет комсомола паровозного завода „характеризуют положительно“. Вот пишут „активно боролся на идеологическом фронте, также и с троцкизмом и с правым уклоном. Хорошо проявил себя в трудных условиях, в прорывах и на селе...“

Исключение отменили. Но вынесли мне выговор за притупление политической бдительности. Ведь мой двоюродный брат был арестован, а я, хотя раньше его знал, как троцкиста, проглядел его деятельность в последние годы.

Ректор, не напоминая о нашей первой встрече, отказался восстановить меня в университете. Сослался на выговор и на то, что не сдана сессия, которая проходила как раз в те дни, когда я был исключен.

Пришлось апеллировать в Наркомпрос Украины и для этого поехать в Киев.

До середины мая я жил в Киеве, то у родственников, то у друзей, больше всего у Олеси С. Еще в школе Олесю, лихую спортсменку, прозвали „девка-бек“. В нее попеременно были влюблены два моих друга, некоторое время и я. Ее отец Иван Федотович С.²³ до революции был подпольщиком, политкаторжанином, в Гражданскую войну членом ревкома, армейским комиссаром. Потом бывал секретарем разных горкомов и окружкомов. В 1934 году стал Наркомсобес. Все друзья Олеси его почитали. Ко мне он всегда относился хорошо: ему нравилось, что я увлеченно изучал политграмоту, историю, старался побольше узнавать о событиях и людях революции и гражданской войны. И все это не для зачетов, а для себя. Я рассказал Ивану Федотовичу о своих злоключениях. Он задал несколько вопросов, поглаживая серо-седые запорожские усы – „подковой“.

– Добре. Я тебе помогу. Только потерпи. И сам никуда не суйся.

Он был приятелем Наркомпроса Затонского²⁴ и уполномоченного НКВД-ОГПУ по Украине Балицкого²⁵.

Мне оставалось только ждать, пока он находил „подходящие условия“, чтобы поговорить, а потом, чтобы напомнить. (Весной 1935 года отношения между старыми партийными товарищами, которые стали сановниками, наркомами, были уже достаточно усложнены престижными, номенклатурными соображениями, оглядками на внутрипартийные союзы и конфликты).

Иван Федотович в конце концов добился: наркомпрос отменил мое исключение из университета. Помог он и Сане, его восстановил ЦК Комсомола Украины.

Подробно рассказывал я ему также о Фриде, Дусе и Леве; просил совета и помощи.

Но он возразил хмуро.

– Допускаю, что они – хорошие хлопцы. И этот твой Илья Фрид, что называется – щирая душа. Но очень уж мягкий у него характер. Христосик. А политическая борьба – жестокое дело. Его голодовка – вредная глупость. За такое панькаться не будут. И нельзя панькаться. Те хлопцы, которые за него против целой организации уперлись, может, даже еще вредней. В оппозицию играть вздумали. В такое время. Вот ты вчера за чаем нам докладывал про саарский плебисцит. Какой богатый край Гитлеру достался. И варшавские паны с ним уже дружки-приятели. И румыны, и прибалты в ту же сторону гнут. А у нас тут черт-те-шо делается. Выстрел в Кирова – грозный сигнал. Очень грозный. Для нас оппозиции всегда поганое дело были. Ты же сам покоштовал того меду. Должен понимать. Теперь любая оппозиция – уже прямая контрреволюция! Никакой снисходительности быть не может. У Сталина крутой нрав. Но сейчас необходим именно такой вождь. Прекраснодушные слюнтяи, добренькие болтуны могут привести только к поражениям, к страшной катастрофе... Ты говоришь: эти хлопцы хотели хорошего, чтоб все по-честному. Один заграничный мудрец, – забыл я его

прозвище, – сказав „благими намереннями вымощена дорога в пекло“. Вот они и вымостили себе дорожку в ДОПР. Мой совет и наказ тебе – не путайся в ихние дела. Дружба дружбой, но партия нам дороже всех друзей. Я взялся тебе помогать не за твои карьеры, а потому что знаю: ты дельный комсомолец, полезный партии и Советской державе. А если б ты такие же дурацкие штуки или вроде выкаблучивать стал, если б тебя за дело притянули, я бы и мизинцем не поддержал. А, может, и сам бы дал хорошего тумака. Кто бы там ни был, хоть брат, хоть сват, хоть мои дорогие дочки, – если пойдет против партии, – и знать не хочу.

В мае Сталин произнес речь о том, что „люди – самый ценный капитал“... что необходима чуткость и забота о человеке.

Вернувшись в Харьков, я узнал, что Марк Поляк и Фрид осуждены на пять лет лагерей каждый, а Дус и Лева – на три года.

В университете я на занятия не ходил, оформил восстановление, сдал сессию за третий курс и отчислился.

Отца перевели на работу в Москву и мы с Надей решили ехать с ним.

Марк погиб на Колыме. Фрид погиб на Воркуте. Иван Федотович, Затонский и Балицкий были арестованы и погибли в 37-м году.

Документи

Заява-анкета

Прошу прийняти мене на І²⁶ курс *філософського*²⁷ факультету ХДУ. Про себе подаю такі відомості:

1. Прізвище *Копелев ім'я Лев по-батькові Зиновевич*
2. Дата народження *1912 р. 9/IV* 3. Стать *чол.* 4. Національність *єврей*
5. Сімейний стан *жонатий* 6. Кільк. утриманц. – 7. Місце народження *м. Київ*
8. Партийність *ЛКСМУ № кв. 33385179. Профспілка ВСРТМ № 503680*
10. Родина вступаючого (підкреслити): з спеціалістів²⁸
11. Соц. походження (основне заняття батьків до революції й тепер): *Батько був і є, так до революції як і після як і тепер агроном (див. труд список, що дається)*
12. Чи мають виборчі права: сам *так* батьки *також*
13. Що робив (чи робить) до вступу: *зав. партсельсектор р-ції ХПЗ*
14. Загальний труд. стаж *6 р.* 15. Стаж за основн. фахом *5 р.*
16. Освіта (підкреслити): *Школа II ступеня*
17. Скільки років, де вчився, що закінчив: *3 1923 – 27 р., в семиріччі в Києві у стш №6 до 1926 р. й закінчив у Харкові 1927 р.*
22. Громадська і політична робота: *На заводі вів комсомольські школи в Т-2 й в сталеливарному цехах. Член літстудії.*
23. Додаткові відомості: *Госпитальная ул. д. № 20, кв. 4²⁹.*
25. Наведені в анкеті відомості стверджується *Редактор «Харк. Паровозн.» А. Фрейдензон³⁰ [подпись и печать]*
- 4 / VIII 1933 р.
26. до цього додаю такі документи (зазначити назву та №№ документів)
1. Довідку від редакції про надіслання на учебу³¹
2. Рекомендацію від редакції
3. Довідку про освіту
4. Тимчасову довідку замість трудсписка
5. Довідку про належність батька до ІТС
6. Трудсписок батька

7. Рекомендація від ЗК ЛКСМУ ХПЗ

8. - || - від трикутника 1-ої ХРК 6 б.т. (будплощадка)

9. Довідка про щеплення

А разом 9 документів

Підпис

28. Бали вступних іспитів

Математика (письмово) *доб.*³²

Мова (письмово) *доб.*

Мова (усна) *доб.*

Фізика *доб.*

Хемія *доб.*

Соцек *доб.*

29. Постанова прийм. комісії Філ. фак. [підпис] 14 / IX 33

(Архив ХНУ имени В.Н. Каразина. Ф. 1. Оп. 5: личные дела студентов
стационара за 1929–1936 гг. поступления; окончивших ХГУ и не окончивших.
Д. 498: Копелев Лев Зиновьевич. Л.1)

Протокол №

Засідання пленуму Комітету комсомолу від 3/XI – 1934 р.³³

Порядок денний

1. Справа аспірантської комсомольської групи літфаку
2. Справа комсомольця Демури (геофак)
3. Справа комсомольця Ясько (фізмат)

Слухали: 1. Справа аспірантської комсомольської групи літфаку.

Красильник (комсорг аспірант. групи літфаку). Постанова ХМПК розбудила і дала змогу нам виявити всі недоліки в нашій роботі і засміченість націоналістичними контрреволюційними елементами. На літфаці працював бурж. націоналіст Коряк³⁴, Парадиський³⁵, Наконечний³⁶, Булаховський (великодерж. шовініст), Розенберг³⁷ націоналістично трактує всі моменти в літературі. [...] Ми притупили класову пильність і цього всього не помітили. Аспіранти Шаховський, Курашова, Павлій, Сінько, Тарапата і інш. працювали з Коряком і не намагалися викристити Коряка. Сигналізували тільки питаннями про академроботу аспірантів. Курашова говорила, що Коряк сприяє тому, щоб вона не працювала в ХДУ, але це не є боротьбою з націоналізмом. [...] Курашова хоч і вела боротьбу, але

не зовсім принципово, не довела її до кінця, тому їй винесли догану. Курашова. З резолюцією групи не погоджується. Вважає, що резолюція невірно дає політичну оцінку ряду принципових питань. Вважає, що треба шукати коріння глибше, а саме в блоці націонал-опортуністичної групи аспірантів..., що прийшли з Інституту Шевченка із націоналістично-контрревол. професурою. Пропонує свою резолюцію. Заявляє, що вона ставила питання перед партбюро про націоналістичні програми, але партбюро поставилось до націоналістів по примиренському.

[...]

Дебати:

[...]

Копелев: Група аспірантів, що прийшла з Інституту Шевченка, маючи досвід націоналістичних помилок, не врахували цього і пішли по лінії зрощування з класовим ворогом. Комгрупа правильно в основному поставилася до цієї групи, але деякі товариші недостатньо критикували себе. Курашова протиставляє себе групі і комсорганізації в цілому. Курашова має заслугу, сигналізувала про націоналістичну небезпеку, вона правильно розкривала Блюміну. Але тепер вона намагається виступити як єдиний носій класової пильності серед організації, яка спить. Це спроба зняти з себе відповідальність за все, що робилося на факультеті, це спроба перестрахувати себе.

[...]

Копелев пропонує виключити Шаховського, але це відхиляють.

[...]

Слухали: 2. Справа комсомольця Демури (геофак).

Демура признався, що він син куркуля, проліз до університету.

Ухвалили: Виключити з комсомолу.

Слухали: 3. Справа комсомольця Ясько (фізмат). Одержали матеріали, що він син розкуркуленого і висланого. Ясько приховує своє соціальне походження. КСМ організація ухвалила виключити з комсомолу і поставити питання про виключення з університету. Довідки про соцстан спочатку не дав, потім приніс, але вони різні: в одній батько – бідняк, в другій – середняк.

Ясько – Батько селянин-середняк. Куркулем не був, виборних прав не позбавлений. До 1930 р. середняк. З 1930 р. член колгоспу. Зараз працює в МТС – Андріїванівський район Одеська область.

Ухвалили: Відкласти до 14/XI ц.р. Вияснити про дійсне соцпоходження батька.

(Там же. Л. 6–15 об.)

Рапорт

Ректору ХДУ
 Прошу В/ розпорядження про виключення студ. 3-го к. філ. відділу
 Копелева Л. З. як троцькіста, виключеного Ф.К. КСМ із лав.
 Пом. декана Істфаку ХДУ [підпис нерозбірливо]
 16/II-35 р.
 [Резолюція] Повідомити т. Чепігу³⁸, що вже виключено. [підпис
 нерозбірливо]
 17.II.35

(Там же. Л. 16)

Службова записка

Народний комісар
 соціального забезпечення
 УСРР 31.V.35 р.
 Здоров, т. Нефоросний!
 Вважаю, що ви зробили помилку з студ. Копелевим
 Надсилаю копію свого листа до В.П.³⁹
 Мені здається, що постанову чи наказ треба переглянути
 Вітаю.
 З Ком. привітом.
 [Підпис] Ів. Слинко

(Там же. Л. 19)

Довідка

Ленінська комуністична спілка молоді України
 Харківський обласний комітет ЛКСМУ
 29/III-35 № 42-Б-38

Копія

Про тов. КОПЕЛЕВА

Враховуючи, що тов. КОПЕЛЕВ не скривав своєї належності в 1929 році до троцькістів, а також за час перебування в лавах ЛКСМУ вів боротьбу з троцькістами – поновити його в правах члена ЛКСМУ.

За те, що не виконав постанови КСМ групи, яка зобов'язала його виступити на загально-університетських зборах та розоблачити свою бувшу належність в 1929 р. до троцькістської групи, винести тов. КОПЕЛЕВУ – догану.

СЕКРЕТАР ХАРКІВСЬКОГО
 ОБЛАСНОГО КОМІТЕТУ ЛКСМУ А. ТАТАРНИКОВ

(Там же. Л. 20)

Витяг

З наказу № 79-а від 16/II 35 р. по Харк. держ. університету
 Студ. Копелев Л.З. курсу 3-го
 Іст-факу
 Виключити зі складу студ. ХДУ як троцькіста
 Підстава: рапорт дек. Іст. фака.
 19/V-35 р.

(Там же. Л. 21)

Звернення

Копія
НАРОДНОМУ КОМІСАРУ ОСВІТИ УСРР
тов. Затонському В. П.
Особисто
21-го травня 1935 р.

ШАНОВНИЙ ВОЛОДИМИР ПЕТРОВИЧ!

Нагадую Вам про мою розмову з Вам(и) відносно студента Харківського університету – комсомольця КОПЕЛЕВА.

16/II-35 р. наказом ректора Харківського університету було звільнено студента філософського факультету КОПЕЛЕВА, як виключеного факультетською організацією комсомола з лав ЛКСМУ за належність до троцькистів.

Я особисто знаю Л. КОПЕЛЕВА декілька років, ще коли йому було 16 років і він ще не був комсомольцем, група Харківських троцькистів і комсомольців обробляли його. Коли КОПЕЛЕВ розібрався, куди ведуть троцькисти, він рішуче відмежувався від них, вів з троцькистами активну боротьбу, вступив до лав комсомолу і всією своєю роботою на ХТЗ⁴⁰ доказав на ділі свою відданість партії та комсомолу. В університеті йому пригадали колишній його зв'язок з троцькистами і викинули з лав комсомолу. Бюро Харківського Обкому ЛКСМУ 29/III-35 р. відновило його членом комсомолу, але в прийому його до університету йому було відмовлено, хоч наказ ректора й відмінено.

КОПЕЛЕВ за моїми спостереженнями є дуже здібна людина. Виключення його з університету буде помилкою. В крайньому разі його можна перевести на інший факультет.

Прошу Вас особисто розібратись в цій справі і розв'язати її.

Додаток: Довідка за підписом ПАВЛОВСЬКОГО

Копія постанови Бюро Харківського Обкому ЛКСМУ.

НАРОДНИЙ КОМІСАР
СОЦІАЛЬНОГО ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ УСРР / І. СЛИНЬКО/

(Там же. Л. 22)

ДОВІДКА
У.С.Р.Р.
НАРОДНИЙ КОМІСАРИАТ
ОСВІТИ

Копія з копії

Наказ ректора Харківського Держуніверситету від 16/II-35 в зв'язку з поновленням тов. КОПЕЛЕВА в комсомолі – відмінити.

Вважати тов. КОПЕЛЕВА вибувшим зі складу студентів Харківського університету. В поновленні на історичний – відмовити.

ЗАВ ВІДДІЛУ УНІВЕРСИТЕТІВ – ПАВЛОВСЬКИЙ
[Резолюція]: Виконати наказ НКО т. Павловського. Всі документи Копелева видати на руки останньому. [Підпис] 10/VI-35 р.

(Там же. Л. 23)

СПРАВКА

Дана КОПИЛЕВУ⁴¹ Л. З. в том, что он действительно учился в Харьковском Гос. Университете на философском отделении Исторического факультета с 1/IX – 1933 г. по 16/II – 35 г.

Согласно приказа по Харьковскому Госуниверситету за № 79-а, от 16/II – 35 г. он был исключен как троцкист, но Приказом Наркомпроса УССР от 5/V – 35 г. приказ ХГУ отменено, с формулировкой «Считать тов. КОПИЛЕВА выбывшим из состава студентов Харьковского Университета».

КОПИЛЕВ Л.З. за время пребывания в Университете сдал следующие дисциплины:

Политэкономия	Биологию (до дарвинизма)
Всеобщую историю	Истор. ВКПб (до 1914 г.)
Диамат	Латинский язык
Историю философии (до Гегеля)	Экономгеографию
Высшую математику	История СССР
Физику	Ист. тех-ки (до тех-ки кап. обществ)
Химию	

Секретарь Харьковского
госуниверситета
1.VI – 35 г.

(Там же. Л. 25)

Заявление

Декану философск.
факультета ХГУ
от Копелева

В справке, выданной мне дирекцией ХГУ о прослушанных мною на В/ факультете дисциплинах, не указаны оценки и количество часов. Очень прошу Вас в дополнение к справке выслать мне еще офиц. справку о моих оценках по диамату, общей истории, политэкономии и истории философии. Наск. я помню, во время учебы в ХГУ по этим дисциплинам я имел не ниже «отлично». Данная справка мне сейчас нужна при заполнении зачетной книжки (учусь в Московск. институте западн. языков).

Очень прошу удовлетворить мою просьбу.

Москва 15.XI. 35   Подпись

Москва 17

Кадашевский пер. д. 3, кв. 10.

P.S. Лучше всего если Вы вручите упомянут. выше справку т. Бердичевскому, который передаст Вам заявление.

(Там же. Л. 28–28 об.)

Справка

Успеваемость
Студ. истор-философ. ф-та
Копелева Л. З.
XII. 1935

1933 I курс

III к. I семестр

1. Немец. яз. – отлично	1. Диамат – отлично
2. Полит. эконом. – хорошо	2. Немецк. яз. – отлично
3. Истор. философ. – хорошо	3. Биология – хорошо
4. Латинский яз. – удовл.	4. История ВКП (б) – отлично
5. Математика – удовл.	5. Химия – хорошо
6. Общ. история – отлично	6. Истор. тех-ки – отлично

С подлинным верно: Зав. арх. ХГУ   Подпись

(Там же. Л. 29)

Комментарии**Воспоминания**

¹ Восстановление университетов в УССР и других республиках предполагалось Постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. Выполняя это решение, СНК Украины своим постановлением «Про організацію на Україні державних університетів» возродил Харьковский университет в составе 8 факультетов, среди которых назывались исторический и философский. Однако реально свою деятельность университет начал в составе 7-ми факультетов. Считается, что философский факультет не смог начать свою работу из-за отсутствия преподавательских кадров. Тем не менее, в середине 1930-х годов часто говорили и писали в документах «философско-исторический»/«историко-философский» факультет или шла речь о «философском отделении исторического факультета».

² Здание на ул. Мироносицкой, 1. В 1929 г. улица была переименована в ул. Равенства и Братства, а перед войной стала называться ул. Дзержинского. Здание было построено в 1925 г. для Наркомата труда. После того, как в 1934 г. столицей стал г. Киев, на непродолжительное время оно было передано университету. В 1992 г. решением Высшего арбитражного суда было возвращено на баланс университета. После капитального ремонта в 1993 г. в этом здании разместились экономический и социологический факультеты.

³ Вероятно, речь идет об Иосифе Наумовиче Кравце – редакторе университетской газеты в 1934 – 1937 гг. (о нем см.: Каніщев Г. Ю. Редактори університетської газети // Найстаріша вузівська газета України (до 70-річчя багатотиражної газети Харківського державного університету). – Х., 1997).

⁴ В это время университетская газета называлась «За нові кадри».

⁵ «Университетская горка» - так называют ту часть города, где возник Харьковский университет (ул. Университетская).

⁶ Сведения о нем найти не удалось

⁷ Возможно, упомянут доц. В. И. Воробьев (умер во время оккупации зимой 1941–42 гг.).

⁸ Возможно, речь идет об Александре Васильевиче Сазонове (1897 – ?), который в период 1927–1933 гг. преподавал в Украинском институте красной профессуры, а затем в университете политэкономии и курс марксизма-ленинизма (с 1938 по 1942 гг. ректор).

⁹ Белецкий Александр Иванович (1884–1961) – литературовед, академик АН УССР. В 1907 г. окончил историко-филологический факультет, с 1912 г. приват-доцент Харьковского университета, преподавал в ХИНО и возрожденном университете.

¹⁰ Булаховский Леонид Арсеньевич (1888–1961) – лингвист, академик АН УССР, член-корреспондент АН СССР. В 1910 г. окончил историко-филологический факультет, с 1916 г. приват-доцент Харьковского университета, преподавал в ХИНО и возрожденном университете.

¹¹ Как докладывал на районной партийной конференции в январе 1934 г. ректор Я. С. Блудов, в результате проверки были уволены с работы 50 студентов и 20 преподавателей.

¹² Блудов Яков Семенович (1897–1984) – первый ректор возрожденного университета (1933–1934). Участник гражданской войны. В 1926 окончил Коммунистический университет имени Артема, в 1929 г. аспирантуру Украинского института марксизма-ленинизма. В 1929–1930 гг. ректор Харьковского института народного образования, а после его реорганизации – директор Харьковского физико-химико-математического института. В 1932 г. возглавлял Институт красной профессуры при Президиуме ВУЦИК. С 1930 г. профессор кафедры диалектического и исторического материализма Всеукраинской академии марксизма-ленинизма. В 1934 г. был осужден на 5 лет заключения, которые отбывал в ГУЛАГе в Архангельской обл., в 1939 г. был освобожден с лишением прав принимать участие в выборах и запретом проживания в крупных городах. Жил и работал в Купянске. В 1956 г. был реабилитирован, вернулся к преподавательской деятельности в университете – профессор кафедры философии.

¹³ Следующим ректором (1934–1937) стал Алексей Иванович Нефоросный (1897–1937) – участник революционного движения и гражданской войны, выпускник Харьковского института народного хозяйства, затем партийный работник. В январе 1937 он был исключен из партии и расстрелян в декабре 1937 г. Вряд ли он мог принести для печати статью отстраненного от руководства университета Я. С. Блудова. Наверное, это и был сам Я. С. Блудов. Т.е. автор воспоминаний, вероятно, в данном случае ошибается.

¹⁴ Когда в 1945 году Советская армия вошла в Восточную Пруссию, Копелев был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорён к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». В «шарашке» Марфино встретился с Александром Солженицыным, стал прототипом Рубина в его книге «В круге первом». Освобождён в 1954 г., реабилитирован в 1956 г.

¹⁵ Поляк Марк Самойлович (1905–1937) – педагог, политработник. В 1929 г. арестован, но вскоре освобожден. В 1935 г. снова арестован, приговорен к заключению. Как выяснил Е. Захаров, был расстрелян под Медвежьегорском вместе с Лесем Курбасом и другими деятелями украинской культуры.

¹⁶ Кубланов Борис Григорьевич (1905–1981). В 1930 г. токарь на ХПЗ, затем рабочий завода «Серп и молот». В 1931–1933 гг. учился в Харьковском механико-математическом институте, с 1933 по 1936 г. в Харьковском государственном университете. В 1936–1937 гг. помощник декана исторического факультета. С 1937 г. преподаватель, затем доцент кафедры диалектического материализма. Преподавал философию на историческом факультете, одновременно исполнял обязанности редактора университетской многотиражки «За більшовицькі кадри». В 1939 г. был направлен во Львовский университет. С 1963 по 1978 гг. – заведующий кафедрой философии Львовского университета.

¹⁷ Судя из опубликованной в данном сборнике академической справки, Л. З. Копелев действительно каким-то образом «перескочил» с 1-го на 3-й курс.

¹⁸ Надежда Колчинская – первая жена Л. З. Копелева.

¹⁹ Петр Грубник – рабочий ХПЗ (электросварщик), рабкор, затем, в связи с болезнью глаз, его перевели работать исключительно в редакцию газеты, руководил также заводским литкружком.

²⁰ Фрид Илья Соломонович (1900 – после 1938). Заведующий отделом редакции газеты «Харьковский паровозник». В 1929 находился под следствием и выслан за троцкистскую деятельность, в 1935 г. арестован, умер в лагере.

²¹ Как установил Е. Захаров, правильно – Рабижанович Давид Львович (1913 – ?). Работал в той же газете. Арестован, направлен в исправтрудлагерь, затем сослан в Красноярский край. В 1956 г. реабилитирован,

²² Раев Лев Борисович (1914 –?). Работал в той же газете. Арестован и сослан. В середине 1960-х проживал в г. Мирный Якутской АССР, тогда же реабилитирован и переехал в г. Ростов-на-Дону.

²³ Слынько Иван Федотович (1888 – 21.10.1937) – государственный и партийный деятель. Родился в семье крестьян с. Оржица (теперь Гребенковский район Полтавской обл.). С 1910 г. был учителем в высшей начальной школе в Оржице. В конце 1917 г. возглавил Оржицкую волосную управу. Позже работал в Полтавском губисполкоме. В 1923–1925 гг. председатель исполкома Подольской губернии, в 1930 г. – председатель

исполкома Николаевского округа. В 1934 г. был заместителем народного комиссара юстиции УССР. С 1934 г. по 14 марта 1936 г. нарком социального обеспечения УССР. Репрессирован.

²⁴ Затонский Владимир Петрович (1878–1938) – государственный и партийный деятель, академик АН УССР. В 1922–1924 и 1933–1938 гг. – нарком просвещения УССР. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

²⁵ Балицкий Всеволод Аполлонович (1892–1937) – нарком внутренних дел УССР в 1924–1931 гг., зам. пред. ОГПУ СССР в 1931–1934 гг., особоуполномоченный ОГПУ в Украине в 1932–1933 гг., полпред ОГПУ по УССР и пред ГПУ УССР в 1933–1934 гг., нарком внутренних дел УССР в 1934–1937 гг. Расстрелян.

Документи

²⁶ Курсивом обозначено то, что вписано в бланк формуляра чернильной ручкой рукой Л. З. Копелева. Пропущенные пункты формуляра содержат прочерки.

²⁷ Первоначально написано «філософського», потом этими же чернилами сверху «історичного», затем снизу другими чернилами снова «філософського».

²⁸ Первоначально написано, а затем вычеркнуто «службовці та їх діти»

²⁹ Вписано другой рукой

³⁰ Первоначально написано «секретар редакції «Хар. Паров» Л. Танклевская», потом вычеркнуто теми же чернилами.

³¹ Так в тексте. При публикации сохранена орфография оригинала.

³² Вписано другими чернилами и другой рукой.

³³ Вероятно, этот протокол был включен в дело Л. З. Копелева на этапе рассмотрения его заявления о восстановлении в университете как доказательство его активной политической позиции, направленной против оппортунистов.

³⁴ Коряк Владимир Дмитриевич (настоящие имя и фамилия – Волько Давидович Блюмштейн) (1889–1937) – литературовед, доцент Харьковского университета. С 1917 член Украинской партии социалистов-революционеров, с 1919 УКП (боротьбистов), с 1920 КП(б)У. В 1921–1924 работал в редакциях журнала «Шляхи мистецтва» и газеты «Вісті ВУЦВК». С 1925 по 1936 г. читал лекции по украинской литературе в ХИНО, потом ХГУ. Принимал активное участие в организациях «пролетарських писателів». В 1937 г. был исключен из КП(б)У как «буржуазный националист», арестован и расстрелян.

³⁵ Парадиский Алексей (Олекса) Петрович (1891–1949) – филолог. Родился в г. Ананьев Херсонской губ. (теперь Одесская обл.) в семье дворянина Петра Васильевича Парадиского. Секретарь Финансовой комиссии в период гетьманства И. Скоропадского (1918). Профессор Харьковского института народного образования, затем Харьковского государственного университета. Кандидат филологических наук. Возглавлял кафедру истории украинской культуры. Изучал творчество Г. Сковороды, И. Котляревского, Т. Шевченко, И. Франко. Принимал участие в подготовке к изданию «Повного зібрання творів Т. Г. Шевченка» (в 5 томах, 1939). В 1941 г. остался в оккупированном Харькове. В 1943 г. эмигрировал с отступающими немецкими войсками, умер в ФРГ (г. Ашаффенбург).

³⁶ Наконечный Николай Федорович (1900–1981) – филолог, доцент Харьковского университета. В 1923 г. окончил Полтавский ИНО. Затем учился в аспирантуре ХИНО, изучал диалекты Полтавщины. С 1928 по 1971 гг. преподавал в Харьковском университете. Изучал проблемы фонетики, истории украинского языка.

³⁷ Розенберг Александр Григорьевич (1897–1965) – филолог, доцент Харьковского университета. В 1916 г. поступил в Киевский университет. С 1918 г. жил в Харькове. Изучал французскую литературу, творчество Стендаля, Бальзака, Гюго и др. Один из соавторов вышедшего в 1925 году в Харькове сборника пародий «Парнас дыбом». В 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию (утверждена только в 1946 г.). Его докторская диссертация "Доктрина французского классицизма" осталась незащищенной. Подвергался обвинениям в период борьбы с космополитизмом.

³⁸ Чепига Даниил Иванович (? – 1943) – окончил исторический факультет Харьковского университета в 1934 г. Преподаватель, заместитель декана исторического факультета Харьковского университета. С 1941 г. на фронте. Принимал участие в боях под Сталинградом. За отвагу награжден орденом Красной Звезды. Погиб в августе 1943 г. во время боев на Курской дуге.

³⁹ Имеется в виду В. П. Затонский

⁴⁰ Так в документе.

⁴¹ Так в документе.

(составитель,
автор предисловия и комментариев С.И. Посохов)

**ПРОФЕССОР МАРИН ДРИНОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ
ПОТОМКОВ**

*Отзыв на кн. А. А. Дринов «Взгляд из окопа». В. А. Сафронов-Дринов
«По следам моего прадеда». – Воронеж, 2013. – 255 с.*

Имя профессора Марина Стояновича Дринова известно широкому кругу читателей. Ему посвящены многие книги, носящие, в основном научный характер. Однако, мы мало знали о его жизни, вне университетских стен и научных архивов. Как ничего практически не знали и о его потомках в России и Украине. 170-летие этого выдающегося ученого, отмечавшееся торжественно в его родном городе Панагюрище, стало своеобразным толчком к исследованию его родословной. Я говорил на эту тему с сотрудниками исторического музея этого города, к которому относится и дом-музей М. Дринова и с приехавшими потомками М. Дринова из Воронежа, в частности с доктором Владимиром Александровичем Сафроновым-Дриновым – правнуком М. Дринова.

Именно он и сообщил нам о имеющихся и неопубликованных мемуарах его отца – Александра Александровича Дринова. Может быть ученые еще долго бы рассуждали о необходимости публикации этих воспоминаний и о родословной М. С. Дринова, если бы Владимир Александрович не взялся за перо и сам бы не написал о истории своей семьи и о том, что ему рассказывал отец, о его знаменитом прадеде. Близился 175-летний юбилей М. Дринова и В. А. Сафронов-Дринов опубликовал книгу, состоящую из двух самостоятельных частей: мемуары своего отца (и внука М. С. Дринова) Александра Александровича Дринова «Взгляд из окопа» и свое собственное исследование своей родословной «По следам моего прадеда». Их ценность состоит как раз в том, что они не носят строго научный характер, а написаны представителями двух поколений рода Дриновых, написаны от сердца, с любовью к своим предкам, к своей истории. Книга представляет М. С. Дринова не как ученого и общественного деятеля, а как человека с уникальной судьбой, человека в равной степени, принадлежавшего двум государствам – России и Болгарии.

Во время ставших уже традиционными «Дриновских чтений» в Харьковском национальном университете им. В. Н. Каразина
© М. Г. Станчев, 2014

РОЗДІЛ V

Рецензії

Владимир Александрович представил научному миру свою книгу и десятки ученых из разных стран с большим интересом слушали его небыстрый, но увлеченный и слегка взволнованный рассказ и своим прадеде, о своем деде и отце, о судьбах многочисленных потомков (и псевдопотомков!), живущих сегодня в России и Украине. Следующая презентация книги по горячим следам состоялась уже в Болгарии, где академическое издательство имени проф. Марина Дринова в срочном порядке перевела и издала книгу В. А. Сафронова-Дринова на болгарском языке.

Первая часть книги «Взгляд з окопа», представляет собой, как я уже отметил мемуары А. А. Дринова, которые он написал в 2000 году и посвятил своим родителям Александру и Харитине Дриновым. В самом начале своих мемуаров Александр Александрович пытается описать родословную Марина Дринова, хотя, видимо достаточного исторического материала ему не хватало. Ценным в этой части мемуаров является попытка рассказать о своем деде – профессоре Харьковского императорского университета, о его доме и быте, окружении его семьи. Автор подробно описывает семейную жизнь Дринова, его детей и домашний быт – то чего нет ни в одной научной монографии. Особое внимание уделено университетской жизни, его работе в университете, общению со студентами и коллегами. Подробно описывается и 60-летний юбилей Марина Степановича Дринова, его торжественное чествование, приезд болгарских ученых на торжество, даже описаны подарки, подаренные профессору, ставшие семейной реликвией. При этом автор, правда, допускает неточность, характерную для многих мемуаристов, приписывая поздравительную речь от имени ректора профессору Н. О. Куплеваскому, хотя ректором в этот период был проф. Алексеенко Михаил Мартынович.

Впервые в литературе описана жизнь детей Марина Дринова, какую тяжелую судьбу они пережили, о трагедии одного из них – Степане, утонувшем в 12-летнем возрасте. Показана и дальнейшая судьба сына М. Дринова – Александра Мариновича и его дочери – Марии Мариновны и их потомков. Александр Александрович большое внимание уделяет и г. Ливны, в котором прошло его босоное детство. С какой любовью он описывает ливенские улочки, базары и церкви, его людей. Красочно описана и студенческая жизнь А. А. Дринова, когда он учился в Елецком художественном училище: о своих студенческих друзьях, преподавателях, о самом старинном

городке, красочные пейзажи которого рисовали студенты-художники и он сам.

Практически большая половина книги посвящена Великой отечественной войне, участником которой был А. А. Дринов. Впечатляют страницы, написанные простым и доступным языком. Меня удивило и другое – многие мемуаристы пытаются выпятить свою роль в тех, или иных событиях (и это по человечески понятно). Александр Александрович описывает события военных лет объективно, т.к. все происходило на самом деле, без прикрас, без пафоса, без показной храбрости и нигде я не встретил – «я, я, я»! «Без меня и война была бы проиграна». Мне как историку приятно было читать о простых житейских ситуациях, иногда комичных случавшихся на фронте с солдатами, о том, как солдаты в день Победы от радости так напились (наткнулись на винные погреба в Германии), что не из кого было выставить часовых. На ногах никто не держался. Правда, голая правда, это одна из ценнейших частей книги, которая не случайно названа «Взгляд из окопа», написанная не командующим, а обычным солдатом (сержантом, а затем лейтенантом), реально нанюхавшегося пороку в окопах. Человек, прошедший ужасы войны, сумел сохранить в себе душу художника и музыканта (А. А. Дринов прекрасно играл на аккордеоне и гитаре), что весьма пригодились ему в послевоенной жизни.

Вторая часть книги, написана сыном А. А. Дринова – Владимиром Александровичем Дриновым, в которой он рассказывает о самом себе и своих родственниках. Угадывается общий стиль в написании – как и его отец, В. А. Дринов тоже повествует простым и доступным, но в то же время трогательным с эмоциональными нотками языком о своем пути – по следам своего прадеда. Я имел удовольствие не раз встречаться и разговаривать с Владимиром Александровичем о его профессии, его судьбе и, главное – о его предках, что он о них знает, чего не знает и т. д. Меня всегда поражало в нем страстное желание прикоснуться к своим истокам, найти своих родственников, живущих в России, Украине и Болгарии, не побояться и разобличить псевдородственников, которые, хотя и носят фамилию Дринова, но не имеющие прямого отношения к ней. Автор подробно описывает свои изыскания «по следам прадеда», как ему пришлось искать корни своих предков, встречи в Харьковском национальном университете, где долгие годы работал его прадед. Посетил

Владимир Александрович и его сестра Людмила Александровна дом на Холодной горе, в котором когда-то жил Марин Дринов.

С большой нежностью рассказывает автор и о своих встречах в Болгарии. Я в то время работал в Софии и впервые встретился с Владимиром Александровичем и его супругой Татьяной в г. Панагюриште (Болгария), где родился их знаменитый предок. Там я познакомился и с другими родственниками этой славной фамилии. Мы, видимо, так много говорили о необходимости издать воспоминания Александра Александровича Дринова и исследовать род Дриновых, что у Владимира Александровича сложилось впечатление, что я буду писать эту книгу. Но нам, сотрудникам Центра болгаристики им. М. Дринова Харьковского университета удалось его убедить, что никто так не сможет исполнить эту задачу, чем он сам, с которой Владимир Александрович прекрасно справился.

М. Станчев

**RETHINKING MODERN EUROPEAN INTELLECTUAL
HISTORY / ED. BY DARRIN M. MCMAHON AND SAMUEL
MOYN. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2014, 305 pp.**

Збірка «Переосмислюючи модерну європейську інтелектуальну історію» є амбітною спробою підсумувати стан розвитку інтелектуальної історії на сучасному етапі. Після кризи в останні десятиріччя XX століття, коли традиційна інтелектуальна історія знаходилась під вогнем критики з боку прибічників соціальної і нової культурної історій, які звинувачували її в елітизмі, ідеалізмі, ігноруванні соціального контексту та інших смертних гріхах, на початку XXI століття дисципліна повернула колишній престиж і зараз знову займає одне з центральних місць не тільки в історичній науці, але і в гуманітаристиці у цілому. Втім, це майже триумфальне повернення стало можливим внаслідок як інтенсивного переосмислення власних інтелектуальних підвалин, так і роботи над помилками, які унаочнила критика соціальних і культурних істориків. Інтелектуальна історія сьогодні являє собою досить неоднорідну суміш різних напрямків, тематичних пріоритетів та методологічних перспектив, і слово «еклектицизм», як видається, може найкраще описати сучасну ситуацію.

Як зазначають у передмові редактори Даррін М. МакМагон і Семюел Мойн, основна мета книжки: зрозуміти, що об'єднує дисципліну сьогодні, окреслити сучасні тенденції її розвитку та обговорити найбільш перспективні методологічні підходи. Серед таких спільних тенденцій редактори згадують інтердисциплінарність, відроджену зацікавленість інтелектуальною біографією та самістю, бажання вийти поза контекстуальні обмеження часу та простору, інтерес до дослідження ідей заради них самих, бажання подолати старі дихотомії (як-от інтелектуальна історія проти соціальної чи культурної історії, висока культура проти низької, наука проти мистецтва), а також бажання зробити минуле значущим для сучасності (10).

МакМагон і Мойн зазначають, що повернення престижу до дисципліни парадоксальним чином поєднується з занепадом саморефлексії серед інтелектуальних істориків, а відсутність спільних тематичних і методологічних пріоритетів є надзвичайно тривожним

сигналом. На їхню думку інтелектуальна історія знаходиться сьогодні на роздоріжжі: дисципліна або спроможеться критично переосмислити свої інтелектуальні підвалини і відповість на сучасні виклики, запропонувавши нову дослідницьку програму, або на неї очікує поступова дезінтеграція (4).

Статті, вміщені у книжці, роблять спробу осмислити цей виклик і вказати на можливі альтернативи. Даррін М. МакМагон простежує повернення на сучасну інтелектуальну сцену історії ідей, простежуючи еволюцію цієї дисципліни від праць її засновника Артура Лавджоя до сьогодення. Пітер Гордон аналізує переваги та недоліки різних варіантів контекстуалістського підходу в інтелектуальній історії, а колишній головний редактор «Анналів» Антоні Лілті пробує відповісти на питання «чи інтелектуальна історія існує у Франції?» Ян-Вернер Мюллер простежує перипетії розвитку німецької історії понять, а Джудіт Суркіс розмірковує як співвідносяться інтелектуальна і культурна історії. Семюел Мойн аналізує важкі дискусії про зв'язок між ідеями та соціальними практиками й вказує на категорію «суспільної уяви» як на один зі способів вдалого поєднання цих двох сфер. Сюзанна Марчанд простежує піднесення та занепад історії окремих дисциплін як специфічного жанру інтелектуальної історії, а Джон Трешч розглядає успішну еволюцію історію науки (*history of science*) у другій половині XX – на початку XXI століть. Взаємовідносинам між історією сексуальності та інтелектуальною історією присвячена стаття Трейсі Матисік, а Марсі Шор в есеї «Чи ми можемо бачити ідеї?», спираючись на здобутки європейської феноменології, обґрунтовує необхідність біографічної контекстуалізації ідей. Джон Рандольф розмірковує над роллю категорії простору у сучасній інтелектуальній історії, Девід Армітаґ пише про міжнародний поворот у дисципліні, а Шруті Капіла простежує специфіку розвитку проекту глобальної інтелектуальної історії з периферійної перспективи Індії. Завершує книжку проникливий аналіз ролі інтердисциплінарного ідеалу для розвитку сучасної інтелектуальної історії авторства Воррена Брекмана.

Прочитання книжки ще раз переконує у важливості інтелектуальної історії для історичної науки. Протягом XX і на початку XXI століть інтелектуальна історія неодноразово виступала полігоном, на якому опрацьовувались інновації, що пізніше ставали стимулом для розвитку і перетворення історіописання у цілому. На жаль, у пострадянській Україні ця дисципліна залишається фактично

незапобованою. Дослідження з того, що у Північній Америці та у багатьох країнах Західної Європи називали б інтелектуальною історією залишаються розсосередженими між окремими дисциплінами, як-от історія історіографії, історія філософії, історія культури, національні студії. Більшість з цих дисциплін розвиваються у рамках власної дисциплінарної логіки і практично не беруть до уваги досвіду теоретичних та методологічних перетворень в західній інтелектуальній історії протягом останніх ста років. Як наслідок, поза окремими винятками, вони не здатні запропонувати дослідження, які могли б бути моделлю чи зразком для інших історичних дисциплін та стати локомотивом, що виведе українське історіописання з тієї кризи, в якій воно продовжує перебувати.

Ознайомлення з багатьма іншими дослідженнями з інтелектуальної історії, написаними в останні роки, дає надію, що ця дисципліна все ж здатна відіграти таку роль. Але якщо ми звертаємось до її досвіду, ми маємо пам'ятати, що інтелектуальна історія сьогодні вже зовсім не та, якою вона була у середині минулого століття. На зміну історії «великих мислителів і великих ідей», що практично не цікавилась суспільним і політичним контекстом, в якому ці ідеї виникали, а також тим, як вони сприймалися широкими верствами суспільства, прийшла історія яка прагне рівною мірою займатися як ідеями, так і політичним, суспільним і, навіть, матеріальним контекстом їхнього виникнення та функціонування. Водночас, ідеям продовжує відводитись ключова роль у скеровуванні суспільного розвитку, хоча вже і в дещо іншому розумінні, ніж раніше. Як це сформулював один з провідних сучасних інтелектуальних істориків Джонатан Ізраель, цей підхід передбачає розуміння «взаємодії між суспільством та ідеями як низку зустрічей, в яких концепції, які почасти поділяються почасти заперечуються, розуміються не як єдиний рушій суспільних і політичних змін, оскільки матеріальні зміни залишаються головним чинником, але як головна скеровуюча і каналізуюча сила»¹. Збірка «Переосмислюючи модерну європейську інтелектуальну історію» може стати гарним дороговказом для розуміння напрямків цієї трансформації в останні десятиріччя, а також осмислення тих викликів, що стоять перед інтелектуальною історією та історіописанням у цілому сьогодні.

Володимир Склокін

¹ Jonatahn I. Israel. Enlightenment Contested. Philosophy, Modernity and the Emancipation of Man, 1670-1752. Oxford: Oxford University Press, 2006, p. 23.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Алеврас Наталія Миколаївна – доктор історичних наук, професор кафедри новітньої історії Росії Челябінського державного університету.

Богдашина Олена Миколаївна – доктор історичних наук, професор кафедри історії України Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди.

Болебрух Анатолій Григорович – доктор історичних наук, професор.

Булигіна Тамара Олександрівна – доктор історичних наук, професор кафедри історії Росії Північно-Кавказького федерального університету (м. Ставрополь, Росія).

Греченко Володимир Анатолійович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри соціально-гуманітарних дисциплін Харківського національного університету внутрішніх справ.

Грішина Наталія Володимирівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри новітньої історії Росії Челябінського державного університету.

Дмитрієв Олександр Миколайович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії ідей та методології історичної науки факультету історії, п.н.с. Інституту гуманітарних історико-теоретичних досліджень імені А. В. Полетаєва Національного дослідницького університету «Вища школа економіки» (м. Москва).

Дроснева Елка Димитрова – доктор історичних наук, доцент кафедри історії Болгарії історичного факультету Софійського університету імені Климента Охридського (Болгарія).

Кравченко Володимир Васильович – доктор історичних наук, професор, директор Канадського Інституту українських студій, професор департаменту історії та класичних наук Альбертського університету (м. Едмонтон, Канада).

Куделко Сергій Михайлович – кандидат історичних наук, професор кафедри історіографії, джерелознавства та археології, директор Центру краєзнавства імені П. Т. Тронька Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Лесков Олександр Михайлович – доктор історичних наук, професор.

Маловічко Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор кафедри теорії та історії гуманітарного знання Інституту філології та історії Російського державного гуманітарного університету (м. Москва).

Орлов Ігор Борисович – доктор історичних наук, професор кафедри політичної поведінки Національного дослідницького університету «Вища школа економіки» (м. Москва).

Посохов Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Посохова Людмила Юріївна – доктор історичних наук, професор кафедри історії України Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Румянцева Марина Федорівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри соціальної історії факультету історії Національного дослідницького університету «Вища школа економіки» (м. Москва).

Склокін Володимир В'ячеславович – кандидат історичних наук, запрошений науковий співробітник Інституту наук про людину у Відні, співредактор сайту *historians.in.ua*.

Станчев Михайло Георгійович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри нової та новітньої історії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Сташчик Домініка – доктор Інституту історії Університету імені Марії Кюрі-Склодовської в м. Любліні (Польща).

Черказ'янова Ірина Василівна – доктор історичних наук, відповідальний редактор науково-інформаційного бюлетеня «Російські німці» (м. Санкт-Петербург).

ЗМІСТ

РОЗДІЛ I

ПРОБЛЕМИ ІНСТИТУАЛІЗАЦІЇ ІСТОРІОГРАФІЇ

Посохов С. И. Кафедра как институциональная общность: юбилейные заметки	4
Алеврас Н. Н. Магистратура в контексте диссертационной культуры: дореволюционный опыт историко-научного сообщества в историографическом ракурсе	20
Болебрух А. Г. Историография – дисциплина-изгой?	41
Гришина Н. В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг.: становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина)	50
Дроснева Э. Тропинки историографии в Болгарии	60
Маловичко С. И. Трансформация функций истории истории в системе исторической науки	74
Орлов И. Б. Современная историография нэпа (к вопросу о составлении «исследовательской карты»)	85
Румянцева М. Ф. Источниковедение и историография в структуре исторической науки: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности	97
Сташчик Д. Основні модернізаційні тенденції в польській локальній і регіональній історіографії: попередній огляд	108

РОЗДІЛ II

ІСТОРІЯ ТА ІСТОРИКИ

Богдашина Е. Н. Историографические сюжеты в творчестве М. М. Ковалевского	124
Булыгина Т. А. Страницы жизни и творчества В. А. Романовского: вдали от Украины	134
Греченко В. А. Професор С. В. Пахман: життя в науці та наука в житті	145

Куделко С. М. Автобиографические тексты историка – значимый элемент жанрового разнообразия историографии: заметки к теме	156
Посохова Л. Ю. Книги з історії в особистій бібліотеці харківського інтелектуала XVIII ст.	166
Черказьянова И. В. Ленинградский период деятельности Е.Г. Кагарова: вклад в изучение этнографии немцев СССР	180

РОЗДІЛ III

ІНТЕРВ'Ю

Дмитриев Александр Николаевич	205
Кравченко Володимир Васильович	213

РОЗДІЛ IV

СПОГАДИ

Воспоминания о Харьковском университете профессора Людвиг Якоба	218
Лесков А. М. Из воспоминаний: начало (продолжение)	260

РОЗДІЛ V

ДОКУМЕНТИ ТА МАТЕРІАЛИ

Лев Зиновьевич Копелев и Харьковский университет: воспоминания и документы	285
--	-----

РОЗДІЛ VI

РЕЦЕНЗІЇ

Станчев М. Профессор Марин Дринов в воспоминаниях потомков (Дринов А. А. «Взгляд из окопа». В. А. Сафронов-Дринов «По следам моего прадеда». – Воронеж, 2013. – 255 с.)	317
Склокін В. В. Рецензія (Rethinking Modern European Intellectual History / Ed. by Darrin M. McMahon and Samuel Moyn. Oxford: Oxford University Press, 2014, 305 p.)	321

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Наукове видання

Харківський історіографічний збірник
Вип. 13

(Укр., рос. та англ. мовами)

Комп'ютерне верстання М. В. Гречишкіна
Макет обкладинки І. М. Дончик

Відповідальний за випуск проф. С. І. Посохов

Формат 60x84/16. Папір офсетний. Друк ризографічний
Умов. друк. арк. 16, 20. Тираж 100 прим.

61022, Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Свідоцтво про державну реєстрацію ДК №3367 від 13.01.09